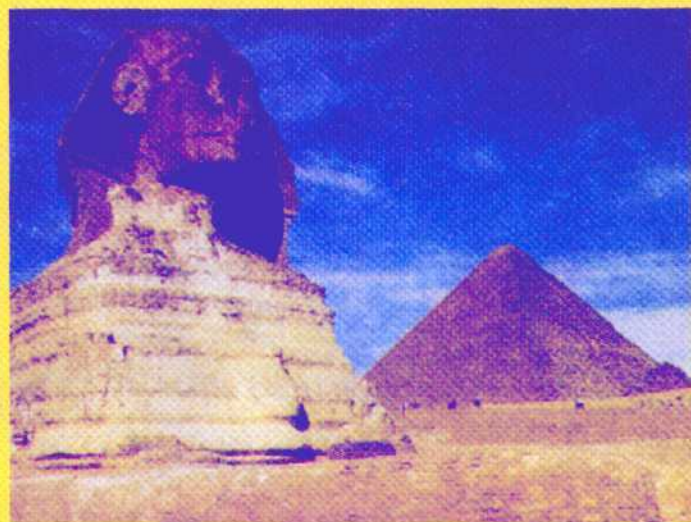

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

М.М.ПОСТНИКОВ

**Критическое исследование
хронологии
древнего мира**

ВОСТОК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

III

**История человеческой культуры в
естественно-научном освещении**

М.М.ПОСТНИКОВ

**КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХРОНОЛОГИИ
ДРЕВНЕГО МИРА**

Том третий

Восток и средневековье

крафт+леан

МОСКВА 2000

**Содержание первого тома
АНТИЧНОСТЬ**

- Глава 1. АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Глава 2. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ (ЗАТМЕНИЯ)
- Глава 3. «АЛЬМАГЕСТ» ПТОЛЕМЕЯ И АНТИЧНАЯ НАУЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
- Глава 4. КОЕ-ЧТО ОБ АРХЕОЛОГИИ
- Глава 5. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ХРОНОЛОГИИ
(ГОРОСКОПЫ)
ЭПИЛОГ.

**Содержание второго тома
БИБЛИЯ**

- Глава 7. БИБЛИЯ — ДОКУМЕНТ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИИ
- Глава 8. БИБЛЕЙСКИЕ ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ
- Глава 9. АПОКАЛИПСИС И КНИГИ ПРОРОКОВ
- Глава 10. НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ МОНОТЕИЗМА
- Глава 11. ЛИЧНОСТЬ ИИСУСА ХРИСТА
- Глава 12. БИБЛЕЙСКАЯ АСТРОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

**Содержание третьего тома
ВОСТОК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

- Глава 13. ЕГИПЕТ
- Глава 14. СТРАНЫ ВОСТОКА
- Глава 15. ИСЛАМ И АРАБЫ
- Гл.16. ПОНТИФИКАЛЬНЫЙ РИМ
- Гл.17. ПАПСКИЙ РИМ
- Гл.18. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРЕЦИЯ
ЭПИЛОГ.

УДК 9(М)03.9М.1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33

П61

Постников Михаил Михайлович.

П61 Критическое исследование хронологии древнего мира. Восток и средневековье. Том 3. - М.: Крафт+, ЛЕАН, 2000.- 400 с.: ил.

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854— 1946) опубликовал в 1924— 1932 гг. многотомное исследование «Христос» в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по существу, без всякого анализа, и понятно почему.

Автор познакомился с трудом Морозова году в 1965—м, но его попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончилось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал Л.Н.Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав — науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого автор не мог добиться от специалистов- историков.

Пришлось М.М.Постникову самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно он пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

По результатам этого исследования выдающийся математик лауреат Ленинской премии профессор Михаил Михайлович Постников прочитал (группе математиков включающей А.Т.Фоменко, А.С.Мищенко и др.) цикл лекций по древней истории, на основании которых в 1977 г. появилась рукопись данной книги.

Отв. за выпуск - А.Московкин

Редактор - А.Румынский

ЛР № 065385 от 01.09.1997 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов.

Формат 60×90 1/16, П. л. 25. Бумага газетная. Печать офсетная.

Гарнитура "Балтика". Тираж 2000 экз. Заказ 330.

ООО Издательство ЛЕАН.

Россия, 121019, Москва, Б. Знаменский пер., д. 8/12, стр. 4

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01713.Т.98. от 09.09.98 г.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-85929-066-7

КОД ОКЛП 953000

ISBN 5-85929-066-7

© Издательство ЛЕАН, 2000

© КРАФТ+, 2000

www.natahaus.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предыдущих двух томах новая хронологическая сетка древней истории обосновывалась, в основном, на материале из Библии и из истории Римской империи. В первых трех главах этого тома мы обсудим вопрос о согласовании этой сетки с фактами истории других стран (Египта, Китая, Индии, арабского халифата и т.п.). По вполне понятным причинам мы лишь наметим основные идеи новой точки зрения на историю этих стран, существенно опираясь при этом на результаты первых двух томов. Конечно, подробный пересмотр истории Египта, Китая, Индии и других стран требует колоссального труда по распутыванию всевозможных извращений и домыслов, накопившихся в истории. Естественно поэтому, что даже при сугубо схематическом и предварительном рассмотрении, мы не сможем уделить всем этим странам одинаково внимание.

Последние три главы тома, фактически независимые от первых трех, посвящены вопросу, почему и как создалось фантастическое представление о «классических» Риме и Греции и каково происхождение «классических» руин в Риме и Греции. Для этого приходится довольно подробно проследивать с новой точки зрения историю средневековых Рима и Греции. В этом мы почти без отклонений следуем Морозову и потому эти главы представляют собой лишь расширенный конспект соответствующих страниц сочинения Морозова.

Том завершается «Эпилогом», в котором систематически, по векам, но очень кратко и почти без всякого обсуждения, изложена история Средиземноморья в первом тысячелетии нашей эры, как она выглядит в свете концепций Морозова.

Глава 13

ЕГИПЕТ

§ 1. Египетская хронология

Длительность истории Египта. — Невероятность длительности истории Египта. — Источники египетской хронологии. — Абидосская таблица. — Обсуждение.

§ 2. Великие пирамиды Египта

Общая характеристика пирамид. — Происхождение пирамид. — Назначение пирамид. — Мнение Морозова. — Предшественники колоколен. — Библейские высоты. — Вавилонская башня. — Некрополи Египта — Город Возлюбленного. — Заключение.

§ 3. Династическая история Древнего Египта

Первая династия. — Вторая династия. — Третья и четвертая династии. — Псевдопервая (пятая) династия. — Псевдоторая династия. — Псевдотретья династия. — Псевдочетвертая династия. — Псевдопятая династия. — Псевдошестая династия. — От псевдоседьмой до псевдоодиннадцатой династии. — Псевдодвенадцатая династия. — Псевдотринадцатая династия. — От псевдочетырнадцатой до псевдосемнадцатой династии. — Псевдовосемнадцатая династия. — Обсуждение. — Псевдодевятнадцатая династия. — Псевдодвадцатая династия. — От псевдодвадцать первой до псевдодвадцать пятой династии. — Псевдодвадцать шестая династия. — От псевдодвадцать седьмой до псевдотридцать первой династии. — Династия Птолемея. — Заключение.

§ 4. Механизм создания мифа

Египет и империя. — «Столицы» династий. — Фабрикация династий. — Подчистка имен. — Изобразительное искусство. — Заключение.

§ 5. Астрономические даты

Введение. — Атрибские гороскопы. — Гороскоп Бругша. — Заключение.

§ 6. Религия Египта

Общая характеристика древнеегипетской религии. — Христианство и египетская религия. — Греческие источники.

§ 7. Египетская система письменности.

Иероглифическое монументальное письмо. — Иератическое и демотическое письмо.

Итоги главы

§ 1. Египетская хронология

Длительность истории Египта

Египетские пирамиды, скульптуры, храмы и иероглифические надписи издавна были окутаны дымкой легенд и фантастических объяснений. Естественно, что эти легенды оказали большое влияние на складывающуюся в начале XIX века науку египтологию, которая долгое время мучительно освобождалась от них, но, как мы увидим, этот процесс не закончился и по сие время.

Неудивительно, поэтому, что на ранних этапах развития египтологии бытовали совершенно фантастические представления о длительности египетской истории (что стоит «геродотова» оценка в 15 тыс. лет!), с течением времени постепенно сокращавшиеся. Вот, например, каковы были мнения различных египтологов о дате смерти первого фараона Менесса (Мены), т.е. о начале династической истории Египта:

Шампольон	5867 г. до н.э.
Лесюер	5770 г. до н.э.
Унгер	5613 г. до н.э.
Маризт	5004 г. до н.э.
Бругш	4455 г. до н.э.
Лаут	4157 г. до н.э.
Шаба	4000 г. до н.э.
Лепсиус	3892 г. до н.э.
Бунзен	3623 г. до н.э.
Мейер	3180 г. до н.э.
Анджеевский	2850 г. до н.э.
Вилькинсон	2320 г. до н.э.
Пальмер	2224 г. до н.э.

За столетие египетская история сократилась на 3643 года!

Откуда же брали египтологи эти фантастические числа. А очень просто! Они применяли «метод счета поколений», который Бикерман характеризует как «простейший» (см. [12], стр. 57). Из трудов Манефона или из иероглифических таблиц известно сколько фараонов сменилось на престоле Египта со времен Менеса. Поэтому, чтобы получить искомую дату достаточно сложить число лет царствований каждого фараона. Но тут-то и начинаются затруднения, поскольку о длительности царствований большинства фараонов можно было только гадать, что открывало необозримый простор субъективным толкованиям.

Проще всего поступил Бругш, который (следуя, кстати сказать, примеру Геродота; см. [44], стр. 124) отвел каждому фараону ровно по 33 с третью года (и, следовательно, каждым трем фараонам по 100 лет). Конечно, арифметические выкладки это существенно облегчило, но зато сделало Бругша объектом насмешек всех последующих хронологов.

Но, правду сказать, и другие хронологи недалеко ушли от Бругша, что и понятно, поскольку никакой новой, внятной информации они на самом деле не имели. Даже к настоящему времени египетские «... даты крайне приближены и те или иные индивидуальные хронологические оценки практически несовместимы» ([12], стр. 176). Теперешнюю ситуацию в египетской хронологии мы имели повод кратко охарактеризовать еще в гл. 4, § 2. Напомним, что сейчас имеются две хронологические школы. Сторонники «длинной» хронологии располагают всех фараонов в ряд, последовательно друг за другом и спорят только о том, сколько лет царствовал тот или иной фараон, а последователи Мейера, склоняющиеся к «короткой» хронологии, полагают, что некоторые из фараонов правили одновременно и лишь впоследствии, по ошибке, были расположены друг за другом. Повидимому, «короткие» хронологи побеждают «длинных», которые, отступая, обвиняют своих противников в субъективизме (так!), на что они имеют определенные основания: если Мейер отводил на египетскую историю 3180 лет, то его последователь Пальмер дал ей «только» 2224 года, на 966 лет меньше.

Один только разницей в оценках доказывает, что никаких надежных данных о длительности египетской истории в наших руках нет. Немудрено, что Бикерман в своей книге характеризует хронологию Египта как «условную» (!) (см. [12], стр. 176).

Невероятность длительности истории Египта

Вместе с тем, все египтологи уверены в глубокой древности истории Египта, продолжавшейся, по их мнению, заведомо несколько тысяч лет. Но после всего сказанного выше позволительно спросить, на чем собственно покоится эта уверенность? В этой главе мы с разных точек зрения обсудим этот вопрос и выясним, что никаких оснований, кроме ссылок на традицию, у хронологов нет и что на самом деле ни о какой древности египетской истории говорить не приходится.

Начнем с некоторых соображений теоретического плана, показывающих невероятность представления о тысячелетиях египетской истории и одновременно вскрывающих корни его происхождения.

Обращение с большими числами требует определенного опыта и привычки. Мало кто кроме специалистов имеет, например, правильное представление о величине миллиона. В своей книге «Занимательная арифметика» (см. [102]) известный популяризатор науки Я.И. Перельман особо останавливается на этом предмете, посвящая ему специальную главу «Числовые великаны». Он, в частности, приводит целый ряд упражнений, с помощью которых можно ощутить «невообразимую величину миллиона», отмечая при этом любопытную особенность нашего мышления, которая заключается в том, что мы в своем воображении не делаем большой разницы между очень большими числами: «Подобно тому, как ботокудам (представителям одного из первобытных племен Бразилии. — *Авт.*) кажется несущественной разницей между двумя и тремя (этнографы утверждают, что, якобы, ботокуды умеют считать только до двух, а все числа больше двух обозначают одним словом «много». — *Авт.*), так и многим современным культурным людям представляется несущественной разницей между триллионом и миллионом. По крайней мере они не думают о том, что одно из этих чисел в миллион раз больше другого и что, значит, первое относится ко второму приблизительно так, как расстояние от Москвы до Сан-Франциско относится к ширине улицы. Волос, увеличенный по толщине в триллион раз был бы в 8 раз шире земного шара (а в миллион раз, имел бы в ширину «только» сто метров. — *Авт.*)...» ([102], стр. 165).

Здесь Перельман говорит о современных культурных людях, которые уже имеют некоторую привычку к тысячным и миллионным числам. В Средние же века такой привычки не было и, скажем, уже десять тысяч считалось, подобно как сейчас миллион, невообразимо большим числом. Мы и сейчас употребляем слово «тыся», когда желаем выразить мысль о неопределенно большом числе, превосходящем воображение, не осознавая, что это слово по-древнерусски означало просто десять тысяч.

Для нас сотворение мира в 4004 г. до н.э. представляется невероятно близким по времени, но для средневековых ученых это событие терялось в тумане веков и они не видели большой разницы между этой датой и, скажем, датой 5872 г. до н.э. (приписываемой «70 толковникам»), отодвигающей сотворение мира на 1868 лет.

Когда средневековый писатель хотел произвести впечатление, он непринужденно бросался тысячами, подобно тому как в аналогичной ситуации современный автор стал бы говорить о миллионах и триллионах. Оба они не имели бы виду конкретных чисел, а лишь пытались бы передать читателю впечатление о чем-то огромном.

Так, например, и надо воспринимать «информацию» Геродота (см. [44], стр. 124) о том, что до него в Египте в течение 11340 лет царствовали «смертные люди». Хорошо еще, что для пушего впечатления Геродот не добавил к этой цифре пары нулей (надо думать, что для него различие между 11340 и 113400 было столь же туманным, как для наших современников между миллионом и триллионом).

Таким образом, первоначально тысячи лет египетской истории были, надо думать, чисто словесным оборотом, указывающим всего лишь на глубокую древность и никакого реального субстрата под ним не скрывалось.

Да и мог ли такой субстрат существовать? Попробуем отчетливо представить себе, что значит тысяча лет истории человечества. Тысячу лет заняла вся история России от крещения Руси до наших дней. За тысячу лет в Европе развился и угас феодализм, родился, расцвел и загнил капитализм, появился социализм. Вот как много событий происходит за тысячу лет!

А ведь нам с серьезным видом сообщают, что две-три тысячи лет подряд египетское общество находилось в состоянии политической и культурной стагнации. Верить в это может только человек никогда всерьез не задумывавшийся над тем, что такое тысяча вообще и тысяча лет — в частности.

Есть, правда, и «объяснение» неподвижности египетской культуры. Оно состоит в том, что, как показывает опыт последнего тысячелетия, развитие общества ускоряется с повышением его уровня (закон экспоненты), а в древности при низком уровне экономики и культуры развитие было настолько медленным, что тысячи лет промелькнули как один миг.

Однако это соображение превосходно объясняющее, скажем, чудовищную длительность палеолита по сравнению с неолитом, не может быть применено к Египту, который как раз отличался высоким уровнем экономики (иначе не были бы возможны пирамиды и многочисленные, сохранившиеся до наших времен храмы), науки и культуры (искусство Египта общеизвестно). Напротив, при таком уровне экономики и культуры египетское общество должно было сравнительно быстро развиваться и ни о каких тысячелетиях экономического и культурного застоя речи быть не может.

Историки, по-видимому, отчетливо понимая трудности, связанные со стагнационным характером египетской культуры, пытаются найти какие-то объяснения, но по существу они возвращаются в порочном круге вульгарно-социологических представлений: «...застойность и архаич-

ность культуры (Египта. — *Авт.*) была обусловлена застойностью древней номовой организации» ([128], стр. 200).

Наука и культура имеют свойство распространяться из более развитых стран в менее развитые. Обладание более высоким научным и культурным потенциалом связано с такими преимуществами (скажем, в военной области), что менее развитая страна не может долго отгораживаться от знаний, которые несут более просвещенные чужеземцы. История учит, что все попытки возвести барьеры на пути иностранных влияний рано или поздно кончались крахом (ярким примером является Япония). Каким же образом высокая культура Египта несколько тысяч лет могла развиваться в долине Нила и не распространиться за это время на окружающие страны и дальше на север в Европу?

Обычное объяснение состоит в том, что Египет, якобы, придерживаясь политики самоизоляции, наглухо закрыл свои границы, через которые не мог ни в каком направлении пройти ни один человек: «... египетское общество, оставшееся изолированным в течение стольких веков, не нуждаясь в обмене и торговле (? — *Авт.*), не знакомило вместе с тем окружающие общества с достижениями своей культуры» ([128], стр. 225).

Эти представления широко распространились и проникли даже в художественную литературу (см. напр. роман Ефремова «На краю ойкумены»). Однако достаточно чуть-чуть подумать и сразу же возникают вопросы, разрушающие всю схему.

Во-первых, как бы наглухо не закрывалась граница, какое-то, пусть ничтожное проникновение через нее всегда оставалось (на этом и построен сюжет упомянутого выше романа Ефремова). Конечно, за несколько десятков и даже сотен лет утечка научной и культурной информации через плотно запертую границу пренебрежимо мала, но за несколько тысяч лет ее должно было накопиться достаточно много.

Во-вторых, сами же историки сообщают, что обмен научной информации с Египтом был весьма интенсивен (!) Во всяком случае, все ранние греческие ученые (Фалес, Пифагор и др.) обучались, якобы, у египетских жрецов.

Более того, обмен шел не только по линии науки. Оказывается, что Египет поддерживал широкие торговые связи со всеми окружающими странами, причем торговое влияние Египта распространялось (как показывают многочисленные археологические находки) вплоть до севера Европы. Почему же вместе с египетскими товарами не распространилась египетская технология и наука? Конечно, распространению технологии препятствовали барьеры секретности, но за тысячи лет любые такие барьеры были бы преодолены.

В-третьих, оказывается, что представление о длительной самоизоляции Египта вообще ложно. На самом же деле, Египет вел активную внешнюю политику, его войска неоднократно вторгались в соседние страны, а его соседи вторгались в Египет (и даже его завоевывали). Как в таких условиях Египет сумел сохранить научную и культурную монополию, остается тайной.

Ссылка на то, что культура соседней Месопотамии была не ниже, а подчас даже выше культуры Египта, не снимает, а только углубляет недоумение. Почему эти две страны (Египет и Месопотамия) в течение тысячелетий оставались островками культуры в окружающем море дикости? Почему их культура не распространилась (вместе с торговлей), скажем, на Аппенинский полуостров, который тем не менее две тысячи лет прозябал в дикости?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы стала ясна вся невозможность и противоречивость представления о тысячелетиях истории Египта. Такое представление простительно только гуманитариям Средневековья, не имевшим ясного понятия о том, что такое тысяча лет (и воспринимавшим «тысячу» просто как нечто огромное и трудно представимое). Тот факт, что его разделяют и современные ученые, можно отнести только за счет влияния традиции и нежелания (или неумения) эту традицию критически осмыслить.

Источники египетской хронологии

Но, какие же документальные источники питают представление о тысячелетней истории Египта? Оказывается, что «...египетская хронология основывается на списке фараонов, составленном жрецом Манефоном» ([12], стр.77). Этот список был якобы составлен Манефоном (в другой транскрипции — Манефо) на греческом языке в третьем веке до н.э., но вскоре был утерян (!). До нас дошли только изложения этого списка в трудах христианских писателей Евсевия, Африкана, Зонараса, а также Эратосфена. Хотя эти авторы единодушно утверждают, что все они заимствовали свою информацию у одного и того же Манефона, их данные поразительно расходятся не только в определении времени царствований и именах царей (примеры мы приведем ниже), но даже в числе членов одной и той же династии.

Особо полным и авторитетным считается список Африкана, автора якобы III века н.э. (через шестьсот лет после Манефона!), который рассматривается как основатель христианской хронографии. На основе всего, что было сказано в предыдущих томах, мы должны считать этого автора апокрифом, и, действительно, его труды до нас дошли только в

изложении греческого средневекового писателя Георгия Синкеллоса. Таким образом, «... все основание древней хронологии Египта основано, в сущности, на книге, написанной не ранее VIII века нашей эры, когда (да и то «по преданию») жил Синкеллос.

Еще Шлоссер, умерший в 1861 году, считал рассказы о Манефо и его списках не заслуживающими никакого внимания» ([6], стр.775), но в продолжение XIX века было найдено несколько документов и много надписей на общественных зданиях, которые побудили египтологов отнестись к информации Манефона с большим доверием.

Например, списки Манефона были найдены в знаменитом папирусном кладе в Оксиринхе (см.[12], стр.77).

Далее, считается, что информация Манефона в общем и целом подтверждается данными так называемой Абидосской таблицы, один экземпляр которой найден в начале XIX века на левом берегу Нила в местечке Абидос французским генеральным консулом Мильо, а второй там же в 1866 г. Маризеттом (см.[1], стр. 382 и [6], стр.781 и 887). Однако данные Манефона и Абидосской таблицы подчас сильно расходятся. Например, в таблице отсутствуют XIII—XVII династии Манефона (не потому ли у Бикермана об этих династиях говорится подчеркнуто мало (см.[12], стр.177)).

Копия Абидосской таблицы приведена в [6] на вклейке между стр.770 и 771.

В Туринском музее хранится так называемый «Туринский царский папирус», найденный в Египте французским генеральным консулом Дроветти (заметим; при обстоятельствах, которые не были никогда подробно описаны). В нем список фараонов начинается с двух династий богов, затем идет «династия» божественных животных, якобы сменивших богов у кормила правления Египтом, и лишь затем начинаются списки фараонов-людей. Всего в этом папирусе перечислено пятнадцать «человеческих» династий (у Манефона их тридцать одна), причем приведены не только годы правления каждого фараона, но и итоги лет каждой династии. Правда, руководствоваться этими данными «сложно», так как итоги династий не сходятся с длительностью индивидуальных правлений. Несмотря на это, некоторые египтологи придают Туринскому папирусу вес даже больший, чем списку Манефона и данным Абидосской таблицы (см.[6], стр.781—782).

Четвертым основным документом древнеегипетской хронологии служит найденная Монетти близ Каира так называемая Таблица Саккара, в которой перечислено 58 египетских царей (см. ее копию в [6] на вклейке между стр.782 и 783).

Казалось бы, что при таком обилии материала последовательный список египетских фараонов может быть установлен с большой надежностью. Но не тут-то было! Как мы увидим ниже, все источники, а не только восходящие к Манефону, сильно расходятся между собой и задача их согласования затрудняет египтологов и по сей день. (Бикерман сообщает, что последняя заведомо не окончательная, реконструкция списка фараонов была произведена в 1945 г. (см. [12], стр. 100)).

Морозов заново исследовал все эти источники. Он опирался на Абидосскую таблицу, как на наиболее полную, но постоянно сравнивал ее со всеми другими данными. Так будем поступать и мы.

Абидосская таблица

Дадим слово самому Морозову:

«...что скажете вы по поводу следующего анекдота об Якове Бернулли, отце современной математической теории вероятностей..?»

Когда Яков Бернулли был еще юношей и сидел, занимаясь в своей комнате в Базеле, пошел сильный град, который выбил стекло его окна, и на полу его комнаты оказалось 77 градин, расположившихся своеобразными группами. Он классифицировал их по их расстояниям от наружной стены и насчитал 15 групп, которые и отметил на полу меловыми линиями, параллельными стене. Стекло было вставлено в окно, но на следующий день пошел новый град, снова пробил стекло в окне и даже в другом месте, и, когда град кончился, он снова сосчитал попавшие к нему градины, и, к удивлению его, оказалось, что и теперь их лежит на полу тоже 77 градин и, можете себе вообразить? — они расположились между его меловыми линиями совершенно так же, как и прежние, только на месте предпоследней градины оказалось мокрое место, как будто бы она упала уже растаяв.

А в деталях вышло следующее.

Между его 1-й и 2-й линиями оказалось, при обоих случаях, как раз 8 градин, очень старого, особого вида, и первыми из них легли две крупные градины.

Между 2-й и 3-й линиями оказалось как раз 5 градин и в том и в другом случае, и вторая из них была тоже более крупной.

Между 3-й и 4-й линиями оказалось 7 градин и в том и в другом случае, и вторые две легли в каждом особо от других.

Между 5-й и 6-й линиями в первом случае оказались 4 такие огромные и своеобразные градины, каких он ни разу не видал в своей жизни, да и во втором случае оказались и такие огромные и своеобразные градины, каких он ни разу не видал в своей жизни...

И между всеми остальными его линиями получилось такое же точное числовое и даже качественное совпадение в обоих случаях, а последние градины у них были похожи на драгоценные камни, хотя оба града были независимы друг от друга, и пробоины в стеклах были различны. Это удивительное совпадение так заинтересовало молодого Якова Бернулли, что он принялся за изучение закона случайных совпадений и открыл свою знаменитую формулу в математической теории вероятностей...

— Позвольте! — прерываете вы, конечно, меня. — В тот момент, когда он открыл бы свою знаменитую формулу, он убедился бы, что оба эти града, или, по крайней мере, второй из них видел только во сне, так как сама же теория вероятностей показывает, что такого совпадения и по общему числу 77 и по отдельным группам в реальности не может быть. Даже если бы дело шло об одном и том же граде, падавшем в комнату через два одинаковых отверстия, то вероятность адекватного совпадения уменьшалась бы более, чем обратно пропорционально возрастанию числа упавших градин.

А здесь и обе пробоины независимы по своей величине и оба града независимы по своей продолжительности!... Это требует возведения 77 более чем в третью степень. А разделение градин на 15 одинаковых по качеству и количеству групп, причем в обоих случаях четвертая группа является исключительными градинами, которым равных не приходилось видеть в жизни, может быть только в волшебной сказке...

И вот эту-то самую волшебную сказку мы и видим в приложенной таблице (см. рис. 1 — *Авт.*), где я дал сопоставление знаменитой в египтологии родословной Рамзеса Великого (имя которого Ра-Мессу значит «бог родил его») и знаменитой в «священной истории» родословной богорожденного же Иисуса Христа.

Скажите сами: не похоже ли это на сон? Для математика — это явное сновидение. Рассмотрим же эту ночную грезу в деталях» ([1], стр. 380—382).

Далее Морозов приводит список фараонов Абидосской таблицы (это и есть «родословная Рамзеса») в сопоставлении с родословной Иисуса по Евангелиям от Матфея и Луки. Мы опустим это, поскольку имена в обоих списках, как мы уже знаем, вполне «условны», а при замене их цифрами мы возвращаемся к рис. 1. Мы ограничимся тем, что приведем комментарий Морозова.

«I. Первые 8 царей Абидосской таблицы от Мены до Кебху выделены греческими авторами Евсевием, Африканом и другими в 1-ю (*Тинитскую*) династию и соответственно им первые 8 библейских патриархов (на левой стороне таблицы) представляют из себя особую

группу, называемую допотопными патриархами, так сказать тоже «династия»...

В ней первый египетский царь Мена соответствует первому библейскому патриарху Адаму. Если еврейское начертание имени Адам (АДМ) сравнить с иероглифическим начертанием Мены (МНА) и прочесть этот иероглиф (как допускается в египтологии) снизу вверх, то получим АДМ—АНМ, причем звук Н представляет в сущности звук Д с резонансом носовой полости.

II. Следующие 5 египетских царей... выделены теми же греческими авторами во 2-ю (*Тинитскую же*) династию, а в Библии их изотопы выделяются в естественную группу 5-ти послепотопных патриархов с присоединением к ним Ноева отца (Ламеха), и в иероглифе Ноя (точнее его аналога, фараона. — *Авт.*) показаны 3 сына.

III. Следующие 7 египетских царей выделяются египтологами в 3-ю (*Мемфисскую*) династию, а в Библии их изотопы выделяются в естественную группу потомков Евера...

IV. Следующие 4 египетские царя так своеобразно знамениты, как никакие другие в египетской истории, по великим пирамидам, воздвигнутым над ними. Первый из них Хуфу (или Хеопс греческих авторов) ...; второй Дедеф-Ре, пирамиду для которого греческие авторы не указывают ...; третий Хеф-Ре, над которым высится вторая великая пирамида, и четвертый Менкав-Ре (или Микерин греческих авторов), над прахом которого воздвигнута третья великая пирамида.

Это такая своеобразная «династия», подобной которой мы не находим в человеческой истории. А кто же является их изотопами по Евангелию Луки (да и по Библии)? Взгляните на левую сторону таблицы и вы поразитесь. Это Авраам, отец множества народов (или по буквальному переводу АБ-РМ — отец Римской империи). Это Исаак, его сын, соответствующий Дедеф-Ре, а затем Иаков-Израиль, родоначальник царства Израильского, успешно боровшийся с самим богом Громовержцем, а четвертый, соответствующий Менкав-Ре, — это Иуда Иаковлев, родоначальник царства Иудейского... Опять имена, равных которым нет в древней истории.

...V. Пятая династия египетских царей, в отличие от только что разобранных и называемой Мемфисской, носит у греческих авторов имя Елефантинской династии. Как в Абибосской таблице, так и в Евангелии от Луки она состоит из 8 царей, в главе которых поставлен в Евангелии Ес-Ром, а его египетским изотопом является Ус-Каф, в память которого, как и его 7 потомков, воздвигнуты пирамиды меньшей величины. Это все непосредственные предки «святого царя Давида».

(Греческие числа перед Р-Мену и Мидуна в последовательности последовательности выписаны царей по Абибосской таблице с числами перед Ноева-Мену и в последовательности выписаны по Евангелию Луки (гл. 3).)

Греческие числа	ПРЕДКИ ИИСУСА										ПРЕДКИ Р-МЕСОМ										
	8	7	6	5	4	3	2	1	1	2	9	8	7	6	5	4	3	2	1	1	2
1-я египетская группа	8	7	6	5	4	3	2	1	1	2	9	8	7	6	5	4	3	2	1	1	2
2-я египетская группа	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
3-я египетская группа	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
4-я египетская группа	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
5-я египетская группа	33	32	31	30	29	28	27	26	25	24	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
6-я египетская группа	39	38	37	36	35	34	33	32	31	30	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
7-я египетская группа	51	50	49	48	47	46	45	44	43	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53
8-10 египетская группа	55	54	53	52	51	50	49	48	47	46	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58
11-я египетская группа	58	57	56	55	54	53	52	51	50	49	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
12-я египетская группа	65	64	63	62	61	60	59	58	57	56	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69
13-я египетская группа	70	69	68	67	66	65	64	63	62	61	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76
14-я египетская группа	74	73	72	71	70	69	68	67	66	65	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
15-я египетская группа	77	76	75	74	73	72	71	70	69	68	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86
16-я египетская группа	81	80	79	78	77	76	75	74	73	72	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90
17-я египетская группа	85	84	83	82	81	80	79	78	77	76	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96
18-я египетская группа	89	88	87	86	85	84	83	82	81	80	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
19-я египетская группа	93	92	91	90	89	88	87	86	85	84	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106
20-я египетская группа	97	96	95	94	93	92	91	90	89	88	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110

Рис. 1

Предлагаем объект спора: каждый из 100 египетских царей Р-Мену имеет своего изотопа в древних Мисра-Исраиле у Луки. Этого изотопа в Библии нет, а в Евангелии от Луки он есть. В Библии он есть, а в Евангелии от Луки его нет. Это и есть объект спора. Если вы считаете, что в Библии он есть, а в Евангелии от Луки его нет, то вы считаете, что в Библии он есть, а в Евангелии от Луки его нет. Если вы считаете, что в Библии его нет, а в Евангелии от Луки он есть, то вы считаете, что в Библии его нет, а в Евангелии от Луки он есть. Если вы считаете, что в Библии и в Евангелии от Луки он есть, то вы считаете, что в Библии и в Евангелии от Луки он есть. Если вы считаете, что в Библии и в Евангелии от Луки его нет, то вы считаете, что в Библии и в Евангелии от Луки его нет.

VI. Следующие 6 царей Абидосской таблицы, начиная от Тота и кончая Мерен-Ре Цефамцафом, составляют по греческим авторам VI династию, а в евангельской родословной Иисуса ей соответствуют 6 потомков царя Давида (замыкающиеся Соломоном — *Авт.*). Давид по-библейски пишется ДУД или ДОД и должен бы был произноситься Дода, что очень созвучно с его египетским изотопом Тота (ТТА), так как Д отличается от Т только прибавкой резонанса горла. Интересно отметить, что в родословной Матвея здесь отсутствуют четыре промежуточных царя, вставленные как в Евангелии от Луки, так и в Абидосской таблице между Давидом-Тотом и Соломоном Премудрым — Мерен-Ре Цефамцафом, переименованным у Луки в Елиакима. Не показывает ли это, что Матвей пользовался более древней родословной, чем Лука, списавший целиком всю Абидосскую таблицу?» ([1], стр. 388—393).

В следующих династиях VII—XI греческие авторы не дают списка царей, а лишь упоминают, что были и такие династии. Абидосская таблица дает для этого периода 19 имен. Сопоставляя их с именами из евангельского родословия Иисуса, Морозов оказывается в состоянии довольно уверенно распределить эти 19 имен по династиям. Мы этим заниматься не будем.

Затем Морозов переходит к следующей, XII династии. Это династия завоевателей, гиксосов, якобы одного из пастушеских народов. Как мы увидим ниже, при более подробном обсуждении египетских династий, эта характеристика гиксосов, да и сам факт завоевания ими Египта оказывается плодом измышлений историков, пытавшихся дать рациональное объяснение информации греческих авторов, что эта династия состояла из царей-пастухов.

У Луки этим «пастухам» соответствуют правители Иудеи Маккавеи (имя которых по Морозову означает «молотильщики»). Их ровно столько же (семь), сколько и царей в Абидосском списке.

«В родословной Матвея вся эта династия отсутствует. Значит, он взял свою родословную Иисуса из более старинного документа, чем Абидосская таблица (утверждение, что более короткие родословные являются более древними, было нами обсуждено в гл. 8, § 5 — *Авт.*), в которую, как и в Евангелие Луки, эта династия была вдвинута исключительно для того, чтобы удлинить историю египтян и «иудеев», представлявших, очевидно, два народа под одной династией» ([1], стр. 394).

Кончается Абидосская таблица вполне замечательным образом. Непосредственным предшественником Ра-Мессу показана женщина по имени «Владычица правды»! Она вполне соответствует деве Марии, отсутствующей у Луки. Морозов заключает:

«Это отсутствие девы Марии в родословии Иисуса и есть то «мокрое пятно от предпоследней растаявшей градины», о которой я говорил в моей аллегории. Два града, проскочившие в комнату Якова Бернулли, каждый в количестве 77 градин, это были у меня две только что разобранные здесь родословные. Оба града были представлены у меня выпавшими в два разные дня для того, чтобы символизировать две культуры, «иудейскую» и «египетскую», считаемые до сих пор различными, а то, что для каждого града я, кроме того, сделал еще разные пробойны в стеклах комнаты творца теории вероятностей, символизирует априорное предположение, что обе приведенные здесь родословные написаны независимо друг от друга.

И вот окончательный результат: если вы, несмотря на мое сравнение обеих родословных и в общем, и по частям, все-таки будете утверждать, что они представляют «счастливое случайное совпадение» и будете вводить это утверждение в учебники истории, то вы вместе с тем должны будете признать, что и рассказанный мною анекдот об Якове Бернулли не представляет тоже ничего невероятного, и его можно будет тоже ввести в учебники математики ...» ([1], стр. 397—398).

Обсуждение

Факт списанности одного родословия с другого мы должны считать, после всего сказанного выше, установленным с полной неопровержимостью. Но, кто списывал у кого, или, более общо, какова была история возникновения этих родословий?

«Основным принципом для выяснения процесса возникновения таких генеалогий должен быть эволюционный принцип, т.е. более длинные списки возникли из более коротких. А так как самая краткая из имеющихся у нас родословных Иисуса-Мессии находится в Евангелии Матвея, та она должна быть самой короткой и из имеющихся у нас родословных царя Мессии, т.е. Ра-Мессу II.

Евангелист Матвей, доведя свое перечисление вспять до Аб-Рама (отца-Рима), тут и закончил свое дело. Но не примирились с этим его продолжатели, которым хотелось протянуть генеалогию своих героев до первого человека — Адама. Это мы видим и в Абидосской таблице предков Ра-Мессии из Евангелия Луки. Они обе по такой одной причине не могли создаться ранее конца VIII века нашей эры (когда по соображениям Морозова было составлено Евангелие от Матфея; см. § 5 гл. 11 — *Авт.*), и написаны даже позднее.

К этому же (или более позднему — *Авт.*) времени должны относиться и сочинения греческих авторов Евсевия, Африкана, Иосифа Флавия и других, у которых имеются такие дополнения.

А к какому веку причислить Саккарский список тех же самых предков Ра-Мессы?

Из таблицы ..., где он приведен целиком, читатель видит, что и он был составлен после родословной Иисуса в Евангелии Матфея, так как в нем имеются прибавочные цари ..., которых еще нет у Матфея.

Читатель сам видит, что этот список приспособлен к каким-то специальным целям и по числу их 29×2 (= 58, таково число царей в таблице Саккара — *Авт.*) нетрудно догадаться, что тут была уже попытка создать своеобразные святцы на 29 дней и 29 ночей лунной) синодического месяца...

Так создавалась в средние века история древнего периода Египта! *Вся она миф и притом очень позднего происхождения; не ранее IX века нашей эры...*» ([6], стр.783—784).

Со столь ответственным выводом согласиться, конечно, очень трудно и для него хотелось бы иметь более весомые подтверждения. К традиционной хронологии мы «так приросли, что не можем не чувствовать боли, когда приходится отдирать ее от себя, и поэтому готовы сопротивляться как дети при операции» ([6], стр.972).

Пристрастное рассмотрение немедленно обнаруживает в цепочке рассуждений Морозова ряд слабых мест. Например, если мы даже согласимся считать более краткое родословие Матфея более древним, то где гарантия, что оно было составлено именно тогда, когда Феодор Студит писал свое Евангелие (если вообще Студит является автором Евангелия от Матфея)? Ведь могло быть так, что к этому времени было составлено и более полное родословие Абидосской таблицы, но Студит его не знал или почему-то считал невозможным им воспользоваться.

Правда, все возражения такого рода могут отнести вспять время составления рассматриваемых генеалогий всего на несколько веков, поскольку в родословии Матфея как фрагмент содержится династическая таблица Иудейского (Богославского) царства, которое по династическим параллелизмам из гл.8 налегает на раннюю Византийскую империю.

Впрочем, не исключено, что имена этого фрагмента содержались в родословии задолго до Византийской империи и лишь впоследствии были соотнесены с ее императорами.

Кроме того, можно также вспомнить, что параллель Иудея—Византия в отличие от параллели Израиль—Западная Римская империя не была у

нас установлена надежно и самостоятельно, а явилась результатом определенного приспособления династических потоков к друг другу.

Конечно, это все «карьергардные бои», но все же, чтобы с уверенностью утверждать мифичность древней истории Египта, хотелось бы иметь еще другие независимые подтверждения.

Однако прежде чем искать такого рода подтверждения, необходимо рассмотреть очевидное возражение, заключающееся в том, что реальность древнего Египта, якобы, подтверждается необозримым множеством археологических памятников, к числу которых принадлежат и столь «весомые» памятники как пирамиды. Мы посвятим этому следующий параграф.

§ 2. Великие пирамиды Египта

Общая характеристика пирамид

Около Каира на равнине в Гизе (иначе, Гизех) высятся три величайших монументальных памятника, когда-либо созданных человеком, — великие египетские пирамиды.

Все путешественники единодушно отмечают, что пирамиды представляют собой «одно из самых прекрасных, самых впечатляющих зрелищ» ([115], стр.25). В конце XVIII века французский ученый де Вольней так описывал свои впечатления от посещения пирамид: «Нельзя передать словами разнообразные переполняющие тебя чувства. Высота вершин, крутизна склонов и огромная площадь, занимаемая пирамидами, монументальность, воспоминания о минувших эпохах, которые они навевают, размышления о трудах, затраченных на их сооружение, сознание того, что эти гигантские утесы созданы руками такого маленького и такого слабого человека, который букашкой ползает у их подножья, — все это наполняет сердце и ум одновременно изумлением, страхом, смирением, восхищением, благоговением ...» (см.[115], стр.29).

Лауэр пишет: «Последние слова не покажутся преувеличением, если несколькими цифрами определить баснословный объем работ, потребовавшихся для возведения этих сооружений. Каждая сторона основания пирамид Хеопса и Хефрена соответственно равна примерно 230 и 215 м, т.е. одна из них занимает площадь в 5 га, другая — чуть поменьше. Обе они возвышаются более чем на 140 м...

В пирамиде Хеопса... сохранился 201 ряд кладки, а когда ее построили, в ней было от 215 до 220 рядов вершина была срезана метров на десять после того, как ее облицовку стали разбирать на камни. (Заметим, что последнее утверждение является гипотезой; фактом является лишь то, что пирамида Хеопса лишена облицовки; вполне возможно, что строители ее просто не успели полностью наложить. — *Авт.*) ...на ее сооружение ушло 2,6 млн. камней весом 2,5 т каждый, что составляет более 6,5 млн. т. Значит, для сооружения этого памятника нужно было добыть из каменоломен, доставить к месту постройки, поднять на пирамиду и тщательнейшим образом уложить около 7 млн. т камня...

...Эти цифры дают нам представление о невероятном количестве труда, затраченного на сооружение пирамид, «которые являются, как выразился Вивиан Денон, последним звеном цепи между колоссами искусства и колоссами природы». В то же время нас поражает

исключительная тщательность исполнения мельчайших деталей. При сооружении этих монументов строители совершали подлинные чудеса...

...Однако эта работа составляет лишь часть огромного труда, который был необходим для сооружения этих монументов. И действительно, нельзя забывать также обо всех дополнительных и подготовительных работах, начиная с извлечения каменных глыб из карьеров Тура до переброски их на другой берег Нила: о доставке их к реке, погрузке на шаланды и выгрузке, о сооружении дорог или пристаней, необходимых для их дальнейшего следования до Ливийского плато, где должны были быть сооружены пирамиды» ([115], стр.29—33).

Происхождение пирамид

«Вполне естественно, что эти созданные руками людей горы, как только в памяти последующих поколений стерлись подлинные события, связанные с их сооружением, вызывали, как, впрочем, вызывают и поныне у всех, кто их видел, не только удивление и восхищение, но и желание узнать, кто, когда, как и для чего воздвиг подобные памятники. На протяжении веков о пирамидах складывалось множество легенд, преданий и сказок» ([115], стр.3—4).

Истинное назначение и происхождение пирамид было полностью забыто уже в Средние века. Большинство паломников, которые отважились в Средневековье осмотреть эти памятники «принимают на веру легенду, приписывающую сооружение пирамид Иосифу, сыну Иакова. Согласно этой легенде, Иосиф намеревался хранить в них хлеб в урожайные годы в предвидении голода, который он предсказал, толкуя сон фараона. Они называют их «житницами Иосифа» или «житницами фараона»» ([115], стр.44).

Лауэр приводит целый список средневековых визитеров, свято веривших, что они видят перед собой житницы. Он приводит также подобные же мнения явно апокрифичных писателей IV—V веков (см.[115], стр.44—46).

Ряд арабских сочинений конца XII века (являющихся, как мы покажем в своем месте, явными апокрифами) приписывает строительство пирамид некоему царю Суриду, который осуществил его с магическими целями, дабы предотвратить всемирный потоп (см.[115], стр.36—39). В сочинении (наверняка апокрифическом), приписываемом арабскому историку X века Масуди, утверждается, что одна из пирамид «служит гробницей Агатодемона, другая — Гермеса. Двух этих мудрецов разделяет тысячелетие, Агатодемон старший из них...» (см.[115], стр.44). Масуди, кроме того, сообщает, что халиф ал-Мамун в 820 г. «вскрыл пирамиду Хеопса» и обнаружил клад золотых

динариев. Другие авторы (также, по-видимому, апокрифичные) сообщают о других находках ал-Мамуна, в том числе и о трупах (см. [115], стр.39—42).

Лауэр пишет, что «Здравые суждения об истинном назначении пирамид стали складываться вновь в конце XV в. Когда в 1486 г. уроженец Майнца Брейденбах осмотрел пирамиды, он заявил, что по его мнению, это не житницы, построенные Иосифом, ... а гробницы древних царей» ([115], стр.46).

В это же время стали известны и «античные свидетельства» Геродота и Диодора, которые не только подтвердили мнение Брейденбаха и иже с ним, но и назвали имена этих «древних царей»: Хеопс, Хефрен и Микерин.

Заметим, что на самих пирамидах (и внутри них) какие-либо иероглифические надписи отсутствуют, так что в отнесении пирамид этим царям мы до сих пор вынуждены полагаться на «античные свидетельства».

Однако несмотря на столь авторитетные свидетельства, конкуренция «теории житниц» с «теорией гробниц» продолжалась почти до XIX века. При этом теория гробниц имела тоже несколько вариантов. Например, в конце XVI века Иоганн Гельфрикус и Жан Палери «утверждали, что здесь может идти речь только о гробнице, приготовленной для фараона, который погиб в Красном море, преследуя иудеев» ([115], стр.49).

Любопытно, что все эти дискуссии шли только в Европе. Сами же арабы, жители Каира, еще в XIX веке придерживались версии «житниц Иосифа», хотя существовало и другое мнение, приписывающее строительство пирамид царю великанов Ган-ибн-Гану, жившему еще до Адама (см. [6], стр.820).

Начало археологического изучения пирамид в XIX веке ознаменовалось, как ни странно, целым каскадом разнообразнейших теорий по поводу их происхождения и назначения. Обзору и критике этих теорий Лауэр посвящает в своей книге целую главу «Мнимые секреты пирамид». Лауэр пишет, что в этой главе он, в основном, опирается на «интересный и исчерпывающий» труд В. Кингсленда «Великая пирамида в действительности и в теории», хотя и добавляет, что он не может «признать все выводы этого автора правильными и тем более присоединиться к нему, когда он предлагает, в частности, считать признанный в наши дни всеми египтологами факт, что Великая пирамида была сооружена, дабы служить усыпальницей Хеопсу, простой гипотезой. Он называет ее «теорией гробницы» и приравнивает ко всем прочим теориям ...» ([115], стр.155).

Тем самым, Лауэр невольно проговаривается, что никаких реальных доказательств (кроме «свидетельств древних авторов») принад-

лежрости Великой пирамиды Хеопсу, не существует, так что наиболее сильный аргумент, к которому он может прибегнуть, это «единодушное признание этого факта всеми египтологами» Но, когда же научные проблемы решались голосованием?

Назначение пирамид

Итак, «единодушное мнение египтологов» состоит в том, что пирамиды были построены как усыпальницы фараонов IV династии Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и Микерина (Менкаура). То, что это гробницы, обосновывается аналогией с так называемыми «малыми пирамидами», которые, по-видимому, действительно являются усыпальницами царей, но то, что это гробницы именно Хеопса, Хефрена и Микерина основывается исключительно на сообщениях Геродота и Диодора.

Геродот пишет, что «Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили каменные глыбы. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет» ([44] стр.119).

Геродот описывает (довольно невнятно) технику строительства пирамиды, ужасаясь ее дороговизне и приводя пикантные подробности: «... Хеопс, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом ...» ([44], стр.120), вкратце сообщает об Хефрене и его пирамиде и заключает, что годы правления Хеопса и Хефрена «считаются временем величайших бедствий для Египта. Египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена. Даже и пирамиды эти называют пирамидами пастуха Филитиса (!? — *Авт.*), который в те времена (Хеопса? — *Авт.*) пас свои стада в этих местах» ([44], стр.120).

К следующему фараону, Микерину, Геродот, напротив, относится очень тепло, сочувственно излагая тяжкие удары судьбы, которые его поразили, и подчеркивая, что «его особенно восхваляют египтяне» за его «праведность» и за то, что он «открыл храмы и освободил измученный тяготами народ, отпустив его трудиться [на своих полях] и приносить жертвы» ([44], стр.120). Тем не менее, в конце биографии Микерина неожиданно выясняется, что «И этот царь также оставил пирамиду, хотя и значительно меньше отцовской» ([44], стр.121).

Интересно, что следующим за Микерином царем Геродот называет Асихиса и тем самым, по уверению его комментатора, «делает здесь

скачок от конца IV династии (ок. 2480 г. до н. э.) к началу эфиопского владычества в Египте (ок. 715 г. до н.э.)» ([44], стр.514), т.е. более чем на полторы тысячи лет!

Суховатую информацию Геродота дополняет живописными подробностями другой «античный» автор Диодор: «Хотя два царя (Хеопс и Хефрен — *Авт.*) и приказали построить пирамиды, которые должны были служить для них гробницами, однако ни один из них не был там погребен. Ибо народ, обреченный на тяжкий изнуряющий труд, возмущенный жестокостью этих царей, поклялся, что тела их будут вытащены из гробниц и разорваны на куски. Оба царя, которых осведомили об этом, перед смертью поручили друзьям (!? — *Авт.*) похоронить их в другом надежном и тайном месте» (см.[115], стр.56).

Диодор подобно Геродоту (только красноречивее) выражает свое сострадание египетскому народу, который был вынужден трудиться ради прославления высокомерных и жестоких владык. В этом ему вторит и Плиний, который «добавляет, что в силу справедливого возмездия они (цари — *Авт.*) преданы забвению и историки даже не могут прийти к согласию в вопросе об именах тех, кто был инициатором столь ненужных сооружений» ([115], стр.56).

Тут мы видим все: и объяснения, почему забыты имена царей, инициаторов строительства пирамид, и почему пирамиды пусты, и гражданскую скорбь по поводу мучений непосредственных их строителей и даже ростки негодования самих этих строителей.

Современные историки, во всем следуя схеме, намеченной Геродотом и Диодором, отбрасывают невероятные (с их точки зрения) детали (например, направление Хеопсом собственной дочери в публичный дом; кстати сказать, именно эта деталь, по нашему мнению, Геродотом не выдумана; она лишь им неправильно истолкована) и заменяют их другими подробностями, которые (опять-таки по их мнению) непременно должны были иметь место. Мы не будем этим заниматься, а попробуем проанализировать исходную информацию Геродота.

В первую очередь удивление вызывает сообщение Геродота, что «египтяне так ненавидят этих царей, что только с неохотой называют их имена». Морозов пишет:

«Но разве так бывает когда-нибудь в действительности? Ведь тех, кого ненавидят, наоборот, ругают без конца, много больше тех, кого любят. Да это выходит и неправда.

«Немногие остатки египетских воспоминаний, дошедшие до нас от времени Ху-Фу, — говорит Бругш, — выставляют его совсем в другом

свете, чем рассказы о нем греков. Есть надпись на скале в Вади-Магара, славящая Ху-Фу как уничтожившего своих врагов» ([6], стр.811—815).

Мы видим, что ненависть египтян к Хеопсу Геродот явно выдумал, то ли для подчеркивания злонаравия Хеопса, то ли как объяснение, почему его имя забыто и заменено именем пастуха Филитиса.

Далее Геродот пишет, что Хеопс «заставил всех египтян работать на него» и имплицитно, что строительство пирамиды разорило страну. Это тоже очень странно.

Мы давно уже знаем, что роль личности в истории совсем не столь велика, как это представлялось, например, Геродоту. Исторические герои вроде, скажем, Наполеона, только потому достигли успеха, что они наилучшим образом выражали стремления господствующего класса и его правящей верхушки и находили опору в достаточно широких слоях общества. Какую же опору мог найти, скажем, Хеопс, в строительстве пирамиды, которая нужна была только ему самому и только после его смерти? Аристократия страдала от строительства, потому что с ее поместий отрывались рабочие руки для строительства пирамиды, а свободное население, потому что оно было вынуждено принимать прямое участие в этом строительстве. Духовенство (жрецы) также не могло быть довольно постройкой пирамиды, поскольку на время строительства Хеопс «повелел закрыть все святилища». Получается, что единственной опорой Хеопса в его колоссальном предприятии было только религиозное суеверие масс и его авторитет как бога и автократора.

Материалистически мыслящие историки, понимая всю невозможность строительства пирамиды без широкой социальной основы, пытались придумывать всевозможные схемы. Например, утверждалось, хотя это прямо противоречит информации Геродота, что существовал широкий слой собственников и жрецов, которые наживались (!) на строительстве пирамиды, и они-то и составляли социальную опору Хеопса. Другая, прямо противоположная точка зрения признает, что постройка пирамид «должна была вызвать сильное недовольство в среде номовой знати и народных масс» и что это, якобы, в конце концов (через полторы сотни лет!) «привело к некоторым политическим изменениям» (см.[128], стр.172—173).

Однако ясно, что стоимость пирамид и колоссальность необходимых трудовых затрат должны были в конце обескровить страну (это понимал еще Геродот и подчеркивал своим анекдотом о дочери Хеопса). Поэтому невозможно говорить о «широких слоях собственников», обогащавшихся при строительстве пирамид (изобретатели этой теории явно были под впечатлением

многочисленных буржуазно-капиталистических афер и скандалов, вызванных коррупцией; была ли для подобных афер почва при социально-экономических отношениях эпохи строительства пирамид (эти историки умалчивают), а что касается пресловутого «недовольства», то, конечно, ни аристократия, ни массы свободного населения не стали бы терпеть разорения полторы сотни лет (столько по Геродоту царствовали Хеопс, Хефрен и Микерин), а довольно быстро приняли бы свои меры (вполне достаточно было бы, например, некоторое равнодушие и безразличие работников, чтобы намертво застопорить такое колоссальное предприятие).

Сомнения вызывают и сроки строительства пирамид, указанные Геродотом: 20—30 лет на каждую. Мы не произвели детального исследования, но даже самые грубые прикидки показывают, что эти сроки должны быть, по-видимому, увеличены в несколько раз. В указанные Геродотом сроки, по-видимому, невозможно перевезти и аккуратно уложить те миллионы тонн камня, из которых состоят пирамиды. Это было бы трудно даже при современной технике.

Если это действительно так, то, следовательно, пирамиды сооружались при жизни не одного поколения, а потому никак не могли строиться в качестве усыпальниц здравствующих царей.

Да и вообще, как справедливо замечает Морозов, земные цари всегда более склонны заботиться о своей земной жизни и власти, чем о загробной. Даже римские папы не строят себе заживо гробниц. «Забота о них всегда возлагалась людьми на своих переживающих родственников, которые и воздвигали посылно-богатые мавзолеи» ([6], стр.828).

Таким образом, при мало-мальски критическом анализе все сообщения Геродота оказываются полными несуррици. Явно, что Геродот излагает не факты, а некую концепцию, цель которой объяснить происхождение пирамид.

И вот мы опять остаемся перед проблемой: в чем назначение пирамид и кто их построил?

Мнение Морозова

При ответе на этот вопрос мы должны руководствоваться следующими, выясненными выше пунктами:

1°. Стоимость пирамид и необходимые для их постройки трудовые затраты столь велики, что даже такая богатая и многолюдная страна как Египет не могла их себе позволить, не принеся в жертву свое хозяйство.

Вместе с тем, для всего района Средиземноморья это были хотя и крупные, но вполне посильные траты. Поэтому следует думать, что пирамиды строились усилиями всех стран Средиземноморского бассейна, каждая из которых командировала в Египет отряды строителей (надо полагать, добровольцев) и организовывала их снабжение, питание и культурный досуг.

2°. Объем необходимого труда был столь велик, что строительство каждой пирамиды продолжалось не менее сотни лет. За это время первоначальный энтузиазм поостыл и постепенно строительство было прекращено. Поэтому предусмотренная первоначальным планом облицовка была положена только частично (возможно, правда, что эта «облицовка» служила совсем другим целям). Остатки заготовленного материала были пущены на другие нужды (например, строительство мостов), а когда они были исчерпаны, начали разбирать уже положенные плиты.

3°. Строительство пирамид требовало широкой и энтузиастической поддержки народных масс и привилегированных слоев общества.

В трудах современных историков можно встретить утверждения, что пирамиды были построены в основном рабским трудом. В этой связи любопытно, что на многочисленных египетских барельефах, изображающих трудовые процессы, почти полностью отсутствуют рабы. Объективные факты не подтверждают традиционного мнения, что экономика Египта была основана на труде рабов. Чтобы свести концы с концами историкам приходится придумывать разнообразные, иногда довольно остроумные объяснения (см., например, [128], стр.166—170). В частности, считать, что рабы принимали существенное участие в строительстве пирамид, у нас нет никаких оснований.

Что же вызвало столь широкий и сравнительно долго державшийся энтузиазм населения всего Средиземноморья, энтузиазм, позволивший провести в жизнь такой амбициозный проект, как строительство пирамид? Каким нуждам широких масс (и одновременно привилегированных слоев и государства, без организующей роли которых строительство было бы невозможно) отвечал этот проект, что они поддерживали его, несмотря на всевозможные жертвы, на которые им приходилось идти (дополнительные налоги, добровольно-обязательные пожертвования как денежные, так и натуральными продуктами хозяйства, отток в Египет в составе трудовых, скорее всего молодежных, отрядов наиболее трудоспособного населения и т.д. и т.п.)?

Морозов полагает, что причина была в сакральном, священном характере пирамид, которые задумывались и строились как усыпальницы великих государственных и религиозных вождей, основателей религиозных верований.

В параллелизме Абидосской таблицы с родословием Иисуса Хеопсу соответствует Авраам, чье имя, означающее «Отец Рима», идеально подходит для основателя Средиземноморской клерикальной империи и библейского культа Диоклетиана-Моисея. Поэтому Морозов считает, что главная из трех великих пирамид («пирамида Хеопса») воздвигнута над Диоклетианом (он же Моисей, он же Авраам).

Преемник Авраама Исаак («Распространитель писем») параллельный Дедефре, преемнику Хеопса, аналогичен с этой точки зрения Констанцию Хлору, преемнику Диоклетиана. Пирамиды у него нет. С точки зрения Морозова причина очевидна: Исаак-Хлор был верным последователем Авраама-Диоклетиана, новой религии не основывал и потому пирамиды не удостоен.

«Преемник Исаака — Богоборец Иаков, первый увидевший лестницу на небо, Зодиакальный круг для движения планет, более всего соответствует, мне кажется, Арию, которому, по-видимому, и воздвигнута вторая великая пирамида. А последний библейский патриарх — теократ Иуда Иаковлев как будто соответствует евангельскому апостолу тоже Иуде Иаковлеву. Но это имя значит просто «богославный» (ИЕ—УДЕ), или «православный», а потому может обозначать и евангельского Христа, и его двойника, основателя православной литургии Василия Великого, которому таким образом под иероглифическим именем Менк-Рэ (греческое Менкавра) воздвигнута третья великая пирамида, может быть вместо первой простой, из которой могли перенести его мумию в более подходящее место, так как греб тут оказался пуст. Но относительно его было, по-видимому, много разногласий, и ему приведено много прозвищ...» ([6], стр.810—811).

Существование трех великих пирамид указывает на существование трех влиятельных сект, почитающих как основателей трех великих религиозных вождей, которые в последующем расщепились в целый ряд государственных и клерикальных деятелей. Эти секты соревновались в постройке наиболее величественного памятника своему основателю, чтобы подчеркнуть его святость и посмертное могущество. Многочисленные паломники, приходившие поклониться гробницам, поддерживали рвение строителей, финансировали их и, надо думать, считали угодным для души лично прибавить к пирамиде хотя бы один камень.

Эта теория Морозова объясняет все особенности пирамид и снимает все трудности традиционного объяснения. К тому же она может быть подкреплена и некоторыми дополнительными соображениями.

Предшественники колоколен

«... нетрудно видеть, что ... пирамиды были явными предшественниками православных колоколен. Посмотрите на любую из наших церквей. Что вы в них видите? Прежде всего, перед вами поднимается как можно выше к небу колоколя, заметная уже издали. По первичному плану, осуществляющемуся почти всегда и теперь..., она четырехугольная и, подобно египетским пирамидам, всегда ориентирована своими четырьмя сторонами «на четыре стороны света», так как землю в древности считали тоже квадратом. Это и есть новейшая «египетская пирамида», лишь ради экономии в материале, сузившая свое основание. Она не имеет более вида надгробной насыпи благодаря только успехам строительного искусства. Пирамидальная же форма была прообразом всякой башни. Когда еще не было цемента, было трудно построить высокое сооружение с отвесными стенами... Поневоле приходилось делать ступенчатую башню в виде пирамиды, которую к тому же — от поколения к поколению, от царя к царю — можно было беспредельно надстраивать новым рядом камней...

Что вы видите к востоку (от современной церкви. — Авт.)? Алтарь, прикрытый от дождя куполом, т.е. храм, а под алтарем обязательно «мощи», т.е. хотя бы кусочек мумии того святого, которому тут должно молиться» ([6], стр.829—830).

Совершенно аналогично, к востоку от пирамиды всегда располагался храм, который египтологи без достаточных оснований называют «заупокойным», а в самой пирамиде обязательно предусмотрено помещение для мумии.

«А относительно того, что это были специальные кладбищенские храмы, основанные обязательно на мощах святых, красноречиво свидетельствует то, что около пирамиды Хуфу мы видим, как около христианской церкви, огромное количество непирамидальных частных гробниц.

Итак, несомненно, пирамиды были колокольнями специальных принильских кладбищенских храмов особого образца, давших схему для дальнейших христианских церквей» ([6], стр.830—831).

Бесспорная близость пирамид к колокольням, означающая, что пирамиды были прототипом колоколен, влечет за собой, что религия строителей пирамид должна быть прототипом христианской религии,

а следовательно, лица, чьими гробницами должны были стать пирамиды, — основателями христианской религии. Таким образом, мы снова возвращаемся к Моисею, Аарону-Арию и Иисусу.

Библейские высоты

Как мы уже отмечали в § 3, гл.8, в библейских книгах Царей постоянно упоминаются какие-то являющиеся предметом поклонения «высоты» (БМУТ), на которых горят огни и совершаются религиозные обряды. Теперь читателю должно быть очевидно, что этими высотами являются пирамиды, особенно, если вспомнить, что хотя вопрос о происхождении слова «пирамида» считается еще нерешенным (см. [115], стр.49), одна из наиболее распространенных этимологий производит это слово от греческого «пир» — «огонь», «пламя», из-за огня, которые зажигались на вершине пирамиды.

К времени, когда окончательно кристаллизовались книги Царей, первоначальное происхождение пирамид уже забылось, хотя поклонение им еще осталось. Это объясняет, почему авторы книг Царей рассматривают этот культ как еретический.

Вавилонская башня

Предугадывая возможное возражение, Морозов полагает, что представление о пирамидах как гробницах великих святых, неполно. Действительно, как бы мы ни любили и ни уважали своих мертвецов, тратить многие годы и колоссальные средства на сооружение их усыпальниц никто, конечно, не будет. Для покойников всегда строились посылно богатые мавзолеи и хотя, скажем, замоскворецкие купцы и состязались в богатстве своих фамильных склепов, но что-то неизвестно, чтобы хотя бы один из них разорился на их строительстве.

Строители пирамид явно должны были преследовать какие-то свои, личные цели; иначе невозможно объяснить их многолетние усилия и невероятные траты.

«Здесь остается признать лишь то, что люди того времени думали, будто погребенные тут великие святые поведут их на небо, и каждая из трех сект, конкурируя с другой, строила над их телами удобные лестницы для этого, а больших лестниц тогда нельзя было физически сделать, иначе как в виде пирамид» ([6], стр.834).

«Соблазн же для такой постройки был велик. Дело в том, что голубая лазурь небес... кажется для наивного, неподготовленного наукой человека, не выше чем на несколько десятков сажен над его головой. Я вспоминаю, как и сам, лет семи или восьми, когда еще держался

библейского представления о небе как о хрустальном колпаке над землей... старался много раз определить его высоту. Я заключил, что небо должно находиться не выше чем в 50 саженях над поверхностью земли и что построить туда большую лестницу вполне возможно.

Все эти детские размышления, которые, конечно, в совершенно таком же виде приходили и всем самостоятельно пробуждающимся наивным умам, неизбежно должны были в свое время возникнуть в головах самых выдающихся мыслителей древности, стоявших на библейской точке зрения. А мысль взобраться на небо должна была казаться не только им, но и всему населению страны такой привлекательной, что оно не прочь было массами пойти на такую приманку и потратить на нее много лет своего собственного труда... И, конечно, такую лестницу на небо надо было строить под покровительством лишь самых величайших святых — Моисея, Аарона, Христа...

...Три величайшие египетские пирамиды являются с этой точки зрения лишь трагическими памятниками древних заблуждений, через которые должна была неизбежно пройти наука о строении вселенной, прежде чем достигнуть современного учения о бездонности небесных пространств.

В трех местах три секты пытались строить башню до неба и непременно над нетленными мощами какого-нибудь особенно великого святого, и каждый раз какой-нибудь мудрец определял в данном месте высоту неба и говорил находившимся под его влиянием народам и их властелинам: «на такой-то высоте достигнем до неба!» и властелины и несколько поколений народов строили тут пирамидообразные лестницы с величайшим трудом, но, построив до указанной высоты, видели, что небо удалилось от них и остается по-прежнему недостижимым.

Разочарованным инициаторам такого предприятия ничего не оставалось как заявить, что это место не угодно богу-богов, а потому и мощи надо вынести отсюда куда-нибудь в другую могилу...

И так было до тех пор, пока огромное количество бесплодно затраченного труда не подорвало, наконец, доверия к старой теории о близости тут неба (из-за отсутствия облаков небо в Египте должно казаться ближе к земле, чем где бы то ни было. — *Авт.*) и о могуществе тех, чьи мощи тут лежали» ([6], стр. 842—844).

«... Работа энергично велась исключительно потому, что ей сочувствовал не один царь, но и все маги, и его придворные, и войска, да и массы населения ничего не могли возразить против полезности для них такого предприятия. И нужно было полное истощение всех экономических сил и средств государства для того, чтобы убедить людей, что небо для них недостижимо таким способом» ([6], стр.846).

Информация об этом строительстве сохранилась в Библии в виде легенды о постройке вавилонской башни.

«Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сенаар (по-еврейски ШНЭР, что Морозов переводит как «Бдение над Спящим» и отмечает, что это имя до сих пор носит южная часть нильской долины; см. [6], стр.835. — *Авт.*) равнину и поселились там.

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес

И сказал Господь, и вот, что начали они делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь по всей земле. Посему дано ему имя: Вавилон... (Бытие, XI, 2, 4, 6—9).

Надо думать, что прекращение строительства пирамид сопровождалось горячими спорами и распрями, а также массовым разъездом строителей. Все это преломилось в легенде о происхождении языков, тем самым удачно сконтаминированной с информацией о древнем высотном строительстве.

Что же касается имени Вавилон (БЕЛ), которое, как мы уже знаем, означает «Врата Бога», то оно прекрасно подходит для священного поля, на котором расположены пирамиды. Самое же замечательное, что, как сообщают редакторы книги Лауэра, «Вавилон — греческое (так! — *Авт.*) название поселения, расположенного напротив пирамид на восточном берегу Нила. В эпоху средних веков так иногда называли Каир, предместьем которого стало это селение» ([115], стр.45).

Вот где оказывается располагался библейский Вавилон! (Точнее, один из городов, которые Библия называет этим именем). Немудрено, что в развалинах месопотамского города, который теперь принимается за Вавилон, не найдено никаких следов «вавилонской башни» и историки вынуждены доказывать, что поводом к легенде об этой башне послужили храмы-зиккураты, невероятная, якобы, высота которых (в три или в семь этажей!) и вызвали к жизни эту легенду. Спрашивается, как законченные храмы, в которых совершались богослужения, могли породить легенду о незаконченной башне?

В заключение стоит заметить, что представление о пирамидах как лестницах на небо настолько естественно, что оно не осталось чуждым и традиционным историкам: «Некоторые египтологи полагают, что в первой пирамиде — ступенчатой — фараона Джосера в Саккаре воплощена идея гигантской лестницы, долженствующей облегчить умершему царю восхождение на небо, к его отцу Ра» ([115], стр.13—14).

Видно, как простая и ясная идея вынуждена деформироваться в умах египтологов, чтобы включиться в русло традиционных представлений.

В связи со всем сказанным выше встает вопрос, почему именно в Египте решили строить усыпальницы — пирамиды? А потому, отвечает Морозов, что «когда уже возникли сухопутные и морские сношения между береговыми странами средиземноморского этнического бассейна, тогда неизбежно стали распространяться рассказы о чудесах далеких стран. В Сицилии вечно дымится огромная гора — жертвенник небесному богу и у Неаполитанского залива на Везувии находится жилище бога — Громовержца и потрясателя земли? А в Египте есть не меньшее чудо: люди после смерти там не гниют, около Мемфиса есть «Святая земля», в которую запрещен вход нечистым духам, пожирающим тело умерших. Тела остаются там нетленными.

Такие рассказы, конечно, были вызваны до периода бальзамирования тем простым обстоятельством, что под влиянием совместного действия солнечных лучей и жгучего самума, трупы людей и животных, брошенные на границе пустыни, должны были часто высыхать и потом заносились песком.

Для властелинов земли в арианско-христианский период (а возможно, что и раньше. — *Авт.*), уже понявших неизбежность не только чужой, но и собственной смерти, наиболее ужасной перспективой, конечно, была мысль оказаться обглоданными потом до костей какими-то прожорливыми, вонючими, погаными духами. А потому и мысль быть погребенными в «Святой земле», где их тела в полной целостности будут дожидаться всеобщего воскресения мертвых, должна была казаться особенно заманчивой.

В результате этого эллино—египетские властелины (имеются в виду «римские императоры». — *Авт.*) могли приказывать своим наследникам, под страхом являться к ним после смерти и мучить, отвезти себя для погребения обязательно в Египет, на Гизекское поле. А для наибольшего предохранения от гниения на дороге мог быть придуман и обычай (бальзамирования. — *Авт.*)...

Таково наиболее естественное объяснение исключительного обилия мумий и грандиозных гробниц в долине Нила. Их вызвал не человеческий местный произвол, а сама его стихийная природа» ([6], стр.819—820).

Мы, впрочем, думаем, что обычай привозить забальзамированные трупы в Египет зародился значительно ранее, а арианско-христианские владыки просто им воспользовались (и, конечно, существенно развили). Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И вот, в Египет везут трупы не только владык, но и всех, кто это мог себе позволить (крупных чиновников, родовитых аристократов, богатых купцов). Поэтому-то в

Египте такова плотность захоронений и храмов, как ни в одной другой стране мира.

По-видимому, первоначально (да и долгое время потом) хоронили не в пирамидах, а в прямоугольных склепах, которые теперь египтологи называют арабским словом «мастаба» (см. напр. [110], рис. на стр. 163). Обычай хоронить в пирамидах (конечно, только царей и лиц особо к ним приближенных) появился, надо думать, поздно, уже в подражание трем великим пирамидам. Еще позднее, в попытках уберечься от грабителей-гробкопателей возник обычай и тайных погребений.

Подкреплением этой теоретической конструкции служит тот факт, что не сохранилось ни одной гробницы римских и ранневизантийских императоров. Самой ранней «императорской» гробницей является гробница Теодориха в Равенне.

Факт отсутствия усыпальниц императоров давно уже мучил историков, но они так и не смогли придумать ему рационального объяснения. С точки же зрения Морозова никакой проблемы нет: мумии всех императоров находятся (или точнее находились до вывоза их в европейские музеи) в Египте. Ниже, при разборе династической истории Египта мы попытаемся отождествить хотя бы некоторых императоров с известными мумиями.

Город Возлюбленного

Очень интересно вопрос о месте захоронения римских императоров (под псевдонимом богоборческих и богославских царей) решается в Библии.

Оказывается, что он связывается с неким «городом Давида» (ЕИР-ДУД), что означает «город Возлюбленного» (см. [2], стр. 503). Этот город упоминается в Библии только в книгах Царств и в том, что переписано из них в книгах Паралипоменон. Впервые о нем говорится в следующих словах:

«... Давид взял крепость Сион: это — город Давидов» (II Царств, V, 7).

Последняя фраза очень похожа на вставку позднейшего редактора; это тем более вероятно, что во всех остальных местах Библии «город Давида» упоминается только в очень специфичной ситуации, а именно, как город, в котором кто-то погребен.

Так, по сообщению Библии, в «городе Давидовом» погребены Давид (I Царей, II, 10),

Соломон (I Царей, XI, 43 и II Паралип., IX, 31),

Ровоам (I Царей, XIV, 31 и II Паралип., XII, 17),

Авия (I Царей, XV, 8 и II Паралип., XIII, 23),

Аса (I Царей, XV, 24 и II Паралип., XVI, 14),

Иосафат (I Царей, XXII, 50 и II Паралип., XXI, 1),

Иорам (II Царей, VIII, 24 и II Паралип. XXI, 20),

Охозия (II Царей, IX, 28),

Иоас (II Царей, XII, 21 и II Паралип., XXIV, 25),

Амасия (II Царей, XIV, 20),

Азария (II Царей, XV, 7),

Иоатам (II Царей, XV, 38 и II Паралип., XXVII, 9),

Ахаз (II Царей, XVI, 20).

В книге Паралипоменон о месте последнего упокоения Давида и Охозии ничего не говорится, гробница Амасии указана «в городе Иудином» (явная описка), об Азарии (под именем Озии) сказано, что «похоронили его с отцами его на поле царских гробниц» (II Паралип. XXVI, 23), что по существу не расходится с информацией книги Царей, но о грешном Ахазе сказано двусмысленно: «и почил Ахаз с отцами своими (значит ли это, что он похоронен был вместе с ними? — Авт.), и похоронили его в городе, в Иерусалиме (после него в Иерусалиме хоронится только Иосия. — Авт.), но не внесли его в гробницы царей Израилевых» (значит эти гробницы расположены в Иерусалиме? — Авт.) (II Паралип. XXVIII, 27). Кроме того, об Иоасе и Иоатаме дополнительно сообщено, что они похоронены хотя и в «городе Возлюбленного», но «не в царских гробницах».

Место захоронения сына Ахаза Езекии в книге Царей не указано, а в книге Паралипоменон говорится, что «И почил Езекия с отцами своими, и похоронили его над гробницами сыновей Давидовых...» (II Паралип. XXXII, 35).

Мы видим, что более поздний автор книги Паралипоменон уже путается в географии и отождествляет «город Возлюбленного» с «городом Святого Примирения» (Иерусалимом). Впрочем, и в книге Царей сказано об Амасии: «погребен он был в Иерусалиме, с отцами своими в городе Давидовом» (II Царей, XIV, 20). Следует ли это понимать как сообщение, что «город Давидов» находился на территории Иерусалима? Или мы имеем здесь дело с более поздней вставкой?

О том, где захоронены богоборческие цари, Библия, как правило, не сообщает.

Кроме этих мест «город Возлюбленного» упоминается в Библии еще только четыре раза и только в книге Паралипоменон, причем один раз опять в связи с похоронами: «И похоронили его (первосвященника Иодая. — Авт.) в городе Давидовом с царями, потому что он делал доброе...» (II Паралип., XXIV, 16).

Дважды книга Паралипоменон упоминает этот город в биографии Давида: «И построил он себе дома в городе Давидовом, и приготовил

место для ковчега Божия...» (I Паралип., XV, 1) и «Когда ковчег завета Господня вошел в город Давидов...» (I Паралип., XV, 29), причем из контекста ясно, что автор снова отождествляет его с Иерусалимом: «И собрал Давид всех израильтян в Иерусалим, чтобы внести ковчег» (I Паралип., XV, 3).

Наконец, в биографии Соломона говорится, что «...собрал Соломон старейшин Израилевых... в Иерусалим для перенесения ковчега завета Господня из города Давидова, то есть с Сиона» (II Паралип., V, 2). Тут автор по смыслу не мог отождествить «город Давидов» с Иерусалимом и, явно потерявшись, дал пояснительную вставку «то есть с Сиона».

Мы видим, что «город Давида» не является жилым городом, а представляет собой город умерших, некрополь, царское кладбище. В нем похоронены все иудейские (богославские) цари, начиная от легендарного Давида (которого здесь мы должны отождествить с Диоклетианом) и кончая Езекией (которого в гл. 8, § 3, мы отождествили с Анастасием). После Езекии богославские цари погребаются совсем в других местах. Это соответствует тому, что в Византии на смену Анастасию пришла новая, иллирийская династия Юстинов—Юстинианов, которая, надо думать, и сменила кладбище.

Морозов полагает, что «по совокупности обстоятельств... можно заключить, что «городом Возлюбленного» скорее всего называлось поле пирамид («поле царских гробниц». — *Авт.*) близ Мемфиса» ([2], стр. 306), хотя он полностью и не отвергает идеи, что это может быть «улица Гробниц» в Помпее. Конечно, отождествлять «город Давида» с теперешним Иерусалимом невозможно, хотя бы потому, что несмотря на усердные поиски никаких следов царских гробниц в нем не обнаружено (см. гл. 7, § 2).

Заключение

Мы видим, что классическая версия происхождения и назначения трех великих пирамид сама себя опровергает. Версия Морозова значительно последовательней и к прямым противоречиям не ведет. Конечно, хотелось бы иметь для нее неоспоримые доказательства (скажем, астрономические или математико-статистические), но на нет и суда нет.

Во всяком случае, возможность такой версии показывает, что факт наличия в Египте пирамид (и других захоронений) не опровергает выдвинутого в § 1 положения о мифичности и средневековом происхождении «древней истории» Египта, а, напротив, даже его поддерживает.

Однако против этого положения можно выдвинуть и другие возражения. Например, ему противоречит представление о детальной и (что самое важное!) связной, династической истории Египта. Рассмотрим поэтому династии Египта поподробнее.

§ 3. Династическая история Древнего Египта

В своем обозрении истории Древнего Египта Морозов в основном опирается на труды Бругша и других египтологов XIX века. Морозов пишет: «Я особенно ценю Бругша за его простодушие, делающее его книги сырым материалом для обработки, а если мне скажут, что они уже устарели, то я отвечаю, что еще более устарели Геродот и Фукидид и приводимые мною египетские документы» ([6], стр. 993).

Первая династия

См. [6], стр. 785—787.

По Манефону вначале Египтом правили боги, дети бога Пта. Имя этого бога, говорит Морозов, «очевидно это то же самое слово, как и греческое патэр, и латинское патер и означает оно на всех трех языках одно и то же — отец» ([6], стр. 785).

Потомки Бога-Отца Пта в магическом числе 7 составляют I Мемфисскую династию:

- 1) Бог-Отец Пта; ему соответствует Солнце.
- 2) Бог Ра (или Рэ), сын Пта; ему соответствует Марс.
- 3) Бог Шу, сын Ра; ему соответствует Юпитер.
- 4) Бог Себ, сын Шу; ему соответствует Сатурн.
- 5) Бог Озирис, сын Себа; ему соответствует Луна.
- 6) Бог Сет, первый сын Озириса; ему соответствует Меркурий.
- 7) Бог Гор, второй сын Озириса; ему соответствует Венера.

Среди всех этих богов особо выделяется бог зла Сет, убивший своего отца Озириса.

Вторая династия

См. [6], стр. 788—790.

Вторая, т. н. I Фивская, династия Египта также состоит из богов:

- 1) Бог Амон-Ра.
- 2) Бог Монт, первый сын Амона.
- 3) Бог Шу, второй сын Амона.
- 4) Бог Себ, сын Шу.
- 5) Бог Озирис, сын Себа.
- 6) Бог Гор, сын Озириса.

Бога Амон-Ра не нужно путать с богом Ра предыдущего списка. Это просто другое имя солнечного Бога-Отца. Мы видим, что эта вторая «династия» является почти точным слепком с первой. Единственное, стоящее быть отмеченным, отличие состоит в том, что в ней выпущен бог зла Сет, из-за чего нарушилось магическое число 7.

«Здесь мы видим ясно и способ составления длинных древних генеалогий: те же самые (реальные или воображаемые) независимые друг от друга личности признаются детьми друг друга и из них составляется династия, а затем эта же самая династия посредством легких вариаций имен и порядка, прикладывается к самой себе и выходит нечто вроде периодической системы элементов» ([6], стр. 789—790).

Третья и четвертая династии

См. [6], стр. 790—791 и [12], стр. 176.

Царями третьей династии по Манефону были божественные быки (Сераписы), преемники бога Гора. Информация о них очень скудна; на плохо сохранившемся начале Туринского папируса можно разобрать лишь только два имени: Аписа, священного быка в Мемфисе, и Мневиса, священного быка в Гелиополисе.

Еще меньше сведений сохранилось о составлявших четвертую династию царях-тенях, т.е. о правивших в долине Нила душах умерших людей.

Как и следует ожидать, все эти четыре династии (как мы увидим, ничем не хуже нескольких следующих) современными учеными не признаются. Они согласны лишь в том, что до первой человеческой династии (а по счету Манефона — пятой) в Египте какие-то цари были (Бикерман сообщает даже два имени: Скорпион и Нармер).

Псевдопервая (пятая) династия

См. [6], стр. 791—799 и [12], стр. 176.

Эта династия называется также I Тинитской династией. Имя первого царя мы выше уже поставили в соответствие с именем первого человека Адама (ДМ). Интересно, что имена остальных царей этой династии резко варьируются от списка к списку. См. табл. I, на которой указана также соответствующая (см. § 1) «династия» ветхозаветных патриархов. (Аналогичные таблицы Морозов приводит и по следующим династиям; мы их будем опускать).

Обращает на себя внимание стремление авторов подогнать династию под магическое число 7. Как ни странно, это же сделали и современные ученые. (Обратим внимание, кстати, какие имена они дают царям этой династии. Поистине, «Наука, ты всемогуща!»).

Морозов полагает, что в основу этой (и следующих) династий положена первичная апокалиптическая схема «семи земных царей», искаженная до неузнаваемости.

Он замечает, что имя второго царя Тоты (ТТ) очень похоже на имя Давида (ДД), который по династическим отождествлениям падает на конец III века — начало IV века. С другой стороны, этому царю соответствует в Библии патриарх Енос, при котором, якобы, началось поклонение богу-Громовержцу (ИЕУЕ), что также дает то же время.

Он далее замечает, что по Библии патриарха Еноха «вдруг не стало», потому что бог взял его (см. Быт. V, 24), а на соответствующем месте в Абидосском списке, вместо имени, изображен человек с посохом, как вечный путник.

Абидосская таблица	Саккарская таблица	Туринский папирус	Зомакс	Адриан	Евсевий	Эратосфен	Патриархи по Луке	Современные ученые (Бикерман)
Мена	—	Мена	Менес	Менес	Менес	Менес	Адам	Ада
Тота	—	—	Атопис	Атопис	Атопис	Атопис I	Сиф	Джер
Атоп	—	Атопи	Кенхенес	Кенхенес	Кенхенес	Атопос II	Енос	Уадан
Ата	—	Атопис	Умнефес I и II	Умнефес	Венефес	—	Канан	—
Хесви	—	Усафайс	Усафай	Усафайос	Усафайс	—	Малелеил	Дан
Мирбит	Мирбит	Мнебис	Мнебис	Мнебис	Ниебис	—	Ифред	Адамб
(Человек с посохом)	—	—	Семемпос	Семемпос	Мемфос	Диебис	Енок	Семрает
Кебк	Кебуу	Кебуу	Бенефес	Бенефес	Вибетис	Пемфос	Мафусил	Кав

Табл. I

Псевдоторая династия

См. [6], стр. 796—804 и [12], стр. 176.

С этой (II Тинитской) династией дело у египтологов обстоит значительно хуже, чем с первой. Они не могут даже последовательно перечислить ее царей. У Эратосфена эта династия вообще отсутствует, а остальные источники безнадежно противоречат друг другу.

Морозов пытается отождествить этих царей с теми же римскими императорами от Диоклетиана до Аркадия, но за недостатком информации его сопоставления выглядят не очень убедительно (он сам их характеризует как «гадательные»). Тем не менее, подводя итоги, он пишет:

«Итак, первые две «династии», якобы человеческих (а вернее — человекоподобных) египетских царей, начиная с Мены, никогда не существовали самостоятельно, а *списаны с властелинов латино-эллино-сирийско-египетской тетрархии кануна Средних Веков*. Эти властелины действительно были египетскими теократическими царями, но признавались за своих также и латинами, и греками, и сирийцами, а жили они обычно не в Мемфисе или Фивах (которые к тому же до сих пор не найдены, несмотря на все розыски), а в стратегическом центре своей империи — Царьграде, на берегу Босфора, и только в походах, да на богомолье ходили в долину Нила, где стояли главные их храмы» ([6], стр.803—804).

Псевдотретья династия

См.[6], стр.804—810 и [12], стр.176.

«Посмотрим, не окажется ли то же и в «третьей династии», которую мы также не должны рассматривать как следовавшую за первыми. Ведь родословная Рамессу Великого на Абидосской таблице есть не хронологический конспект древней истории, а конгломерат первичных отрывочных исторических сведений, расположенных в один ряд древним компилятором также наивно, как ребенок стал бы комбинировать свои игрушки, с уверенностью, что делает что-то серьезное» ([6], стр.804).

Морозов, чтобы выйти из замкнутого круга «Римской империи», пытается сопоставить третью египетскую династию с библейскими «адумскими царями», царствовавшими, якобы, до Саула и Давида, а также с римскими императорами III века, правившими после Гелиогабала и до Аврелиана. Однако у него ничего не получается, и он пишет: «... убедившись, что нам нет цели делать согласования египетских иероглифических династий с более ранними библейскими и греческими списками, я снова буду искать в них аналогий с теми же преемниками Аврелиана» и затем заявляет, что «в родословной Великого Рамессу набирается 77 поколений из последовательного присоединения друг к другу нескольких разноязычных списков семи преемников Аврелиана и Диоклетиана в конце III и в первой половине IV века» ([6], стр.805), возможно, добавим, объединенных тем или иным способом в «блоки», чтобы достичь магического числа семь (ср. в гл.8, § 4, обсуждение Римской Империи I).

Переходя после этих общих замечаний к исследованию третьей династии (называемой также II Мемфисской), Морозов пишет:

«В этой «третьей династии», к нашим основным первоисточникам снова присоединяется Эратосфен, в котором мы видим характеристическую особенность вполне соответствующую нашему выводу о периодичности всех династий.

У него первые три царя Абидосского списка — Мена, Тот и Атоф под теми же самыми именами — начинают первый период ... второй период целиком отсутствует ... и третий... является продолжением первого. С нашей точки зрения этому и удивляться нечего: ведь здесь то же самое как понедельник, вторник и среда одной недели периодически налегают на те же дни предшествовавшей недели. Но тут мы видим и нечто много более странное. *В третьей династии цари Абидосского списка идут в обратном порядке, чем в Саккарском списке...* И такое же явление мы увидим и еще раз в одиннадцатой и двенадцатой династиях.

Каким образом могла произойти такая путаница и притом не в отдельных случайных местах, а во взятых целиком «династиях»? Конечно, лишь в том случае, если все они первоначально представляли не реальную длинную последовательность египетских царей, а случайные списки их разноязычных прозвищ, искусственно сложенных друг с другом, как одинаковые доски в ступеньках крыльца. Тогда только и будет все понятно. Ведь предков одного и того же человека можно считать и от какого-нибудь родоначальника вплоть до данного лица, как сделал, например, евангелист Матфей, а можно считать и обратно, переходя от вашего отца к деду, прадеду, прапрадеду и т.д., как сделал евангелист Лука...

Оба эти случая мы и видим при сравнении отдельных «династий» Абидосской таблицы с такими же в Саккарской.

Такие же случаи могут быть и у других генеалогистов, а потому мы не должны удивляться, если в отдельных псевдодинастиях полная аналогичность с общей схемой получится лишь при счете их царей в обратном порядке» ([6], стр.806—807).

Любопытно, что современные ученые вообще отказываются от перечисления царей третьей династии, указывая лишь первого — Джосера, и последнего, Ху (см.[12], стр.176).

Непосредственно по поводу сравнения царей третьей династии с римскими императорами и их другими аналогами. Морозов делает лишь несколько замечаний, подчеркивая, что как и в предыдущих династиях «не все вариации имен... представляют лишь разные прозвища той же личности. То тут, то там появляется и ее хронологический изотоп, т.е. замена соправителем или знаменитым современником, затмившим своего властелина. Кроме того, значительные искажения

тех же самых прозвищ даже у одноязычных друг с другом греческих авторов, а также произвольные приписки и вставки, настолько нарушили первичную схему «семи апокалипстических царей», что требовать точного параллелизма тут невозможно» ([6], стр.808—809).

Из его конкретных замечаний внимания заслуживает, пожалуй, только одно, относящееся к № 16 Абидосской таблицы. Под этим номером числится царь с удивительным именем Цесар-Шах, явным соединением латинских «цезарь» с восточным «шах». По словам греческих авторов, он был знаменитым врачом и ученым, изобретшим иероглифы и научившим людей обтесывать камни, а по династическим параллелизмам он налегает на Василия Великого, также знаменитого врача и ученого.

Морозов обращает также внимание на тот факт, что от этой династии (как и от двух предыдущих) никаких гробниц не сохранилось.

Псевдочетвертая династия

См.[6], стр. 812—813.

Это — династия «строителей пирамид», о которой мы говорили выше в § 2. Она называется также III Мемфисской.

Подчеркнем, что у египтологов нет практически никакой собственной информации о царях этой династии, не восходящей к греческим апокрифам (типа Геродота).

У Зонараса и Евсевия эта династия отсутствует (не потому ли, что «Евсевий» знал, кто лежит под великими пирамидами?), а у Эратосфена царь Микерин, владелец третьей великой пирамиды, который в § 2 был сопоставлен с Христом, называется Биу-Рес, что, по-видимому, является испорченным «Пиус-рекс» — «Владыка Святой». За ним следует царь «Ра—Иосис Архикратор (Всесильный)», или по Африкану «Раг' Ойсес». Читатель может сам решить, в какой мере напоминают ему эти имена титулатуру Иисуса.

Псевдопятая династия

См.[6], стр.849—854.

Морозов пишет, что эта династия (I Элефантинская) «во многом напоминает 3 группу ... но выраженную подробнее с введением некоторых недолго царствовавших царей. Подобно тому как те же самые боги-планеты, которые входили в первую божескую династию, повторились с незначительными вариациями в именах и порядке, во второй «божеской династии» (см. выше. — *Авт.*), так и здесь, те же самые египетско-ромейские цари III века нашей эры (по-видимому,

здесь описка: надо «IV века». — *Авт.*), которых мы видели уже отразившимися в 3-й и 4-й династиях, воспроизводятся снова ...

Эта династия отличается тем, будто ее «святейшества» построены, говорят, меньшие пирамиды... Понятно, что они не могли бы считаться мифическими, если бы сохранились их гробницы

Однако при моей попытке хоть на этот раз выйти из заколдованного круга семи «римских» царей IV века, опять ничего, соответственно, не вышло, так как большинства малых пирамид (о которых сообщают «источники». — *Авт.*) не оказалось в природе, и потому мне снова пришлось возвратиться в IV век»... ([6], стр.849).

Морозов цитирует Бругша, который перечислив названия семи малых пирамид, отмечает, что две из них исчезли без всяких следов (это пирамиды-то!), а название третьей обнаружено на одном камне близ Саккара, но самой пирамиды нет. Четвертая пирамида отождествляется с безымянной тридцатиметровой пирамидой около Абусира на том основании, что рядом с ней обнаружен камень, на котором красной краской (!) написано имя ее владельца. Пятая пирамида отождествлена точно тем же способом: и около нее валялся камень с удостоверяющей надписью. Самое же замечательное состоит в том, что эти камни, на которых водяная краска чудесно не стерлась и не смылась разливами Нила, в настоящее время исчезли без следа. Морозов так это комментирует:

«Да! Очевидно последние годы отличались страшно разрушительными свойствами. В несколько недель они уничтожили то, что до них оставалось неповрежденным целыми десятками веков, как бы специально для того, чтобы какой-либо искатель мог их прочесть... А после этого надписи такие, конечно, стали уже не нужны: они сослужили свое дело и могли спокойно погрузиться в область нирваны» ([6], стр.851).

Далее Морозов сообщает, что «Из «малопирамидцев» или скорее «безпирамидцев» Шепсескаф (первый царь V династии; Бикерман считает его последним царем предыдущей IV династии; см.[12], стр.176. — *Авт.*)... очень напоминает по Бругшу библейского Иосифа.

«Пата Шепсес (патер Шепсес), — говорит он, — был, как библейский Иосиф, при своем предшественнике начальником всех запасных продовольственных магазинов и рудниковых работ, первосвященником бога-Отца (Паты) в храмовом городе Мемфисе и был преемником Менка-Рэ».

По нашим сопоставлениям, он соответствует апостолу Иоанну, списанному с Иоанна Златоуста» ([6], стр.851).

Завершая общую характеристику пятой династии Морозов пишет: «Интересно, что весь этот период вставлен уже после Эратосфена. У него цари малых пирамид отсутствуют целиком (так же как и у Занараса. — *Авт.*), и следующая — шестая — династия считается продолжением предшествовавшей четвертой. А у Евсевия отсутствуют и она и обе предшествующие династии: он дает и в следующей — шестой — династии только двух царей, считая их за продолжение второй династии. Уже одно это обнаруживает нам весь механизм создания бесконечно-длинной династической истории Египта из вариаций под разными именами тех же самых семи апокалипстических ромейских царей лишь с редкими заменами их местными соправителями и затмевавшими их деятелями, как хронологическими изотопами, что нарушает внешнюю стройность периодической системы» ([6], стр.852).

Псевдошестая династия

См.[6], стр.854—865.

«Эту псевдинастию, или лучше сказать, шестой период царей-теократов в периодической системе египетских властелинов, я считаю особенно замечательной» ([6], стр.854).

Эта династия (IV Мемфисская) оканчивается царицей Нитокрис, что по Морозову значит «Нить Совершенства». Замечательно, что на этой царице заканчиваются списки Африкана, Евсевия и Эратосфена, так что в отличие, скажем, от Абидосской таблицы, эти списки представляют собой родословие не Рамессу, а Нитокрис!

«Правда, продолжатель Эратосфена прибавляет, что после Нитокрис была еще седьмая династия, продолжавшаяся 75 дней, потом восьмая — 100 лет, потом девятая — 100 лет, из которой он приводит только Октавиана (okhtovis), затем десятая, затем одиннадцатая, из которой он приводит лишь «Амене-Меса», но это явно лишь для того, чтобы довести итог до 2300 лет, от своего первого царя Менеса-Адама до смерти Моисея, по библейской хронологии, считающей, что Адам был сотворен богом за 3760 лет до начала нашей эры и за 2300 лет до смерти Моисея. (Таким образом, получается, что «продолжатель Эратосфена» еще осознавал, что Мена — это Адам! — *Авт.*)

Под то же число лет подводит свой список и Африкан, ссылаясь на того же египетского первосвященника Манефо, который будто бы все это вычислил. Но вычислял, конечно, не мифический Манефо, а сам автор, или скорее авторы, так как, очевидно, тут работала целая компания, довольно тесно, хотя и не вполне связанная друг с другом, и с еврейскими средневековыми каббалистами в Александрии или в

Каире. Отдельные упражнения этой компании мы находим и в Евангелиях Луки и Матфея, и в родословии Магомета, и в библейских книгах, и в двух иероглифических надписях в Саккаре и Абидосе.

А процесс творчества здесь ясен. Это нацепление в один непрерывный ряд разноязычных и разноименных сказаний о первых семи ромейских царях-теократах.

Хотя в Евангелиях и сказано, что Христос был сыном Иосифа и внуком Иакова, но отождествить их с Иосифом Прекрасным Библии и с Иаковым Богоборцем значило бы сократить и еврейскую, и египетскую историю тысячи на полторы лет.

А где же в таком случае уместить царство израильское и царство иудейское! Ничего не оставалось делать, как, отложив до более далекого конца прекрасную царицу «Нить Совершенства», прибавить к только что перечисленным вариантам еще несколько таких же, иногда даже поставленных задом наперед, как мы уже видели при сравнении Абидосского и Саккарского вариантов третьей династии (и увидим еще там же в двух вариантах одиннадцатой и двенадцатой династий).

Такова реальная причина всех последующих вставок и их трансформаций в периодах. В Абидосской таблице «Нить Совершенства» переставлена со своего прежнего 40-го номера на № 76, под именем Рэ-Маот М. (т.е. царица правды Мария)... А получившийся промежуток после № 40 заполнен 36 новыми ее родоначальниками» ([6], стр.857—858).

Добавим еще, что в Абидосской таблице под освободившимся № 40 находится царь с замечательным именем «Рэ-Нутер К.», означаемом «Царь-Бог-Кесарь», причем, как это принято для титулов у классиков, титул «Кесарь» означен лишь начальной буквой.

По совокупности обстоятельств представляется бесспорным, что царица Нитокрис является одним из первых вариантов образа девы Марии. Только тогда становится понятным, почему родословия Африкана, Евсевия и Эратосфена кончаются на ней.

«Соответственно многообразным вариациям Христа, появились и разнообразные вариации его матери. И вот «Нить Совершенства» стала ассимилироваться то с небесной Девой Зодиакального пояса, то с Клеопатрой, то с другими легендаризированными женщинами, может быть даже и с Мессалиной» ([6], стр.864).

Имена фараонов VI династии упоминаются в целом ряде иероглифических надписей, из которых явствует, что, например, техника судостроения стояла в то время уже на достаточно высоком уровне. Автор одной из этих надписей утверждает, что он служил при

трех первых фараонах этой династии. Морозов полагает, что «отождествление этих царей с соправителями Диоклетиана навязывается само собой» ([6], стр.862).

С VI династией связан и Дендерский храм, датировку которого мы подробно разобрали в гл.5, § 2. Именно в этом храме находится озадачивающая всех египтологов надпись о том, что Пепи, один из теократов VI династии, делал пристройки к этому дворцу, воздвигнутому будто бы еще царем Хуфу из IV династии. В гл.5, § 2 мы видели, что никакого рационального объяснения этой надписи наука египтология предложить не может. С морозовской же точки зрения, как всегда, никакой проблемы нет: храм был построен в IV веке и реконструирован в VI веке уже при Юстиниане.

В заключение стоит заметить, что хотя и утверждается, что цари VI династии строили себе пирамиды, но ни одна из этих пирамид не обнаружена.

От псевдоседьмой до псевдоодиннадцатой династии

См.[6], стр.870—873 и [12], стр.177.

Об этих династиях молчат почти все наши первоисточники. Их полный список имеется только в Абидосской таблице (и в параллельной к ней генеалогии Христа из Евангелия от Луки). Показательно, что в отношении династий VII—X, Бикерман сообщает только три (!) имени.

Морозов делает отсюда вывод, что «... эти династии уже очень поздняя вставка, показывающая, что Абидосская стенная живопись много позднее Саккарской, а также и сохраненной Эратосфеном родословной девы Марии — «Нити Совершенства». Она принадлежит уже ко времени появления Евангелий Луки и Матвея, которые и заимствовали из нее свои родословия Христа» ([6], стр.870).

Любопытно, что Мариетт, один из основателей египтологии в XIX веке, пишет по поводу XI династии: «Кажется, будто Египет снова начинает тот младенческий период искусств, который он уже проходил во время первых трех династий... Даже имя пирамиды, которую выстроил предпоследний царь этой династии... напоминает имя пирамиды..., выстроенной Хуфу» (см.[6], стр. 870).

Морозов полагает, что только VII—VIII династии по-прежнему повторяют императоров IV века, а в остальных династиях мы впервые выходим из их заколдованного круга. Он предположительно отождествляет IX династию с византийскими императорами от Феодосия II до Анастасия (и тут и там по четыре императора), а X династию с византийскими императорами от Юстиниана до Гераклия. Что же

касается XI династии, то Морозов относит к ней только двух царей, которые он считает не отражениями реальных личностей, а чистыми символами. Интересно, что хотя Бикерман насчитывает в этой династии шесть царей, но они разбиты у него на две тройки одноименных царей (так что различных имен у Бикермана тоже два).

Могил фараонов VIII—XI династий археологами не обнаружено.

Псевдодвенадцатая династия

См.[6], стр.873—885 и [12], стр.177.

Считается, что при этой династии (I Тинитской) Египет вновь объединился под властью мощных царей, первым из которых был Аменемхет I, хотя «... обстоятельства появления этой выдающейся династии нам неизвестны, равно как и причины конца ее предшественницы» ([32], т.1, стр.216). Всего в этой династии было четыре Аменемхета и три Сенусерта (так что магическое число семь по-прежнему соблюдается). Кончается династия царицей Нефруссебек. Все эти имена взяты из иероглифических надписей и Туринского папируса (с условным, напомним, чтением; например, вместо «Сенусерт» можно читать «Усур-Тасен»). Похожи наименования этих фараонов и у греческих авторов (Аменемес и Сезострис), но Абидосская и Саккарская таблицы дают совсем другие имена. При этом в Саккарской таблице те же самые имена идут в обратном порядке.

По параллелизму между Абидосской таблицей и Евангелием от Луки (см. § 1) XII династия налегает на Иуду Маккавея и его потомков. Однако библейская книга Маккавеев дает для них совсем другой (третий) порядок. Как пишет Морозов «... путаница от этих новых сопоставлений только увеличивается. Каждый автор перечисляет по-своему» и добавляет:

«Но все же и здесь мы вертимся в том же самом заколдованном круге и получаем как-будто лишь новый, хотя и сильно спутанный период той же самой периодической системы мессианского родословия» ([6], стр.877).

От XII династии осталось довольно много иероглифических текстов. Обсуждая их, Морозов отмечает их почти полную идентичность с текстами, приписываемыми IV династии (и даже по «короткой» хронологии отстоящими почти на тысячу лет). Нет существенных отличий и от текстов, приписываемых XVIII династии (т.е. якобы на полтысячи лет более поздних). В одной из надписей царя XVIII династии Тутмеса III сообщается о его распоряжении впервые построить храм в память его предка Усур-Тасена, «которому *do tex por*

(как видно) никто не догадался построить храм. Конечно, можно сказать: лучше поздно, чем никогда!... но это только в шутку, а в действительности всегда бывает так, что если кому-нибудь не построили храмов в первую же тысячу лет после его смерти, то не построят и во вторую тысячу» ([6], стр.885).

Морозов, цитируя иероглифические надписи по книге Бругша «История Египта», обращает внимание, что в них пишется, например, «Тутмес III», «Усур—Тасен III» и т.д. Он спрашивает: «Неужели и тогда, как и теперь, одноименных императоров уже обозначали нумерами? Невозможность проверить по подлинникам заставляет меня думать, что такой серьезный ученый как Бругш не стал бы вписывать отсебятину в исторические документы. Иначе было бы только новое доказательство легкомыслия основателей современной египтологии...» ([6], стр.883).

Псевдотринадцатая династия

См.[6], стр.886—893,[12], стр.177 и [52], т.1, стр. 254—255.

Эта (II Фиванская) династия (как и четыре следующих) в Абидосском списке отсутствует, хотя по Синкеллосу она находилась у власти 455 лет (а все «пропущенные» династии почти полторы тысячи (!) лет). У Бикермана для всех этих династий приведено только несколько разрозненных имен (и отпущено на них 200 лет). Напротив, Туринский папирус насчитывает по Бругшу 87 царей только в XIII династии, а Манефон говорит (не перечисляя имен) о 361 (!) царе. На этом основании египтологи XIX века считали, что все известные родословия являются лишь краткими извлечениями из какого-то великого и полного списка, до нас не дошедшего. В XX веке маятник качнулся в другую сторону и данным Туринского папируса современные египтологи явно не доверяют, хотя, как показывает сравнение списка Бругша со списком Бикермана, отдельные имена они из этого папируса заимствуют.

Морозов пишет, что «... мы можем догадаться, что приводимые в Туринском папирусе цари не что иное, как новые варианты того же самого музыкального лейтмотива во славу семи римско-византийских императоров, как и все предшествовавшие, но, к сожалению, мы не имеем о них никаких сведений, кроме имен» ([6], стр.887) и потому подкрепить эту догадку, кроме общих соображений и аналогий, нечем. Морозов полагает, что Туринский список имеет общее происхождение с бесконечными списками имен, заполняющими первые восемь глав библейской книги Паралипоменон, и что поэтому для его разъяснения (от которого, как явствует из Бикермана, современные египтологи

отказываются) надо прежде всего разъяснить династические списки Паралипоменона.

Он обращает также внимание на так называемый «Карнакский список», приписываемый времени Тутмеса III. Начало этого списка повторяет Туринский папирус в сокращенном виде. «При общей тенденции к удлинению египетской истории Бругш, конечно, считает Карнакский список за сокращение Туринского папируса. А с нашей точки зрения Карнакский список есть первичный, и в Туринском папирусе, вероятно, к нему прибавлены, если все это не отсебятина, еще и их наместники и соправители в различных частях государства. Оттого и список вышел непомерно длинным, а все эти вставки настолько же фантастичны, как их основа...» ([6], стр.892).

Любопытно, что несмотря на почти полное отсутствие информации египтологи уверенно восстанавливают (!) события той далекой эпохи. Они опираются (см., напр., [110], стр.245—251) на ряд иероглифических текстов, которые по своему содержанию, духу и общему настроению неотличимы от книг библейских пророков (папирус «жреца Онху», лейденский папирус № 344 и папирус 1116-В эрмитажного собрания, содержащий пророчества некоего НофферреXII). Эти тексты пророчествуют о голоде, гибели людей и разрушении государства. Поскольку по данным Туринского папируса «... Цари сменялись с калейдоскопической быстротой: в течение первых 20—25 лет правления XIII династии на престоле Египта сменилось 11—12 царей» ([110], стр.245), это послужило В.В.Струве достаточным основанием, чтобы с уверенностью развить обширную и подробную концепцию о «социальной смуте, охватившей Египет» и закончившейся победоносным (!) восстанием рабов.

Тут четко прослеживается работа механизма домысливания и видно как выдвинутые одним автором предположения у следующих авторов превращаются в уверенность.

Дальнейшим развитием этой концепции явилось представление о воинственном семитическом племени гиксосов, которые, прослышав о смутах в Египте, «поняли, что наступил удобный момент для осуществления своей давнишней мечты овладеть долиной Нила» ([128], стр.251). Они вторглись в Египет и подчинили его своей власти якобы в 1710 г. до н.э. Это было концом тринадцатой династии и началом четырнадцатой.

От псевдочетырнадцатой до псевдосемнадцатой династии

См.[6], стр.894—904 и [128], стр.252—255.

Описание перипетий гиксосского нашествия и правления в учебниках истории поражает обилием общих фраз и скудностью реальной информации. Оказывается, что это неслучайно, так как от этого периода сохранились лишь краткие замечания в трудах позднейших писателей и несколько папирусных фрагментов явно легендарного характера.

Морозов думает, что под гиксосами в этих фрагментах имеются в виду арабы, завоевавшие Египет в VIII в. н.э. Однако он полагает, что в четырнадцатой династии мы лишь частично вырываемся из заколдованного круга семи римских царей. Дело в том, что XIV династия считается династией гиксосов лишь на том единственном основании, что согласно греческим авторам ее представители были цари-пастухи, то есть, рационализируют современные историки, вожди народа-завоевателя, который, следовательно (!), был народом пастушеским (каковым они и считают гиксосов). По мнению Морозова, это отождествление противоречит лингвистическим фактам, поскольку слово «гиксос» может пониматься только как «скотовод», но никак не «пастух».

Конечно, цари и царицы, которые в то же время являются пастухами и пастушками, возможны только в сказках. Понимая это, средневековый апокрифист, скрывшийся под именем Иосифа Флавия, предвосхищая современных историков, писал, что «по утверждению одних рукописей это были кочующие арабы, а по утверждениям других — взятые в плен (!?) пастухи».

Вторая альтернатива по своей наивности в комментариях не нуждается, а что касается первой, то Морозов полагает, что она еще более невероятна чем первая. Он, как общее положение, выдвигает соображение, что по самим условиям своей жизни пастушеская страна не может иметь ни сильной центральной власти, ни правильно организованной достаточно большой армии, и потому может организовывать лишь кратковременные набеги на соседние, более культурные страны, но никак не может осуществить длительное завоевание и господство.

Морозов считает, что «цари-пастухи» — это духовные «пастыри душ», так сказать первичные митрополиты, и что в их образе снова нашли отражение теократические правители Средиземноморской империи.

«С этой точки зрения становятся понятными многие до тех пор неясные выражения наших первоисточников. Так, например, у Евсевия, и в греческом и в армянском тексте, говорится: «17-я династия царей-пастырей были финикийские братья (αδελφοί), властелины иностранные» ... ([6], стр. 895).

Конкретные сопоставления Морозова известным из греческих авторов фараонам XIV династии государственных и церковных деятелей IV века весьма гадательны, и мы их обсуждать не будем.

Морозов также высказывает мысль, что наименование священнослужителей «пастырями душ» явилось плодом поздней этимологизации. Первоначально они назывались просто «пастырями», потому что пасли священных быков египетского пантеона. Он пишет, что распространенное имя египетских царей Аменофис может быть переведено как «Воспитатель Аписа-быка», т.е. попросту как «пастух».

В отношении династической истории рассматриваемого периода обращает на себя внимание также невероятная путаница в сообщениях «первоисточников». Так, например, династия XIV Флавия является династией XV у Африкана и династией XVII у Синкеллоса и Евсевия. Как правило, это является показателем составленности информации из различных источников. Поэтому можно думать, что эти «первоисточники» объединили в своих рассказах обрывки информации о «пастырях» IV века и об арабских завоевателях VII века. Скажем, Синкеллос прямо называет XII и XVI династии «арабскими», а Флавий упорно именуется новых царей «арабами» (сообщая о них фантастические подробности: например, он утверждает, что гарнизон укрепленного города Авариса состоял из 240 тысяч (!) тяжело-вооруженных солдат).

Любопытно, что несмотря на расхождения, все греческие авторы называют первым арабским царем Египта некоего Салатиса (он же Салитес и Сайтес), имя которого удивительно напоминает имя знаменитого арабского военачальника XII века Саладина (Салах-ад-дина). Не означает ли это, что они отразили в своем повествовании и события XII века?

На одном из иероглифических памятников эпохи гиксосов указан 400 г. неизвестной эры. По эре Диоклетиана это дает 684 г., когда арабы уже владели Египтом, а по эре Хиджры — 1022 г.

Псевдовосемнадцатая династия

См. [5], стр. 907—956, [12], стр. 177 и [128], стр. 256—284.

Считается, что в XVIII династии Египет достиг высшего расцвета и могущества. Первым царем этой династии был якобы Яхмес I (он же Амасис и Аамес). Как сообщает Морозов, его имя означает «Рожденный Луной». Он был могущественным правителем, объединившим страну, поднявшим экономику и ведшим большое строительство. Его преемник Аменхотеп I много воевал и часто отсутствовал в столице.

Известно, что, в частности, он вел длительную войну на севере с людьми со светлой кожей.

Активную военную политику вел и следующий царь, Тутмес I. Иероглифические панегирики с упоением перечисляют сколько он уничтожил врагов, завоевал стран, захватил рабов.

Тутмесу наследовала царица Хатшепсут (она же Хашоп), формально соправительница Тутмеса II и III. Она известна тем, что снарядила морскую экспедицию для путешествия в неизвестную страну Пунт. Отчет об этой экспедиции обнаружен на стене храма в Дейр-эль-Бахри.

Время Хатшепсут характеризуется пышным расцветом египетского искусства. «Постройки, относимые египтологами к царствованию Хашоп, принадлежат к лучшим произведениям специальной египетской условной манеры искусства, которую мы считаем типичной для той страны и в отношении каменной работы, и в отношении формы и общего плана построек, и в отношении богатых, расписанных красками украшений. «Это был, по-видимому, тот момент, когда египетская художественная условность, достигнув своей высоты, должна была смениться новой более близкой к природе живописью или погибнуть, не оставив потомства. Но даже в своем разрушении груды египетских развалин производят сильное впечатление», — говорит Бругш» ([6], стр.917).

Хатшепсут сменил Тутмес III, называемый иногда Великим. «Во времени Тутмеса III Великого относится огромное количество каменных памятников. История этого времени представляет нам Миц-Рим средоточием тогдашнего культурного мира

...Тутмес III предпринимает борьбу с сильнейшими царствами своего времени и доходит победоносно до крайних границ известной тогда земли...

Более тринадцати походов совершил Тутмес III против чужеземных народов в течение двадцати лет, причем, по хвастливым словам авторов, брался приступом город за городом, реки переходились с боем одна за другой и целые страны оставались позади при утомительно долгих путях под чужим небом и среди враждебного населения» ([6], стр.921).

Преемниками Тутмеса III были Аменхотеп II, Тутмес IV и Аменхотеп III. «... в годы правления Аменхотепа III (1455—1424 гг. до н.э.), правнука Тутмеса III, Египет достиг такого могущества, какого не имел ни до, ни после этого. Никто не решался противостоять сильнейшему из владык... Окруженный роскошью Аменхотеп III почти сорокалетнее свое царствование провел, наслаждаясь миром и покоем — благо воевать уже не было нужды» ([118], стр.9—10).

В египетской истории особую известность получил сын Аменхотепа III Аменхотеп IV и его жена Нефертити. Аменхотеп IV был религиозным реформатором, запретившим культ бога Амона и введший культ единого бога Атона. Он сменил свое имя на Эхнатон и заложил новую столицу около теперешней деревушки Тель-Амарни. Образ этого фараона привлек внимание многих советских ученых и в последнее время вышло довольно много посвященных ему публикаций. Однако все они занимаются всего лишь новыми, зачастую очень остроумными, интерпретациями и истолкованиями старых, давно известных, фактов.

Культ прежних богов был восстановлен сыном Эхнатона Тутанхамоном. Это его гробница была открыта в 1923 г. Картером. Найденные в ней сокровища демонстрировались в Москве.

Тутанхамон умер молодым и власть перешла к Эйе, советнику и долголетнему сподвижнику Эхнатона. «После Эйе престол занял Хоремхеб. Этому талантливому полководцу, энергичному администратору и, очевидно, умному интригану удалось еще при Эйе частично восстановить влияние Египта в азиатских владениях... Его царствованием начинается новый период в истории Египта — правление XIX династии, при которой великая цивилизация, достигнув вершины своего развития, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее клонилась к упадку» ([118], стр.18).

Таким образом, в трудах историков вырисовывается связная история этого периода Египта с многочисленными подробностями и деталями. При чтении этих трудов невольно создается впечатление, что эта история документально обоснована также хорошо, как, скажем, история Франции XVIII века. Это впечатление не разрушается даже тогда, когда мы читаем, что «... Знания наши об этом времени смутны, неполны, а порой противоречивы» ([118], стр.9), поскольку такого рода заявления делаются мимоходом и по существу без всякого влияния на вполне уверенный в остальном стиль изложения. Требуются определенные усилия, чтобы освободиться от этого гипнотического влияния. Для этого нужно вернуться к первоисточникам, на которых основываются историки.

Первые недоумения возникают, когда мы знакомимся с первоисточниками династической истории. В Саккарском списке вся династия XVIII кем-то выломана, Абидосский список дает имена, не имеющее ничего общего с именами Яхмес, Тутмес, Аменхотеп и т.д., а информация греческих авторов как раз в отношении восемнадцатой династии на редкость путана и противоречива. Абидосский список от Аменхотепа IV непосредственно переходит к «Женщине с зеркалом»

(Нефертити?) и к Рамзесу, тогда как греки вставляют между Аменхотепом IV и Рамзесом еще шесть (!) царей, которые к тому же не имеют ничего общего с фараонами (Тутанхамоном, Эйе и Хоремхебом), помещаемыми между Аменхотепом и Рамзесом современными учеными.

Таким образом, по существу единственный источник информации египтологов — это иероглифические надписи, в основном панегирического содержания. Они делятся на две большие группы: надгробные и сооруженные в память каких-либо выдающихся событий (побед). Резкой грани между ними нет, и все они переполнены фантастическими подробностями. См. примеры в [6], стр.922—925 (надпись Тутмеса в Карнакском храме) и стр.928—929 (эпитафия его военачальника Аменемхива, найденная Эберсом). Очень правдоподобно, что даже надписи, которые считаются сделанными, скажем, Тутмесом III, были на самом деле высечены наследниками в его память и восхваление (наподобие Вандомской колонны в Париже, поставленной в честь Наполеона во время Второй империи). Тот факт, что они написаны от первого лица ничего не означает: надгробные надписи также часто обращаются к читателю от имени покойника. (Заметим, кстати, что именно из-за этого египтологи полагают, что «... В древнем Египте существовал обычай, что человек с момента своей самостоятельной жизни начинал заботиться о своей гробнице, которая впоследствии примет его тело» ([128], стр.188) и, в частности, описывал на ее стенах свою жизнь. Слабость этой аргументации в комментариях не нуждается.)

Из этих надписей можно узнать немало подробностей ежедневной, придворной и военной жизни, но получить какую-нибудь точную информацию, скажем, о маршрутах завоевательных походов затруднительно. Более того, описания походов, например, Тутмеса III таковы, что их только с большой натяжкой можно локализовать в соседних с Египтом странах. Слишком много городов брались приступом, слишком много форсировалось рек и слишком много стран проходили войска. Создается впечатление, что либо это все фантазии, либо в этих надписях описаны походы, охватывающие все Средиземноморье (включая Испанию и Галлию).

В 1875 г. на одном из пилонов Карнакского храма был обнаружен список 115 (!) городов, якобы захваченных Тутмесом во время одного из его походов. С традиционной точки зрения невозможно объяснить, почему почти все имена этих городов фигурируют в Библии (в основном в книге Иисуса Навина, также напомним, посвященной завоеваниям).

Расшифровка надписей и интерпретация живописных изображений часто вообще очень трудна и неоднозначна. Например, на настенных изображениях XVIII династии имеется довольно много изображений светлокожих блондинов, которых нелегко отождествить с каким-нибудь близким Египту народом.

Интерпретации некоторых изображений явно ложны, хотя на их базе и были сделаны далеко идущие выводы. Например, условные и весьма стилизованные изображения двухколесных боевых повозок принимаются историками без каких-либо сомнений, и они пишут о колесничных войсках, «которые в ту эпоху решали главным образом исход битвы» и якобы «представляли собой страшное оружие» (см. [128], стр.281), тогда как совершенно ясно (см. эпиграф к первому тому), что двухколесные повозки в силу своей неустойчивости никак не могут быть использованы на поле боя и годны только для ристалищ на ровном, специально подготовленном треке.

Совсем интересно получается с упомянутым выше храмом в Дейр-эль-Бахри, в котором обнаружены панели с отчетом о морской экспедиции в страну Пунт. На основании этих записей храм отнесен за полторы тысячи лет до начала нашей эры но, как пишет Морозов, «в задней стене этого же храма вместо ожидаемых здесь гробниц дома Аамеса, оказались мумии греческих времен, относимые даже и ортодоксальными египтологами «не ранее конца Птоломеев».

— Как же они сюда попали?

— Положены потом! — отвечают нам историки XIX века.

— Но какие же цари не постыдились бы положить своих родителей, в бозе почивших «любезных», в чужие помещения (добавим, за тысячу лет превратившиеся в развалины. — *Авт.*)?

Ответа на этот естественный вопрос мы не имеем.

А с нашей точки зрения дело обстоит очень просто.

Разве не покрывают и теперь наши живописцы стены храмов или общественных зданий фресками с историческими сюжетами? Так почему бы не заключить, что и иллюстрированный рассказ о путешествии в страну Пунт, такая же повесть, составленная позднее от имени одного из будто бы действовавших в нем лиц?

Ведь даже и «рассказы камней» необходимо читать не с младенческим доверием, а с критической оценкой содержащегося в них сюжета» ([6], стр.919—920).

Морозов полагает, что в XVIII династии «периодическая система византийско-египетских царей IV века нашей эры возобновляется снова» ([6], стр.907). При этом Аамесу соответствует Диоклетиан

(также объединивший страну и упорядочивший экономику); Аменхотепу I соответствует Хлор (воевавший на Севере с людьми светлой кожи); Тутмесу I соответствует, по-видимому, Лициний; в образе Хатшепсут отражена, надо думать, Елена — мать Константина; Тутмесу III Великому отвечает Константин, а Аменхотепу II, по-видимому, Констанций. Конечно, все эти отождествления в высшей степени гадательны и имеют лишь сугубо предварительный характер. Как пишет Морозов: «Я сам, конечно, сознаю, что во многих случаях, когда имеются (в Римской империи. — *Авт.*) два или три сопоставителя в одно и то же время, у меня может произойти такое же недоразумение, как первоначально вышло с периодической системой химических элементов по отношению к изотопам... Так, видя среди египетских царей кого-нибудь, попадающего по своему положению в семичленном ряду на время перед Никейским собором (325 г.), не знаешь, к кому его приравнять: к Константину или к его сопоставителю Лицинию?» ([6], стр.974).

В отношении Тутмеса IV Морозов обращает внимание на замечательную надпись, выбитую на плите, найденной между лап Сфинкса. В ней рассказывается, что еще будучи наследником престола Тутмес IV заночевал около Сфинкса и увидел сон, в котором бог приказывал ему откопать Сфинкса и восстановить его почитание. Придя к власти, Тутмес первым делом поспешил исполнить повеление бога. В дальнейшем мы не раз будем иметь примеры подобного «восстановления» прежнего почитания или обычая. Каждый раз это на самом деле будет создание нового почитания или обычая, замаскированное как «восстановление» для придания ему авторитетности старины. Поэтому и в отношении Тутмеса IV следует считать, что он явился создателем, если не культа Сфинкса, то, во всяком случае, его колоссальной статуи.

Как «восстановитель» прежнего культа Тутмес IV явно параллелен Юлиану, но, конечно, здесь его образ значительно снижен. Вместе с тем нельзя не отметить, что сон Тутмеса является довольно точной перифразой знаменитого сна Иакова Богоборца из 28 главы книги Бытия. Выше же в своем месте мы Иакову поставили в соответствие Клавдия Птолемея, другое отражение Юлиана. Так замыкается круг.

Юлиан—Тутмес—Иаков—Птолемей—Юлиан,

приводящий Тутмеса также в связь с Иисусом Христом.

Однако прямые ассоциации с Иисусом возникают только в связи со следующим фараоном Аменхотепом III. На стене Луксорского храма в

Египте изображено как бог Гор возвещает царице рождение сына Аменхотепа (в параллели с благовонованием Гавриила деве Марии). На другой картине рядом Святой дух ее мистически оплодотворяет, а на третьей картине уже показано само рождение чудесного ребенка и всеобщее ему поклонение.

Непосредственно же образ Иисуса, как религиозного реформатора, отразился в Эхнатоне—Аменхотепе IV. Замечательно, что имеются (см.[6], стр.939—940) иероглифические тексты прямо утверждающие, что Эхнатон был строителем пирамиды Хеопса! Историкам приходится домысливать, что это была лишь одноименная (?) пирамида, которая была дочиста (!) разобрана одним из преемников Эхнатона.

Сохранившиеся в настенных иероглифических надписях восхваления богу Атому (ТН) и по слогу, и по языку, и по идеологии неотличимы от ветхозаветных псалмов богу Адоиаи (ДН).

Кому соответствует Тутанхамон (кстати единственный фараон, чья гробница дошла до нас в полной сохранности) судить трудно, потому что «гробница Тутанхамона почти ничем не обогатила наши скудные сведения о политической истории того времени. В ней не обнаружено ни исторических текстов, ни даже папирусов религиозного содержания. То, что удалось установить... касается только частных» ([118], стр.18). Не является ли Тутанхамон Грацианом? (Этой гипотезы Морозов не высказывает).

Надписи, восхваляющие Хоремхеба, рисуют его выдающимся ученым, знатоком астрономии и философии. «Он был еще на руках, питаясь молоком, когда перед ним преклонялись до земли старые и молодые... Он восхитил сердце царя, который был очарован его качествами и радовался тому, что избрал его... И был он единственным благодетелем, как никто и никто другой. Он радовался одной правде, носимой им в сердце...» (см.[6], стр.949).

Морозов полагает, что «... все это очень похоже на новый миф о том же самом Евангельском Христе, перенесенном в долину Нила...» ([6], стр.952).

Обсуждение

Мы видим, что несмотря на колоссальное число памятников иероглифической письменности, предметов искусства и архитектурных сооружений, наши реальные знания об истории Египта «смутны, неполны и противоречивы». Именно этой неопределенностью и объясняется, почему Морозову удалось дать, хотя в подробностях и гадательную, но в целом достаточно убедительную и последовательную,

новую интерпретацию этой истории как средневекового мифа, повторяющего раз за разом одних и тех же византийско-римских императоров.

Разумеется, эта интерпретация независимой доказательной силы не имеет. То же самое отсутствие реальной информации не позволяет применить для ее обоснования, скажем, математико-статистические соображения. Она лишь показывает, что установленные с надежностью, которую может обеспечить астрономия и математическая статистика, результаты первых двух томов не опровергаются, как это и должно быть, материальными памятниками египетской культуры.

Тем не менее, выше были приведены и аргументы в пользу новой теории (например, перечисление в некоторых источниках царей III династии в обратном порядке, или иероглифическое сообщение о постройке Эхнатом пирамиды Хеопса). Несмотря на всю отрывочность этих аргументов, их достаточно для непредубежденного читателя, чтобы склонить чашу весов в пользу теории Морозова. Но, конечно, основным аргументом служит согласие с установленными в первых двух томах фактами.

Впрочем, в поддержку теории Морозова можно привести дополнительные, даже математико-статистические, аргументы.

Как мы уже говорили, информация греческих авторов о восемнадцатой династии нередко противоречива. В качестве примера на рис.2 изображены (заимствованные из[6], стр.965) династические графики этой династии по Евсевию и Синкеллосу (с сохранением имен, которые эти авторы дают египетским царям). Почти все данные расходятся, но общая качественная картина, тем не менее, сохранена. Если бы заранее не было известно, что это графики одной и той же династии, то можно было бы спорить достаточно ли такая маловыраженная симметрия для отождествления этих графиков. Впрочем, даже качественного сходства достаточно, чтобы хотя бы обосновать необходимость более детальных исследований.

«Но если это так, то насколько же более заслуживает внимания наша следующая диаграмма (см.рис.3. — Авт.), где я сделал аналогичное сопоставление той же самой египетской династии Амосиса с династией эллино-египетских царей со времени Диоклетиана? С первого же взгляда вы здесь видите не одно общее сходство конфигурации обеих линий, а действительно зеркальное отражение почти каждой выдающейся детали. Случайность такого сходства совершенно исключается теорией вероятностей...» ([6], стр.966).

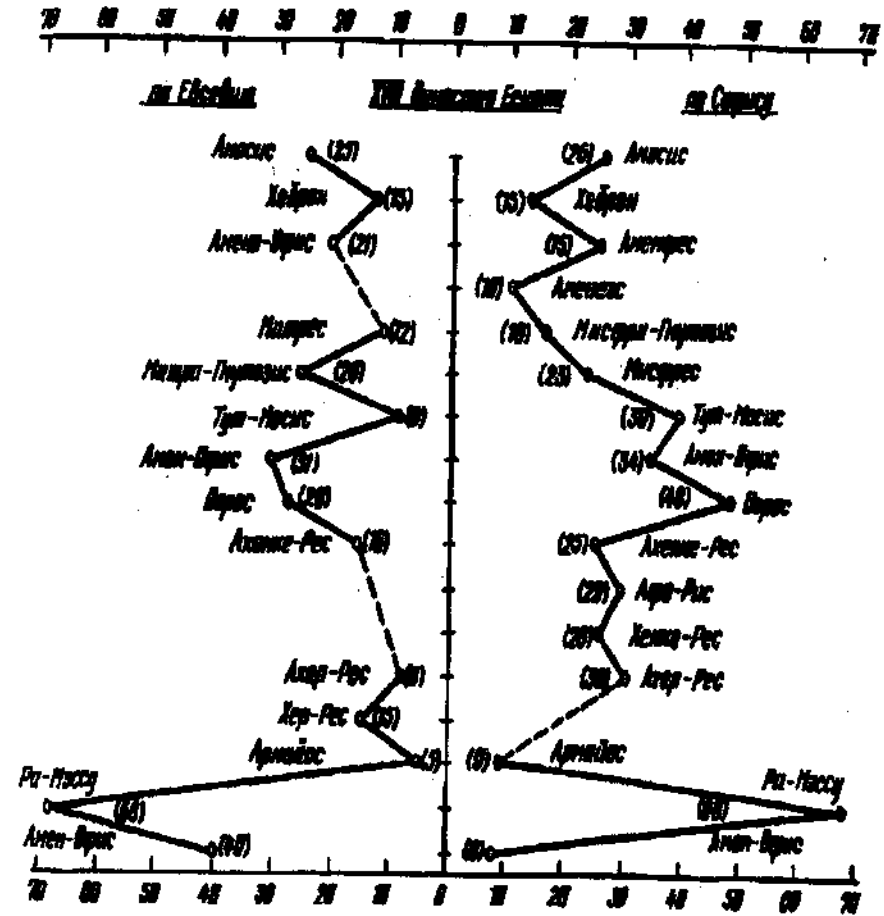

Рис.2

Заметим, что последние шесть правителей в левой части рис.3 — это упомянутые выше шесть дополнительных царей греческих авторов между Эхнатом и Рамзесом. Мы видим теперь, откуда эти цари списаны.

Евсевий и Синкеллос сообщают, что XVIII династия находилась у власти 347—348 лет. Но ровно столько лет прошло с 284 г., где года установления власти Диоклетиана, до 532 г., — года завоевания Египта арабами.

— Что же, и это совпадение случайно? — спрашивает Морозов.

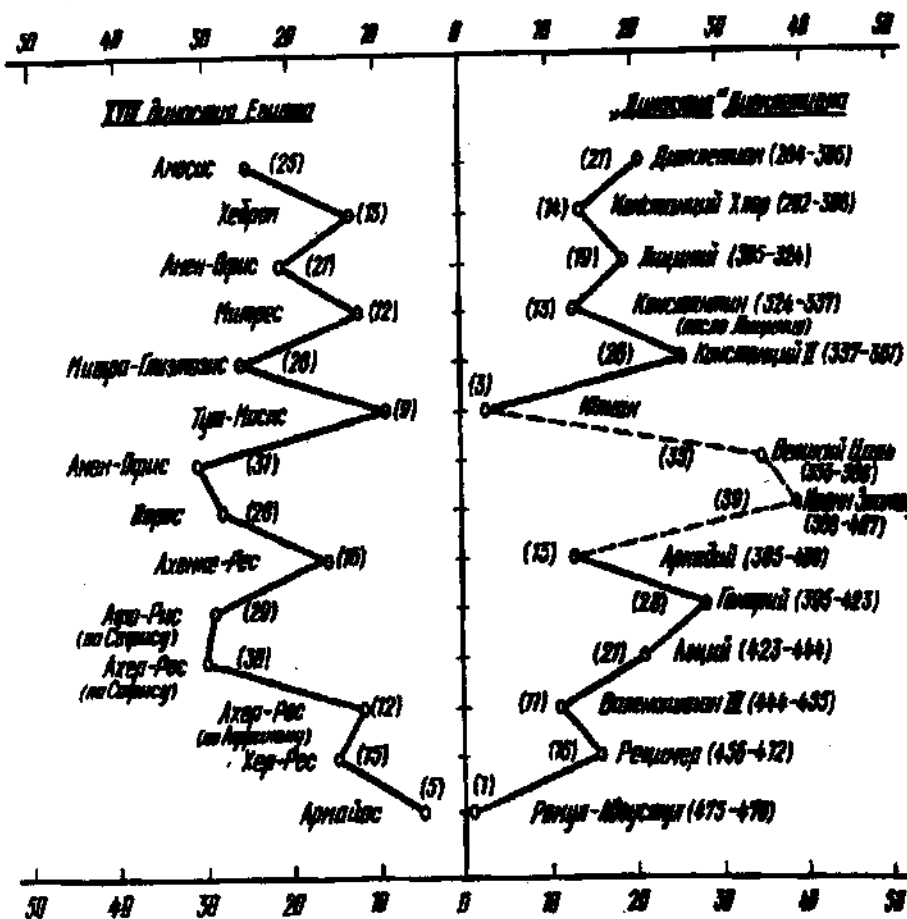

Рис 3.

Определенная периодичность египетской истории признается и традицией. Так, вся эта история делится на три периода: Древнее, Среднее и Новое царства, после каждого из которых государство распадается и история начинается вновь. Эти царства отделены друг от друга длительными промежутками, о которых историки ничего практически не знают. При этом, если распадение Среднего царства они приписывают социальным потрясениям и вторжению гиксосов, то о причинах гибели Древнего царства у них есть только гипотезы и общие соображения.

Здесь мы наблюдаем те же разрывы исторического процесса, что и между «Римскими Империями». Никакого разумного объяснения этим разрывам в рамках традиционных представлений предложить, по-видимому, невозможно.

Интересно, что египтологи (особенно ранние, не успевшие еще сгладить выпирающие неровности и замазать зияющие швы) замечали периодичность и на уровне династий.

«Так, Бругш говорит:

«Как шестой царский дом заканчивается царицей Нит-Акер или Нитокрис, и как царица Ноферу-Рэ была последнюю представительницей семнадцатого дома, так и принцесса Себек-Нофру-Рэ была последней отраслью двенадцатой царственной фамилии».

А я прибавлю к этому, что и Клеопатра была последней представительницей дома Птоломеев, в библейской истории мы знаем царицу Этанию (или Гофолию), закончившую предшествовавший период богославных царей, а в Евангелии мы читаем об Иродиаде, закончившей дохристианское царство.

Понятно, что Бругш, как усердный собиратель материалов, не обладавший обобщающими способностями, не делает никаких выводов из своих собственных сопоставлений, но математически образованный человек не может здесь не видеть отчетливых указаний на какую-то систему династий с периодическими повторениями» ([6], стр.982—983).

Кроме Бругша на периодичность египетских династий обращал внимание и Мариетт (см. выше), но тоже без каких-либо выводов.

Совсем другое подтверждение теории Морозова можно видеть в том, что так же, как и от римских императоров, от фараонов всех рассмотренных выше династий, кроме великих пирамид IV династии и гадательных малых пирамид V династии, не осталось никаких гробниц, за исключением гробницы Тутанхамона (т.е. фараона не фигурирующего ни в греческих списках, ни в иероглифических таблицах). В частности, для царей XVIII династии ни для одного из Аменхотепов не найдено гроба; нет гроба даже для самого знаменитого из них — Эхнатона.

В 1907 г. состоятельный американец Дэвис раскопал в Долине царей загадочный гроб с мумией, который приписывали и матери Эхнатона, Ти, и самому Эхнатону, и брату Тутанхамона, Сменхкара. Проблема атрибуции этого гроба посвящена даже специальная книга (см. [119]), но вопрос остается открытым. Почти наверняка в нем похоронен не

Эхнатон, а, быть может, Сменхкара тоже не упоминаемый в «первоисточниках» (см. подробности в [119]).

Нет гробницы и ни для одного из Тутмосов, хотя от Тутмоса III осталось много надписей, а от Тутмоса I даже специально посвященный ему храм (см. [6], стр. 990). У последнего фараона XVIII династии Хоремхеба (отсутствующего в Абидосской таблице, но имеющегося под именем Аменофиса у греков) есть храм, «но гроб в нем пуст и очевидно имеет лишь символическое значение, как пустые гробы Христа, обязательные в каждом христианском храме» ([6], стр. 989).

С точки зрения Морозова отсутствие гробниц объясняется очевидным образом. Впрочем, он замечает, что, если его отождествления и привели бы к тому, что одно и то же лицо приобрело несколько гробниц (и даже мумий), то это бы еще ничего не означало. «Ведь существовало же вплоть до последнего времени в различных местах несколько голов Иоанна—Крестителя, так почему бы не быть и несколькими мумиями его крестника?» ([6], стр. 939).

Любопытно, что и сами археологи находят по нескольку гробов (мумий?) одного и того же (по их мнению) фараона (см., например, [118], стр. 40).

Псевдодевятнадцатая династия

См. [6], стр. 1039—1104.

Эта династия особо замечательна тем, что ее главным представителем является Рамзес, фараон, на котором заканчивается Абидосская (так же, как и Саккарская) таблица, и который, тем самым, оказывается (см. § 1) полным династическим аналогом Христа. Интересно, что и без этой аналогии он является самым знаменитым фараоном Египта, «память о котором пережила века» ([118], стр. 38).

Его имя Рэ-Мессу (греческое Рамзес) может быть переведено как «Царь-Мессия», что тоже сопоставляет его с Христом. Египтологи насчитывают в XIX династии двух Рэ-Мессу, Рамзеса I и Рамзеса II. Не совсем понятно, к которому из них относится Абидосская таблица. Рамзес I сидел на престоле очень мало (год с небольшим) и его не знают ни Евсевий, ни Синкеллос (но «знает» Флавий). Напротив, Рамзес II царствовал исключительно долго (~ 68 лет!) и заслужил прозвище «Великого». Если это Христос, то не является ли Рамзес I Иоанном Крестителем? Но не исключено, что «истинным» Христом был Рамзес I, а на Рамзеса II была перенесена его посмертная слава (и заодно дано необыкновенное должительство).

Отцом Рамзеса II считается Сети I, «основатель величия XIX династии» ([118], стр. 58). По-видимому, это Константин I.

После Рэ-Мессу II традиция говорит еще о четырех—пяти царях XIX династии. Морозов не находит им аналогов среди светских властителей и гадательно сопоставляет их с главнейшими учениками Христа — Андреем, Петром и т.д.

Замечательно, что в отличие от предыдущих династий обнаружены мумии практически всех царей XIX и следующей династий. В частности, мумия Рэ-Мессу II была найдена еще в 1881 году и ныне хранится в Каирском музее. Морозов приводит рисунок ее головы и добавляет:

«Он мало похож на тот образ Христа, который теперь рисуют на иконах, и верующие, пожалуй, испугаются его, но все же только он один и может быть признан действительным портретом, так как в тождестве Рэ-Мессу II с Иисусом Навиным (т.е. Пророком) библейского «Пятикнижия», с пророком Илией библейской книги «Цари», с великим царем (Василием Великим) «Святцев» и с Иисусом Христом «Евангелий» невозможно сомневаться после всего сказанного мною в шести книгах этого исследования, несмотря на разницу его характеристик в перечисленных мною первоисточниках. Ведь все они не реальные биографии, а волшебные сказки из жизни замечательного по своему времени человека, истинный облик которого давно затерялся в глубине веков и каждый автор рисовал его по своему вкусу.

... Не похож Евангельский Христос на этого иероглифического Царя—Мессию, но каждое поколение творило его по своему вкусу» ([5], стр. 1105—1104).

От Рэ-Мессу осталось колоссальное число памятников культуры и письменности. Едва ли все они на самом деле принадлежат его времени (не исключено, что только малая часть), а не созданы значительно позднее в его честь и память. Поэтому не нужно думать, что вырисовывающийся из них его образ имеет большие основания на реальность, чем, скажем, образ Евангельского Христа. Само количество их еще ни о чем не говорит: просто ответвление христианской религии, почитавшее своего основателя в царском образе Рэ-Мессу, пользовалось для своих документов более устойчивым к влиянию времени материалом, чем другие не столь предусмотрительные секты.

Тем не менее, не вызывает сомнения, что определенная часть иероглифических документов, относится к некоему реальному правителю, достаточно долго осуществлявшему власть, и который, по-видимому, воспринимался своими подданными как живое воплощение Иисуса Христа и как таковой отождествлялся с ним.

Морозов десятками страниц цитирует иероглифические документы Рэ-Мессу, особо отмечая (довольно многочисленные!) черты его

сходства с Иисусом и нигде не находя каких-либо опровержений своей точки зрения. Эти черты сходства всем египтологам прекрасно известны (и потому мы на них останавливаться не будем), но они объясняют их и «общебожеским» характером как образа Иисуса, так и образа Рамзеса (по разъяснениям египтологов, каждый египетский фараон, подобно римским императорам, был в глазах его подданных богом).

Псевдодвадцатая династия

См.[6], стр.1104—1128.

По мнению Морозова, в этой династии мы, наконец-то, решительно и определенно порываем с «периодической системой» и вырываемся из «заколдованного круга семи царей».

У египтологов цари этой династии называются Рамессидами, поскольку все они носят одно и то же имя Рэ-Мессу (от Рэ-Мессу III до Рэ-Мессу XIII). Более того, опираясь на дурно прочитанные и еще хуже истолкованные неероглифические документы, Бругш, например, полагает, что все (!) эти Рэ-Мессу были сыновьями первого из них Рэ-Мессу III. Морозов подробно разбирает это мнение, детально выясняя его смехотворность. Мы не будем повторять его аргументации, поскольку современные египтологи с Бругшем также, по-видимому, не согласны.

Для царей этой династии имя Рэ-Мессу было, надо думать, тронным, официальным именем, подчеркивающим сакральный характер их власти. Не исключено, что они и в самом деле считались «мессиями», или, по крайней мере, живыми, земными воплощениями «Небесного Мессии». Во всяком случае, представление о мессии (по—арабски, махди) удержалось в арабском мире до наших времен: например, еще в конце XIX века руководитель и организатор борьбы народа Судана с английскими колонизаторами называл себя Махди.

Интересно, что согласно Бругшу деяния Рэ-Мессу III сильно напоминают Рэ-Мессу II. Морозов особо обращает внимание на многочисленные надписи, в которых Рэ-Мессу III описывает как он успешно отразил нашествие северных варваров. Это является одним из главных аргументов в его отождествлении Рэ-Мессу III с Феодосием Великим, первым якобы правоверно христианским правителем Средиземноморской империи, также отражавшим нашествие варваров.

Морозов полагает, что последующие Рэ-Мессу вплоть до Рэ-Мессу XIII представляют собой византийских императоров от Аркадия до Гераклия, при котором Египет попал под власть арабов, и правление христианских царей-мессий в нем кончилось.

Современные египтологи признают только девять Рамессидов до Рамзеса XI, на котором они оканчивают XX династию. Интересно, что в египтологической литературе известны еще дополнительные Рэ-Мессу вплоть до Рэ-Мессу XIX, но что делать с ними ученые попросту не знают. Во всяком случае, властью они не обладали и даже жили, по-видимому, не в Египте: Морозов называет их «царями-изгнанниками» и полагает (см.[6], стр. 1131—1132), что они списаны с последующих византийских императоров, которые населением Египта только и признавались законными теокритическими властителями. (Подобно тому как в начале XVIII века шотландские хайлендеры считали своим законным королем живущего в Париже Якова Стюарта.) При этом отождествлении Рэ-Мессу XIX падает на Феодосия III (716—717), которым кончается династия Гераклия и которому наследовал Лев Исавр, начавший иконоборческое движение. Конечно, египтяне, весь культ которых покоился на скульптурных изображениях, не могли признать Исавра правоверным религиозным руководителем и считать его царем-мессией (хотя бы и номинальным).

Тот факт, что при сопоставлении Рамессидов с Ираклидами первые кончаются как раз тогда, когда появляются императоры— иконоборцы, мы считаем решающим аргументом в пользу правильности этого сопоставления.

От псевдодвадцать первой до двадцать пятой династии

См.[6], стр.1131—1162 и [32], т.2, стр.20—25, 40—44.

Об этих династиях историкам известно очень мало. Снова Египет распадается на номы и сказка про белого бычка возобновляется опять. Это уже известные нам разрывы исторической ткани, имеющие целью связать воедино два разных рассказа.

Как и раньше в аналогичных «переходных мостиках», династическая информация невероятно спутана и противоречива. Однако теперь возникает нечто новое. По каким-то соображениям апокрифисты не стали выдумывать новых имен, а предпочли в XXI, XXII и XXIII династиях повторить одни и те же имена с незначительными вариациями. Более того, первые две династии также разбиваются на повторяющиеся блоки, идентичные с XXIII династией. Вот, например, как выглядит XXII династия у Бикермана:

Династия XXII

- 1) Шешонк I, 4) Шешонк II, 7) Шешонк III, 9) Шешонк V,
- 2) Осаркон I, 5) Осаркон II, 8) Пами, 10) Осаркон IV.
- 3) Такелот I, 6) Такелот II,

Шешонк IV и Осоркон III по Бикерману отсутствующие в этом списке относятся к следующей (!) династии. Следует иметь в виду, что этот список представляет собой плод длительной деятельности поколений историков по осмыслению и согласованию (на основании тех или иных догадок) противоречивой информации первоисточников (в которых, кстати, никакой нумерации царей, естественно, нет). Тем не менее, трехкратная периодичность здесь выражена вполне явно.

Аналогичная периодичность (как «внутренняя», так и «внешняя») имеет место и в династиях XXI и XXIII (см.[6], стр. 1134—1135). «Все это, как волчьи уши из-под овечьих шкур, показывает беспристрастному исследователю, хоть немного знакомому с теорией вероятностей, что тут — никак не последовательные династии, а лишь попытки сделать их из того же самого материала, со введением нескольких посторонних лиц...» ([6], стр.1153). Даже египтологи не смогли это проглотить и потому сейчас они просто отказываются от перечисления царей XXI и XXIII династий, продолжая свято верить в XXII династию (см.[12], стр.177—178).

Египтологи не могут даже прийти к соглашению о числе царей, скажем, в династии XXIII. Рекордсменом здесь является Бругш, отводящий на всю династию XXIII одного Осоркона (он же Саргон и Ус-Аркан), на всю династию XXIV одного Бокхориса (он же Бокенранф) и на всю династию XXII (царями которой были якобы эфиопы) двух соправителей (Шабака и Шабатака) и одного самостоятельного царя Тахарака. Современные египтологи сумели добавить к последней династии еще двух царей, сделав ее, таким образом, по количеству царей вполне приемлемой, хотя, например, Тураев (см.[32], т.2, стр.40—42) считает этих царей всего лишь местными владетелями.

К династии XXIV удалось добавить только отца Бокхариса, Тefнахта, а о династии XXIII современные египтологи, как уже говорилось, отказываются сказать что-либо определенное (склоняясь, по-видимому, к мнению Манефона, давшему этой династии трех царей).

«Уже одно то обстоятельство, что династии эти так малы, показывает, что прежняя Лепсиусова и Брутшева сказка о египетском белом бычке у нас теперь оборвалась окончательно и египетские цари начинают набираться как попало» ([6], стр. 1150).

Псевдодвадцать шестая династия

См.[6], стр.1152—1173.

«Энергичные владетели Саиса... в лице Псамметиха I начали XXVI династию и открыли новый период истории Египта, называемый в науке временем реставрации или египетского возрождения, периодом последнего, предсмертного блеска» ([32], т.2, стр.97).

Таким образом, мы снова в четвертый раз попадаем в вершину синусоиды повторяющейся египетской истории. Но на сей раз информации у историков мало: основным источником является Геродот (см.[44], стр.495) и отдельные иероглифические надписи. Любопытно, что судя по этим надписям египтяне как бы забыли всю свою историю и снова обратились к временам IV династии: «... вместо Рамзеса идеалом является Хеопс и его время усердно справляется культ древних царей, ремонтируются (!) — Авт.) их пирамиды и уцелевшие от их эпохи здания (а не строятся ли эти здания заново? — Авт.)... надписи этого времени, даже у частных лиц, с первого взгляда можно принять за произведения Древнего царства» ([32], т.2, стр.102). «Если мы теперь обратимся к поздним временам египетской истории, то, к удивлению своему, заметим, что саитская культура в точности воспроизводит культуру эпохи пирамид. Тексты, употреблявшиеся почти 3000 лет назад, снова входят в употребление. Снова могилы украшаются на старинный образец» ([85], т.1, стр.107).

В династии XXVI, по мнению историков, особо выделяются два царя: основатель династии Псамметих I и «последний из крупных царей Египта и вместе с тем одна из самых интересных личностей египетской истории — царь Амасис II» ([128], стр.408).

Морозов сравнивает династию XXVI с византийскими императорами от Юстиниана до Константина II:

№п/п	Саисские фараоны	Византийские императоры
1.	Псамметих I, 54 г.(664—610)	Юстин I и Юстиниан, 47 л. (518—565)
2.	Нехо, 15 л. (610—595)	Юстин II, 13 л. (566—578)
3.	Псамметих II, 6 л. (595—589)	Тиверий II, 4 г. 578—582)
4.	Априй, 19 л. (589—570)	Маврикий 20 л. (582—902)
5.	Амасис, 44 г. (570—525)	Фока, Гераклий 39 л. (602—641)
6.	Псамметих III, 1 г. (526—525)	Константин II, 1 г.(641—642)

Время правления фараонов указано по Бикерману (см.[12], стр.178). Гераклий пришел из Африки, неподчинившейся Фоке; поэтому годы его правления объединены с годами Фоки.

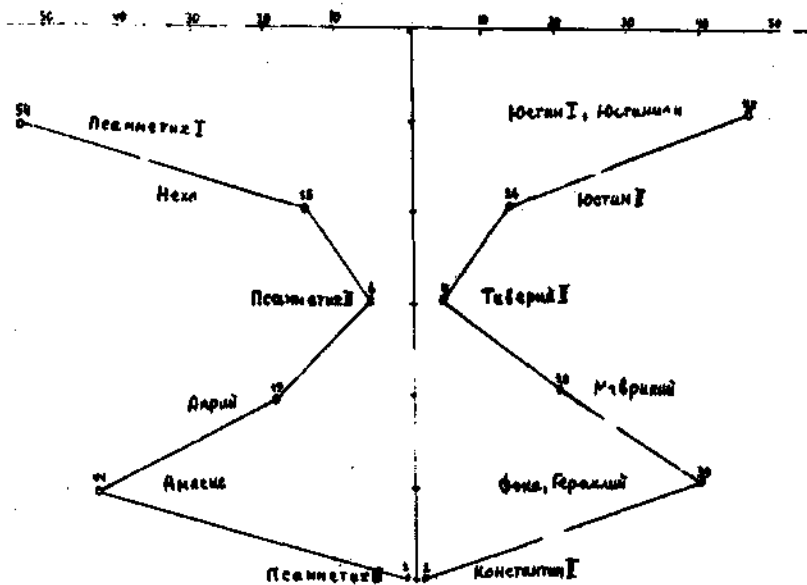

Рис.4

Ввиду отсутствия фактической информации произвести параллельное сравнение событий обоих династических потоков не представляется возможным. Можно только отметить, что крупным деятелям слева (Псамметиху I и Амасису) соответствуют крупные деятели справа (Юстиниан и Гераклий). Любопытно также, что согласно Геродоту Амасис был подобно Фоке «низкого рода» и пришел к власти в результате гражданской войны (см. [128], стр.408).

Сравнение длительностей правлений (см. рис.4) говорит само за себя.

Итак, мы видим, что и династия XXVI списана, как и следовало ожидать, с византийских императоров.

От псевдодвадцать седьмой до псевдотридцать первой династии

Саисская династия прекратила свое существование под ударами персов, подобно тому как власть Византии в Египте была уничтожена арабами. В следующую XXVII династию историки объединяют персидских царей (Ахеменидов), властвовавших над Египтом.

Как прекратилось в Египте господство персов, истории неизвестно (см. [32], т.2, стр.154). Кроме догадок ничего неизвестно и о сменившем персов царе Амиртее, из которого Манефон делает XXVIII (или Вторую Саисскую) династию с 6 годами царствования. От первого царя следующей XXIX династии, Неферита I, осталось две стелы, сфинкс с надписью, в которой упоминается Мемфис, и рельефы в Фивах. Кроме того, найдена погребальная статуэтка царя. Это дает право Тураеву с удовлетворением заключить, что «перед нами уже настоящий фараон, владеющий и Мемфисом и Фивами, производящий постройки в их храмах, ведущий международную политику, наконец, царствовавший до конца жизни» ([32], т.2, стр.155).

Мы видим, на основе каких крох фактического материала историкам приходится делать далеко идущие выводы. Самое же печальное, когда вывод сделан и несколько раз воспроизведен авторами монографий и учебников, уже никто не задается вопросом о его происхождении.

О XXIX династии больше ничего по существу неизвестно. Следующая XXX династия удивляет «староегипетскими» именами ее царей. Тураев пишет, что эти цари вели «постоянные трудные и сложные войны» и потому (?- *Авт.*) они «приняли в свою титулатуру имена, сближающие их с Сесострисами, Рамсесами и другими славными фараонами славной древности» ([32], т.2, стр.156). Когда Тураев начинает приводить примеры, выясняется, что это «сближение» состоит попросту в том, что два из многочисленных имен Нектанеба I те же, что у Аменхотена III и Рамсеса II, а тронное имя Нектанеба II «тождественно с таковым же именем Сенусерта I» ([32], т.2, стр.156). Приходится удивляться искусству египтологов, умеющих отличать надпись, скажем, Нектанеба II от надписи Сенусерта I.

Сведений о деятельности царей XXX династии Тураев приводит довольно много, правда, сообщая при этом, что «наш главный, если не единственный, источник — Диодор путает имена фараонов (интересно, как это было выяснено? — *Авт.*) и не дает нам возможности выяснить, что случилось при Акорисе, что при Нектанебе» ([32], т.2, стр.156). Он особо отмечает, что фараоны этой эпохи «были религиозны. Они считали своей обязанностью... заботиться о храмах. Следы этих забот до такой степени многочисленны, что вызывает удивление и кажутся невероятными, при мысли о кратковременных царствованиях и постоянных войнах. От Фил до Гесема и Навкратиса рассеяны воздвигнутые в это время храмы, наосы, статуи, обелиски, изваяния львов и т.п. И все это... поражает изяществом, законченностью, тщательностью отделки» ([32], т.2, стр.169).

Морозов сравнивает все три последние династии с арабами:

Египетские фараоны
 Династия XXVIII
 Амиртей, 5 лет, (404-399)
 Династия XXIX
 Неферит I, 6 лет, (399-393)
 Псаммут, 1 год, (393)
 Ахорис, 12 лет, (393-381)
 Неферит II, 1 год, (381-380)
 Династия XXX
 Нектанеб I, 17 лет, (380-363)
 Тахос, 3 года, (363-360)
 Нектанеб II, 17 лет, (360-343)

Арабские халифы
 Первые халифы
 Абу-Бекр, 2 года, (632-634)
 Омар всего 10 лет, (634-644)
 в Египте 3 года, (641-644)
 Пропуск
 Осман, 12 лет, (644-656)
 Али, 4 года, (656-660)
 Омайяды
 Муавия I, 20 лет, (660-680)
 Йазид I, 3 года, (680-683)
 Муавия II, 1 год, (683-684)

Время правления фараонов указано по Бикерману ([12], стр. 178).

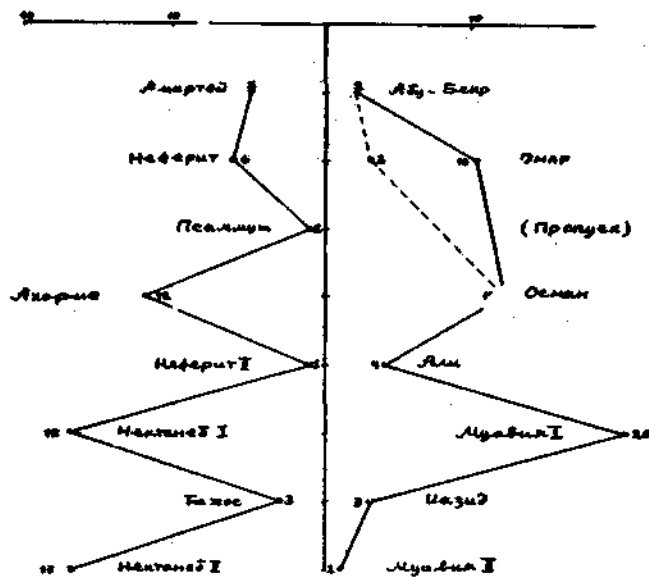

Рис. 5

Сходство выражено настолько резко, что нет сомнения в том, что под псевдонимом династий XXVIII—XXX скрыты арабские владельцы Египта. К слову сказать, один из пунктов, удивляющих Тураева (см. [32], т. 2, стр. 155), состоит в том, что Диодор (напомним, «главный, если не единственный, источник») говорит «о царе арабов и египтян!»

Против этого вывода можно возразить, что, скажем, Муавия никак не может быть осуществлявшим широкую религиозно-строительную программу Нектанебом, поскольку ислам запрещает изображения живых существ (это запрещение восходит к библейскому «не сотвори себе кумира»). Позже в главе 15, специально посвященной исламу и арабам, мы покажем, что это возражение серьезной силы не имеет.

После династии XXX Египет на короткое время вновь завоевывают персы. Это правление известно как XXXI династия; но, например, Бикерман ее просто опускает. Нам тоже нет смысла рассматривать ее отдельно от истории Персии.

Династия Птолемеев

«Списки всезнающего египетского жреца Манефо... заканчиваются 31 династией «египетских» царей, и после них историки уже самовольно, без жрецов, начинают царство Александра Македонского и его преемников—Птолемеев» ([6], стр. 1190).

Все представители этой династии имели одно и то же имя Птолемей (означающее «состязавшийся с богом», т. е. «Богоборец»; см. [6], стр. 1191) и отличались друг от друга номерами (от I до XII или XVI) и прозвищами: Спаситель (Сотер), Братолюб (Филадельф), Благодетель (Эвергет), Отцелюб (Филопатр), Выявитель (Эпифан) и т. д.

История Птолемеев довольно резко делится на два периода.

Первые Птолемей были умными, энергичными правителями, создавшими процветающее государство. Хотя они были греками и проводниками греческой культуры, но египтяне признавали их богами и для «первых Птолемеев египетские жрецы составили тронные имена по образцу бывших в употреблении при Рамсесе II и его преемниках... изображения (первых Птолемеев. — Авт.)... в виде фараонов встречаются на стенах храмов и на стелах в огромном количестве... В тексте, найденном в Пифоне, повествуется, после утверждения о божественном происхождении Филадельфа и длинных славословий в честь его, что в 5-й год своего царствования он отправился в Пифон, где в то время закончился постройкой храм Атума, заботился о его украшении, посетил затем находившийся вблизи другой храм Атума,

сделал в него богатые пожертвования. Потом он отправился в «Персию» (?! — Авт.)... Затем говорится, что царь поклонился со своей женой трем священным быкам, и приводится длинный список царских жертвований храмам. Если бы не греческие имена, да не поздняя орфография, мы бы могли принять этот текст за произведение Тутмоса или Рамзеса...» ([32], т.2, стр.212—215).

На рис.6 приведено сравнение пяти первых Птолемеев (и Александра Македонского) с шестью первыми «римскими» императорами. Хотя число точек сравнения мало для надежных статистических выводов, но в свете всего сказанного ранее, едва ли можно сомневаться в том, что и эта династия списана все с того же источника. К тому же и в событийной истории обеих династических потоков обнаруживаются многократные совпадения и аналогии. Например, нам говорят, что первый Птолемей Сотер (Богоборец Спаситель) в первые годы имел соправителей Александра II (сына Александра Македонского) и Филиппа Аридея, которых он, в конце концов, убил. В римской же истории убийства эти приписываются уже Константину, а сыну Александра соответствует тут Максимин (т.е. сын Великого), а Аридею Галерий. При Сотере так же, как при Юлии Цезаре и Диоклетиане, возвышается Александрия и в ней «сосредотачивается ученость всего мира». Третий Птолемей Эвергет (Богоборец Благодетель) ведет, подобно его аналогу Констанцию II, упорные войны на Востоке (с «персами») и т.д. и т.п.

Любопытно также, что Диоклетиан правил с 284 г. по 305 г., а его аналог Птолемей I с -305 г. по -284 г. Те же года, но только плюсы переменены на минусы!

Тот факт, что Александр Македонский налегает на рис.6 на Хлора, не означает, конечно, что он целиком списан с Хлора. Очень сложная и многосоставная легенда об Александре просто заимствовала у Хлора ряд деталей (в том числе и длительность правления).

Нам говорят, что Богоборцы—Птолемей возобновляли древние храмы, удерживая на них древние надписи, как действовали после них и римлян. «Все это утверждается, конечно, в объяснение того, каким образом стены храмов, на которых есть мелкие иероглифические указания на построение их при Птолемах, все исписаны не их собственными приключениями, а восхваляют главным образом царей чуждых им династий «за 5000 лет до них». Но такое объяснение может удовлетворить лишь по-детски наивного человека. Все, что мы знаем из всемирной истории о действиях слуг земных царей (потому что они, а не сами цари, разрисовывали стены), стоит с таким предположением

в полном противоречии. Слуги всегда льстили живым царям, от которых сыпались им милость и награды, а не давно умерших, за исключением тех, которых они считали на небе в свите бога-отца и его сына и потому способными не менее живого царя оказать им заступничество за грехи.

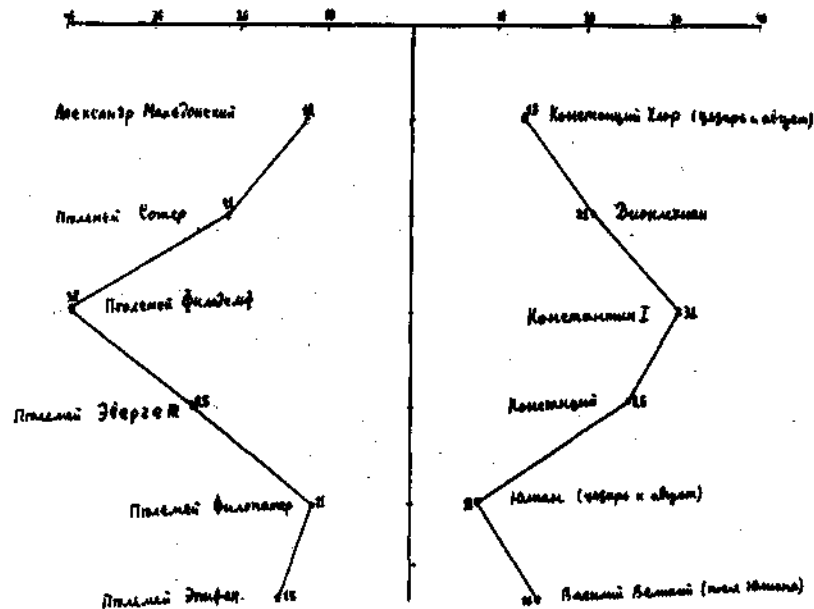

Рис. 6

Объяснение здесь может быть только одно: не слуги «Состязавшихся с богом» возобновляли с величайшей точностью хвалебные надписи древним царям, позабыв о своих собственных царях..., а было нечто совершенно другое...» ([6], стр.1199—1200).

Нет сомнения, что рисовальщики надписей подразумевали в них своих царей, Птолемеев, и сами Птолемей это хорошо понимали. Таким образом, эти надписи дают документальное доказательство тождества Птолемеев с якобы более древними египетскими царями.

Как и следовало ожидать, после первых Птолемеев в Египте наступает пора заката, о которой историки имеют весьма смутные и сбивчивые сведения. Найдены даже документы, утверждающие, что в это время власть в Египте перешла в руки другой (!) «туземной» (!!) династии (см. [32], т.2, стр.216). Пытаясь дать рациональное объяснение, историки изобретают концепцию восстаний, будто бы потрясавших в это время державу Птолемеев. Здесь мы в пятый раз сталкиваемся все с тем же разрывом между двумя апокрифическими периодами, возникающими из-за трудности их состыковки.

Нам говорят, что уже при Птолемеи VI (или VII) Филоматоре (Любящем мать) в Египте появляются римляне, влияние которых быстро растет. Следующие Птолемеи должны уже добиваться признания Рима. Их династическая история весьма сложна и путана.

Они то соправительствуют друг с другом, то уходят в изгнание, то возвращаются, то вновь изгоняются или убиваются. Один из Птолемеев женится сразу на двух Клеопатрах, одной матери, другой дочери и т.д. и т.п. Кончается все это драматической историей Клеопатры, после которой римляне осуществляют уже прямое правление Египтом. Победа над Клеопатрой (и ее любовником Антонием) завершила борьбу Октавиана за установление Римской империи.

Эта состыкованность последних Птолемеев с историей Рима заставляет думать, что в их истории действительно отражено время, предшествующее созданию Римской империи, но, конечно, не фантастической Империи II, а более реальной. Империи III. Таким образом, мы впервые получаем реальные шансы проникнуть вглубь за пределы «заколдованного» IV века.

Однако соответствующий пересмотр всего обширнейшего археологического и нарративного материала выходит за пределы наших возможностей.

В заключение стоит отметить, что при сдвиге всей династии Птолемеев на 350 лет вперед, индуцированным отождествлением Империи II с Империей III, Птолемей III придется как раз на время Птолемея-астронома. В этом совпадении следует видеть корректирующую руку одного из ранних апокрифистов, когда хронологии Империй II и III еще путались, а в легенде о Птолемеи-астрономе существовало представление о его царском происхождении (устойчивая средневековая традиция, сохранившаяся и в первые века книгопечатания, постоянно изображает Птолемея-астронома с царским венком на голове). Кто же дал кому имя, астроном царю, или царь астроному, пока можно только гадать.

Заключение

Произведенный обзор династической истории Египта не оставляет сомнений в общей правильности схемы Морозова, хотя детали его отождествлений (из которых мы привели только часть) бесспорно нуждаются в довольно серьезных корректировках. Но, конечно, прежде чем ее окончательно принять, необходимо обсудить, как эта схема сочетается с известными фактами о культуре и религии Египта (что мы пока почти полностью оставляли в стороне), а кроме того, ответить на главный вопрос: на основе каких предпосылок создалась «периодическая система египетской истории»?

Общая причина ее создания в целом ясна: необходимость удлинить историю, чтобы найти место для размещения на оси времени библейских государств (иудейского и израильского царств). Однако для создания многосуставчатой истории Египта нужно было иметь ее компоненты: представление о династиях и списки их правителей. Требуется объяснить, откуда они взялись. Точно также объяснения требуют возникновение археологических памятников Египта со всеми их особенностями, в частности, нужно объяснить, почему иероглифические надписи содержат информацию, в основном, согласующуюся с представлением о династиях.

Наконец, следует обсудить и вопрос об объективных, например, астрономических, способах абсолютной датировки египетских событий. Всем этим мы займемся в следующих параграфах.

§ 4. Механизм создания мифа

Египет и империя

Монотенстический культ единого Бога, зародившись у подножия капризного Везувия, нашел более спокойный центр своего развития в Египте, издавна признававшимся «святым» из-за естественной мумификации трупов. Ранневизантийские императоры не только находили в Египте место вечного упокоения, но и короновались в его храмах и приезжали в Египет на богомолье. Они, по-видимому, считали себя египтянами (хотя бы «духовно») и полагали своим долгом развивать в Египте строительство храмов и других сакральных строений. Этим и объясняется невероятная концентрация в Египте культовых сооружений во всех их видах.

Психологически совершенно не исключено, что египтяне считали не себя присоединенными к Риму—Византии, а наоборот, Рим и Византию присоединенными к себе. Тот факт, что их правители не жили на своей «древней родине» и даже, по-видимому, не владели местным, коптским языком, население долины Нила объясняло и оправдывало стратегической необходимостью, тем более, что на вечный покой императоры всегда приезжали в свою страну и в ней же воздвигали себе гробницы.

Морозов проводит здесь параллель с русскими императрицами XVIII века. «Весь русский народ считал их своими, а не немками, хотя они почти всегда говорили по-немецки, а по-русски выражались лишь с большим трудом и ошибками...

Но вы представьте себе, что обе страны (Россия и Голштиния. — *Авт.*) имели бы одну династию (с центром в Петербурге. — *Авт.*), как Австро-Венгрия до мировой войны... Тогда... вся голштейн-готторпская династия считалась бы в Германии и в Голштинии за свою собственную национальную династию, несмотря на то, что она... переселилась жить на берега Невы. Особенно же сильно пылала бы верноподданническое чувства и национальная гордость в Голштейне и Готторпе, если бы в дополнение к своему происхождению отсюда, каждый член этой династии украшал бы свою родину на счет «обильной и богатой русской земли» всевозможными религиозными, научными, общественными зданиями, вызывавшими удивление всего мира и делавшими Голштейн—Готторп местом восторга и посещения для иностранцев. И связь еще более поддерживалась бы, если бы каждый русско-голштинский царь после своей смерти обязательно погребался в стране своих (быть может только номинальных. — *Авт.*) предков...

Не появились бы и в Голштейне и в Готторпе на стенах зданий такие же многочисленные повествования о подвигах их царей и их

родственников и сановников, тоже перевозимых туда по традиции для погребения, как в место священное...

История голштейн—готторпской династии в России дает нам объяснение и разницы имен, под которыми называются те же самые лица в египетских и в европейских записях... Ульрих принял имя Петра III при приезде в Россию, Вильгельмина-Августа назвала себя Марией Александровной..., а датская Дагмара-София-Фредерика назвала себя Марией Федоровной...

Представьте теперь, что они погребались у себя на родине, которая никогда не считалась для них чужой. Какими именами украсили бы их гробницы местные патриоты-зодчие, особенно если б все мужские и женские имена в то время имели лишь характер прозвищ...?

Конечно, все эти императрицы были бы обозначены их местными именами и, раскапывая их останки, археолог отдаленных будущих веков, потерявший всякие сведения о них, счел бы их за местных властелинов» ([6], стр. 1010—1011).

К этому можно еще добавить, что судя по всему особого языкового различия между Византией и Египтом даже и не было, поскольку официальным языком Византии до VII века н.э. был (см. ниже, гл. 18, §4) семитический язык, близкий (если не тождественный) языку Библии. Что же касается греческого языка, он долгое время был языком простонародья и оппозиционных сект. «В силу» он вошел только с распространением написанных на нем Евангелий.

По сообщениям греческих авторов, Египет состоял из 42 автономных царств или номов, правители которых после объединения Египта под властью фараонов сохранили определенную самостоятельность и позднее образовали верхний правящий слой при дворе фараона. И мы должны верить, что эта типично феодально-средневековая структура существовала пять тысяч лет тому назад!

Морозов замечает, что разместить 42 нома на крохотной территории Нильской долины столь же трудно, как многочисленные библейские государства на территории Палестины. По его мнению, «то, что нам сообщают средневековые греческие авторы о географическом положении 42 номов, до того микроскопично и неправдоподобно с географической точки зрения, что не заслуживает даже серьезной критики» ([5], стр. 978). Он считает, что 42 нома — это 42 области Византийской империи.

Аналогично, известное деление Египта на Верхний и Нижний также является плодом недоразумения. На самом деле здесь первоначально имелись в виду две части Империи — Восточная и Западная, и даже после отпадения Запада восточные императоры по-прежнему

короновались в Египте двойной короной, подчеркивая свои притязания на главенство в обеих частях империи.

Примечательно, что как раз после завоевания Египта арабами поднимают в VIII веке голову римские понтифексы, отвергают руководящую роль восточных императоров и начинают претендовать на духовное руководство всем миром (см. ниже, гл. 16, § 1).

«Столицы» династий

В египтологии считается, что династии отличались друг от друга помимо всего прочего еще и резиденциями их царей. Например, столицей VI династии был город Мемфис (отчего и династия называется Мемфисской), а столицей IX династии — город Гераклеополь (отчего и династия называется Гераклеополитанской). При этом храмы и надписи, скажем, VI династии концентрируются около Мемфиса (или, точнее, около места, куда современные египтологи относят Мемфис; обнаружено же это место было как раз по храмам Мемфисских династий). Таким образом, география доказывает казалось бы реальность династий и, следовательно, ложность отождествлений Морозова.

Однако именно в географии Морозов находит дальнейшие подтверждения своей теории. В первую очередь (см. [6], стр. 1116—1120) он обращает внимание на большие несообразности в наших сведениях о столицах наиболее известных династий — Мемфисе и Фивах. Знаменитейшие «стовратные» Фивы помещаются египтологами в такой пустынный и удаленный от всех географически, стратегически и экономически важных пунктов уголок Верхнего Египта, около городка Коптоса, что даже при беглом взгляде на карту делается ясной полная невозможность существования здесь столицы мало-мальски обширного и богатого государства. В этом отношении Фивы вполне аналогичны Риму, на редкость неудачное географическое расположение которого мы уже обсуждали в § 4, гл. 8. Однако в отличие от Рима от Фив не осталось ничего, даже развалин.

Чтобы объяснить чудесное исчезновение города (с крепостными стенами и многочисленными каменными дворцами!) историки ссылаются на Птолемея IX, который будто бы приказал этот город полностью уничтожить (задача, которая в отношении, скажем, нашего Смоленска оказалась не по плечу даже гитлеровской армии, вооруженной современной военной техникой). Истории известны полностью разрушенные города, от которых не осталось даже развалин, но и они обнаруживаются, например, аэрофотосъемкой по остаткам фундаментов, улиц и т.п. К тому же для того, чтобы от города не осталось развалин

или хотя бы камней, необходимы совершенно особые условия. Понимая это, известный египтолог Мариетт предположил, что камни фивских руин (все без остатка!) унесены ежегодными наводнениями. Но ведь Нил не горная река, а камни в воде не плавают. Да и кто же будет строить столицу на месте, заливаемом ежегодно Нилом?

Почти такое же недоумение возникает и относительно Мемфиса, который египтологами помещается недалеко от Каира у разветвления Нила при входе в дельту. В отличие от местоположения Фив это место почти идеально и стратегически и экономически. Недаром здесь находится Каир, столица Египта в продолжении всей достоверной его истории. Однако египтологи помещают Мемфис не в Каире (тогда трудно было бы что-нибудь возразить), а километров на 50 южнее, где ныне ничего нет, кроме пустого поля и пальмового леса. Археологи прямо пишут о «разочаровывающей бедности» находок в районе Мемфиса, где были найдены только остатки фундамента храма и несколько других мелких развалин, никак не соответствующих пышным описаниям первоисточников (к которым принадлежат даже арабские писатели XIII века нашей (!) эры). Морозов пишет:

«Несомненно, — говорит Бругш, стараясь словом «несомненно» успокоить пораженного читателя (только что перед этим Бругш писал об отсутствии каких-либо достойных упоминания археологических находок в районе Мемфиса. — *Авт.*), — что громадные камни, употребленные здесь (?! — *Авт.*) на кладку храмов и зданий, в течение продолжительного времени вывозились постепенно в Каир и пошли на постройку мечетей, дворцов и домов города калифов».

Но почему же калифам нельзя было обосноваться прямо в том же месте, какое годилось для столицы столько тысяч лет? Да и не легче ли было накопать камней поближе?

И здесь выходит несоответствие: систематическая перевозка камней с одного берега на другой за полсотни верст едва ли могла окупать расходы, да и щебня при ломке осталось бы достаточно на месте. А его нет!

И вот для двух самых пышных столиц, так часто упоминаемых в египетских памятниках, одна (близ Коптоса) оказывается пропавшей без вести и стратегически неприемлемой, да и от другой (близ Каира) не осталось даже и щебня. Обе провалились сквозь землю...» ([6], стр. 1120).

Аналогично дело обстоит и со столицами менее заметных династий. Например, столицей «Тинисской» династии считается город Тинис, от которого, как говорят нам, осталась лишь кучка развалин около Абидосского храма в Гарабит-эль-Модерцкэ, вдали от культурных низовьев Нила, где так же как и в Фивах, никогда не могла организоваться столица Египта. Столицу «Элефантинской» династии египтологи помещают на

остров Джебзирет Ассуан совсем уже далеко от Каира. «Допустить, что тут скрывалась в пустыне... целая династия его властелинов даже смешно. Кто в людных центрах жизни стал бы признавать такую беглую пустынножительствующую династию? Разве не нашлось бы в Мемфисе тысяч людей, поспешивших заменить ее собою?» ([6], стр.991).

О некоторых фараонах нам сообщают, что они строили свои столицы на новом месте. И тут удивление вызывает невероятно неудачный выбор места для новых столиц. Так, например, новая столица Эхнатона Ахтатон («Горизонт Атона») расположена, по уверению историков, в замкнутой долине, из которой имеются лишь два узких горных прохода. В таком месте может быть все что угодно, но только не столица обширного государства. Построивший новый столичный город Рамзес II этой ошпинки не сделал. «Он сооружает себе столицу на границе Азии и Египта, которая была воздвигнута им столь же быстро, как Горизонт Атона Эхнатон... Город, воздвигнутый на границе Египта, сделался крупным центром и вызывал восторг тех, кто его видел.» ([128], стр.289). Кстати, не удивительна ли поразительная скорость, с которой египтяне возводили новые города? Ведь даже Петербург, заложенный Петром, потребовал для своего строительства несколько десятков лет пока сложился его ансамбль, а строила его вся Российская империя... Иероглифические памятники подробно описывают город Рамзеса, его храмы и дворцы, многочисленное, разноязычное (?) население, каналы (!) и озера (?) около него. Этот громадный город (описание которого так напоминает Константинополь, который, заметим, находится на границе Азии и Европы) полностью исчез и местоположение его неизвестно. Некоторые египтологи помещают его вблизи от нынешнего поселка Сан, но там раскопки обнаружили лишь обломки нескольких статуй (относимых к VI и VII династиям) и никаких остатков крупных зданий. Если город Рамзеса действительно был там, то он также исчез бесследно, как Мемфис и Фивы. Но спросим себя еще раз, можно ли допустить полные исчезновения крупных городов в такой стране как Египет, в почве которой сохранились многочисленные сооружения, существенно меньшего масштаба? На этот вопрос мы от историков ответа не имеем.

Фабрикация династий

С точки зрения Морозова, в отношении города Рамзеса вопросов нет — это явно Константинополь, город Константина. То обстоятельство, что в некоторых папирусах его местоположение якобы указано «между Египтом и Финикией» означает лишь шуточки переводческой фантазии.

Но, например, с Фивами или Элефантинной дело обстоит совсем иначе. Египтологи не случайно помещают Фивы в столь неудобном месте около Коптоса. Там на восточном берегу Нила до сих пор стоят величественные и хорошо сохранившиеся остатки Карнакского и Луксорского храмов, а на другом берегу также хорошо сохранившиеся остатки храма Рамзеса и нескольких других храмов. Ясно, — рассуждают египтологи, — что и столица, которую, судя по надписям, обслуживали эти храмы, должна быть неподалеку. Но, если сохранились храмы, то полное уничтожение всех остальных зданий делается уж совсем необъяснимым. Поэтому не остается ничего другого, как предположить, что на этом месте никогда не было никаких капитальных строений, кроме храмов, то есть, что здесь был крупный религиозный центр, но никак не светский. Заметим, что по-египетски Фивы назывались «Городом Амона», что греки переводили как «Диополис» — город Зевса.

Таким образом если мы, предположим, что названия династий произошли не от светских столиц, а от религиозных центров, то все отмеченные выше трудности исчезнут, и, более того, станет прозрачно ясным, почему эти «столицы» располагались в столь удаленных местах подалее от мирской суеты.

Морозов полагает, что в Египте IV—VI веков н.э. существовало много религиозных центров, связанных единством почитания бога-Отца, но отличающихся конкретными формами культа. Сейчас мы эти расхождения воспринимаем как поклонение различным богам, но, по-видимому, эти расхождения были ближе к тому, как в России в одном монастыре поклонялись «Смоленской Божьей Матери», а в другом «Владимирской».

Каждый центр в идеологических условиях того времени собирал вокруг себя художников, поэтов и ученых, т.е. был не только религиозным центром, но и сосредоточием культуры и учености. Поэтому Морозов предпочитает называть эти центры «схоластическими школами». Каждая из этих школ имела свой «научный» жаргон и развивала свой собственный ритуальный стиль в искусстве.

Морозов подчеркивает, что школы древней науки были замкнутыми организациями, ревниво относящимися к успехам других. «Каждая древняя школа, находясь в связи с культом того или иного местного бога, старалась держать свои открытия только для себя, оберегая от других... Почитатели бога Хема в Коптосе скрывали свои знания от почитателей бога Отца (Паты) в Мемфисе, а эти от них и т.д. и т.д.» ([6], стр.986).

Каждое «августейшее посещение» такой школы императором или его сановником выливалось в панегирическое торжество. Чтобы

снискать благосклонность императора (и получить кредиты и людскую силу для украшения существующих храмов и строительства новых) жрецы храма всячески изощрялись. Они присваивали императору новое имя, должествующее своей магической силой привлечь на него благословение божие, высекали на каменных панелях надписи и изображения, прославляющие императора и его предков, устраивали «народные» гуляния и т.д. и т.п.

Таким образом, в каждой школе император получал имя (или имена) специфичные для этой школы, которые только и использовались в высекаемых надписях. Результат понятен: в каждом религиозном центре создавался свой собственный список имен императоров и свой собственный набор прославляющих надписей, связанных друг с другом общими именами. Эти списки в руках апокрифистов и дали начало династиям, а стелы с надписями послужили современным археологам для «доказательства» реального существования династий.

Религиозные центры, естественно, различались по степени своей авторитетности. Наиболее авторитетные включали в орбиту своего влияния меньшие храмы, разбросанные по всему Египту. Эти меньшие храмы были вынуждены в прославлении императоров копировать своих старших собратьев, что и объясняет, почему стелы с именами, выдуманнами, скажем, в Карнакском храме, обнаруживаются теперь археологами и в других частях Египта.

Наиболее влиятельные школы дали начало наиболее знаменитым династиям, а школы маловлиятельные, чьи имена императоров не получили широкого распространения, породили династии незаметные и быть может даже не попавшие в список Манефона. (До сих пор археологи находят обломки надписей с ранее неизвестными именами царей, которые они могут часто только гадательно сопоставить известным фараонам).

Эта теория Морозова снимает все вопросы, возникающие в связи с династиями. В частности, она объясняет, почему династии не «перемешиваются». Ведь если один и тот же император имел, скажем, имена Усеркафу (V династия) и Яхмес (XVIII династия), а его сын — имена Сахура и Аменхотеп, то, казалось бы, в надписях, упоминающих этого императора и его сына все четыре пары имен Усернафу—Сахура, Усеркафу—Аменхотеп, Яхмес—Сахура и Яхмес—Аменхотеп должны встречаться одинаково часто. На деле этого не происходит и пары Усеркафу—Сахура и Яхмес—Аменхотеп существенно преобладают. В теории Морозова это объясняется соперничеством школ и их враждебностью, вызванной борьбой за благоволение императоров. Имена одной школы были запретны для другой (употребление их могло

считаться даже богохульством) и потому перемешивания имен различных школ не происходило.

К слову сказать, употребление имен царей в иероглифических надписях совсем не так закономерно и однозначно, как это может показаться из переводов и кратких обзоров. Имена шьвут и видоизменяются от надписи к надписи и египтологам понадобилось много остроумия и догадливости, чтобы привести их хотя бы в какое-то подобие системы. С точки зрения Морозова весь этот труд на девять десятых излишен.

Подчистка имен

Мы не будем анализировать с точки зрения теории Морозова все особенности употребления имен в иероглифических надписях (их слишком много и они слишком специальные), а ограничимся только одной чертой, наиболее резко бросающейся в глаза.

Как только были прочтены иероглифические памятники, сразу было замечено, что во многих из них первоначальные собственные имена царей-фараонов или их предков тщательно выскоблены и заменены другими.

«Доверчивые и простодушные египтологи XIX века, вроде Брутша, пытались объяснить это завистью преемников к своим предшественникам и желанием приписать себе их дела» ([6], стр. 1016).

Морозов издевается над этим объяснением. Он пишет: «Ведь надписи на общественных зданиях читали все грамотные люди в продолжение более или менее значительного времени, и могли даже жить и участники, и очевидцы этих событий. Все стали бы только смеяться над таким откровенным фатовством своего властелина. Как бы ни были бесстыдны нравы того времени, — чего мы впрочем не замечаем, — но это была бы уже такая степень бесстыдства перед своими собственными сотрудниками и придворными, которую психологически нельзя допустить ни для какого времени.

Такие подделки могли делаться только тайно, а не на глазах у всех...» ([6], стр. 1027—1028).

С этим рассуждением Морозова можно спорить, поскольку извороты человеческой психики неисповедимы, а степень возможного бесстыдства неизмерима. Но продолжение его рассуждений уже неоспоримо:

«... да и зачем были бы они? Кто мешал могучему султану приказать вырезать о себе какую угодно полную надпись, не стирая имен в предшествовавших? Или недоставало места на плитах? Но в таком случае всегда он мог приказать вытереть любую надпись целиком и вместо нее поместить... рассказ из своей собственной жизни...

Нет! Это объяснение египтологов XIX века совершенно не годится для реальной жизни. . .» ([6], стр. 1028).

Объяснение же Морозова «заключается в том, что рассказ был написан молодым ученым (членом «школы». — *Авт.*) о жизни давно умершей знаменитости. Автор получил разрешение смотрителя здания

выцарапать свое произведение на стене, но когда оно стало общедоступным, появились из среды старых ученых критики, которые начали опровергать сказанное и утверждать, что оно относится к жизни совсем другого лица. Тогда по решению всего ученого коллектива, могло быть постановлено, хотя может быть и безосновательно, выскоблить неправильно поставленное имя и заменить его другим, «правильным» ([6], стр.1028).

Это объяснение страдает тем недостатком, что оно имплицитно нужны только для него подробности внутренней жизни схоластической школы. Кроме того, оно не объясняет массового распространения подчищенных имен.

Мы предлагаем читателю вообразить картину неожиданного известия, что в ближайшем будущем в школу прибудет фараон со свитой. Лихорадочные приготовления выявляют отсутствие приветственных надписей, которые не успели приготовить заранее, а теперь уже нет времени их высекать. В отчаянии руководство школы решает использовать старые панегирики, относящиеся к предыдущим фараонам, заменив в них только имена. В суматохе торжественной встречи обман благополучно сходит с рук. Воодушевленные успехом, жрецы превращают подчистку имен в постоянную практику, чтобы заново не повторять для каждого следующего царя изнурительный труд высекания всей надписи.

Это объяснение целиком в русле идей Морозова, во всяком случае полностью согласуется с тем, что известно (на примере более поздних монастырей) о формах взаимоотношений светской и церковной власти.

Наряду с надписями, в которых имена заменены другими, есть много надписей, в которых имена стерты, но вместо них ничего не написано. Более того, во многих надписях стерты не только имена царей, но и другие несущие информацию собственные имена (названия месяцев, городов, племен и т.п.). Морозов объясняет это деятельностью позднейших христианских фанатиков, уничтожавших информацию, которая могла бы «вести верующих в соблазн». Но почему же эти фанатики не уничтожали всей надписи? Не имея ответа на этот вопрос, Морозов обсуждает также и другие варианты объяснений.

«Второе же объяснение я высказываю лишь с большой неохотой, но во всестороннем исследовании надо показать все возможности. В надписи могло оказаться хорошо знакомое имя слишком поздней эпохи для сторонника глубокой египетской древности и... оно могло быть вытерто каким-нибудь слишком правозверным путешественником..., когда чтение иероглифов... было только-что восстановлено Шамполлионом...

Я никогда не позволил бы себе высказать последней мысли, если бы... не воспоминания о рассказе одного русского путешественника по Египту в первой половине XIX века... Автор рассказывает там, что когда он посетил... гробницы и постройки, описанные Шамполлионом, но не нашел и следа от многих приводимых им рисунков, то на его вопрос, — «кто их стер?», сопровождавший его араб ответил, будто сам Шамполлион. На новый изумленный вопрос моряка: зачем же? — он получил от араба, еще помнившего Шамполлиона, лаконичский ответ: «для того, чтобы его книги оставались единственным документом для позднейших исследователей и люди не могли бы без них обойтись».

Конечно, араб мог и соврать, но зачем? И точно ли значительное число рисунков Шамполлиона оказались стертыми при приезде в Египет следующих египтологов? Если да, то его рисунки не могут считаться безусловно достоверными документами, как бы огромны ни были его заслуги в деле основания современной египтологии.

«Друг — Платон, — говорит латинская пословица, — но еще большим другом должна быть истина». Исследование стертых в египетских надписях собственных имен и замена их на вытертом кем-то месте новыми именами неизбежно наводит на предположение, что тут была сделана умышленная мистификация и, может быть, сделана именно тем, кто первый опубликовал эти надписи, особенно если опубликовано было в первую половину XIX века. Хотя ложное честолюбие и желание прославиться во что бы то ни стало и бывает чуждо по самой своей природе истинно гениальным мыслителям, однако, к сожалению, нельзя этого сказать о кропотливых компиляторах исторических фактов. Поразительным доказательством этого служит вся древняя история христианства, да и современный нам скандал с «нетленными мощами» в православных монастырях служит немалым образчиком недобросовестности тех, кому следовало бы быть особенно добросовестными. Вот почему при каждом отдельном случае серьезному исследователю приходится рассмотреть, какие из двух данных мною объяснений наиболее вероятны» ([6], стр.1028—1030).

По нашему мнению, объяснять какие-либо несоответствия в источниках фальсификацией со стороны современных исследователей, особенно когда на это нет прямых улик, это идти по линии наименьшего сопротивления и немногим лучше, чем просто отказываться от объяснения. Вопрос, почему и кем в иероглифических текстах стиралась информация, — это, таким образом, один из немногих вопросов, который у Морозова не имеет удовлетворительного ответа. Заметим, что у египтологов на этот вопрос вообще нет никакого ответа.

Стоит добавить, что вообще с вопросом об аутентичности египтологической информации дело обстоит не совсем хорошо. Мы уже указывали в § 3 на бесследное исчезновение камней с надписями, удостоверяющими принадлежность малых пирамид царям V династии. Этот случай не единичен. Например, писатель Олдридж в своей художественно-документальной книге «Каир» приводит стихотворение, которое, по утверждению одного авторитетного египтолога, было вырезано на туловище Сфинкса. Олдридж с юмором рассказывает, как, посетив в очередной раз Каир, он со знакомым ему египетским ученым облазил всего Сфинкса и был вынужден признать стихотворение бесследно (!) исчезнувшим.

Мы считаем, что весь этот вопрос требует самого серьезного исследования.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство Египта изучено очень подробно. Оно достигло совершенства очень рано: уже от Древнего царства «до нас дошли прекрасные статуи царей, знати и приближенных» ([128], стр.212), и хотя в дальнейшем изобразительное искусство Египта развивалось как количественно, так и качественно, но в продолжение тысячелетий оно вращалось по существу тех же формах, и если, например, фиванские изображения несколько отошли от традиций Древнего царства, то в Саисскую эпоху (через две тысячи лет!) скульпторы снова брали за образец произведения ваятелей Древнего царства (см., например, [32], т.2, стр.105).

Немыслимую неподвижность египетского художества историки «объясняют» общей косностью египетской культуры, что, конечно, совершенно неудовлетворительно. С точки же зрения Морозова никакой неподвижности не было. Все развитие египетского искусства укладывается в несколько сотен лет, а «разница, которую мы замечаем в искусстве различных местностей Египта, не есть разница культур, разделенных друг от друга тысячелетиями, а разница различных культов в различных местностях, разница культуры столиц и провинций, приморских и внутренних городов; в крайнем случае, это — разница культуры «отцов и детей» быстро и разнообразно прогрессирующей страны» ([6], стр.987).

Добавим к этому, что следует учитывать также различие, создаваемое традициями различных школ. Как известно, в среде религиозно ориентированных художников традиции на редкость устойчивы.

Эта схема Морозова, прекрасно объясняя искусство отдельно взятого Египта, немедленно наталкивается на возражения, когда мы переходим ко всей Византийской империи.

Действительно, в самой Византии, на севере, также строились здания, высекались статуи, писались иконы и работали златокузнецы. Однако оставшиеся от того времени здания, статуи, иконы и ювелирные изделия по своему стилю резко отличны от египетских. Почему же стиль византийского искусства не испытал египетского влияния, если египетские художники творили в то же время как и византийские, и если Египет был одним из важнейших религиозных центров империи?

Ответ очень прост и, по существу, выше уже был дан. Замкнутость художественно-религиозных школ и ритуальность их искусства делали для них невозможным свободное заимствование друг у друга не только внутри Египта, но и за его пределами. Поскольку в то время искусство было и могло быть только религиозным, то если бы какой-нибудь архитектор, скажем Константинополя, осмелился позаимствовать что-нибудь у архитекторов Египта, он был бы осужден всеми почти так же, как за ренегатство (смену религии). Поэтому художественные находки Египта не оказали никакого влияния на одновременное искусство Византии и наоборот.

Можно, правда, возразить, что, поскольку искусство Египта и Византии развивалось в одно и то же время, в рамках одного и того же государства и под влиянием одной и той же в целом религии, в них должно быть достаточно много общих элементов. Насколько нам известно, никто никогда не сравнивал искусство Византии и искусство Египта под этим углом зрения. Мы не можем считать себя достаточно компетентными для этой обширной задачи и потому оставим ее более подготовленным исследователям. Однако даже беглый взгляд обнаруживает в средневековом византийском искусстве «следы» египетского влияния. Например, в книге ([114], стр.130), приведено изображение Евангелиста Матфея, как будто сошедшее со стелы египетского храма.

Кроме того, сравнивая искусство Египта и Византии, следует иметь в виду, что на внешние проявления (формы) искусства часто влияют причины весьма разнообразного и трудно учитываемого характера.

Например, в чем причина того, что египетские художники рисуют людей исключительно в профиль? Морозов полагает, что причина этому — суеверие. «Анфасная фигура смотрит со стены храма прямо на вас, и это страшно. Всякий знает, что если у какого-либо портрета художник нарисует глаза глядящими вперед, то благодаря общим законам перспективы плоских фигур эти глаза будут обращены прямо на вас, стоите ли вы против портрета или отойдете в сторону.

Непонимающие перспективных явлений люди всегда удивляются этому и говорят, что такой портрет поворачивает на вас глаза, куда бы вы ни пошли. Существуют многочисленные рассказы (и известные литературные произведения. — *Авт.*) и о том, как портреты по ночам выходят из своих рам... И все такие рассказы были, конечно, повсюду распространены в суеверной древности» ([6], стр.987—988).

Портреты с глазами, проникающими вам прямо в душу, вызывают у суеверных людей не просто страх; они боятся, что их душа из глаз в глаза перейдет к портрету, а они останутся без оной. Боязнь анфасных портретов и вызвала, думает Морозов, профильный характер египетской живописи.

Византийцы, не менее суеверные, чем египтяне, полагали, по-видимому, наоборот, что «глядящий в душу» портрет святого передает зрителю частицу своей святости и потому поощряли изготовление анфасных портретов и икон (от которых и пошло, кстати сказать, представление о «всевидящем оке»).

В более позднее время (через два-три столетия) общая унификация и универсализация религиозного культа и государства повлекла за собой унификацию и универсализацию архитектуры и изобразительного искусства. Памятники этого времени, известные, — как мы теперь понимаем — под, вполне условным, наименованием «греко-римских» или «эллинистических», уже в достаточной мере едины как в Египте, так и в Константинополе и в Риме, хотя в Египте они и сохраняют отдельные локальные «древнеегипетские» черты.

Синкретичность эллинистического искусства Египта заставляет думать, что местом его зарождения была, вопреки его названию «греко-римского», именно долина Нила. Впоследствии оно распространилось к северу в рафинированном и «очищенном» виде. Как мы увидим ниже, это вполне сходится с независимо возникающими, морозовскими датировками «классического» искусства Греции и Рима, которое, таким образом, было не началом, а завершением длительного эволюционного развития.

Заключение

Итак, мы видим, что представление о замкнутых религиозно-культурных центрах, ищущих благоволения и материальной поддержки «власть имущих», объясняет в рамках единой концепции как особенности египетского искусства, так и происхождение «династий». Последующим апокрифистам (возможно вполне добросовестным людям) осталось только собрать вместе династические списки отдельных школ и вытянуть их в один бесконечно длинный ряд.

§ 5. Астрономические даты

Введение

Как мы знаем (см.гл.2, § 4) по существу единственное затмение, описание которого найдено в иероглифических документах («Такелотово» затмение) таково, что в попытках его отождествить у исследователей опускаются руки, а скажем, Гинцель прямо советует астрономам прекратить всякие изыскания времени солнечных и лунных затмений в Древнем Египте.

С традиционной точки зрения очень странно, почему за несколько тысяч лет в записях ни разу не было внятно отмечено, скажем, такое выдающееся событие, как солнечное затмение. Уже это одно должно посеять сомнения о тысячелетиях египетской истории.

Напомним, что «Такелотово» затмение описано так, что непонятно даже лунное оно или солнечное. Произошло оно 25 Месори. Согласно Бикерману (см.[12], стр.44) 1 Месори — это 25 июля. Поэтому 25 Месори — это 18 августа. Будем, для верности, искать затмение Солнца или Луны, видимое в Египте между 17—19 августа неизвестного года.

Морозов утверждает (см.[6], стр.751), что от начала нашей эры до XII века солнечных затмений, удовлетворяющих этим условиям, не было вообще, а лунных (полных) было только три: в 7 г. н.э., в 593 г. н.э. и в 658 г. н.э. Он с удовлетворением отмечает, что затмение 17 августа 593 г. идеально подходит, если мы в соответствии с общей периодической схемой египетских династий (см. § 3) отождествим Такелота с Мавриkiem.

Таким образом, можно считать, что здесь астрономия поддерживает морозовские отождествления. Считать, что астрономия дает неопровержимое доказательство нельзя, хотя бы потому, что датировка опирается также на определенное прочтение трудного текста и на некую календарную гипотезу.

Другой пример астрономической даты для Египта — это датировка Дендерского храма в гл.5, § 2. В отличие от предыдущего случая эта датировка абсолютно надежна. Как мы уже отмечали в § 3, даваемая астрономией дата, лишь с трудом интерпретируемая традиционно, полностью согласуется со схемой Морозова.

Оказывается, что есть еще два аналогичных случая, когда удается установить астрономическую дату. Эти случаи мы сейчас и рассмотрим.

Атрибские гороскопы

См.[6], стр.728—752.

В египетском поселке Атрибе, на краю песчаной пустыни, уже сравнительно давно были найдены полузасыпанные песком остатки

двух храмов. Один из этих храмов принадлежит к типу Дендерского, но окружающая колоннада обнаруживает греческое влияние, а скульптурные украшения обоих указывают на римскую культуру. Египтологи относят эти храмы к временам последних Птолемеев.

В 1901 г. экспедиция Ф.Петри открыла вблизи от этих храмов искусственную пещеру для погребения, стены которой были покрыты живописью и надписями, а на потолке красками были изображены два гороскопа (см.[6], рис.146 на стр.750), соединяющиеся в одну общую живопись и, очевидно, нарисованные одним и тем же художником в одно и то же время. Зодиакальные фигуры этих гороскопов имеют эллинистический характер, но обнаруживают и некоторые чисто египетские особенности. Планеты изображены птицами. По предположению Петри птица со змеиным хвостом изображает Юпитер, птица с бычьей головой изображает Сатурн, сокол изображает Марс, а птица без особых отметок, расположенная около Солнца, Меркурий. Венера изображена двуликим Янусом также около Солнца.

Основываясь на этой интерпретации, английский астроном Нобель предпринял в 1908 г. попытку датировать гороскопы Петри. Он отнес верхний гороскоп к 20 мая 52 г. н.э., а нижний к 20 января 59 г. н.э. Совпадение вычисленных результатов с изображенными на гороскопе, по-видимому, его удовлетворило не вполне. Он писал, что расположение планет в гороскопе «вероятно взято из таблиц, а не из наблюдений, а местоположение указано по знакам (астрологическим. — *Авт.*), а не по созвездиям» (см.[6], стр.732). Дело в том, что оба гороскопа дают резко неправильные положения для Меркурия, а нижний гороскоп и для Венеры.

Проверочные вычисления, проведенные сотрудником Морозова астрономом Вильевым показали, что согласие еще хуже, чем думал Нобель. При отнесении верхнего гороскопа к 20 мая 52 г. удовлетворительным оказывается только положение Луны и с некоторой натяжкой Сатурна. Вильев замечает, что для 52 г. значительно лучше подходит 21 апреля, когда плохи только Венера и Меркурий. Что же касается даты 20 (или 25) января 59 г., для нижнего гороскопа то плохо подходят Венера и Сатурн и совсем не годится Марс.

Вильев произвел исчерпывающие вычисления для интервала от -500 г. до +600 г. и пришел к выводу, что в эту тысячу лет была только одна пара пригодных дат: 1 мая минус 185 года для верхнего гороскопа и 6 января минус 178 года для нижнего. Однако, как замечает Морозов, и здесь согласие довольно плохое. Для верхнего гороскопа неудовлетворительными оказываются Юпитер, Венера и Меркурий, а

для нижнего — Юпитер. Марс и совсем плох Сатурн. Вильев предположительно рассматривал также пару (8 апреля + 349 г., 15 января + 355 г.), но, как указал он сам, согласие для нее еще хуже. Морозов пишет:

«Все это заставило меня через несколько лет снова пересмотреть вопрос.

В правильности вычислений Вильева у меня не было ни малейших сомнений, продолжать его вычисления на эпохи крестовых походов казалось излишним, а потому мне пришлось коснуться самого их фундамента.

Прежде всего поднялся вопрос: насколько правильно Британская египтологическая школа приняла птицу со змеиным хвостом за Юпитера, а птицу с бычьей головой за Сатурна?

В книге Флиндерса Петри не приведено ни малейших указаний на законность такого выбора. С астрономической же и особенно с мифологической точки зрения вернее признать обратное. Юпитер, как известно, обращался в быка, а Сатурн никогда. Сатурн был зловещей планетой, несущей моровые поветрия, а потому ему и приличен хвост со змеиной головой (и змеи, исходящие из клюва, по изображению на нижнем гороскопе), а никак не благодетельной планете — Юпитеру. Конечно, можно принимать этих змей за молнии, как делает Флиндерс Петри, но он уже совершенно неправильно считает двуликого Януса под Тельцом в верхнем Зодиаке (и над Рыбами в нижнем) за Венеру, тогда как по мифологии и по астрономии это должен быть Меркурий, выглядывающий из-за Солнца то справа, то слева. Тогда и остаточная птица без особых отметок окажется не Меркурием, а Венерой» ([6], стр.738—739).

Однако при таком истолковании изображений атрибских гороскопов возникает новая трудность. Если при истолковании Петри Юпитер и Сатурн попадают в назначенные им на нижнем гороскопе места через 7 лет, то при истолковании Морозова это происходит только через 16 лет, причем оказывается, что по закону своего движения Марс из Рака (как он указан в верхнем гороскопе) не может за 16 лет попасть под Водолея, как он указан в нижнем гороскопе, а будет еще в Козероге. По этому поводу Морозов замечает, что поскольку оба гороскопа явно нарисованы одновременно, то более ранний (на 16 лет) гороскоп должен был рисоваться либо по воспоминаниям, либо по вычислениям, и потому небольшая ошибка для быстро движущегося Марса вполне извинительна. На этом основании Морозов считает основным второй, нижний гороскоп, как наблюдаемый непосредственно, а верхний, вычисленный, рассматривает как вспомогательный.

Морозов утверждает, что единственная пара сочетаний планет, удовлетворяющая всем условиям, была

6 мая 1049 г. н.э. и 9 февраля 1065 г. н.э.

При этом гороскоп 9 февраля 1065 г. подходит идеально, а в гороскопе 6 мая 1049 г. оказались незначительно сдвинутыми влево лишь быстродвижущиеся Марс и Венера (Марс вместо Льва указан в Рыбах, а Венера в том же Тельце, но ближе к Овну).

Для полной определенности Морозов, дополняя вычисления Нобеля—Вильева, просчитал арийские гороскопы в интерпретации Петри с 600 г. до наших дней. Ни одной пары констелляций планет, удовлетворяющей условиям этих гороскопов, как и следовало ожидать, не обнаружилось.

Гороскоп Бругша

См.[6], стр.734—728.

В 1857 г. Бругш откопал египетскую мумию в прекрасно сохранившемся деревянном гробу, на внутренней поверхности крышки которого по обеим сторонам олицетворяющей небо богини Нут изображены на фоне звезд двенадцать созвездий Зодиака посредством совершенно таких же рисунков, как и в астрономиях эпохи гуманизма (см.[6], рис.139 на стр.595 и [58], рис.151 на стр.300).

Однако наибольший интерес вызывают не эти рисунки, явно сделанные профессиональным изготовителем гробов по принятому тогда образцу, а надписи демотическим письмом около некоторых знаков Зодиака с левой стороны богини Неба, сделанные тем, кто клал в гроб покойника. Между Раком и Львом по направлению к голове Льва очень близко друг от друга написано Гор-пе-ка и Гор-по-сета, что Бругшем переводится как Юпитер и Сатурн. Около Девы ближе к Льву написано Гор-те-зер, т.е. Марс, а между Скорпионом и Стрельцом, ближе к голове Стрельца, написано Пе-нетер-тау, т.е. Венера. Наконец, между Скорпионом и Весами написано Се-бек, т.е. Меркурий.

Интересно, что Пе-нетер-тау, собственно говоря, означает «Светило утра», тогда как Венера между Скорпионом и Стрельцом видима только по вечерам. Это означает, что автор надписи уже знал об единстве вечерней и утренней Венеры.

Пользуясь описанным в гл.5, § 1 методом, можно без труда выделить все года, когда Юпитер и Сатурн были в тесном соединении около головы Льва. Оказывается, за период от — 820 г. до + 1860 г. (более ранние года брать нет нужды, поскольку, по мнению египтологов, факт

употребления демотического письма указывает на «римскую эпоху») было 14 таких случаев, распадающихся в три серии.

В начале каждой серии Юпитер и Сатурн сходятся в первой половине Рака, в середине каждой серии они находятся во второй половине Рака, ближе к голове Льва (т.е. точно там, где указано в гороскопе), а в конце каждой серии Юпитер и Сатурн оказываются уже в спине и за спиной Льва. Таким образом, дальнейшему исследованию подлежат только 6—8 соединений посередине серий.

Чтобы идти дальше, желательно знать положение Солнца. При первоначальном изучении этого гороскопа Морозов полагал (см.[58], стр.299—301), что положение Солнца указано кружком на коромысле Весов. Однако позднее, изучив средневековую астрологическую литературу, он обнаружил, что обозначение Весов с кружком Солнца на коромысле является постоянной практикой астрологов и, по-видимому, обязано своим происхождением лишь тому, что при Солнце в Весах наступает осеннее равноденствие, знаменующее начало гражданского года. Поэтому позднее Морозов пришел к заключению, что положение Солнца указано в гороскопе косвенным образом. Он обратил внимание, что две зодиакальные фигуры, Телец и Скорпион, художником зачернены. Этот факт Морозов расценивает как указание на кульминацию Тельца темной ночью, в полночь и на исчезновение Скорпиона в лучах Солнца. Таким образом получается, что Солнце указано в Скорпионе.

Находясь в том же созвездии что и Солнце, Меркурий должен быть невидим. Поэтому надо думать, что его местоположение было не наблюденно, а вычислено. Значит, доверять особенно этому местоположению было бы опасно.

Что касается Луны, то ее серп изображен в головном уборе Девы. Поэтому, считает Морозов, Луна была в Деве.

По нашему мнению, отнесение Солнца в Скорпион, а Луны в Деву очень натянуто. Самым подозрительным моментом является то, что зачернение Тельца и Скорпиона, и так же как изображение Луны в голове Девы, заранее осуществлено изготовителем гроба. Если он сделал это по указанию астролога, произведшего остальные надписи, то почему же он ограничился только этими двумя планетами и почему это сделано в столь зашифрованном виде? Ответа на эти вопросы Морозов не дает.

Учет положения Марса и Венеры без знания положения Солнца, хотя и возможен, но требует канительных вычислений. Поэтому мы им не занимались.

Если же предполагать Солнце в Скорпионе (а Луну в Деве), то на отрезке от минус 5400 года до наших дней гороскоп Бругша, как подробно показывает Морозов, имеет единственное решение.

17 ноября 1682 года

Небесная ситуация на эту дату в точности отвечает гороскопу Бругша в отношении Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца и Луны. Венера шла налево от Солнца около головы Стрельца, что очень близко к ее местоположению в гороскопе. Однако Меркурий находился в это время не между Скорпионом и Весами, а по другую сторону от Скорпиона ближе к Стрельцу (но все равно был невидим). Морозов объясняет это либо тем, что положение Меркурия было неточно вычислено, либо просто тем, что для надписи «Меркурий» между Скорпионом и Стрельцом уже не оставалось места.

Как бы то ни было, никакого лучшего решения гороскопа Бругша (при Солнце в Скорпионе) не существует.

Дата 17 ноября 1682 г., конечно, неожиданна и, скорее всего, неверна. Сам Морозов был ею удивлен (см. [6], стр. 728). Впервые получив эту дату, он, как пишет, «не поверил своим глазам, и, желая примирить астрономию с уже установившимися взглядами на древность египетской культуры, поступил так, как поступали и другие астрономы в подобных случаях, хотя сам же и упрекал их за это. Увидев, что при Солнце в Скорпионе ничего, кроме 1682 года, не выходит, я принял кружок над Весами за указание на положение Солнца в Весах и удовольствовался тем, что получил с грехом пополам решения на 6 октября 95 года и 25 октября 710 нашей эры, хотя в октябре 93 года сближение Юпитера и Сатурна произошло не у пасти, а над спиной Льва, а в октябре 710 года Юпитер уже приближался к хвосту Льва, когда Сатурн был у его морды» ([5], стр. 698).

Что касается нас, то в 1682 году для гороскопа Бругша мы не видим ничего страшного. Вполне возможно, что знание иероглифической азбуки и демотического письма сохранялось в тайных оккультных сектах и до XVII века. Мы возражаем лишь против помещения Солнца в Скорпионе. Поэтому, до дальнейшего исследования, мы не считаем возможным окончательно отбросить и другие возможности, прошедшие проверку Юпитером и Сатурном.

Таким образом, в отношении гороскопа Бругша мы пока не можем чисто астрономически отвергнуть классическую датировку Бругша на начало н.э. Точно также окончательно не отвергается и морозовская

датировка новым временем. Конечно, в свете всего сказанного выше датировка Бругша невозможна, а датировка Морозова ничем не подкреплена. Поэтому мы думаем, что истинное время бругшева гороскопа дается одной из средневековых серий дат; скорее всего он был изготовлен либо около 770 г. н.э., либо около 830 г. н.э.

Заключение

Мы видим, что ни одна из четырех астрономических дат теории Морозова не противоречит.

Абсолютно надежная датировка Дендеровского храма лишь с трудом укладывается в классическую схему истории Египта и идеально соответствует морозовской.

Датировка атрибских гороскопов (также достаточно уверенная) уже начисто опровергает классическую схему. Что же касается схемы Морозова, то ей несколько не противоречит вытекающее из этой датировки представление о захоронениях в XI веке «по египетскому обряду». Хотя в это время власть в Египте уже принадлежала мусульманам, но при известной их веротерпимости египетские похороны были в то время вполне возможны, особенно, если они производились без особого шума или даже тайно (на эту мысль наводит уединенное и скрытое расположение раскопанного Петри склепа).

По мнению Морозова, иероглифическая письменность была в ходу в Египте во всяком случае до мамелюкской революции 1250 года.

Вытекающее из морозовской датировки бругшева гороскопа сохранение (хотя бы в тайных сектах) остатков иероглифической грамотности до XVII века, ничем другим не подтверждается, а сама датировка представляется сомнительной. Скорее всего этот гороскоп был составлен в юнзе VIII — начале IX вв., что идеально согласуется со схемой Морозова.

Наконец, «Такелотово» затмение настолько неопределенно, что самостоятельного значения для датировки не имеет. Замечательно, однако, что подогнать его под классическую схему никак не удастся, а схеме Морозова оно подчиняется безупречно.

Читатель может теперь сам решить, какую из схем истории Египта — классическую или морозовскую — подтверждает астрономия.

§ 6. Религия Египта

Морозовская схема истории Египта влечет, что египетская религия представляет собой одну из локальных форм раннего после апокалиптического христианства. В этом параграфе мы рассмотрим вопрос о том, согласуется ли этот вывод с известными фактами о религии Египта.

Общая характеристика древнеегипетской религии

Общераспространенное мнение состоит в том, что мы достаточно подробно знакомы как с религиозными верованиями древних египтян, так и с формами египетского культа. Однако, как это часто бывает с популярными мнениями, оно верно лишь в определенной степени.

Безусловно, что древнеегипетские письменные источники «чрезвычайно многочисленны и богаты. Мало таких текстов, которые бы вовсе не имели значения для истории религии; даже книги медицинского содержания, сказки и частная переписка доставляют много материала. Значительно большая часть сохранившихся памятников с находящимися на них подписями, храмы, пирамиды, гробницы, обелиски — были посвящены религиозным целям. Из дошедших до нас папирусов, быть может девять десятых религиозного содержания. Тем не менее, весь этот материал довольно односторонний; происхождением своим он почти всецело обязан существовавшему похоронным обрядам, и содержание его имеет ближайшее отношение к погребению и загробной жизни. Из мифологических отрывков известны лишь немногие, да и вообще понимание религиозных текстов постоянно затрудняется частыми намеками на совершенно неизвестные нам сказания о божествах...

Само собой разумеется, что мы имеем сравнительно немного источников для изучения периода древнего царства. Ряд гробниц... дают довольно скудные сведения о религиозных верованиях древних египтян. Надписи в большинстве случаев имеют характер кратких формул... зато пять малых пирамид в Саккара содержат около 4000 строк религиозных текстов...

Почти на половину они состоят из изречений и молитв, которые имеют в виду обеспечить пропитание умершему при посредстве богов. Рядом с этим мы имеем целый ряд магических заговоров для предотвращения голода и жажды и для избавления от змей и скорпионов... Многие тексты относятся к погребальному ритуалу и предназначены к тому, чтобы возвратить действующую силу глазам, рту и всем членам усопшего... Подбор текстов на различных пирамидах кажется довольно произвольным. Некоторые из них повторяются на стенах

могил и гробниц, относящихся к периоду среднего царства. В саитскую эпоху (26 династия) эти самые тексты снова входят в употребление; многие из них попадают в саркофагах и гробницах того времени. Лепаж Ренуф встретил некоторые из этих текстов на папирусах греко-римского периода...

Гробницы среднего царства дают больше материала... Огромное количество деревянных гробов включает очень интересные тексты, с которыми мы уже знакомы отчасти по надписям на пирамидах, отчасти же по фивскому погребальному сборнику (книга мертвых). Папирусы среднего государства относятся большей частью к легкой литературе (не наблюдаем ли мы здесь опять ту же плодотворную схему, как и в греческой литературе? Ср. гл. 1, § 5.— *Авт.*)

...Начиная с 18-й династии, мы снова имеем более богатые источники... Изображения и надписи на стенах храмов по содержанию своему весьма разнообразны... Фивские гробницы царей включают в себе целую литературу...

Из произведений этого периода наибольшее значение для истории религии имеет погребальный сборник, так называемая «книга мертвых»... Почти наверное можно сказать, что произведение это не имеет никакого отношения к ритуалу; это скорее руководство для мертвецов, своего рода путеводитель по загробному миру...

Многие главы фивской книги мертвых знакомы нам по текстам среднего периода, но они, бесспорно, гораздо древнее... В некоторых главах указано, что они найдены при том или другом царе из первых династий или что они ими составлены (таким образом, мы видим, что книга мертвых проходит через все династии; факт, который лучше всего объясняется, если мы предположим, что все эти «династии» одновременны. — *Авт.*)...

Своеобразная группа религиозных писем дошла до нас из фивских гробниц царей... Это, главным образом, литании в честь солнца... Одна из царских гробниц дает нам очень замечательный отрывок, содержащий легенду о Ра, как он истребил грешный человеческий род и снова водворяет порядок на небе и на земле...

Естественно, конечно, ожидать, что древний Египет наряду с многими религиозными текстами завещал нам также и богослужебные книги. Так оно и есть в действительности. С ритуалом культа Озириса в его Абидосском храме мы знакомимся по иллюстрированному описанию его на стенах храма. Требник службы богу Амону в фивском святилище сохранился в одном берлинском папирусе. Ритуал, совершавшийся при бальзамировании трупа, найден Масперо в парижском и булонском папирусах... Все эти произведения имеют

огромное значение для ознакомления с представлениями египтян о посмертной жизни. Магическая литература периода нового царства очень богата... Большая часть магических папирусов включает заклинания против болезней и демонов и указания насчет приготовления и освящения амулетов...

С религиозною поэзией нового царства знакомимся мы по целому ряду гимнов, обращенных к различным богам... Невозможно точно разграничить собственно богослужебную поэзию от религиозной вообще. Много гимнов в честь Озириса, Ра, Амона-Ра, Нила и т.п. сохранились в памятниках и папирусах. В них мы находим по большей части одни и те же стереотипные фразы, потому что каждого бога принято было называть высочайшим, отцом богов, создателем вселенной и т.д.» ([85], т.1, стр.99—108).

Односторонность имеющегося материала, несмотря на его количественное богатство, позволяет создать целостное представление о египетской религии только в рамках определенной его интерпретации с большим числом домысливаний и на основе целого ряда априорных установок. Неудивительно поэтому, что различных мнений о характере египетской религии практически столько же, сколько специалистов, ее изучавших. «Сущность ее определялась как монотеизм, пантеизм, генотеизм, солнечный культ, поклонение природе, анимизм или, наконец, фатализм...» ([85] т.1, стр.111).

Сторонники монотеистического характера религии Египта (де Руже, Пьерре и др.) основываются (см.[85], т.1, стр.111) на многочисленных чисто монотеистических высказываниях древнеегипетских текстов. Особое значение они по справедливости придают тому, что каждый из многочисленных богов египетского пантеона обладает качествами единого бога (он высочайший бог, отец богов, создатель мира и т.п.). Это можно понять только предположив, что все эти «боги» являются лишь различными локальными личинами одного единого Бога, в которых персонафицируются различные его атрибуты.

Сторонники других точек зрения игнорируют этот аргумент, полагая, что «самые резкие противоречия не казались обременительными древнеегипетскому уму» ([85], т.1, стр.111). Конечно, таким образом можно доказать все, что угодно.

На самом же деле, имеющийся материал сам по себе не позволяет определить тип египетской религии. Он укладывается как в монотеистическую, так и в политеистическую схемы. Выбор той или иной схемы определяется исключительно исходной установкой исследователя.

Вместе с тем, общетеоретические соображения § 2, гл.10 имплицитно, что каждая монотеистическая религия имеет свои корни в раннем христианстве. Поэтому, признав монотеистичность религии Египта, мы вынуждены будем признать и ее христианский характер.

Естественно, что этот теоретический вывод нуждается в подтверждении на конкретном материале.

Христианство и египетская религия

Историки религии вскрыли многочисленнейшие параллели между христианским и египетским культами. Подытоживая эти исследования, проф.Мейэффи пишет: «Едва ли есть в иудаизме и в христианской религии хоть одна великая и плодотворная идея, нечто аналогичное которой нельзя было найти в вере египтян. Проявление единого бога в троице; воплощение божества, являющегося посредником, от девы без участия отца; его борьба с темными силами и его временное поражение; его частичная победа (так как враг не уничтожен); его воскресение и основание им вечного царства, которым он правит вместе с праведниками, достигшими святости; его отличие и вместе с тем тождество с несотворенным, неосуществимым отцом, форма которого неизвестна, и который живет в храмах нерукотворных, — всеми этими богословскими понятиями проникнута древнейшая религия Египта. Точно так же и контраст и даже явное противоречие между нашими нравственными и богословскими взглядами — объяснение греха и виновности то нравственной слабостью, то вмешательством злых духов и подобным же образом, объяснения праведности то нравственными заслугами, то помощью добрых гениев и ангелов; бессмертные души и страшный суд; чистилище, муки осужденных — со всем этим мы встречаемся в текстах, описывающих египетские обряды, и в египетских нравственных трактатах» (см.[51], стр.31).

Неудивительно поэтому, что т.н. «мифологическая школа» все христианство выводит из египетской и других восточных, якобы «древних» религий, отказывая ему в какой-либо оригинальности.

Мы не будем здесь излагать всех черт сходства между христианством и египетской религией, поскольку большинство из них общеизвестны, как, например, параллель Христос и Озирис, а также параллель Изида и дева Марья. Впрочем, по поводу последней параллели стоит указать, что в иероглифических текстах имя Изиды сопровождается теми же эпитетами (царица небесная, дева непорочная, мать божия, мать пренепорочная, утешительница скорбящих), что и дева Марья у католиков (см.[4], стр.893). Ряд сближений между верой египтян и христианством мы уже указывали в §6, гл.11. Очень интересно, что в изобразительном искусстве египтян

широко распространено изображение христианского креста. Посетитель Эрмитажа может видеть этот крест в левой руке статуи «египетской богини» (см.[5], стр.1066—1067, рис. 211—212), на надгробной плите под № 1092 (см.[5], стр.1068, рис. 213) и в других местах. В альбоме «Древний Восток» (см.[145], табл.33) воспроизведена фреска, изображающая фараона Аменхотепа III. На этой фреске фараон держит в левой руке державу и крест. Египтологам эти кресты давно известны. Они даже различают два их типа: собственно «египетский крест» и так называемый «крест тау». Существует много остроумных теорий, объясняющих появление символа креста «за три тысячи лет до Христа», но само их обилие показывает, что убедительных среди них нет.

Кроме креста в иероглифических надписях и сопровождающих их картинках можно найти и все другие христианские символы и обряды; например, крещение (см.[114], стр.112, рис.11; обратите внимание на крест справа вверх).

Общеизвестно широкое распространение в Египте культа животных (кошек, быков, крокодилов и т.п.) и богов с собачьими, птичьими и т.п. головами, но менее известно, что остатки аналогичного культа имеются и в христианстве. Не говоря уже о «раннехристианских» культах Рыбы и Овна (Агнца), в полной параллели с собакоголовыми египетскими «богами» можно указать на православного святого мученика Христофора, также имевшего на плечах песью голову («чудотворную» икону этого мученика с собачьей головой можно видеть в Костромском краеведческом музее; см.[4], стр.695) и на католического святого Гинефора при жизни бывшего гончим псом (см.[4], стр.694—695). Известны христианские (!) памятники, в которых Иисус изображен в виде сфинкса с туловищем барана (см.[114], стр.134). Не является ли, кстати спросить, египетский сфинкс с туловищем льва изображением Иакова, который в Библии сравнивается со «львом молодым»? Только в VIII веке папа Адриан формально запретил изображать Христа бараном и повелел рисовать и вырезать его исключительно в человеческом облике (см.[114], стр.134).

Конечно, мы не утверждаем полного тождества египетской религии с современным христианством. Эта религия была лишь одной из локальных форм послеапокалиптического и доевангельского христианского культа, представленной к тому же целой серией разнообразнейших сект («династических школ») Исследование ее с этой точки зрения должно дать богатый материал для восстановления реальной истории развития раннехристианской идеологии.

Греческие источники

В заключение стоит разобрать еще один вопрос, касающийся религии Египта, а именно, вопрос об «античных» источниках наших сведений об этой религии.

До XIX века сообщения греческих авторов были по существу единственным источником, откуда можно было черпать информацию о религиозной жизни древнего Египта. Когда же были прочтены иероглифы, стало ясно, что вся эта информация в высокой степени фантастична и находится в одном ряду с географическими описаниями стран песьеголовцев и лотофагов. Поэтому современные ученые пишут (см., напр.,[85], т.1, стр.98—99), что «пользование данными Геродота о религии Египта требует большой осторожности» (что, собственно, этот эвфемизм означает?), что «то же самое можно сказать о Диодоре» и даже о «самом драгоценном памятнике греческой литературы о Египте» сочинении Плутарха «Изида и Озирис», который «облек свое изложение различными философскими измышлениями и символами».

Больше доверяя современные ученые испытывают в отношении информации о широком распространении в Риме императорской поры египетских культов Сераписа и Изиды. Эта информация достаточно подробна, чтобы можно было восстановить даже мелкие детали богослужений (см.[4], стр.721—731). Однако более внимательное исследование выявляет, что источник этой информации один — известное сочинение Апулея «Золотой осел». Возникает вопрос, можно ли этому сочинению так безоговорочно доверять?

Прежде всего, мы тут натываемся, как и постоянно бывает в древней истории, на чудо.

«В 125 году по Рождестве Христовом, — говорят нам, — родились два человека по имени Светлан. Первый Светлан назывался по-латыни Люций (от lux — свет), второй назывался по-гречески Лукиан, что значит то же самое...

Латинский Люций-Лукиан назывался Апулейским (Апулеем), по южно-итальянскому полуострову Апулии, а второй назывался Самсатским, будто бы по городу Самсату на реке Евфрате в Сирии. А самым удивительным здесь было то, что оба они, несмотря на такое далекое расстояние друг от друга, написали один по-гречески другой по-латыни (и оба прекрасно развитым слогом Эпохи Возрождения) тот же самый замечательный, фантастический и довольно скабресный роман «Золотой осел...» ([4], стр.732).

Оба романа начинаются практически одинаково (если не считать расхождения в именах) с истории превращения героя в осла, но

латинский текст отличается большей подробностью и большим числом вставных, фантастических и непристойных новелл. Например, в греческом тексте отсутствует знаменитая легенда об Амуре и любопытной Психее, вдохновившая целый ряд писателей и художников нового времени от Кальдерона до Богдановича. В целом латинский текст раз в восемь длиннее греческого.

Злоключения героя в образе осла достигают кульминации, когда его заставляют публично на арене цирка демонстрировать искусство любви с какой-то женщиной. Но тут (в греческом тексте) на глаза ему попадают свежесорванные розы, которые снимают чародейство и герою возвращается человеческий облик. В латинском же тексте герой просто бежит с арены. В отчаянии он взывает к Изиде, после чего следует несколько страниц подробнейших описаний службы в храме Изиды, которая в конце концов освобождает героя от заклятия.

Морозов, приведя соответствующий текст Апулея, пишет, что при чтении историков религии, которых он раньше цитировал (Куна и Робертсона), все представлялось «серьезно, исторически убедительно! Казалось очевидным, что вопрос о ритуале на празднествах в честь Изиды решен окончательно и навеки, вся процессия весеннего праздника восстановлена до деталей.

А теперь я вам привел... и то место Люция Апулейского, из которого авторы почерпнули все свои сведения, и что же? Впечатление серьезности и историчности, — я уверен, — рушилось и в ваших глазах.

Самый рассказ латинского текста «Золотого осла» об этом торжестве оказался вставленным в более короткий греческий текст, наряду с рассказом об Амуре и Психее..., и наряду с невероятными приключениями разбойников и любовников... Торжественная процессия «Золотого осла»... происходит в Греции, в Коринфе, а между тем ее-то и нет в греческом манускрипте Лукиана, а только в его латинском дополненном переводе!

Но ведь это то же самое, что восстанавливать греческую мифологию по «Сну в летнюю ночь» Шекспира! Ведь и у него один из актеров получает по волшебству ослиную голову.

...Приходится с уверенностью сказать: *книга о «Золотом осле» есть произведение печатного периода литературы*, это та же школа, что и Боккаччо.. с его «Декамероном»... И было бы нам лучше и вернее называть автора «Золотого осла» Люцио д'Апуллиа, а не Люцием Апулеем» ([4], стр.745—746).

Пример Люциевого «Золотого осла» чрезвычайно поучителен, наглядно показывая источники информации, которая так уверенно и безапелляционно сообщается в учебниках.

§7. Египетская система письменности

В настоящее время на русском языке имеется довольно много оригинальных и переводных книг по проблемам древних письменностей. Для определенности мы будем пользоваться книгой [123] чешского лингвиста Лоукотки.

Иероглифическое монументальное письмо

Из книги Лоукотки мы узнаем, что «старейшее известное нам письмо — египетские иероглифы. Надписи этого типа встречаются с преддинастических времен..., т.е. ранее 4000 г. до н.э., и непрерывно до первой половины III века н.э.... Тот факт, что они сохранились в течение такого продолжительного времени, объясняется, с одной стороны, политической мощью египетского царства (это заявление удивляет: ведь по словам самих же историков в течение тысячелетних промежутков между «Царствами» египетское государство находилось в состоянии полного развала; см. § 5.— *Авт.*), с другой — врожденным (?— *Авт.*) консерватизмом (!?— *Авт.*) древних египтян, которые неохотно и лишь по принуждению (!?— *Авт.*) перенимали новшества у чужеземцев.

...Некоторые авторы называют иероглифы также монументальным письмом, потому что им пользовались для надписей на стенах храмов и общественных зданий, на памятниках, статуях богов и т.п.

На иероглифах можно проследить необычайную изобразительную точность идеограмм... Каждый знак... высечен или выгравирован с величайшей тщательностью и точностью... ошибиться при чтении невозможно.

Происхождение иероглифов пока не установлено... египетские письма входят в историю как законченная форма, как точно продуманная и до конца разработанная система... ([125], стр.25—29).

Несмотря на то, что иероглифы появляются уже «как законченная форма», Лоукотка пытается все же описать развитие иероглифической системы письма во времени. Он пишет, что первоначально иероглифы были исключительно идеографическим письмом, знаки которого передавали понятия, но с прогрессом культуры и этот способ письма вскоре оказался неудовлетворительным, и письмо начинает постепенно фонетизироваться.

С помощью системы изображений, напоминающей наши ребусы, прежде всего начинают выражаться местоимения, предлоги, суффиксы и другие грамматические формы.

...Дальнейший прогресс заключался в том, что обе полугласные древнеегипетского языка... стали опускаться в конце слов... В подобном случае нельзя говорить об идеограмме; это уже фонетическое изображение другого слова.

Однако и такое письмо недолго удовлетворяло египтян (несмотря на их «консерватизм!» — *Авт.*)... возникает слоговое письмо... От обозначения слогов до обозначения звуков теперь остается только один шаг...

Так возник древнеегипетский фонетический алфавит 24 букв» ([123], стр.30—32).

Эта логически безупречная схема обладает одним недостатком: она не подтверждается фактами. Как сообщает сам Лоукотка (см.[123, стр.29—30], в преддинастической надписи царя Нармера, относящейся по его датировке приблизительно к концу четвертого тысячелетия до н.э., фонетические знаки уже применяются: «самый ранний из известных иероглифических памятников совпадает в основных чертах характера письма с памятниками, написанными 5000 лет спустя» ([92], стр.79). Поэтому все перечисляемые Лоукоткой столь убедительные этапы развития египетского письма оказываются на поверку продуктом чистого воображения. По этой причине «в настоящее время некоторые ученые начинают сомневаться в справедливости гипотезы о постепенной эволюции египетской иероглифики. Они полагают, что иероглифическая система письма возникла в период объединения Египта при I династии и была создана искусственным путем (?—*Авт.*) сразу как единое целое (?? — *Авт.*) человеком, уже знакомым с письменностью (!? — *Авт.*)» ([92], стр.79).

Практика употребления древнеегипетской фонетической азбуки была весьма своеобразна. Оказывается (см.[123], стр.50), что египтяне не употребляли алфавитных знаков самостоятельно, но применяли идеограммы, сопровождая их практически всегда фонетическими чтениями. При этом, если идеограмма имела несколько смысловых значений, то к ней, кроме того, прибавлялся определитель (детерминатив). Более того, определитель часто добавляли и тогда, когда он был излишен, т.е. когда идеограмма имела только одно значение. Не в силах объяснить это Лоукотка лишь констатирует «бессистемное употребление определителей». Точно также Лоукотка не объясняет, почему при наличии фонетической азбуки египтяне пользовались идеограммами. Советский специалист Дьяконов объясняет это тем (см.[92], стр.83), что без идеограмм текст, написанный одной азбукой (имевшей знаки только для согласных), был бы совершенно непонятен.

Почему же, однако, идеограммами не пользовались авторы библейских книг, также первоначально написанных одними согласными (см. гл.7, § 1)?

Впрочем, не нужно думать, что различных иероглифических знаков было много: «в общей сложности писцы пользовались 500 знаками, но вместе с более старыми вариантами и вышедшими из употребления знаками число их доходило до 3000» ([125], стр. 52). Европейцу, привыкшему к алфавитному письму, такое количество знаков может показаться очень большим, но, скажем, японец этим числам лишь снисходительно улыбнется: иероглифический минимум японского языка содержит 1820 знаков, для чтения классической литературы необходимо знать еще две-три тысячи знаков, а общее число японских иероглифов, включая устаревшие и вышедшие из употребления знаки, оценивается в несколько десятков тысяч.

Кстати сказать, графика японского языка во многом напоминает египетскую. В ней также используются идеограммы и фонетическая слоговая азбука (даже две азбуки). Хотя любой текст может быть написан фонетической азбукой, японцы предпочитают вкраплять в текст иероглифы; чисто же фонетическое письмо они употребляют лишь в специальных обстоятельствах (при обучении детей, в телеграммах и т.п.). Конечно, большую роль здесь играет традиция, но не надо забывать, что иероглифы существенно сжимают текст и позволяют с одного взгляда понять о чем идет речь. Немалое значение имеют и чисто эстетические соображения: письмо, в котором часть слов написана азбукой, а часть иероглифами, выглядит красивее, чем скучно монотонная последовательность алфавитных знаков. Употребив иероглиф, который он считает редким, забытым или устаревшим, а потому могущим создать для читателя трудности, японец, совсем как египтянин, приписывает фонетической азбукой рядом с иероглифом его чтение.

По-видимому, по аналогичным причинам (традиция, сжатость и быстрая понимаемость текста, эстетические соображения) не отказались от иероглифов и египтяне. Однако одна особенность египетской иероглифики остается непонятной: почему египтяне считали необходимым практически к каждой идеограмме приписывать ее фонетическое значение? Пример японского языка показывает, что применительно ко всем иероглифам это заведомо излишняя роскошь, особенно удивительная для выразительных и четких египетских иероглифов. Почему-то аналогичное излишество египтяне допускают, как было отмечено выше, и в отношении детерминативов-определителей.

Считается, что грамотность в Египте была привилегией лишь очень узкого круга жрецов и писцов. Фактически это мнение ни на чем реальном не основано. Аналогичное мнение о безграмотности древнерусского общества было опровергнуто находками в Новгороде берестяных грамот. Мы полагаем, что и в Египте времен иероглифов грамотность была широко распространена; в противном случае практика сооружения монументальных иероглифических надписей была бы бессмысленна. Конечно, по нашим теперешним меркам большая часть тогдашних грамотеев должна была бы считаться малограмотной; едва ли они были способны на что-нибудь большее, чем медленное со спотыканием чтение несложного текста. Можно поэтому думать, что широкое использование определителей и фонетических чтений имело своей целью оказать помощь малограмотным читателям в понимании текста.

Это объяснение широкого распространения фонетических расшифровок и определителей (подсказанное практикой японского языка) наталкивается на определенные трудности. Дело в том, что египетские идеограммы настолько выразительны, что (в отличие от стилизованных японо-китайских иероглифов) смысл их, как правило, невозможно забыть раз его выучив, особенно, если иероглиф снабжен определителем. Это верно и для составных иероглифов, передающих абстрактные понятия, поскольку принципы их «ребусной» структуры очень просты и естественны. С другой стороны, алфавитные знаки имеют, конечно, весьма условный характер и их запоминание основано почти исключительно на зубрежке и долгой практике в чтении и письме. Получается, что простая и наглядная вещь (иероглифы) разъясняется более сложной, формальной и условной вещью (алфавитом). Этот неожиданный вывод принадлежит, конечно, Морозову. Надо сказать, что в целом замечания Морозова по поводу иероглифики совершенно неудовлетворительны. Он явно не знал простейших фактов об этой системе письменности и основывал свои суждения на перевернутой популяризаторами расхожей информации. Поэтому мы пользуемся здесь его соображениями в относительно малой степени. Однако парадоксальный вывод о египетской иероглифической системе письма, как более доступной для чтения, чем алфавитная, нам кажется заслуживающим внимания.

По мнению Морозова, основным текстом монументальных иероглифических надписей является текст алфавитный. Идеограммы же служат для его разъяснения и облегчения чтения (ситуация полностью противоположная японской практике). Можно

сказать, что идеограммы монументальных надписей являются в этом отношении предшественниками современной плакатной живописи, исполняющими по существу ту же роль. Это подтверждается также тем, что иероглифические надписи часто сопровождаются изображениями, играющими уже чисто иллюстративную роль.

Тем самым, иероглифическая надпись оказывается доступной практически всем. Полностью безграмотные зрители будут информированы о подвигах и завоеваниях фараона по иллюстрациям. Малограмотные читатели узнают подробности этих завоеваний из иероглифических «ребусов», а те, кто могут читать фонетические знаки, получают полную информацию.

Иератическое и демотическое письмо

Считается, что папирус, как материал для письма, изобретен в эпоху Среднего царства, «поскольку более древние свитки чрезвычайно редки» ([125], стр.51). Это, конечно, вздор, потому что без удобного и широко распространенного материала для письма довести письменность до такого совершенства, которые мы наблюдаем в монументальных надписях (даже додинастической (!) эпохи), не представляется возможным. Добиться этого, занимаясь лишь медленным и трудным высеканием иероглифических знаков на стенах, так же невозможно, как приобрести литературную опытность и навык орфографического письма без бумаги (см. гл.1, § 5).

По той же причине нельзя согласиться и с общераспространенным мнением (не подкрепленным, впрочем, никакими фактическими доказательствами), что «после изобретения папируса писцы первоначально просто копировали формы высеченных иероглифов на новый материал, но позднее, осознав большие преимущества его, стали сокращать некоторые знаки, и отсюда с течением времени развилось совершенно новое письмо, так называемое иератическое» ([123], стр.52). Не может быть сомнения в том, что иератическое письмо предшествовало монументальному иероглифическому. По своей структуре иератическое письмо было алфавитным. Обилие в нем знаков (их насчитывается около 600) объясняется широким употреблением послеалфавитных сокращений, вызванных стремлением к экономии дорогого папируса. (Аналогичным образом, экономия бумаги, широко использовалась лигатуры древнерусские книжники; тем не менее, древнерусская письменность иероглифической не считается).

Далее, считается, что «в эпохи национального упадка (около VI века до н.э.) в Египте возникает новое письмо, так называемое демотическое. Оно... является народной курсивной формой иератического письма... Демотическое письмо еще более лаконично и

бегло, чем иератическое... Благодаря своей относительной легкости, оно оставалось письмом египетского народа вплоть до победы христианства» ([123], стр.123).

Мы полагаем, что здесь снова все перевернуто вверх ногами. Именно демотическое письмо (как наиболее легкое) и было исконным письмом египетского народа. Остальные же виды письма являются искусственными образованиями. Иератическое (т.е. «священное») письмо представляет собой стилизованный вариант демотического письма, первоначально предназначенный для магических «книг мертвых», а иероглифическое монументальное письмо было создано, как мы уже говорили, независимо от иератического для нужд «наглядной агитации».

Детальное обоснование этой теории требует неуместного здесь углубления в тонкости внутренней структуры иератических и демотических папирусов. Поэтому мы удовлетворимся утверждением (доступным для проверки любому читателю), что вся информация о реальных фактах египетской письменности этой теории не противоречит, а часто ее даже подтверждает.

Мнение, что первоначальными системами письменности являются алфавитные, а отнюдь не сложнейшие и явно искусственные идеографические, высказывалось задолго до Морозова. Еще в 1826 г. русский египтолог И.А.Гулянов, полемизируя с Шамполлионом, выступившим со своей теорией иероглифической письменности в 1824 г., доказывал, что «таинственные иероглифы не что иное, как просто буквы приукрашенные, и что буквы существовали прежде образов, фигур или иероглифов, а не наоборот» (см.[161], стр.311). Морозов пришел к этому мнению, по-видимому, самостоятельно. Он делает из него далеко идущие выводы, особенно в отношении китайской иероглифики (см.[5], стр.58—42), с которыми мы согласиться, как уже было сказано, никак не можем, хотя, с другой стороны, не можем и не отметить, что определенное рациональное зерно в них, по-видимому, есть. В отношении же алфавитного (скорее всего, силлабического) характера первоначального письма Морозов (вместе с Гуляновым) по всем обстоятельствам дела, по-видимому, прав.

Более подробное обсуждение всех этих интереснейших вопросов выходит за рамки этой книги.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. В IV—VII веках н.э. Египет был «Святой землей» византийской империи, куда свозили для захоронения забальзамированные трупы и ездили на богомолье.

2. Пирамиды являются усыпальницами трех великих религиозных деятелей IV века. Они строились несколько столетий не только в память этих святых, но и в тщетной надежде достичь неба.

3. Иероглифические панегирики высекались на скалах для снискания благосклонности византийских теократических властителей. В их же честь строились храмы и создавались монументы.

Очень похоже, например, что три из четырех знаменитых статуй в Абу-Симбеле изображают Диоклетиана, Константина и Юлиана или — в другой системе отнесения — Моисея, Арона и Христа. Четвертая статуя, быть может, изображает Иоанна.

4. Разнообразие имен объясняется конкуренцией различных религиозных центров, каждый из которых давал императору свое собственное, магически наиболее благоприятствующее, имя.

5. Средневековые книжники по собственному, произвольному разумению расположили позже эти имена в последовательный ряд, создав тем самым представление о бесконечно долгой истории Египта. Но всюду из-под овечьей шкуры торчат волчьи уши.

6. Эта схема не находит прямых опровержений ни в археологических, ни в письменных памятниках, ни в том, что мы знаем о культуре и религии египтян. Напротив, внимательный анализ памятников всюду обнаруживает подтверждения этой точки зрения.

СТРАНЫ ВОСТОКА

§ 1. Китай

Длительность истории Китая. — Китайские летописи. — Циклический счет лет. — Соединение пяти планет. — Астрономия в древнем Китае. — «Установления императора Яо». — Списки комет. — Апокрифичность древней истории Китая. — Заключение.

§ 2. Индия

Апокрифичность древней истории Индии. — Индуизм. — Древнеиндийский эпос. — Буддизм. — Христианство в Индии. — Заключение.

§ 3. Ближний Восток

Клинописные источники. — Обсуждение. — Хетты. — Обсуждение. — Другие «клинописные» государства.

§ 4. Богослужebные языки Древнего мира.

Сравнительное языковедение. — Санскрит. — Латынь. — Иврит. — Заключение.

Итоги главы

§ 1. Китай

Длительность истории Китая

Китайские летописи относят установление китайского государства (если мы положимся на общепринятые методы пересчета дат китайского лунного календаря на юлианские даты) к 3255 году до н.э., когда «император Фуси (имя которого, как указывает Морозов, значит «Богатство». — *Авт.*) дал народу первоначальные понятия для ведения скотоводства, император Шэньнун («Дух земледелия» — *Авт.*) ввел земледелие, а император Хуанди («Желтый» — *Авт.*) ввел в Китае единую систему мер и веса, создал монетный двор, гончарное и деревообделочные ремесла, изобрел компас, лук и стрелы, установил календарь и учредил при дворе должность астронома» ([125], стр. 16).

Естественно, что современные историки признают эту информацию мифической. По их мнению полная достоверность в китайской истории наступает только около 220 г. н.э. Тем не менее, некоторые из них склонны верить в китайских императоров даже начиная с 2553 г. до н.э., когда на престол вступил император Яо («Высший»). Однако династию этого императора и три следующие династии они все же признают «легендарными», в отличие от последующих династий (начавшихся в 1122 году), в существование которых они свято верят, хотя и считают их даты «традиционными» и не вполне достоверными (см. [124], стр. 133).

Таким образом, по мнению осторожничающих историков, китайская история прослеживается, возможно с некоторой неточностью, до минус XII века, а по мнению историков более смелых, еще дополнительно на тысячу (!) лет вглубь.

Почему же, несмотря на столь длительное развитие, Китай к XIX веку оказался практически во всех отношениях позади европейцев (имеющих за душой меньше тысячи лет самостоятельного развития)? Это противоречие породило известную расистскую, европоцентрическую теорию об исконно «неподвижном Китае», что якобы обуславливалось извечной «косностью» китайцев и их «органической неспособностью» к усовершенствованиям. Хотя бурный XX век и начисто разбил эту теорию, выявив умственную подвижность и гражданскую динамичность китайского народа, но никакого иного объяснения (не вращающегося в порочном кругу вульгарно-плоской социологии) до сих пор предложено не было. В отношении древнего Египта, жители которого давно сошли с

исторической сцены, историки были явно в лучшем положении, поскольку никто не мог оспорить приписывания древним египтянам любых, сколь угодно невероятных, черт характера.

Летописи сообщают также (и современные авторы их полностью в этом поддерживают), что Китай невероятно рано достиг крупных успехов в культуре и науке (особенно астрономии). Почему же пресловутая «китайская органическая неспособность к усовершенствованиям» ему в этом не помешала? А с другой стороны, почему за несколько тысяч лет китайская культура не распространилась на окружающие страны (см. в гл. 15, § 1, обсуждение аналогичного вопроса в отношении Египта), а в тех случаях, когда китайское культурное влияние зафиксировано (например, в отношении Японии), почему оно было очень поздним (в конце первого тысячелетия нашей эры) и очень односторонним? Почему, наконец, китайская культура и нация развивалась столь однобоко и неравномерно (например, почему все другие еще более важные для практики науки отставали от астрономии)?

Все эти (и многие другие) вопросы заставляют, как и в аналогичном случае с Египтом, заново рассмотреть первоисточники нашей информации о древней истории Китая.

Китайские летописи

Одной из древнейших китайских летописей считается (см. [125], стр. 12) книга «Шуцзин» («Книга истории»), написанная якобы в XI—VII вв. до н.э. (мы опять видим как непринужденно историки бросаются столетиями), но дополнявшаяся и позже, поскольку изложение событий она доводит до династии Чжоу (якобы 247 г. до н.э.). По преданию ее редактировал Конфуций (годы жизни которого известны с полной точностью: 551—479 гг. до н.э.). Морозов переводит название этой книги как «Канонические стихи» (см. [6], стр. 55), по-видимому, путая ее с книгой «Шицзин», также якобы редактировавшейся Конфуцием.

Другим важнейшим источником является книга «Шицзи» («Исторические записки»), начинающая свой рассказ с минус 2550 года и написанная якобы в I веке до н.э. (т.е. через 2500 лет после начала событий) «выдающимся китайским историком Сыма Цянем» ([125], стр. 12). Эту книгу продолжали другие историки, в результате чего составилась свод 24 летописей различных династий в более чем 5000 томах. Окончательный вариант книги «Шицзи» доведен до 1644 года, из чего, между прочим, следует, что этот вариант (как и все прочие «древние» китайские книги) собственной древностью не обладает.

Третьим источником служит обширнейшая «Энциклопедия» («Вэньсяньтункао», собственно, «Исследование и объяснение всех знаков»), написанная в XII в. н.э. Ма Дуань-линем, но также продолженная до 1644 г.

Сравнение «Шицзи» с «Энциклопедией» показывает, что авторы этих книг усердно списывали друг у друга. Морозов саркастически замечает, что «...а в других случаях обе летописи имеют значительные вариации, наглядно показывающие нам, что и китайские летописцы не хуже умели вставлять «отсебятину» в первоисточники своих сообщений, чем и Евангелисты Лука и Матвей при переписке своих рассказов из Марка» ([6], стр. 129).

Немаловажным источником является также книга «Всеотражающее зеркало» (Тундзянь), опубликованная в XVII веке католическими миссионерами Майлья и Гобилем.

Мы видим, что все эти источники восходят к Средневековью (в лучшем случае, за несколько сот лет до XVII века) и потому вполне уместно (памятуя уроки «античной» литературы) поставить вопрос об их аутентичности. Тогда в них сразу же обнаруживаются странности и вопиющие противоречия.

Даже официальная версия создания летописей ставит непредвзятую исследователя в тупик. Например, нам сообщается, что с пятого века н.э. «установился обычай, согласно которому каждая династия должна была (!? — *Авт.*) составить по официальным документам и записям цензоров историю предыдущей династии» ([125], стр. 12). Но как же так? В то время все официальные историографы были государственными (т.е. придворными) чиновниками, основная задача которых состояла в прославлении правящего императора и его династии. А нам говорят, что они, пренебрегши своим непосредственным правителем, усердно занимались составлением истории предыдущей, т.е., как правило, враждебной династии. Такое бывает только в сказках.

Одно из затруднений, с которым сталкивались апокрифисты, состояло в отсутствии соответствующих памятников материальной культуры. Стандартный выход заключался в утверждении полного их уничтожения каким-нибудь особо злонамеренным деятелем. Так, римский император Тит дочиста снес с лица земли иерусалимский храм, а арабские завоеватели сожгли Александрийскую библиотеку (которая, кстати сказать, по другим столь же достоверным источникам была уже дважды уничтожена дотла). Совершенно аналогичную ситуацию мы видим и в китайской истории. Согласно

единодушному свидетельству всех китайских летописей в 215 г. до н.э. все книги в Китае были сожжены по приказу императора Ши Хуан-ди. Спрашивается, по каким источникам Сыма Нян через 200 лет составил историю двух с половиной тысяч (!) лет? Ведь книг-то не осталось.

Уже этого одного «свидетельства» китайских летописей в принципе достаточно, чтобы утверждать их апокрифичность.

Но они содержат и много других, явно выдуманных сообщений.

Например, китайские летописи сообщают (и европейские ученые этому свято верят), что знаменитая китайская стена, законченная постройкой в 1620 году н.э., была якобы заложена в минус 246 году и строилась 1856 лет! Одна мысль об этом «до того нелепа, что может доставлять лишь досаду серьезному историку-мыслителю. Ведь всякая большая постройка имеет заранее намеченную практическую цель и... кому пришлось бы в голову начинать огромную постройку, которая может быть окончена только через 2000 лет, а до тех пор будет лишь бесполезным бременем для населения?» ([5], стр.121—122). Такое омертвление средств не выдержит никакая страна, и если бы такой амбициозный проект и был начат каким-нибудь тщеславным правителем, то он был бы наверняка брошен его преемниками.

Подобно апокрифическому Египту древний Китай переживает эпохи взлета и падения, практически не двигаясь при этом с места. Современные китайские историки под влиянием вполне понятной реакции на европоцентрические теории предыдущего века отодвигают вглубь времен китайские научные открытия и достижения, что еще более подчеркивает «бег на месте» китайской культуры. Для непредвзятого же исследователя «периодичность» китайской истории служит явным показателем ее фантастичности.

Об убедительности подобного рода соображений (которые можно продолжать и далее) можно спорить. Поэтому мы их оставим и перейдем к более надежным уликам астрономического характера.

Циклический счет лет

Древний китайский календарь (проникший также в Японию, Корею, Монголию, Тибет и употребляемый по сие время) ведет счет по 60—летним циклам, которые получаются наложением двух независимых циклов, одного 10-летнего, а другого 12-летнего (см., напр., [124], стр.127—130). Первый цикл называется циклом «небесных ветвей». Годы в нем распределяются по «стихиям», которых всего насчитывается пять: дерево (Му), огонь (Хо), земля (Ту), металл (Цзинь) и вода (Шуй). При этом каждая стихия представлена двумя годами: нечетным (мужским) и четным (женским). Мужские года носят названия Цзя,

Бин, У, Гэн и Жэнь, а женские названия И, Дин, Цзи, Синь и Гуй. Второй цикл называется циклом «земных ветвей», — его года Цзы, Чоу, Инь, Мао, Чэнь, Сы, У, Вэй, Шэнь, Ю, Сюй, Хай сопоставлены также с животными Мышью, Коровай, Тигром, Зайцем, Драконом, Змеей, Конем, Овцой, Обезьяной, Курицей, Собакой и Свиньей. Общий 60-летний цикл начинается с года Цзя-Цзы (Мыши) и кончается годом Гуй-Хай (Свиньи).

Считается, что сейчас идет 78-й цикл, начавшийся в 1984 г. Таким образом, 1-й год 1-го цикла соответствует 2637 г. до н.э. Якобы в этом году циклический календарь был введен императором Хуан Ди.

Впрочем, так как у древних китайцев год начинался не 1 января, а по-видимому, весной, то следует осторожнее начальные годы циклов сопоставлять с двумя соседними юлианскими годами (например, с 1983—1984 гг.).

Чтобы выяснить реальное происхождение китайского календарного цикла, Морозов сопоставляет его с соединениями Юпитера и Сатурна, также имеющими приблизительно 60-летнюю периодичность (см. табл.1).

Эта таблица четко выявляет, что 60-летний цикл на самом деле приурочен к соединениям Юпитера и Сатурна. При этом полное совпадение было в период от 1204 г. н.э. до 1523 г. н.э. Перед этим мы видим постепенно увеличивающуюся ретроградную разницу, которая достигает своей наибольшей величины (11 лет) около начала нашей эры, после чего постепенно начинает уменьшаться. Она обращается в нуль между минус 1200 и минус 1800 годами, когда снова начинается увеличение, достигающее максимума около минус 2600 года, т.е. именно тогда, когда согласно летописным сведениям и был введен циклический календарь.

Это одно уже показывает невозможность традиционной даты. Нет сомнения, что календарь был введен тогда, когда расхождения его с соединениями Юпитера и Сатурна были равны нулю. По-видимому, он не мог быть введен ранее 1523 г. н.э., когда соединение третий раз повторилось в точности через 60 лет, что и заставило старинных астрономов заключить, что так будет продолжаться вечно. Скорее всего, окончательно он был введен в 1503 году, причем из кабалистических соображений первому циклу был присвоен счастливый № 70.

Можно, конечно, отнести изобретение циклического календаря к предыдущей эпохе нулевых расхождений, т.е. к XII—XIII векам до н.э. Однако это значило бы снова предполагать невероятно высокое развитие астрономии в Китае три тысячи лет тому назад и, кроме того, надо было бы объяснить, почему в то далекое время счет циклов не начался с единицы.

№ цикла	Начало цикла	Соединение Юпитера и Сатурна	Ошибка	№ цикла	Начало цикла	Соединение Юпитера и Сатурна	Ошибка
77	1923—1924	1922	1	54	545—544	549	5
76	1863—1854	1862	1	53	483—484	491	6
75	1803—1804	1802—1803		52	423—424	431	7
74	1743—1744	1742—1743	1	51	363—364	371—372	7
73	1863—1584	1582—1583	1	50	303—304	310—311	7
72	1523—1524	1623	0	49	243—244	251	7
71	1563—1564	1554	0	48	183—184	192	8
70	1503—1504	1503	0	47	123—124	133—134	9
69	1443—1444	1444	0	46	63—64	74—75	10
68	1383—1384	1383	0	45	3—4	13—14	11
67	1323—1324	1324	0	44	—57—56	—45—46	10
66	1253—1294	1264—1255	0	43	—117—117	—125	9
65	1203—1204	1204	0	42	—177—175	—184	8
64	1143—1144	1144—1145	1	41	—237—236	—242—243	7
63	1083—1084	1085—1086	1	40	—297—296	—301—352	5
62	1023—1024	1025	1	39	—357—356	—352—363	6
61	953—964	956	2	38	—417—416	—421—422	5
60	903—904	905	2	37	—477—476	—480	4
59	843—844	847—848	3	36	—537—535	—539	3
58	783—784	788—789	4	35	—597—595	—599—500	3
57	723—724	728	4	34	—657—656	—659	3
56	663—664	668	4	33	—717—716	—718	2
55	503—504	608—509	5				

Табл. 1

См. [5], стр. 47.

Вопрос о происхождении «небесных и земных ветвей» остается пока открытым. Заметим, что по этому вопросу у синологов нет, по видимому, даже гипотез.

Соединение пяти планет

См. [6], стр. 50—55.

Китайские летописи единогласно утверждают, что в царствование императора Чунга (с 2515 г. по 2456 г.) весной, в первый день первого месяца, все пять планет сошлись под альфой и бетой Пегаса, т.е. в Водолее.

Считается, что это летописное сообщение подтверждено астрономически, поскольку, как вычислил французский астроном Байльн, 20 февраля -2448 года под Пегасом действительно сошлись Марс, Венера, Меркурий, Солнце и Луна.

Морозов высмеивает это «подтверждение», отмечая, во-первых, что неестественное причисление Солнца и Луны к планетам известно лишь европейской средневековой астрономии (и связано, добавим, с

семидневной неделей, неизвестной в Китае), а во-вторых, что геоцентрические сочетания трех малых планет, Солнца и Луны под Персеем происходят почти через каждые 15—17 лет, так что в течение 77-летнего царствования Чунга наверняка было несколько таких схождения. «... Кому бы пришло в голову хранить около 4000 лет воспоминание о таком обычном и не обращающем на себя внимание событии, как уход Марса, Венеры и Меркурия за Солнце в новолуние. Ведь он совершается в том или другом созвездии чуть не каждые два-три года, и потому ни один астролог не придавал ему особого значения.

Совсем другое, когда к этому случаю присоединяются и Сатурн, и Юпитер. Такие сочетания происходят не в каждом столетии, и потому все европейские астрологи настораживались перед ними, и ожидали мировых катастроф, судя по характеру созвездия: в Рыбах и Водолее — всемирного потопа, в Скорпионе — моровой язвы, в Овне — второго пришествия Христа и т.д. Отсюда ясно, что и у китайских народностей под схождением пяти планет в Водолее весной подразумевались в рассматриваемом нами документе не Солнце и Луна, не считавшиеся даже за планеты, а только пять настоящих древних планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн» ([6], стр. 52—53).

Вместе с тем оказывается, что в период легендарного правления Чунга, Юпитер и Сатурн никогда не сходились в Водолее. Более того, за последние 4000 лет был только один случай, когда весной все пять планет, собравшись в Водолее, скрылись в новолуние за Солнцем и ни одной из них не было видно на небе. Такая замечательная констелляция, бесспорно заслуживающая упоминания в летописи, наблюдалась на небе

9 февраля 1345 г. н.э.

Вот оказывается, когда сидел на троне император Чунг! Летописи утверждают, что Чунг был внуком того самого императора Хуан-Ди, который ввел циклический календарь. Интересно, что данная выше оценка времени реального появления этого календаря вполне согласуется с 1345 годом. Это согласие двух независимых определений подтверждает каждое из них.

Астрономия в древнем Китае

Летописи сообщают о состоянии астрономии в древнем Китае совершенно невозможные вещи.

Судите сами (помня все сказанное в гл. 2 и 3). Книга «Шуцзин» утверждает (см. [124], стр. 120), что в XXI веке до нашей эры (4000 лет тому назад) китайские астрономы не только умели предсказывать

солнечные (!) затмения, но и обязаны были это делать: когда астрономы Хи и Хо императора Чунг Кинга ошиблись в предсказании затмения 22 октября 2137 г. до н.э., им отрубили головы. Хорошо, что такого обычая не было в Европе, а то бы и Коперник, и Кеплер остались бы без голов.

По другим сведениям (см.[125], стр.58) китайские астрономы всерьез взялись за предсказание затмений только (!) около начала нашей эры. Уже тогда им якобы была известна точная продолжительность драконического месяца (интервала между двумя последовательными пересечениями Луной эклиптики). Это тем более замечательно, что непосредственно из наблюдений (даже с точными часами) этот месяц не определяется (поскольку эклиптика является условной линией). Чтобы его вычислить нужно владеть хотя бы элементами сферической тригонометрии, а ведь по тем же достовернейшим сведениям (см.[125], стр.75) отношение окружности к диаметру (величина «пи») в то время полагалось в Китае равным трем!

Естественно, что умея предсказывать затмения, древние китайские астрономы пренебрежительно относились к затмениям, которые уже состоялись. Только этим можно объяснить, почему многие из имеющих в летописях описаний солнечных затмений либо совсем не удается отождествить с затмениями, вычисляемыми современной астрономической наукой, либо это удается лишь с большим трудом (см.[125], стр.57—58).

Впрочем, отождествление многих затмений оказалось возможным, по-видимому, тоже лишь из-за того, что китайские документы подобно античным описывали затмения без точных дат и очень неполно. Например, (см.[125], стр.59) «современные китайские историки астрономии отождествили частное лунное (!) затмение 5 сентября 775г. до н.э. с затмением, о котором в «Шицзи» сказано только следующее: «Раньше было затмение Луны, но его считали явлением обычным». (Кстати сказать, указание на «обычность» затмения Луны относит это сообщение даже не в Средневековье, а в Новое время). К сожалению, полного исследования этих отождествлений мы произвести не смогли, из-за недоступности соответствующей литературы.

Еще в марте 28 г. до н.э. (см.[125], стр.50) китайские астрономы наблюдали пятна на Солнце, что, напомним, в Европе удалось сделать только Галилею с помощью подзорной трубы.

Приблизительно в это же время китайские астрономы определили (см.[125], стр.65) периоды обращений планет практически с современной точностью (ошибка меньше одной тысячной), в чем, как мы знаем,

они снова существенно превзошли Коперника. Более того, они различали синодический и звездные периоды обращения планет, считая одновременно, что «небо круглое и подвижное, а земля четырехугольная и неподвижная» (см.[125], стр.73). То, что во все это верит китайский астроном Чжан Бао-цун, из книги которого заимствована эта потрясающая информация, быть может, по совокупности обстоятельств и простительно, но то, что все это бездумно повторяет советский астроном Старцев, уже ни в какие ворота не лезет.

Несколько позже (см.[125], стр.92—93) «выдающийся китайский астроном» И Синь (685—727 гг.) с помощью «бронзовой армиллярной сферы» (но, по-видимому, без часов) ухитрился измерять координаты неподвижных звезд настолько точно, что обнаружил их собственные движения (каково! а?), что в Европе сумели сделать только в 1718 г., да и то с некоторой неуверенностью. Он же принимал участие и в измерении дуги меридиана (!), осуществленном в 725 году (см.[125], стр.95—95).

Мы совсем не исчерпали всех «замечательных открытий» китайских ученых, которые они делали, как с удовлетворением отмечают современные китайские ученые, а за ними и наш Старцев, непременно за несколько десятков или сотен лет до ученых западных стран, но, чтобы не утомить читателя, мы ограничимся приведенными примерами.

Нужно, впрочем, отметить, что современные комментаторы древнекитайских астрономических сообщений иногда проявляют и осторожность. Например, в главе книги «Шицзи», повествующей о деяниях императора Шун-ди, говорится (см.[6], стр.58), что он приказал сделать «зрительный инструмент» («цзюань—цю»), чтобы семь движущихся светил «могли быть наблюдаемы ежедневно».

Как будто бы отсюда можно вывести с полной очевидностью, что и зрительная труба Галилея была известна китайским астрономам за 4000 лет до великого ученого... Но нет, современные ученые почему-то останавливаются и толкуют «зрительный инструмент» как «астрономический квадрант!» (см.[125], стр.134). А ведь информация о телескопах во времена Шун-ди ничуть не хуже информации об определении в VII веке собственных движений звезд или об умении в начале нашей эры вычислять солнечные затмения (с точностью до минут!).

Все сказанное не означает, что мы вообще отрицаем самостоятельную китайскую астрономию. Напротив, мы считаем, что астрономы Китая внесли важный вклад в историю астрономии, но отнюдь не мифическими открытиями непременно раньше столь же мифических западных открытий. Однако выявить реальное движение китайской астрономии в напущенном тумане очень трудно. Во всяком

случае, надо считать, что уже в XIII веке н.э. в Китае существовали астрономические (скорее всего, на самом деле, астрологические) обсерватории, поскольку нет оснований не верить сообщению (см.[125], стр.102), что Пекинская обсерватория была в 1279 г. «построена заново» (а на самом деле, конечно, построена впервые). Точно так же, мы должны считать (см.[125], стр.103), что Нанкинская обсерватория была впервые открыта в 1384 г. (информация о будто бы существовавшей в Нанкине с V века обсерватории, от которой «ничего не сохранилось», является очередным мифом).

К 1584 году историки относят и принятие нового календаря. По-видимому, эта информация соответствует действительности. Только это был не календарь, сменивший многочисленные предыдущие, невероятно точные календари, а первый астрономически обусловленный календарь.

Надо думать, что соответствует действительности и информация (см.[125], стр.107—108) о взаимном сотрудничестве в XIII—XVII веках китайских и арабских (точнее, арабоязычных) астрономов. Таким образом, китайская астрономия не замыкалась в себе, а интенсивно участвовала в общем международном научном сотрудничестве. Это и был ее реальный вклад в развитие астрономической науки.

«Установления императора Яо»

Чтобы понять, каков был действительный уровень древней (т.е. на самом деле средневековой) китайской астрономии, а также чтобы понять механизм создания мифа о ее высочайшем уровне, полезно подробно разобрать какое-нибудь «древнекитайское» астрономическое сочинение. Такой разбор был сделан Морозовым в отношении главы «Яодань» («Установления императора Яо») книги «Шицзи» (см.[6], стр.55—58).

Император Яо («Высший») взшел на престол будто бы в 41 году V цикла, т.е. в 2357 г. до н.э. В § 5 главы «Яодань» книги «Шицзи» сообщается, что своим придворным астрономам Хе и Хо, имена которых в переводе означают просто «План» и «Чертеж», он приказал «наблюдать небеса, вычислить календарь, устроить прибор, на котором были бы представлены 12 знаков зодиака и движение по ним Солнца и Луны, и, кроме того, с должным почтением сообщать народу о временах года».

Считается, что под «прибором» здесь разумеется армиллярная сфера. Но конструкция этой сферы предполагает знание вращения Земли, а в том же § 5 автор летописи разъясняет, что Солнце ежесуточно обходит Землю и что небо представляет собой ткацкий станок, звезды основу в нем, а планеты (числом пять; см. выше) челнок.

Совсем уже странно упоминание 12 знаков зодиака. Дело в том, что в другой главе той же книги «Шицзи» зодиакальный пояс делится на 28 созвездий (см.[125], стр.67), причем это деление было в китайской астрономии, по-видимому, общепринятым. С европейской же астрономией китайцы познакомились только в 1580 г. (см.[125], стр.108). Не имея возможности произвести проверку по оригиналу, мы склонны думать, что «12 знаков» появились здесь по произволу европейского переводчика.

В целом § 3 достаточно четко освещаем как теоретические положения древнекитайской астрономии (звезды — основа, а планеты — челнок), так и круг обязанностей придворного астронома.

Далее, мы дадим слово непосредственно Морозову: «В § 4 Император приказывает «Второму плану» идти на восток, поклониться восходящему Солнцу (что очень трудно локализовать в Китае, где на востоке... начинается... Тихий океан). Там (почему-то) он должен был убедиться, равны ли день и ночь весною, причем звезда «Птица» («Ню») признается точным указателем этого времени года. Ее считают за звезду Сердца гидры, «кульминировавшую, говорят нам, — в минус XXIV веке при закате Солнца около весеннего равноденствия», чем и считают китайскую хронологию снова подтвержденной до минус 2305 года... Но точно ли это подтверждение? Прежде всего: кто и когда вздумал бы отмечать времена года кульминациями, а не выходами из-за Солнца стандартных звезд? Ведь это же ни на что негодный способ уже по тому одному, что в момент заката Солнца еще не видно не только Сердца гидры, звезды второй величины и низкой над горизонтом, но даже и Регула над нею. Ведь... везде, вплоть до изобретения телескопов... сезоны определялись гелиакическими восходами и закатами самых крупных звезд... Первая же практическая проба кульминационного способа показала бы его изобретателю, что им ничего не определишь.

Такие «подтверждения» больше похожи на опровержения.

В § 5 Высший император приказывает «Третьему плану» идти (почему-то) на юг, чтобы измерить длину солнечной тени и по ней установить середину лета (хотя для этого было бы лучше идти, наоборот, на север). Показательницей этого времени считается звезда, отождествляемая теперь с Бэтой Скорпиона (опять по тому же нелепому способу невидимой кульминации ее на закате июньского Солнца).

В § 6 Высший император дает снова инструкцию «Второму плану», чтобы он направился на запад проводить заходящее Солнце и установить там равенство дней и ночей в осеннее равноденствие. Звезда, отождествляемая теперь с β Водолея, считается указательницей

этого времени года тоже, очевидно, потому, что осеннего равноденствия никак не определить по ее невидимой кульминации на закате сентябрьского Солнца в Весах даже и при уровне астрономической техники в XII веке нашей эры.

В § 7 «Третий план» командирится на север показать, что дни там коротки в зимнее солнцестояние. Указательницей этого момента называется звезда, считающаяся теперь за Плеяды, и опять по тем же неприемлемым для астронома кульминационным соображениям.

Не трудно видеть при первом взгляде на звездную карту, что эти четыре звезды действительно отстоят около 90° прямого восхождения друг от друга, но практически совершенно не годны для указываемой для них цели» ([6], стр. 56—57).

Мы не выясняли, кто из европейских комментаторов предложил эти четыре звезды и изобрел «кульминационный способ». Что же касается бессмысленных поездок астрономов на юг, север, восток и запад, то с точки зрения распространенной в китайской астрономии теории мира «чжоуби» (см. [125], стр. 75—74) они вполне оправданы. Таким образом, весь рассказ книги «Яодань» представляет собой миф, автор которого был знаком с теорией «чжоуби» и ставил своей целью теоретически «восстановить» первые шаги астрономии в Китае.

Чтобы узнать время составления этого мифа, нужно знать, во-первых, какие четыре звезды имелись в виду его автором, а во-вторых, как они фиксировались (наиболее естественным образом при гелиакическом восходе или закате, или, скажем, как утверждает некоторыми комментаторами, при их акроническом восходе, т.е. в момент захода Солнца на стороне неба противоположной Солнцу). Большое число неизвестных решить эту задачу однозначно не позволяет.

Наоборот, предполагая известным время и способ наблюдения, можно предположительно определить звезды. Так именно и поступал неизвестный нам комментатор, когда находил указанные выше четыре звезды. При этом, чтобы получить мало-мальски заметные звезды, ему пришлось предположить глупейший «кульминационный» способ.

А теперь сравните как безапелляционно пишет Старцев: «В книге «Шуцзин» в главе «Яодань» («Установления императора Яо») говорится, что появление на горизонте в вечерние сумерки четырех созвездий, современные названия которых Гидра, Скорпион, Водолей и Плеяды, возвещает, соответственно, приход весеннего равноденствия, летнего солнцестояния, осеннего равноденствия и зимнего солнцестояния» ([125], стр. 18). После всего сказанного выше, комментарии здесь излишни.

Списки комет

См. [5], стр. 70—115, 129, 155—180.

Китайские летописи особенно ценятся современными астрономами за содержащуюся в них информацию о кометах. На основании этих летописей английский астроном Вильямс составил в 1871 году список более чем шестисот комет, якобы наблюдавшихся в Китае с минус 840 г. по плюс 1540 г.

Здесь в первую очередь интересно то обстоятельство, что китайские списки относятся к тому же времени (середина XVII века), когда в Европе также стали публиковаться многочисленные «Кометографии». Несмотря на это совпадение, никто до Морозова, по-видимому, не осуществил систематического сравнения китайских и европейских данных. Это сравнение выявило по оценке Морозова «нечто поразительное». Именно, оказалось, что до начала нашей эры даты почти всех комет «разошлись до такой степени, что там, где есть записи у китайцев, они целыми пачками отсутствуют у европейцев и наоборот: где имеются целые пачки европейских записей, там нет ни одной китайской. Европейцы тут опровергают китайцев, а китайцы опровергают европейцев. Очевидно, что до начала нашей эры никаких записей не было ни у тех, ни у других и все они апокрифированы с каких-то более поздних отметок...» ([6], стр. 134). Более того, оказывается, что и в более позднее время «европейские и китайские датировки комет играют друг с другом в чехарду, хотя становятся многочисленнее и потому больше доставляют примеров для случайных совпадений по теории вероятностей. Лишь с XII века согласия обоих первоисточников делаются настолько частыми, что их нельзя объяснить случайностью...» ([5], стр. 154).

Правдивость старинных кометных записей (как европейских, так и китайских) можно попробовать проверить по их сообщениям о возвращениях периодических комет и, в первую очередь, наиболее замечательной из них — кометы Галлея. Вспять от нашего времени имеется семь заведомо достоверных европейских сообщений о возвращениях кометы Галлея через каждые 74—75 лет от 1910 г. до 1455 г. «О ее видимости с Земли ранее 1456 года ничего нельзя сказать по европейским средневековым летописям, хотя они и сообщают нам о множестве комет» ([6], стр. 137). По китайским же записям можно предположительно указать еще 12 возвращений вплоть до 530 года н.э., а также очень неуверенно и гадательно дополнительные 8 возвращений, последнее из которых относится к 87 году до н.э. Этот вывод принадлежит европейским астрономам, в основном Коуэллу и Кроммелину. Китайские же астрономы насчитывают в своих летописях

51 запись о комете Галлея вплоть до 240 г. до н.э. Бездумно переписывающий их П.А.Старцев пишет об этих записях: «Европейские астрономы восхищались тщательностью и четкостью наблюдений и записей китайских астрономов древних времен и использовали эти наблюдения для расчетов орбиты кометы Галлея. Этот факт подтверждает достоверность записей китайских астрономов о наблюдении небесных светил, начиная с самых древних времен» ([125], стр.53).

Здесь стоит добавить, что упоминавшиеся выше Коуэлл и Кроммелин, произведя обработку китайских наблюдений, выявили во флюктуациях периода кометы Галлея замечательную синусоидальную закономерность. Каково же было их разочарование, когда эта закономерность резко разошлась (на три с половиной года) с появлением кометы Галлея в 1910 году. Не подогнали ли авторы летописных записей свои даты под ранее выявленную ими синусоиду? Вместе с тем, высокая оценка качества китайских записей во многом оправдана. Они, как правило, подробно описывают путь кометы по небу, тогда как европейские кометографы предпочитают больше писать о сопровождающих комету зловещих знаменьях (скажем, о рождении теленка с человеческой головой), чем о самой комете.

Все это оправдывает предпринятое Морозовым подробное исследование китайских и европейских сообщений о возвращении кометы Галлея. Изложим вкратце его выводы.

Возвращение 1531 года. Сообщения европейских и китайских источников об этом возвращении (как и о всех более поздних) достаточно подробны и в основном совпадают. Нет никаких сомнений, что все они относятся к комете Галлея.

Возвращение 1456 года. Китайские сообщения подробнее европейских, но и последние достаточно детальны, чтобы можно было с уверенностью отождествить наблюдаемую комету с кометой Галлея.

Возвращение 1378 года. «Шицзи» описывает эту комету (и ее путь по небу) вполне удовлетворительно, тогда как европейский источник указывает такое ее положение на небе, что, по цитируемым Морозовым словам Пэнре, «оно годно лишь на то, чтобы измучить слишком усердного искателя кометы Галлея». Здесь китайцы явно идут впереди европейцев.

Возвращение 1301 года. Появление этой кометы отмечено во многих европейских летописях, но без указания места. Ее отождествление с кометой Галлея удается только по подробному описанию в «Шицзи» и в Ма Дуань-линь.

Возвращения 1222, 1145 и 1066 годов. С этими возвращениями ситуация та же, что и с предыдущим: отождествление с кометой Галлея

возможно только по китайским записям. Последние две кометы упоминаются в русских летописях, а о комете 1066 года в «Саксонской хронике» сообщается, что она знаменовала завоевание Англии норманнами.

Возвращения 985 и 912 годов. Об этих возвращениях в европейских летописях имеются лишь очень неполные и порядком сбивчивые сообщения. В китайских летописях указан путь по небу, но очень кратко.

Возвращение 837 года. Напротив, это возвращение получило в европейских и китайских летописях очень широкое и подробное освещение. Видно, что эта комета произвела на умы людей глубочайшее впечатление. Летописцы описывают кометы с похожим путем по небу и в соседних годах (838, 839, 840 и 841 гг.). Морозов полагает, что подобное гнездо почти одинаковых комет реального существования не имело и возникло из-за нечеткости в датировках. Аналогичное гнездо зарегистрировано и в китайских летописях. Поэтому Морозов думает, что китайские летописи заимствовали эту информацию у европейцев. Мы же полагаем, что не исключено и реальное существование гнезда (что ставит очень интересные вопросы в проблеме происхождения и генезиса комет).

Подробности пути кометы 837 года заставили Морозова поставить вопрос: не эта ли комета описана в пророчестве Даниила (см. гл.9, §3)? Если это так, то тогда получится, что библейский Валтасар списан с французского Людовика Благочестивого!

Возвращение 760 года. Европейские сообщения опять очень кратки и путаны. Китайские же вполне удовлетворительны.

Возвращение 684 года. Европейских сообщений много, но как всегда они малоинформативны. В одном из них комета сравнивается с Луной, видимой через тучи. Морозов обращает внимание, что это неестественное сравнение повторяет и «Шицзы». Он снова спрашивает: не пользовались ли китайские астрономы европейскими астрономическими первоисточниками, затерявшимися потом у себя на родине, и указывает, что средневековые астрологические хроники вполне могли захватить с собой миссионеры-астрологии XVI—XVII веков.

Нам представляется, что здесь, как и во многих других своих суждениях, относящихся к Востоку вообще, и к Китаю в частности, Морозов находится в плену европоцентристских воззрений, которые он наследовал от XIX века. Возможно, что ранняя европейская астрономия-астрология и оказала определенное влияние на китайскую науку, и не только через миссионеров и путешественников, а скажем, и через

арабов, но отрицание под этим предлогом самостоятельности китайской средневековой астрономии означало бы необоснованное и несправедливое шараханье в другую сторону.

Возвращение 607 года. В этом году европейские хроники никаких комет не зарегистрировали. В китайских же источниках под 607 годом указаны даже две кометы; описание первой из них прекрасно подходит к комете Галлея.

Таким образом, китайские летописи, в отличие от европейских, в отношении кометы Галлея вполне на высоте вплоть до 507 года. Однако на этом годе вятные сообщения китайских летописей об этой комете прекращаются.

Возвращение 530 года. Это возвращение (как и все более ранние) вычислено современными астрономами. В китайских летописях никакой кометы на этот год нет. Из европейцев только Зонарас (автор XII века!) сообщает, что в 530 году на небе появилась очень большая и «очень страшная комета». Дает ли право это достаточно неопределенное сообщение XII века отождествлять описанную в нем комету с кометой Галлея 530 года? Коуэлл и Кроммелин думали, что да, а Галлей и Пэнгре, что нет. Морозов разделяет мнение Галлея и Пэнгре.

Возвращение 451 года. Европейцы сообщают о появлении кометы на год раньше теоретического срока (будто бы эта комета предвестила победу Азия над гуннами в 450 году). Китайские же авторы сообщают о комете в правильном 451 году, но без подробностей, позволяющих отождествить эту комету с кометой Галлея.

Возвращение 373 года. У европейцев информации о кометах в этом году фактически нет, а китайские источники указывают путь кометы по небу, невозможный по астрономическим соображениям. Как пишет Морозов, «подобный путь может быть только в фантазии или при смешении двух комет» ([6], стр.150). Считать, что здесь китайская запись подтверждает возвращение 373 года, можно только при очень большом желании.

Возвращение 295 года. Этот год падает на разрыв с 220 года по 307 год в европейских списках комет, отделяющий реальные даты от апокрифических. В китайских летописях, напротив, этот период особенно богат кометами. Тем не менее, до 295 года комет в них нет, а ближайшая подходящая числится под 295 годом. С некоторой натяжкой можно считать, что китайские летописи здесь подтверждены астрономически.

Возвращение 218 года. Об этой комете есть несколько сообщений у «античных» авторов (без указания пути по небу). Китайские летописи описывают ее подробно и вполне удовлетворительно.

Возвращение 141 года. У европейских апокрифистов этой кометы нет (ближайшая комета описывается под 145 годом). «Шицзи» подробно описывает вполне подходящую комету, которую Ма Дуань-линь передвигает на 131 год, что выбрасывает ее из ряда возвращений кометы Галлея.

Возвращение 64 года. У европейских апокрифистов этой кометы, естественно, нет, а китайские летописи указывают две кометы: на 65 год и начало 66 года, обе, более или менее, подходящие.

Возвращение -11 года. Этой кометы в «Шицзи» нет, а в «Вэньсяньтункао» описывается комета, которая была бы вполне подходяща, если бы не невозможный ее путь по небу.

На этом Морозов прекращает исследование возвращений кометы Галлея, считая его дальнейшее продолжение бессмысленным по двум причинам. Во-первых, последние 7—8 теоретически вычисленных возвращений кометы Галлея обнаруживаются в китайских летописях (не говоря уже о европейских) лишь постольку-поскольку. Считать, что комета Галлея подтверждает на этом интервале надежность китайских летописей, не приходится. Во-вторых, теоретический расчет времени возвращений кометы Галлея (не говоря уже о ее орбите) после нескольких неподтвержденных возвращений настолько не уверен, что под него может быть с теми или иными натяжками подведена практически любая запись о комете. Поэтому сравнение теории с летописными записями, относимыми к времени после начала нашей эры, никакой доказательной (или опровергающей) силы не имеет.

Таким образом, мы видим, что оценки Коуэлла и Кроммелина в целом соответствуют действительности, а утверждения о 31 летописном подтверждении возвращений кометы Галлея в лучшем случае следует расценивать как легкомысленные.

Итак, китайские летописи выдерживают проверку на надежность «по комете Галлея» лишь до VII века н.э.

Можно попытаться перепроверить этот вывод по другим периодическим кометам, но по тем или иным причинам это не удастся по отношению ни к одной комете.

Например, уже довольно давно специалисты по кометам обратили внимание на очень яркую и крупную комету 1556 года. Аналогичную комету с близкой орбитой европейские и китайские источники приурочивают к 1264 году. Пенгрэ счел обе кометы за одну периодическую комету, возвращающуюся каждые $292 = 1555 - 1264$ года. Следовательно, должны быть кометы в 962, 680, 388 и 96 годах. И, действительно, близко от 952 года (а именно, в 975 году) европейские и китайские источники согласно описывают яркую и большую комету.

Аналогично, около 680 года (а именно, в 684 году) в Европе и Китае также отмечено появление яркой кометы. Хотя выше мы и признали ее за комету Галлея, но у китайцев под 581 годом есть и другая комета, которую при желании можно признать за требуемую. И около 388 года (а именно, в 389 и 390 годах) также имеются вполне подходящие кометы. Наконец и около 95 года (а именно в 102 году) в «Шицзи» есть описание яркой и большой кометы.

Казалось бы, что предположение Пэнгре надежно подтверждено и вместе с тем подтверждена надежность китайских списков вплоть до I века н.э. Но вскоре вышло неожиданное разочарование: следующее возвращение этой кометы должно быть около 1858 года, но на это свидание комета не явилась. Это пошатнуло все «подтверждения». По-видимому, все они были чистой игрой стохастических феноменов или, в лучшем случае, рассматриваемая комета возникла только в средние века и рассеялась после двух-трех обращений.

Вообще, возвращаясь к Солнцу, кометы теряют столько своей массы, что после нескольких возвращений комета должна наверняка рассеяться и превратиться, в лучшем случае, в поток метеоритов. Во всяком случае, такова, по-видимому, судьба всех короткопериодических комет (наиболее известной из которых является знаменитая комета Биеллы). Поэтому нельзя ожидать и от кометы Галлея слишком много возвращений. Поскольку до 507 года в записях о комете Галлея и в Европе, и в Китае начинают обнаруживаться чередующиеся недочеты, можно думать, что в этом году было одно из первых ее появлений. Даже и при этом приходится удивляться, что она дожила до 1910 года. Это еще раз показывает легкомысленность утверждения о 31-кратном подтверждении возвращений кометы Галлея в китайских летописях.

Попытки же так или иначе использовать периодичность комет можно обнаружить на самых ранних этапах развития астрономии. Например, под № 1 Любенецкий в своей «Кометографии» описывает комету, которая якобы появилась на небе во время всемирного потопа «за 2312 лет до Рождества Христова». Морозов замечает, что, прибавив к дате этой кометы несколько раз по 540 лет, мы получим, в частности, 388, 928 и 1468 годы, в каждый из которых (или поблизости от него) и европейские, и китайские источники указывают яркие кометы. Отсюда он делает вывод, что, по-видимому, ложная периодичность в 540 лет была замечена еще до Галлея (который, таким образом, напрасно считается первым, обнаружившим периодические кометы) и была продолжена вспять, чтобы «вычислить» комету всемирного потопа. Не было ли это одним из первых «астрономических» подтверждений

исторической даты? (Вполне подобным многочисленным «подтверждениям» античных дат по затмениям, которые мы разбирали в гл.2, § 3).

Любопытно, что авторы европейских кометографий, по-видимому, считали 540 лет общекометным периодом и пытались по нему вычислять древние кометы. Только этим можно объяснить замеченный Морозовым факт (см.[5], табл.ХII на стр.155—166), что практически все перечисляемые Любенецким кометы до н.э. имеют двойников ровно через 540 лет (уже после н.э.). Это уже совершенно безапелляционно доказывает апокрифичность всех этих комет.

Впрочем и с кометами после н.э. дело обстоит не лучше. Как заметил Морозов (см.[6], рис.52 на стр.179) четырехсотлетний период от -180 года до +220 года по числу последовательных комет разительно подобен периоду от 300 года до 700 года. Таким образом, как и следовало ожидать, за пределами IV века н.э. европейские списки комет сами обнаруживают свою собственную апокрифичность.

Апокрифичность истории Китая

В примитивных обществах особым уважением (как хранители мудрости рода) пользуются старики, а в феодальном обществе — люди с наиболее длинной родословной. Перенос этих пережиточных представлений на социальные структуры, по-видимому, и породил странное стремление многих наций (особенно, в прошлом ущемленных) всемерно удлинять свою историю и находить в ее протяженности особую гордость. При рациональном и хладнокровном взгляде на предмет дело обстоит как раз наоборот: если страна имела долгую историю и пришла к XX веку отсталой, то это могло случиться только потому, что ее население обладало каким-то существенным и неисправимым недостатком. (Именно это рассуждение и породило расистскую легенду об «органической неспособности» китайского народа к усовершенствованию). Поэтому каждая развивающаяся страна должна, казалось бы, стыдиться длинной истории и всемерно ее сокращать, подчеркивая тем самым свою молодость, у которой все впереди. Но поведение и людей и народов доводам разума, как известно, никогда не следует.

И вот мы видим, что в Китае любые сомнения в древности его истории и науки рассматриваются как оскорбительные для великого китайского народа, как проявления европейского колониализма в идеологической области. Многочисленные китайские ученые положили много труда, чтобы «возвысить», как они считали, китайскую науку и придать ей ореол древности. На самом же деле, это они

наносили (и продолжают наносить) оскорбление китайскому народу, утверждая, что после такого блестящего старта в науке, культуре и государственности, он не сумел пойти дальше и позволил себя обогнать «европейским варварам».

Борьба за «приоритет» китайской науки приобретает подчас, как мы видели выше, гротескные и смешные формы. Это тоже, конечно, не прибавляет ей достоинства.

Неизбежной реакцией на эти потуги является, наоборот, полное отрицание самостоятельных достижений китайской нации, в чем грешен, в частности, и Морозов. Правда, до Морозова никто не осмеливался заподозрить на равнинах Хуанхэ и Янцзы «вместо самого старого из больших культурных государств земного шара, чуть ли не очень молодое...» ([6], стр.156).

Здесь, конечно, Морозов в полемическом азарте перегибает палку. Китайская история вполне надежно прослеживается до X века н.э., когда зародились все современные большие культурные государства. Более того, например, списки комет, по-видимому, указывают на относительную надежность китайских хроник вплоть до VI—VII веков н.э. и определенную правдоподобность их сообщений вплоть до III—IV веков н.э.

Любопытно, что эта оценка фактически смыкается с оценкой историков, которые полностью доверяют китайским хроникам приблизительно с этого же времени.

Еще более любопытно, что здесь мы снова сталкиваемся с тем же барьером IV века, за которым в предыдущих главах не смогли проследить историю Средиземноморья. Получается, что реальные писанные истории Китая и Средиземноморья имеют одну и ту же продолжительность!

Это совпадение не может не настораживать. Чтобы объяснить его, Морозов высказывает гипотезу, что китайские императоры с IV по VI века н.э. списаны (хотя бы частично) со средиземноморских. Хотя тут, конечно, сыграл определенную роль его, отмеченный выше, европоцентризм, нельзя не признать справедливым замечание Морозова, что в китайской письменности «ввиду отсутствия в ней фонетической азбуки, не может быть записано никаких имен, не имеющих определенного смысла на языке пишущего; всякое иностранное имя неизбежно должно обратиться при такой письменности в одно из созвучных с ним китайских слов или в их сочетание, и ни один иностранный рассказ не может быть трансплантирован в китайскую литературу, не переодевшись в то же время в китайскую одежду и не

получив китайской окраски в цвете своего лица, так что при научном переводе китайских документов для осмысленного чтения надо их предварительно снова раздеть и вымыть лица» ([6], стр.61).

Морозов приводит следующий пример:

«Во всех китайских историях мы читаем:

«В третьем веке (европейского счета) между 221 и 264 годами в Китае царствовали одновременно три императора: Чжао Ле-ди, Вен Ди и Да Ди»... «В начале четвертого века была династия Си-Цзинь, замечательнейшим царем которой был У Ди»... «А затем от 317 по 419 год была династия Дунг-Цзинь, в которой царями были: Юань Ди, Мин Ди, Чэн Ди, Кун Ди» и т.д.

Не правда ли, как все здесь исторически-документально и китайски-национально? Но вспомните только, что эти имена написаны не звуками, а рисунками... и тогда весь этот псевдодокументальный рассказ потеряет не только историческое, но даже и национально-китайское значение. Выйдет просто следующее:

«В третьем веке (европейского счета) между 221 и 245 годами в Средиземной империи (Так назывался Китай в китайской литературе. — *Авт.*) царствовали одновременно три императора: Ясно-Пылкий, Литературный и Великий»... «В начале четвертого века была династия Западного процветания, замечательнейшим царем которой был Военный император...» «А затем от 317 по 415 год была династия Восточного Процветания, в которой царями были: Первый главный царь, Светлейший царь, Царь-Завершение, Царь-Процветание» и т.д.

Скажите сами, читатель: здесь, при этом полном (а не половинном, как сделано выше и как делают теперь все историки) переводе, осталось ли что-либо сухо-документальное, историческое или даже просто национально-китайское? Ведь невольно кажется даже, что тут под именем Средиземного царства... описана Средиземная империя Диоклетиана на берегах Средиземного моря с ее первым триумvirатом, лишь на несколько десятков лет отодвинутым вспять (заметим, что если мы предположим, что китайский автор в счете циклов ошибся на единицу, то никакого сдвига не будет. — *Авт.*), с ее Западным Процветанием, когда во главе империи считался итальянский город Рим; с ее последующим Восточным Процветанием, когда столица была перенесена в Византию... Невольно кажется, что китайский рассказ перекочевал в Азию из Европы...

А если и китайская, и европейская истории были действительно почти одинаковы без списывания друг с друга, а на деле, то не имеем ли мы права воскликнуть: поистине правы были астрологи, говорив-

шие, что все земные события направляются сочетаниями небесных светил! Вот две «средиземные империи» возникли в двух противоположных концах старого света под теми же именами и династические истории обеих шли по той же самой схеме!» ([6], стр.62—63).

Конечно, «односхемность» обеих династических историй нуждается еще в исследовании и подтверждении, но тот факт, что одновременно в двух противоположных концах света существовали Западная и Восточная империи, производит, бесспорно, определенное впечатление. Поэтому вполне естественен вопрос (не утверждение!) Морозова, не представляет ли вся древняя история Китая «трансплантацию на китайскую почву каких-либо европейских летописей, завезенных туда несторианами или католиками из Европы и только завернутыми в китайскую обложку с перенесением событий с запада Старого света на его восток и с отнесением их времени вспять на много веков?» ([6], стр.129).

Между прочим, существенным подтверждением мнения Морозова о списанности ранней династической истории Китая (то ли с ее более поздних отрезков, то ли с истории Средиземноморской империи) мог бы служить тот факт, что имена всех китайских императоров являются, даже для китайца, не именами, а своего рода высокопарными титулами: «Спокойная добродетель», «Становление процветания» и т.п. Однако этот факт историками был давно замечен, и они нашли ему объяснение: «... с древнейших времен в Китае был установлен обычай, согласно которому нельзя было писать или произносить настоящие имена императоров, не только царствующих, но даже и умерших. Вместо имени при вступлении на престол каждый император принимал какой-нибудь псевдоним... Под этим псевдонимом (девизом) император и был известен своим подчиненным.

Девизы менялись не только при вступлении на царствование нового императора, но также в связи с крупными историческими событиями» ([125], стр.29). Какой все это открывало простор для апокрифирования, читатель может вообразить сам.

Заключение

По совокупности всех обстоятельств можно считать установленным, что реальная династическая история Китая нам известна примерно с конца VI века нашей эры, когда Китай был объединен под властью династии Тан. Ее, по-видимому, и следует считать первой династией Китая. От предыдущей (явно мифической и, по-видимому, списанной с Рима) династии Цзинь эту династию

отделяет уже знакомый нам разрыв исторической ткани, трехвековой период смут, иностранных завоеваний и междоусобных войн, после которого культурная и политическая история Китая началась «заново».

Конечно, весь наш анализ истории Китая весьма односторонен и неполон, поскольку в основном мы (вместе с Морозовым) ограничились обсуждением лишь китайской астрономии. По аналогии с Египтом хотелось бы, например, более подробно изучить династический поток китайских императоров и в нем самом обнаружить свидетельства списанности. Однако мы не обладаем для этого необходимой информацией.

Тем не менее, основной вывод, касающийся апокрифичности древней истории Китая, даже нашим односторонним и неполным анализом установлен достаточно надежно, особенно, если иметь в виду все сказанное выше в предыдущих главах.

Итак, и в Китае мы не смогли проникнуть за барьер IV века.

В качестве дополнительного штриха (и пищи для самостоятельных размышлений и дальнейших выводов) можно добавить, что хотя по официальной версии Конфуций жил в IV веке до н.э., но только «... в период Сунской династии (960—1279 гг.) конфуцианство стало официальной идеологией» ([125], стр.127), то есть через полторы тысячи (!) лет после Конфуция. Очевидно, что это и было время зарождения конфуцианства, т.е., если хотите, «время, когда жил Конфуций». Это вполне согласуется с общими религиозно-феодалными теоретическими концепциями конфуцианства.

§ 2. Индия

Апокрифичность древней истории Индии

Джавахарлал Неру в своем «Открытии Индии» пишет: «В отличие от греков, китайцев и арабов древние индийцы не были историками. Это... затруднило нам установление дат или точной хронологии. События набегают одно на другое, переплетаются и создают страшную путаницу. Лишь постепенно современные историки находят ключ к лабиринту индийской истории. Собственно говоря, единственной старинной исторической книгой можно считать «Раджатарангини» Калханы, историю Кашмира, написанную в 12 веке н.э. В остальном вам приходится обращаться в поисках случайных намеков к воображаемой истории в эпических произведениях и других книгах, к некоторым старым документам, к надписям, художественным и архитектурным памятникам, к монетам и к обширной санскритской литературе, а также, конечно, к записям иностранных путешественников, посетивших Индию, а именно греков и китайцев, а в более поздний период — арабов.

Это отсутствие исторического чувства не отразилось на массах, ибо... они черпали свои представления о прошлом из преданий, мифов и легенд, передававшихся из поколения в поколение. Эта воображаемая история, смесь фактов и легенд, приобрела широкую известность и дала народу прочную и постоянную культурную основу (а также, — добавим, легла в основу общераспространенных представлений об Индии и ее истории. — *Авт.*)...

Влияние науки и современного мира привело к более внимательному отношению к фактам; появилась способность критиковать и взвешивать данные, ее принимая на веру предания только потому, что это предания... Но и сейчас мы удивительно быстро поддаемся влиянию преданий, причем даже высокообразованные люди теряют способность критически мыслить...

Совсем недавно мы наблюдали многозначительный и показательный пример этого столкновения между критическим воззрением и националистической верой в предания. На большей части территории Индии придерживаются календаря викрам самват. Он основан на солнечном времени, но месяцы являются лунными... Викрам или Викрамадитья, с именем которого связывают календарь, издавна считается великим героем народных преданий... национальным героем, положительным идеалом правителя... Имя Викрамадитья, подобно имени Цезаря, стало своего рода символом и титулом, и многие последующие правители присоединяли его к своим именам...

Но кто же был этот Викрам и когда он жил? С точки зрения истории все это представляется весьма туманным. Около 57 года до н.э., когда должна была начаться эра викрам самват, нет следов, которые указывали бы на существование такого правителя. Однако в 4 веке н.э. в Северной Индии был некий Викрамадитья... Полагают..., что все легенды относятся к нему... Но все это туманно и недостоверно.

Самым поразительным во всем этом являются старания высокообразованных индийцев подтасовать исторические факты, чтобы как-то связать легендарного героя Викрама с летоисчислением, начавшимся 2000 лет назад...

Влияние националистических побуждений и мнимонациональных интересов на изложение или изучение истории характерно не только для индийцев. (Мы это видели выше на примере Китая. — *Авт.*) Каждой нации и каждому народу, видимо, свойственно это желание позолотить и подправить прошлое и исказить его в свою пользу... Но нам незачем обращаться к прошлому, чтобы найти примеры подтасовки истории во имя определенных целей и поддержания чьих-то домыслов и предрассудков. Настоящее изобилует такого рода примерами, а если можно исказить настоящее, свидетелями и участниками которого мы сами являемся, то что же сказать о прошлом?» ([131, стр. 104—106].

Мы привели столь длинную цитату из Неру потому, что считааем высказанные в ней мысли очень важными и не только для историков Индии. Именно этими соображениями мы руководствовались во всех предыдущих главах и параграфах. Никто не спорит с Неру, и на словах все разделяют его мнение, но как только дело доходит до практического исследования истории, все резко меняется. Даже сам Неру в других главах своей книги подходит к информации о древней истории Индии явно без должной критичности.

Например, он нисколько не сомневается в реальном существовании «империи Мауриев» и характеризует его как «первое сильное, обширное и централизованное государство в Индии» ([131], стр. 100). Он сообщает, что основатель этой империи Чандрагупта создал ее в борьбе против греков, вторгнувшихся в Индию под предводительством Александра Македонского, и без оговорок доверяет «полным описаниям этого государства, оставленными как индийцами, так и греками» ([131], стр. 126). Наиболее знаменит внук Чандрагупты царь Ашока (III век до н.э.), от которого якобы осталось большое число указов и надписей, вырезанных на придорожных скалах, в пещерах и на колоннах зданий. Археологи, раскопавшие дворец Ашоки, заявили в официальном докладе, что «степень сохранности является почти

невероятной. Бревна, из которых сложен зал, остались такими же гладкими и имеют такой же вид, как в тот день, свыше двух тысяч лет назад, когда они были уложены» (см. [131], стр. 157). Комментарий Неру великолепен: «Это было бы удивительно в любой стране, и тем более удивительно в Индии, где дерево изнашивается под действием климата и подтачивается всевозможными насекомыми. Вероятно, дерево подвергалось какой-то специальной обработке. В чем она заключалась, насколько мне известно, остается все еще тайной» ([131], стр. 138).

В полном соответствии с общей схемой апокрифической истории, с которой мы познакомились на примере Египта и Китая, империя Маурьев скоро пришла в упадок, и Индия опять распалась на мелкие самостоятельные государства. О правителях этих государств нам известно только из буддийских преданий, поскольку некоторые из них были знаменитыми буддистами. Это же относится и к завоевателям — кушанам, царь которых, Канишка, также является героем буддийских легенд. Ученые XX века много труда положили на исследование кушан, но единственно неоспоримый вывод, к которому они пришли, заключается в том, что «В обширной литературе о Кушанском царстве факты и их интерпретация, достоверное и гипотетическое переплетены настолько тесно, что иногда среди догадок и предположений (часто — многостепенных) совершенно теряются, отступая на задний план, реальные данные» ([132], стр. 5). Можно добавить, что для каждого исследователя кушан множество «реальных данных» свое, и пересечение этих множеств пусто.

В начале IV века (опять четвертый век!) в Индии возрождается «могущественная и широко раскинувшаяся империя». Ее основателя снова зовут Чандрагупта и он снова объединяет Индию в борьбе против вторгнувшихся иностранных захватчиков.

«Так в 520 году н.э. началась эра династии Гуптов, которая дала замечательную плеяду великих правителей, преуспевавших как в войнах, так и в великих делах». ([131], стр. 140).

У нас нет сомнения, что Маурьи списаны с Гуптов, но, конечно, чтобы это окончательно доказать нужны дополнительные подтверждения.

Но были ли сами Гупты? Здесьстораживает, что их империя тоже скоро распалась и после периода смут новое «могущественное государство, охватывавшее Северную и Центральную Индию», было создано в начале VII века Харшавардханой (см. [131], стр. 142), после которого новых «разрывов» уже не наблюдалось.стораживает также и дата создания империи Гуптов. Не списана ли она, подобно китайской династии Цзинь, со Средиземноморской империи? Мы думаем, что

ответы на оба вопроса должны быть отрицательными. Однако мы все же сочли необходимым эти вопросы поставить.

Внимательный читатель должен был заметить, что только что высказанное утверждение о фантастичности истории Индии до Гуптов (или даже до Харшавардханы) ничем реальным, кроме общих соображений и аналогий, существу не подтверждено. Вместе с тем ему противоречат, если не светские исторические источники (которых, согласно Неру, нет), то, во всяком случае, многочисленные и, казалось бы, надежно установленные факты истории индийских религиозных движений. Поэтому мы должны теперь, хотя бы вкратце, рассмотреть основные религии Индии.

Индуизм

Считается, что древнейшая религия Индии изложена в книгах, которые называются «Веда», что значит «учение» (ср. славянское «ведати»). Они представляют собой собрания песнопений («мантры») и делятся на четыре отдела: Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атарваведа.

«Касательно древности ведических песен (мантрас) существуют только смутные предположения... Основываясь на астрономических данных, имеющихся в ведийской картине мироздания, Якоби определил время ведийской культуры около 2000 г. до Р.Х.; он даже думает, что нашел следы более древнего летоисчисления, относящегося к 4000 г. К такому же результату одновременно пришел индийский астроном Тиллак; тем не менее (?! — *Авт.*), эти цифры не определяют времени возникновения ведийской поэзии; обыкновенно его относят ко времени 1200—1000 до Р.Х., но... подобное счисление, по-видимому, далеко не соответствует действительности.

Хотя, таким образом, Веда принадлежат к древнейшей литературе человечества, тем не менее... возникновение их должно быть отнесено не к началу, а к концу религиозно-творческого периода... Вся поэтическая обработка мифологического материала и теоретическая обрисовка религиозных идей обнаруживают постоянно упадок и устарелость умственной жизни, в которой школьная рутин и педантизм подчиняют себе мысль, вера переходит в теорию, а культ изменяется в ритуал...

При большей части ведийских песен приводится имя сочинителя, но эти показания часто не имеют никакого значения и даже совершенно бессмысленны...» ([85], т. 2, стр. 9—11).

Ведийская религия считается политеистической с чрезвычайно большим числом богов. Однако в этом отношении тексты проти-

воречивы: если в одном месте говорится, что богов всего 33, то в другом говорится, что богу Агни поклонялось 3339 божеств. Большинство этих «божеств», естественно, безымянно. Они носят общее имя «дева» или «азур», что означает «дух света» или «дух жизни». Таким образом, их скорее надо считать не богами, а чем-то вроде «светлых духов» христианской мифологии.

Собственно же богов, имеющих имя, не очень много: Индра, Агни, Сурия, Варуна и т.д. Считается, что они отождествляют собой естественные силы природы, но на самом деле их образы чрезвычайно сложны и потому «нельзя в кратких словах охарактеризовать богов Веды» ([85], т.2, стр.17).

Многие исследователи отмечали сходство ведийского пантеона с греческим, подчеркивая, что подобные ведийским «грубые представления о божествах господствовали и в народной фантазии эллинов, и что пластическая красота олимпийцев была созданием искусства, а не религии» ([85], т.2, стр.18). Это сходство проявляется, например, в том, что первое место в числе индийских богов принадлежало (см.[85], т.2, стр.19) богу «Диаус—Питар», т.е. «Богу—Отцу», имя которого даже фонетически совпадает с именем Зевса. «... Дьяусу поклонялись в Греции как Зевсу, в Риме как Юпитеру, а у германских племен как Тиру и Зию... Женой его была Земля (т.е. Гея, по-гречески. — *Авт.*) и оба они воспевались как прародители мира...» ([126], стр.18—19).

Вместе с тем ведийский пантеон во многом сходен с пантеоном христианским. Например, подобно Иегове бог Индра (самый знаменитый и почитаемый из ведийских богов) повелевает молниями, водит в бой полки, мстит за худые и вознаграждает за добрые дела. «Его могущество и величие беспредельны. Он есть бог, не имеющих себе равного, единственный царь мира, создатель и хранитель всех вещей» ([85], т.2, стр.23). Совместно с Агни, светлым богом огня, и Сомой, олицетворением опьяняющего напитка (первоначально надо думать *spiritus vini* — «винного духа», затем скрывшегося в культе под не столь однозными псевдонимами), Индра составляет троицу ведийских богов, вполне аналогичную христианской троице (см.[125], стр.21).

Вместе с тем «...Поразительным явлением в ведийской вере является некоторого рода синкретизм в представлении о богах. Так, несмотря на то, что призываемый бог прославляется как высочайшее существо, ему часто не только приписывают преимущества других богов, но кроме того без всякой критики впадают в его образ черты, функции и события из жизни этих последних. Происходящее отсюда смешение божеских свойств чрезвычайно затрудняет возможность составить

определенное представление об индивидуальности отдельных божеств» ([85], т.2, стр.16).

Таким образом, в сознании молящегося различные боги вед сливались в некоего единого бога. Это дает основание заключить, что **религия вед была в принципе монотеистической**, а различные ведийские боги были лишь воплощениями различных сторон единого бога или его локальными вариациями.

Дальнейшее развитие ведийская религия получила в брахманизме, нашедшем отражение, главным образом, в религиозно-философских трактатах, упанишадах. «Нам почти неизвестно место и время их возникновения» ([126], стр.46). Здесь нет нужды вникать в разнообразные философские спекуляции упанишад; достаточно упомянуть, что учение о карме, снимающее почти все противоречия христианской этики, восходит к ним. Одно бесспорно: учение упанишад является плодом «поразительной способности абстрактного мышления» ([126], стр.54), явившейся итогом долгого религиозно-спекулятивного развития.

Смесь и сочетание теоретической мудрости упанишад, народных шаманистических верований и ведийской религии дало начало религиозной форме, «бесчисленные секты и направления которой мы обозначаем общим названием индуизма и которая с течением времени сделалась господствующей религией индусов» ([85], т.2, стр.120). Дать четкое определение индуизма, как религиозной системы, невозможно. «Никому в Индии и в целом мире не удалось пока дать удовлетворительное определение (индуизма. — *Авт.*), а в вопросе о том, что именно относить к индуизму, существуют большие расхождения... *нелегко провести границу между индуизмом и другими вероучениями*, в первую очередь исламом, буддизмом, джайнизмом и христианством... Индуизм ни монотеистичен, ни политеистичен, так как наряду с верой в одного бога допускает поклонение десяткам или сотням богов и богинь...» ([126], стр.3—5).

«Об историческом начале индуизма известно очень мало... Бюлер решается приписать самым старинным сектам довольно глубокую древность. По его мнению, они должны были существовать значительно раньше буддизма, даже ранее джайнизма..., потому что в сочинениях последних сект о них говорится, как об издавна уже существующих». ([85], т.2, стр.125). С другой стороны, наиболее авторитетные ныне ответвления индуизма (связанные с именами вероучителей Рамануджи, Рамананда Кабира и т.д.) возникли в *XII—XIV веках нашей эры* (см.[85], т.2, стр.126). Упомянутая выше империя Гуптов замечательна тем, что в ней «была сделана попытка создать однородное государство на старых брахманических идеалах» ([131],

стр.141). Не означает ли это, на самом деле, что эти «старые» идеалы только что тогда и появились?

Роль высшего бога в индуизме переходит к Вишну, благосклонному богу, «постоянное стремление которого состоит в том, чтобы приносить людям всякого рода помощь, сообщать им истину, охранять их в опасности, избавлять от зла и принимать их к себе на свое небо..., которое представляется в виде рая» ([85], т.2, стр.132). Известны десять воплощений Вишну, так называемые «аватары». В первой аватаре Вишну в образе рыбы «возвещает Ману всеобщий потоп и приказывает ему построить ковчег; под видом рыбы он сам направляет его, пока ковчег не причаливает к одной горе в Кашемире... Седьмая и восьмая Аватары, *Рамы* и *Кришны*, ясно связаны с героическими легендами... Через девятую Аватару Будда включается в культ Вишну...» ([85], т.2, стр.132—134).

Здесь обращает на себя внимание переплетение библейских мотивов (потоп) с евангельскими (культ рыбы). Это не единственный случай появления в индуизме библейских легенд. Например, и по брахманским преданиям первым человеком был Адам с женой Евой. Жили они тоже в раю, который размещался на Цейлоне. Грехопадение состояло в том, что царь злых духов соблазнил Адама перейти на континент (цепь скалистых островков, соединяющая Цейлон с континентом и ныне называется «Адамов мост»). Даже Авраам под именем Абунгарта известен индуизму. Он и здесь по повелению бога Славы (Брамы) собирается принести в жертву своего сына, но Вишну, спустившись на голову юноши в виде голубя, останавливает его руку.

Особенно интересна седьмая аватара Вишну — бог Кришна, который во многом параллелен Христу. Подобно Христу он был чудесным образом зачат девой, а образ его как младенца очень популярен среди народа. Многочисленные изображения младенца Кришну на коленях матери (см. напр.[85], т.2, стр.135, рис. 21) во всем подобны христианским иконам. Поучения Кришны совершенно однородны с поучениями евангельского Христа, как по форме (они также имеют вид кратких притч), так и по содержанию. Известный писатель Жаколио, проживший в Индии много лет, на основании подобного рода соответствий выводил из Индии вообще всю Библию и даже всю европейскую культуру. Конечно, он во многом увлекался, но впоследствии ряд его сопоставлений был подтвержден представителями т.н. «мифологической школы». В настоящее время принято этим соответствиям большого значения не придавать, а выводы мифологической школы полагается считать «устаревшими». Но факты упрямая

вещь, а параллелизм между индуизмом и христианством бесспорен. Недаром в Индии существуют секты, полагающие, что «**индуизм — это форма христианства в изложении брахманов**» ([127], стр.4).

Второй важнейший бог индуизма — это Шива. «Мы видим в нем суровое и страшное божество: бога разрушителя... Ужасна его сила и... он угрожает людям всякого рода бедствиями». ([85], т.2,стр.139). Тем не менее, его имя значит «милостивый» и «для того, кто его умоляет, он может выказать себя милостивым и благосклонным избавителем и спасителем, который награждает счастьем и отклоняет скорбь; он может явиться даже веселым путником, который, охотясь, бродит по горам, сопровождаемый развратной пьяной толпой, сам предаваясь вину и пляске с женщинами» ([85], т.2, стр.139—140). Последний облик Шивы сближает его с Вакхом-Дионисом. Но Шива почитается также как вдохновитель аскезы и во многих других образах.

«Одновременное почитание и сопоставление как равных Вишну и Сивы (другая транскрипция имени Шивы. — *Авт.*) привело к частому смешению обоих культов и даже к соединению обоих богов... они выступают вместе с Брамой в форме некоторого триединства, Тримурта, где абсолютное проявляется в Бrame, как творце, в Вишну, как охранителе, и в Сиве, как разрушителе и обновителе» ([85], т.2, стр.142). Таким образом, как и в ведической религии, в индуизме настойчиво выплывает христианская идея троицы.

Древнеиндийский эпос

Под древнеиндийским эпосом обычно понимают две обширные поэмы: «Махабхарату» (около 100 тысяч двустихий) и «Рамаяну» (около 24 тысяч двустихий). В этих поэмах причудливо переплетены воинские сказания, архаические мифы, брахманические легенды, героические предания, политические и этические трактаты, философские диалоги, притчи, басни и зачатки первобытной космологии. Они играют основополагающую роль в религии индуизма и «...используя напрашивающуюся, но, конечно, не вполне точную аналогию, можно сказать, что если Веды в духовной жизни Индии явились Ветхим Заветом, то роль Нового Завета выпала на долю «Махабхараты» и «Рамаяны» ([127], стр.7).

Когда были написаны эти поэмы? Современный индийский писатель Нараян, выражая традиционные индуистские представления, пишет, что «при попытке установить даты создания «Рамаяны», «Махабхараты» или пуран — книг-прародительниц всей индийской мифологии, исследователю приходится иметь дело скорее с

геологическими (?—*Авт.*) эпохами, чем с историческими. Относительно вед распространено мнение, что они существовали вечно... О древности пуран можно судить по тому, что они упоминаются в Ведах. Некоторые специалисты по санскритской литературе считают, что «Махабхарата» была создана в 3000 году до н.э., а «Рамаяна» еще раньше». ([147], стр.14). Естественно, что редактор русского перевода книги Нарайана, советский исследователь А.Я.Сыркин, необыкновенно высоко оценивающий в целом труд Нарайана, вынужден «внести некоторые хронологические коррективы» (в три с половиной тысячи лет!). По Сыркину (см.[147], стр.5—4) «Махабхарата» складывалась примерно (!) между IV в. до н.э. и V в. н.э., «Рамаяна» же, вероятно, несколько уступает в древности «Махабхарате». Что же касается пуран, этих «прародительниц всей индийской мифологии», то мы с удивлением узнаем, что «есть основания датировать «Шива (иначе «Вишну») пурану» периодом около IV—VI вв., а «Девибхачавата (иначе «Бхалавата») пурану» — около X в.» (подчеркнем, нашей эры!).

Из других источников, более подробных, мы узнаем далее, что «...А.Хольцман полагал, что завершающая редакция «Махабхараты» состоялась где-то в 900—1100 гг. н.э.» ([127], стр. 135). Правда, дальше там же пишется, что «... как показали более поздние исследования и открытия, его датировка малообоснованна». Почему же? Оказывается, что «В качестве священной книги и авторитетного религиозного трактата (т.е. именно с той идеологической окраской, которая характерна для «нашей» «Махабхараты») «Махабхарату» знают индийские надписи V—VI вв. н.э....» (там же). Таким образом, мы видим, что, во-первых, датировка «Махабхараты» оказывается не самостоятельной, а зависит от датировки упомянутых «индийских надписей». Во-вторых, достаточно ли ссылка на «ту же идеологическую окраску», чтобы утверждать совпадение «Махабхараты» V века с «нашей»? Правда, эти надписи приводят и некоторые подробности, поддерживающие это отождествление. Например, они называют того же мифического автора этой поэмы (Вьясу) и утверждают, что «Махабхарата» есть «собрание из ста тысяч» (по-видимому, стихов). Но, достаточно ли даже это?

О «Махабхарате» упоминают также некоторые авторы, датируемые VII в. н.э., а также камбоджийские надписи, датируемые приблизительно тем же временем. На этом основании современные авторы приходят к выводу, что «... окончательное формирование (а вместе с ним и письменную редакцию) первого древнеиндийского эпоса следует, по-видимому, отнести не позже чем к 400 г. н.э.» ([127], стр.137), причем

вплоть до XII века (и возможно, что и позже) текст «Махабхараты» подвергался непрерывным видоизменениям. «По всей вероятности стадия относительной фиксации того текста поэмы, с которым имеют дело современные исследователи, была достигнута только в результате усилий ее средневековых комментаторов» ([127], стр.137).

Обратим внимание, что в совершенно аналогичной ситуации с Библией тот же вывод Морозова встречается в штыки!

Современные исследователи, не желая отказаться от представления о четырехтысячелетней древности индуизма, полагают, что V веку н.э. принадлежит только «письменная фиксация» поэмы, имеющая якобы тысячелетнюю устную традицию. Вопрос об эвиденциарной значимости традиции вообще и устной традиции в частности мы уже обсуждали в эпилоге к тому I. Все высказанные там общие соображения применимы, конечно, и к «устной традиции» индийского эпоса. Таким образом, оставаясь на почве документальных фактов, мы принуждены датировать создание «Махабхараты» V веком нашей эры. Впрочем, как мы видели, свидетельства, относящие поэму к V веку, не очень-то уверенны. Надежнее будет считать, что где-то около V века (или несколько позже) создавалась первая, краткая редакция «Махабхараты», которая постепенно пополняясь и разрастаясь, приобрела приблизительно современный вид к X—XI векам.

Что же касается датировки другой древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяны», то «...Публичное чтение «Рамаяны»... описано в камбоджийской надписи около 800 г. н.э., а все упоминания о ней и ее авторе Вальмики у индийских и иноземных авторов не восходят к периоду более раннему... Поэтому кажется естественным представить себе, что окончательное формирование и письменное закрепление текста «Рамаяны» проходило параллельно во времени с фиксацией «Махабхараты». Однако... в то время как «Рамаяна» никак и нигде не говорит о другом эпосе, его авторе и героях, «Махабхарата» несколько раз называет по имени Вальмики, ссылается на его поэму и в отдельных своих эпизодах, как кажется, даже опирается на ее текст» ([127], стр.140). На этом основании была выдвинута версия, что фиксация текста «Рамаяны» произошла на один-два века ранее «Махабхараты», но, как заключает П.А.Гринцер, подробно рассмотревший этот вопрос, «аргументы, призванные подтвердить ту точку зрения, что дошедший до нас текст «Рамаяны» сложился на одно-два столетия ранее текста «Махабхараты», или сами оказываются уязвимыми, или, по крайней мере, им могут быть противопоставлены не менее веские аргументы прямо противоположного свойства» ([127], стр.147).

Таким образом, мы можем достаточно уверенно считать, что обе эпические поэмы Индии «Махабхарата» и «Рамаяна» сложились в период V—X вв. н.э. Во всяком случае никаких прямых объективных доказательств более раннего их создания не имеется. Замечательно, что это в точности то время, когда согласно нашим выводам составлялась Библия!

Буддизм

См.[110], стр.296—407.

Считается, что буддизм возник в VI веке до н.э., а его основатель Будда полагается реально существовавшим лицом.

Между прочим, многие исследователи религий с недоумением обращают внимание на тот факт, что VI век до н.э. был временем религиозной реформации во всем мире: в Китае в это время якобы жил и действовал Конфуций, а Индии — Будда, в Иране — Заратустра, в Греции как грибы росли философско-религиозные школы. Не зная, что сказать, Крывелев этот факт попросту игнорирует (см.[110], стр.296), а вот, например, чешский историк Иво Фишер делает из него далеко идущие выводы: «Можно с уверенностью сказать, что эти изменения были непосредственно связаны с крупнейшим открытием всех времен — изобретением железа» ([126], стр.44). Как было бы хорошо, если все проблемы истории решались бы столь же просто с такой же «уверенностью»!

Каноническая версия происхождения буддизма утверждает, что его основатель Гаутама после долгих размышлений о причинах человеческого страдания и о способах его преодоления внезапно, сидя под деревом, узрел истину и тем самым стал Буддой, т.е. просветленным, озаренным, умудренным. Тут же он начал проповедь обретенной истины. Эту проповедь он продолжал сорок лет до самой своей смерти. Его проповедь была необыкновенно успешна и он сразу же привлек на свою сторону царей Бимбисару, Прасенаджита и Аджаташатру. После его смерти наиболее выдающиеся последователи собрались в Раджагрихе, где обсудили и утвердили ряд основоположений новой религии. Однако среди буддистов быстро возникли расхождения, для разрешения которых был созван новый собор, примерно через сто лет после смерти Будды. Еще через сто лет (т.е. в III веке до н.э.) состоялся третий собор, на котором был утвержден текст священных книг буддизма (составляющих т.н. Типитаку) и было принято решение о рассылке миссионеров во все концы страны и за ее пределы. Одно из наиболее новых течений буддизма называется махаяной, а прежнее, традиционное — хинаяной. Основные положения махаяны были

сформулированы и утверждены на специальном соборе, происходившем около 100 года н.э. и т.д. и т.п.

Однако при более внимательном рассмотрении от этой, казалось бы, стройной и подробной версии ничего по существу не остается (см.[110], стр.297—500). Историческое существование Будды сомнительно. Неясно были ли соборы, а если были, то что они собой представляли. В канонической буддийской литературе второй и третий соборы часто смешиваются, «вследствие чего получаются хронологические несообразности... Даже несомненно историческая личность Ашоки здесь мистифицируется довольно странным образом...» ([110], стр.299—500), что, кстати сказать, снова возбуждает сомнения в «несомненной историчности» личности Ашоки.

Особенно любопытно, что хотя возникновение и оформление махаяны относится якобы к первому веку н.э., но тем не менее основные теоретики махаяны жили и действовали в V—VII в. н.э. через полтысячи лет (см.[130], стр.10).

Наиболее ранние этнографические памятники буддизма (в которых он еще очень близок к ведийскому культу) — это надписи на придорожных скалах, пещерах и колоннах зданий, приписываемые уже известному нам царю Ашоке (и датируемые, следовательно, III в. до н.э.), а также т.н. Бхархутская ступа, датируемая предположительно IV в. н.э. (через пятьсот (!) лет). Что же касается письменных источников (их число необозримо), то хотя часть из них считается составленной довольно рано, но подавляющее большинство их было, по-видимому, написано после VII в. н.э. Специалисты особо подчеркивают трудности, заключающиеся «в неопределенности датировки подавляющего большинства произведений буддийской литературы, в силу чего трудно установить порядок временных напластований в этой огромной сумме текстов и идей» ([110], стр.300). Собственная же древность буддийских манускриптов весьма относительна и во всяком случае не простирается за X век нашей эры.

История распространения буддизма также указывает на его очень поздний характер. Например, в Тибет он проник только в VII веке н.э.

Христианство в Индии

Мы видим, что уверения священнослужителей индуизма и буддизма о глубокой древности их вероучений фактами не подтверждаются: оба эти учения объективно прослеживаются только приблизительно до V века н.э.

Таким образом, и индуизм, и буддизм появились отнюдь не раньше христианства, а даже несколько позже. Это проливает совершенно новый свет на многочисленные черты сходства, которые индуизм и буддизм имеют с христианством. (Сходство индуизма с христианством мы выше вкратце уже отмечали; многочисленные же параллели образов Будды и Христа общезвестны: достаточно упомянуть цитированную в [110], стр.400, книгу «Буддизм в сравнении с христианством», название которой говорит само за себя.) Морозов полагает, что толчком к появлению обеих религий явилась деятельность христианских миссионеров, дотянувшихся в IV—V века н.э. до Индии. По его мнению, христианское учение (в его первоначальной послеапостольской, но еще доевангельской форме), смешавшись с народными шаманоидными верованиями, дало начало на благодатной почве Индии многочисленным сектам индуизма и буддизма (в том числе, например, и аскетического джайнизма, основание которого традиция относит в тот же пресловутый VI век до н.э.). Мы не узнаем его в этих верованиях не только потому, что под влиянием местных индийских верований они далеко отошли от своего первообраза, но и потому, что само известное нам евангельское христианство мало похоже на протохристианство IV—VI веков. Более того, есть все основания ожидать, что это протохристианство дошло до наших дней под маской одной (или нескольких) индуистских сект (по-видимому тех, в которых сильны элементы лингвистического культа и сохранились обряды вакхического характера и храмовая проституция).

Морозов находит (см. [3], стр.261—262) подтверждения своего мнения в официальной церковной истории. В этой истории говорится, что «крещение Индии» было осуществлено непосредственно после смерти Христа его апостолом Фомой. Согласно вычисленному в гл. 11 времени столбования Христа это как раз и дает IV—V века.

Согласно «Жития Святых» крещенная Фомой Индия снова «впала в нечестие» и продолжала поклоняться «воздушным идолам». Но явился в ту страну монах Варлам (сын Ламы) и обратил в христианство царевича Иоасафа (Судью Громовержца), сына царя Авенира (Отца Света), который и окрестил индийский народ.

Морозов обращает внимание, что эта легенда вполне аналогична легенде о «крещении Руси» Владимиром: проповедник обратил в свою веру властелина страны и тот приказал принять ее и всему своему народу. Это, по-видимому, был всеобщий способ распространения христианства.

Почему понадобилось вторично крестить Индию? По-видимому, после первого крещения (Фомой) культ настолько быстро видоизменился, что явившийся лет через сто Варлам его просто не узнал и счел своим долгом осуществить крещение второй раз. На юге Индии до сих пор имеются христианские общины, ведущие свое происхождение от Варлама.

Морозов подробно излагает легенду о Варламе и Иоасафе (см. [3] стр.262—258), обнаруживая многочисленные общие черты в биографии Иоасафа и Будды. Не означает ли это, что «крещение Варлама» дало начало буддизму (и его ответвлению, ламаизму; обратим внимание на смысловое значение имени Варлам — Сын Ламы), а более раннее «крещение Фомы» породило индуистические культы? Любопытно, что из всех христианских учений по догматике ближе всего к буддизму несторианство («возвращенство»), расцвет которого как раз и приходится на VI век н.э.

Однако, евангельское (точнее, предевангельское) христианство оказало влияние и на индуизм. Только этим можно объяснить появление в индийском пантеоне образа бога Кришны, параллельного Христу. В связи с этим особый интерес приобретает информация (см. [7], стр.398) о том, что в период иконоборческого движения (т.е. в VIII—IX веках) в Индию бежало от преследований свыше 50-ти тысяч (!) клириков всех рангов. Интересно, что как раз на это время и приходится дошедшие до нас буддийские и индуистские сочинения.

По сравнению с Европой в Индии значительно более развилось представление о третьем лице божественной троицы, святом духе, Шиве, с титулом Магадева (латинское «Магнус Деус» — Великий Бог). Первичное представление о всеразрушающем и всеочищающем огне как третьем олицетворении божества, в образе Шивы объединилось и достигло космических масштабов. Напротив, христианская идея о святом духе явилась сужением этого первичного представления (не говоря уже о том, что в легенде о «святом духе» определенную роль сыграл, как мы уже говорили, и «винный дух»).

Стоит еще заметить, что один из важнейших буддийских символов — дерево, под сенью которого восседает Будда, невольно наводит ум на пиниеобразный столб дыма, выходящий из кратера вулкана. Конечно, резонность этого сопоставления нуждается еще в обсуждении.

Заключение

Таким образом, мы снова видим, что с какой стороны не подойти достоверная, письменная история Индии не простирается далее IV века н.э. Известные археологические раскопки в Мохенджо-Даро и Харанпе этот вывод не опровергают, поскольку письменных памятников там не обнаружено (датировка же их нуждается, конечно, в пересмотре; вряд ли эти культуры старше начала нашей эры).

Конечно, соображения, которыми мы обосновали этот вывод, весьма фрагментарны (даже еще фрагментарнее, чем в аналогичном случае Китая) и сами по себе нуждаются в развитии и дополнении. Это должно быть предметом дальнейшей работы.

§ 3. Ближний Восток

Клинописные источники

Мало кто знает истинное положение с клинописными табличками в музеях. Дадим слово специалисту:

«Прошло едва ли сто лет с тех пор, как клинопись стала опять доступна пониманию и только незадолго до начала настоящего столетия был общепризнан такой фундаментальный факт, как существование самостоятельного шумерского языка... Но между тем как дешифровка и интерпретация двигались медленными шагами, тексты с самого начала находились в потрясающих количествах... многие десятки тысяч таблиц нашли свою дорогу в музеи и образовали материал, который потребовал бы для своей публикации несколько веков, даже если объединить усилия всех живущих ассириологов... многие раскопки в городах Месопотамии имели своим результатом только научно осуществленное разрушение того, что сохранялось неуничтоженным в течение тысячелетий. Причины этого явления тривиальны. Время, нужное для опубликования результатов, во много раз превосходит время, затрачиваемое на раскопки. Выделенные средства обычно оказываются истраченными к тому времени, когда выполнена лишь часть первоначально запланированных раскопок и... ученые устремляются за новым материалом, вместо того, чтобы заняться утомительной работой по публикации тысяч деталей, случайно выявленных во время раскопок. В итоге конечный результат мало отличается от того, к которому приходили ранние производители раскопок, стоявшие на позициях охотников за сокровищами.

...До 1951 г. при раскопках не устанавливалось происхождение почти ни одного астрономического или математического текста. Единственным заметным исключением являются несколько таблиц умножения из Нипшура или Сиппара, но никто не знает, где эти тексты были извлечены из руин. В результате, например, совершенно невозможно установить, получены ли эти тексты из храма, дворца, частного дома и т.п. Неизвестен даже пласт, в котором они были найдены, что лишает возможности более точно датировать тексты... у нас остаются только сами тексты, и их происхождение нужно определять только по внутренним показаниям, которые часто трудно истолковать.

Можно рассказать длинную историю о «методах» получения нужной информации. Тексты, пролежавшие более 50 лет в подвалах музея, могут быть условно датированы по газете, в которую они были завернуты. Это дает правдоподобную дату «экспедиции», которая нашла тексты, а отсюда и место, из которого они были извлечены...

Публикация табличек сама по себе является трудным делом. Прежде всего ... лишь незначительная часть коллекции каталогизирована... Я был бы удивлен, если бы десятая часть всех музейных табличек оказалась занесенной в какой-либо каталог. Задача извлечения первоисточников из музеев является гораздо более неотложной, чем накопление новых несчетных тысяч текстов сверх до сих пор неисследованных предыдущих тысяч. (Напомним (см. [133], стр. 62), что знаменитый эпос о Гильгамеше был случайно (!) обнаружен смотрителем Британского музея Смитом среди незарегистрированных коллекций. — *Авт.*)...

Не существует простых методов публикации. Одних фотографий в большинстве случаев бывает недостаточно, не говоря уже о их высокой стоимости... Так и стоимость и фактическая необходимость привели к практике ручного копирования...

...Даже при большом опыте текст нельзя скопировать правильно, не понимая его содержания. Практически ни один текст не поддается копировке с первого раза. Необходимо повторное сличение, объединение с другими фрагментами и сравнение с другими текстами. Требуются годы труда прежде, чем небольшая группа в несколько сотен табличек может быть должным образом издана. И никакая публикация не является «окончательной». Снова и снова свежий взгляд обнаруживает решение загадки, ускользнувшее от издателя, каким бы ясным это решение не казалось впоследствии.

...Процесс расшифровки не следует никаким твердым правилам. Каждый специальный класс текстов требует медленного составления технического словаря. Результаты прочтения (по догадке. — *Авт.*) трудных знаков и слов должны заноситься в картотеку, обеспечивающую повторную проверку и сопоставление с ранее полученными результатами. Только накопление опыта приводит к более быстрому пониманию определенных типов текстов» ([23], стр. 71—75).

Далее, Нейгебауер специально останавливается на клинописных астрономических текстах. Оказывается, что «... Вряд ли существует в истории науки другая глава, в которой имелось бы столь глубокое расхождение между общепринятым представлением об эпохе и заключениями, которые постепенно вырисовываются при детальном исследовании первоисточников» ([23], стр. 106). Вавилонская астрономия (отождествляемая с «халдейской» астрономией «античных» и средневековых астрологических сочинений) оказалась совсем не такой как это думали раньше: она была незрелой и чисто качественной (кстати, не доказывает ли это ложность отождествления астрономии клинописных текстов с «халдейской» наукой?). Это было установлено в конце

прошлого века трудами Эппинга и Куглера. Вот что говорит о них Нейгебауер (высоко ценящий результаты Эппинга и Куглера):

«Работы Эппинга и Куглера основаны исключительно на текстах из Британского Музея. В течение многих лет Штрассмайер переписывал там тысячи табличек... Эти копии вносились в записные книжки... По инициативе Штрассмайера Эппинг начал изучать штрассмайеровские транскрипции астрономических текстов. Когда расшифровка оказалась удачной, Штрассмайер стал переносить из своих записных книжек астрономические отрывки на отдельные листы, зачастую добавляя пояснительные замечания. Эти листы отсылались затем Эппингу для окончательного исследования... Ни один из этих текстов не был опубликован в официальных изданиях Британского музея, и нет никакой информации о подобных табличках, приобретенных Британским музеем после того, как Штрассмайер перестал их переписывать» ([23], стр. 112).

Обсуждение

Информация Нейгебауера во многих отношениях уникальна: редко удается проникнуть в секреты «кухни» исследовательской работы, о результатах которой мы узнаем только в безапелляционной и уверенной форме утверждения типа «Эппинг прочитал», «Штрассмайер установил» и т.д. Мы видим каким многоступенчатым процессом было даже копирование, не говоря уже о расшифровке клинописных астрономических текстов: легко подсчитать, что Штрассмайер переписывал их не менее трех раз. А ведь каждое переписывание заведомо вносило какой-то процент ошибок... Видно также, что Штрассмайер и Эппинг (а за ними Куглер) не столько читали, сколько расшифровывали и интерпретировали текст. Но поскольку «текст нельзя скопировать правильно, не понимая его содержания», Штрассмайер должен был еще в процессе копировки как-то читать и понимать текст, хотя бы «в предварительном порядке», что, конечно, должно было существенно определить и окончательный вариант прочтения.

На примере «чтения» клинописных текстов особенно четко видна необходимость в предварительной установке исследователя, о которой мы говорили в эпилоге к тому I. Поэтому применить расшифровки Штрассмайера к установлению абсолютных дат в принципе невозможно, поскольку сама расшифровка уже основывалась на некоем представлении о времени описываемых в табличке событий. Влияние этого предварительного представления оказалось настолько сильным, что Морозов расценил расшифровки Штрассмайера вавилонских

записей затмений, как подделку (см. гл. 4, § 1), хотя, скорее всего, и Штрассмайер, и Эппинг были вполне добросовестными людьми. Вместе с тем нельзя и отрицать, что в столь ярко обрисованной Нейгебауером атмосфере полнейшей неразберихи и абсолютной бесконтрольности возможны любые подлоги и любые «субъективные прочтения».

Таким образом, утверждать, что некое положение безоговорочно доказано публикацией какого-нибудь клинописного текста в принципе невозможно. Если возникают сомнения, нужно обязательно проверять на базе каких предположений были произведены расшифровки.

Хетты

История «открытия» хеттов во многом замечательна и поучительна. Мы изложим ее по книге [133].

До самого последнего времени о хеттах ученые знали только из Библии, где они упоминаются в одном ряду с египтянами (мицримцами). Это дало основание думать, что держава хеттов была мощным государством, сравнимым по своему значению с Египтом. Но кроме имени о ней ничего не было известно.

В 1872 году ирландский миссионер Райт с большими приключениями и опасностью для жизни добыл в сирийском городишке Хама четыре камня, покрытые странными иероглифами, которые никто не умел читать. Вскоре он нашел аналогичные камни и в других местах и не только в Сирии. «И все говорило об их принадлежности к одной культуре, а может быть, и о существовании большой империи. Но что это была за культура, что это была за империя? И Райта, который всю свою жизнь читал Библию, вдруг осенило (так! — *Авт.*), — а не могла ли это быть империя хеттов?

Прошло немного времени, и Райт (не получив никакой новой информации. — *Авт.*) уже в этом не сомневался» ([133], стр. 29).

Другой англиканский священник и выдающийся ученый Сэйс пришел в это же время к выводу, что библейские хетты — это представители могущественного государства, упоминаемого в египетских иероглифических надписях под названием «ХТ», и в ассирийско-вавилонской клинописи — под названием «хатти». Свои выводы он изложил в публичной лекции осенью 1880 года. Лекция сначала вызвала восторг (как же, открыта новая империя, о которой историки забыли на сорок веков!), но скоро восторги превратились в сомнения, а сомнения в насмешку. Дело кончилось тем, что Сэйса прозвали «изобретателем хеттов». Сэйс понял, что без прочтения хеттских текстов дело с места не сдвинется. Но тут ему повезло, он

нашел хеттскую билингву (которую до него считали фальшивкой) и уже к 1884 году он смог написать для книги Райта главу «Как читать хеттские надписи». Правда, теперь считается, что из шестидесяти знаков он прочитал правильно только шесть!

Реальная помощь Сэйсу пришла совсем с другой стороны, когда в Египте был найден (тоже после ряда приключений) большой архив глиняных табличек (т.н. Амарнский архив Эхнатона), в котором было обнаружено не более и не менее как послание Эхнатону хеттского царя Суппилулиумаса! После этого «египтологи и ассириологи в свете обнаруженных фактов снова просмотрели находящиеся в их распоряжении надписи» ([135], стр. 36), и, уже зная, что нужно искать, египтологи обнаружили договор Рамсеса II с хеттским царем Хаттусилисом III (интересно, в иероглифическом тексте этот царь так и снабжен номером), а ассириологи нашли в своих табличках не только этого царя, но даже выяснили, что завоеватели, которые свергли в 1594 году до н.э. (какая точность!) династию Хаммурапи, были хетты. Мы не смогли нигде найти внятных разъяснений причин удивительной слепоты египтологов и ассириологов, которые лишь после находки Амарнского архива сумели сделать столь важные открытия в текстах давно знакомых и неоднократно прочтенных. Это тем более странно, что по уверению ученых клинопись и иероглифы сейчас «не расшифровываются, а читаются».

Как бы то ни было, но «...не прошло и десяти лет, как несколько надписей на пилонах одного из египетских храмов и на табличках из развалин вавилонских городов хватило, чтобы почти неизвестное государство хеттов было признано третьей великой державой доклассической древности» ([133], стр. 37). Но все еще оставалось неясным, что за народ хетты, где он обитал, какую создал культуру и каково было политическое устройство хеттского государства.

В 1888 г. знаменитый, открывший древний Пергам археолог Хуманн раскопал в холме Зинджирли остатки древней крепости, которую он признал хеттской — «на это указывало стиловое тождество местных находок с остальными хеттскими находками» ([133], стр. 53). Дальнейшие раскопки вскрыли совсем невероятные вещи: «была найдена стела, по всем признакам как будто хеттская, но выяснилось, что она ассирийского происхождения!... Была найдена целая серия хеттских амулетов и рядом с ними — восточноримская монета!... типичный хеттский рельеф... и тут же — финикийская надпись!» ([133], стр. 54).

После Хуманна археологи начали планомерно искать хеттские древности, и к началу XX века немец Мессершмидт смог опубликовать уже около 200 хеттских надписей, которые, правда, никто не понимал.

Еще в 1854 г. французский путешественник Тексье первым из европейцев познакомился с развалинами какого-то древнего города в анатолийских горах, в труднодоступном ущелье, около деревушки Богазкей, в 150 километрах к востоку от Анкары. В двух часах ходьбы от развалин он обнаружил целый ряд рельефов и статуй, отдельные элементы которых давали основание отнести их к римской эпохе. Однако вырезанные вокруг рельефов иероглифы, «похожие на египетские и все же ничего общего с ними не имеющие, это предположение начисто исключали» ([133], стр.43). Лет через тридцать аналогичные рельефы и надписи были открыты у моря километров на 400 к югу от Богазкея. Однако всемирная слава пришла к Богазкею позже, когда в 1906 году немец Винклер раскопал в Богазкее государственный архив Хеттской державы, заодно установив, что на этом месте была расположена столица хеттов, город Хаттусас (таблички архива были написаны на вавилонском языке, который Винклер читать умел). Самое же замечательное случилось 20 августа 1906 г., когда на свет божий появилась таблица, содержащая текст договора между Рамсесом и Хаттусилисом, ранее обнаруженного в иероглифической надписи на стене Карнакского храма! Винклер так оценивал происшедшее: «Удивительное чувство испытывал я, рассматривая этот документ. Прошло восемнадцать лет с тех пор, как я высказал предположение, что договор Рамсеса, возможно, с самого начала был выполнен также и клинописью. И вот теперь я держал в руках одно из написанных по этому поводу посланий — в прекрасной клинописи и на хорошем вавилонском языке, — которым обменялись два правителя!... Чудом могло показаться это совпадение, сказкой из «Тысячи и одной ночи»...» (см. [133], стр. 71).

Раскопки в Богазкее продолжаются до сих пор. Наряду с вавилонскими текстами там найдено много табличек, написанных клинописью, но на каком-то другом языке. Этот язык, называемый «клинописным хеттским» расшифровал в 1915 году чешский ученый Грозный. Оказалось, что хеттский язык является индоевропейским языком. «Откуда же, однако, взялся в Малой Азии индоевропейский народ, создавший своеобразный политический уклад, своеобразное законодательство, своеобразную культуру еще во времена догомеровской и даже домикенской Греции? Пока на этот вопрос ответа нет...» ([133], стр.144).

Более того, среди индоевропейских языков хеттский относится к так называемой группе «кентум», куда входят греческий, латинский и романские языки, кельтский и все германские (к другой группе «сатем» принадлежат славянские, балтийские, иранские, индийские языки, а также армянский и албанский). Таким образом, хетты не только

затесались каким-то образом среди семитоязычных народов, но и оказались на Востоке представителями преимущественно западно-европейских языков!

Вместе с тем выявляемый в реалистических рельефах египетских художников и в многочисленных малоазиатских скульптурных изображениях расовый тип хеттов «абсолютно не индоевропейский, а ярко выраженный семитоармянский» ([133], стр.145).

Было выдвинуто очень много разнообразных теорий о происхождении хеттов, но все они наталкиваются на те или иные противоречия. По одной группе теорий «хетты — автохтонное, коренное население современной Турции и Сирии. Опирается эта версия главным образом на Библию, и... и ее отстаивают некоторые турецкие историки, стремясь доказать, что турки — прямые потомки хеттов и что современный турецкий язык произошел от хеттского (и более того, в равной степени от шумерского). Согласно второй теории... хетты пришли в Малую Азию из Европы... в соответствии с третьей теорией... прародиной хеттов была область вокруг Каспийского моря...» ([133], стр.247—248).

Иероглифические хеттские надписи были расшифрованы только в 1953 году Боссартом с помощью двуязычных финикийско-хеттских надписей, которые он нашел в труднодоступной (и то только в сухое время года) местности в юго-восточной Турции. Оказалось, что их язык схож с языком клинописных надписей и также является индоевропейским языком (но группы ли кентум, современные ученые еще к согласию не пришли). Самое же замечательное, это то, что они датируются временем на полтысячи лет более поздним. Почему хетты отказались от фонетической клинописи и перешли к иероглифике, у ученых есть только малоудовлетворительные гипотезы. Особенностью хеттской иероглифики является то, что она была письмом в основном монументальных надписей, тогда как «не сохранилось ни одной монументальной или «публичной» надписи, сделанной клинописью» ([133], стр.183), а кроме того, хеттские иероглифические надписи сохранились только в малозначительных, периферийных городах хеттской державы. Из-за этого «о самом Хеттском государстве они, собственно, не говорят ничего существенного!» ([133], стр. 184). Эти особенности тоже нуждаются, конечно, в объяснении.

Странности и особенности хеттского государства этим не ограничиваются. Например, обращает на себя внимание географическое расположение государства хеттов: «... это был суровый и негостеприимный край — да и сейчас он несколько не приветливей. Территория..., на которой хетты основали центр своего государства представляет

собой горное плато, ровную безлесную степь, окруженную дикими кряжами, отделяющими ее от Черного и Средиземного морей. Все иссушающая жара чередуется здесь с сильными осенними ливнями (делающими дороги непроходимыми. — *Авт.*)...; рек мало, и они не судоходны; земля, за исключением узких полосок вдоль рек, малопродуктивна, искусственное обводнение до сих пор связано с большими трудностями. Этот край ничем не напоминает «дар Нила», как называют Египет, или «земной рай», каким была когда-то Месопотамия» ([133], стр.248).

Как на этой бесплодной земле могла зародиться «могущественная держава» и как она могла «процветать более полутысячи (!) лет»? Ответ есть:

«И все же край тот не был беден. Горы... хранили в своих недрах... богатство руд, особенно серебра... Богатейшей сокровищницей был Тавр, да и другие нагорья таили в себе помимо серебра драгоценное железо и медь. В отличие от вавилонян хетты имели в изобилии строительный камень,... и в отличие от египтян у них было вдоволь древесины, особенно кедра. А поскольку Малая Азия является «естественным мостом» между Европой и Азией, Хеттское царство имело наилучшие предпосылки для выгодной транзитной торговли» ([153], стр.248—249). С этим объяснением, быть может, и было бы все хорошо (если пренебречь такой мелочью как то, что «транзитную торговлю между Европой и Азией» проще и выгоднее осуществлять морем, чем через «дикие кручи гор») когда бы не утверждалось в другом месте, что «Сельское хозяйство — важнейшая отрасль хеттской экономики» ([153], стр.256—257).

Очень своеобразно политическое устройство хеттского государства. «Хеттские цари — единственные властители древнего Востока, которые не были абсолютными монархами!» ([133], стр.253). При них существовал совет (по-видимому, из приближенных дружинников), который имел право при определенных условиях низложить и казнить самого царя. «Можно ли удивляться, что Грозный назвал хеттских правителей «конституционными монархами?»

Как ни поразителен этот факт..., его затмевает еще одна своеобразная особенность организации Хеттского государства, превращающая его — если мы опять не побоимся анахронизма — в «федеративное государство».

Хеттская империя не была строго централизованным государственным целым..., а представляла собой союз почти автономных государств, во главе которых стояли наследственные правители из местных родов или царские братья или сыновья. Все эти властители перед вступлением в свои права обязаны были явиться... «туда, где пребывает царь»... и

просить о «принятии на службу». Когда они бывали... признаны правителями, то должны были принести присягу на верность... Хотя в мирное время власть хеттского царя была ограничена, в период войны он... обладал неограниченными полномочиями» ([135], стр.255—256). Непонятно, почему эта политическая структура (которой историки могут только удивляться) характеризуется как «федеративная». Здесь федерацией и не пахнет. Если уж пользоваться современной терминологией, то хеттскую державу следует охарактеризовать как **государство с развитой феодальной структурой**. Хеттский же царь был не «конституционным монархом», а феодальным сеньором, власть которого ограничивал обычай и феодальное право.

Историки утверждают, что хеттский общественный строй был рабовладельческим, то тут же оговариваются и сообщают, что он существенно отличался от классического античного и классического азиатского, в первую очередь тем, «что у хеттов весьма значительную роль играло общинное хозяйство свободных крестьян» ([133], стр.258). Однако признать хеттский общественный строй феодальным они не могут и потому, вопреки фактам, продолжают настаивать на его рабовладельческом характере (см.[133], стр.259—261).

Обычаи хеттов (уголовное и наследственное право, роль женщины и т.п.) также скорее указывают на феодализм, будучи до удивления схожи с обычаями «варварских племен» Европы (см.[113], стр.264—265).

Считается, что религия хеттов была политеистической. Одним из главнейших хеттских божеств был бог Грозы (т.е. бог молнии и грома, иначе, Громовержец). Грозой ведали также бог Тесуб и его жена Хела (имя которой, по замечанию Грозного, равнозначно с библейской Евой). Бог мужской силы — Инар (что значит просто «мужчина»), бог огня — Агнис (тот же что и в ведийском пантеоне), бог ворот — Апулуна (прямой предшественник греческого Аполлона), богиня охоты — Рутас (изображавшаяся подобно греческой Артемиде вместе с оленем) и т.д. и т.п. Хетты почитали также неизвестных (!) богов. «Многие из этих богов похожи на гермафродитов, как христианские ангелы (их точно так же и изображали: в длинных облачениях и с крыльями). Из животных кроме льва большим уважением пользовался бык...» ([133], стр.186).

Обсуждение

Историки правы, подчеркивая важность хетто-египетских документов, найденных Винклером. Мы, правда, не знаем, где сейчас хранятся эти документы, доступны ли они для исследования и опубликованы хотя бы их фотографии. Вопросы эти тем более уместны,

что личность Винклера и метод его работы (см. [133], стр. 64—65, 75—77) внушает определенные сомнения. К тому же Винклер нашел не письмо Рамсеса Хаттусилису, как это было бы естественно, а письмо Хаттусилиса Рамсесу. Что это? Копия, оставленная в архиве? Вели ли хеттские цари столь упорядоченное делопроизводство?

Мы не можем сейчас обсуждать эти вопросы, а потому примем на веру аутентичность находок Винклера, (Как мы уже замечали, обвинение современного ученого в прямой фальсификации — это наиболее легкий и вместе с тем наиболее бесплодный путь объяснения исторических загадок). Тогда получится, что хеттский царь Хаттусилис как современник Рэ-Мессу жил в IV—V веках нашей эры (или даже еще позже). Иными словами, сцепленность египетской и хеттской истории и наша датировка египетской истории влечет аналогичное передвижение во времени и хеттов. Таким образом, мы должны отнести существование хеттского государства к периоду IV—VIII веков нашей эры. Это сразу же уничтожает все «своеобразие» и уникальность этой державы и превращает его в обычное раннефеодальное государство. Получают также объяснение и общие черты хеттской религии с греческим и христианским культурами.

Разъясняются также и некоторые «странные» археологические находки в курганах южнорусских степей, которые, по мнению русского археолога Г.И.Боровки, несомненно принадлежали культуре, близкородственной хеттской. «Г.И.Боровка говорит по этому поводу, что «воздействие хеттской культуры было достаточно могущественно, чтобы сказываться еще очень долгое время (*через две тысячи сто лет!*) на большом расстоянии, за тридцать земель, в тридесятом царстве, после того, как народ и государство, создавшие ее, давно отошли в вечность...» ([6], стр. 1053). Тут можно вспомнить также находку Хуманном в Зинджирли восточно-римской монеты (см. выше).

Кто же это были хетты и почему о них молчат византийские источники? Действительно, византийские источники ничего не говорят о хеттах, но зато они много говорят о готах и готских войсках, которые как раз в это время играли очень большую роль в Византии. Все станет на свои места (и, в частности, получит объяснение западный индоевропеизм хеттов), если мы примем, что готы были поселены византийцами в глубине Анатолии как союзники и охранители юго-восточных границ. Они быстро перестали подчиняться Византии, объявили себя самостоятельными и даже учинили победоносные войны с бывшей метрополией.

Современное представление о готах в Византии резко расходится с этой схемой, но не нужно забывать, что оно лишь в малой степени основывается на аутентичных источниках того времени и создано в основном в результате осмысливания (и домысливания) более поздней, средневековой информации, которая к тому же была пропущена через фильтр, отсеявший как фантастическую всю информацию, противоречащую стандартной хронологической сетке.

Например, в «Польской хронике» XVI века Мартына Бельского (датируемой 1597 годом) сообщается (см. [6], стр. 1054—1055), что готы (иначе, геты), появившись из Скандинавии, прошли через область Вислы к Азовскому и Черному морям, а затем отправились на восток, где победили египетского царя (Krolá Egipetskiego porázili), покорили Азию, расплодили парт (амазонок) и помогли Трое против греков. Вся эта информация, непосредственно связывающая готов-гетов с хеттами, историками признается фантастической. А почему? Да, только потому, что она расходится с их мнением! А сколько такой информации, отсыянной еще в средние века, вообще не дошло до нас?

У нас имеется очень мало достоверного фактического материала о ранней Византии и богазкейский архив, правильно прочитанный и интерпретированный, должен многократно увеличить наши знания об этом периоде. Нет сомнения, что переинтерпретация хеттских текстов даст прямые и непосредственные доказательства принадлежности их раннему Средневековью, но это, конечно, выходит за пределы наших возможностей.

В заключение стоит еще заметить, что отождествление библейских «хеттов» с египетским народом «хт» (который, кстати сказать, часто рисуется белокурым и совсем непохожим на носатых хеттов из Богазкея) и с жителями Хаттусаса основывается почти исключительно на догадках Райта и Сэйса. Впрочем, по-видимому, они были правы. Во всяком случае, как мы видели в томе II, библейских хеттов Морозов также отождествляет с готами.

Другие «клинописные» государства

Посредством клинописи хетты сцепляются с народами Месопотамии, также пользовавшимися этой системой письменности. Поэтому и эти народы попадают в раннее средневековье, что, в частности, точно соответствует уровню их науки (скажем, математики), а также формам их календаря. Названия их «ассирийцами», «вавилонянами» и т.д. основано на неправильном истолковании Библии, а сами себя они называли (судя по надписям) совсем по другому.

Как и в случае хеттов, у нас не было возможности произвести непосредственный анализ месопотамских клинописных текстов, чтобы подтвердить их средневековое происхождение. Что же касается Морозова, то, как он многократно заявлял, произведенное им исследование клинописных астрономических текстов однозначно указывает на Средние века. Наиболее четкое указание содержится в [4], стр. 192, где Морозов говорит по поводу одной таблички, опубликованной Эппингом, что она представляет собой астрономическую эфемериду на время от марта 507 г. н.э. по март 508 г. н.э. У Эппинга эта эфемерида называется «Предсказание на 201 год Аршака-Цезаря» (? — это информация Морозова). Тем самым, первый год этого Аршака оказывается 306 годом н.э., т.е. первым годом Константина. К сожалению, опубликовать подробности своих исследований Морозов не успел.

Длительность ассиро-вавилонской истории, по-видимому, сильно преувеличена; в ней опять параллельные события были расположены последовательно. Поэтому без дальнейшего исследования мы не можем утверждать, что клинопись позволяет нам заглянуть за IV век.

Считается, что ассиро-вавилонской культуре предшествовала шумерская, но для этого фактически никаких оснований нет, кроме убеждения, что иероглифическая письменность должна предшествовать слоговой. Здесь интересен вопрос о характере шумерского языка, поскольку длительность попытки включить его в ту или иную языковую группу в рамках традиционных представлений ни к чему не привели. Дело в том, что по многим показаниям шумерский язык принадлежит к семье тюркских языков, но признанию его тюркским языком мешает то, что тюркские языки считаются сравнительно молодыми (первые их письменные памятники относятся к V—VII векам нашей эры), а шумерский язык, наоборот, одним из старейших (якобы на две тысячи лет более старым). Вместе с тем одной из аксиом лингвистики является утверждение, что так называемый словарный состав языка (99% его словаря) очень быстро изменяется и за две тысячи лет должен смениться до неузнаваемости. Это противоречие долго ставило в тупик молодого казахского ученого (и, кстати, поэта) О. Сулейменова (из книги [75] которого мы и заимствовали изложенную выше информацию), но собранные им факты о родстве шумерского языка с тюркскими оказались столь подавляюще многочисленными и неоспоримыми, что заставили его заняться опровержением самих основ сравнительной индоевропеистики. Однако безотносительно к тому, прав или нет Сулейменов в своей критике индоевропейского языкознания, она на самом деле для его непосредственной цели не

нужна, поскольку, как мы теперь видим, шумерский и тюркские языки расположены на оси времени рядом.

На сегодняшний день лингвистические наблюдения Сулейменова являются наиболее сильным, независимым аргументом в пользу морозовской датировки клинописных текстов. Как мы видели выше, точку зрения Сулейменова разделяют турецкие ученые.

Считается также, что вавилоняне заимствовали свою систему письма у шумеров. Эта система необыкновенно трудна. В принципе, она является слоговой системой, осложненной многочисленными идеограммами. Но, кроме того, в различных позициях один и тот же слоговой знак может читаться по-разному, а один и тот же слог может писаться различными способами. «Например, слог «ли» мог писаться пятью способами, а знак мог читаться как «ут», «ту», «там» или «пар», «пир», «лах», «лиш», «хиш» или означать слово «мамшу»...» ([133], стр. 130). Особо твердым орешком является чтение имен собственных. Например, написано «Анакшадушиш», а надо читать «Набукудурри-усур» (причем, оказывается, что это никто иной как наш старый знакомый Навуходоносор!).

Совершенно ясно (вопреки тому, что утверждают ассириологи), что столь сложная система письма никак не могла быть изначальной. Ей должно было предшествовать более простое слоговое письмо, похожее на алфавитную «древнеперсидскую» клинопись. Однако, как показывают надписи типа знаменитой Бехистунской трилингвы, в «древнеперсидском» царстве наряду с простой алфавитной системой употреблялась и сложнейшая вавилонская (подобно тому как в современном японском языке наряду с простой слоговой азбукой каной употребляется сложнейшая смешанная слогово-иероглифическая система канамадзирибун; по-видимому, причины, по которым вавилонская система предпочиталась алфавитной, схожи с теми, по которым современные японцы предпочитают канамадзирибун кане). Поэтому «древне-персидское» государство также не может быть очень «древним».

По заявлению Морозова «в результате астрономического исследования клинописей древнеперсидское царство налегло хронологически на среднеперсидское» ([6], стр. 1013). Так, конечно, и следовало ожидать, и не только по всему вышесказанному, но и из-за бросающихся в глаза несообразностей в стандартной истории древней Персии, которые заслуживают только издевки: «Живя в Персии, он (речь идет о Ксерксе. — Авт.) каким-то путем, без всякого интендантства, переправил по пустынным местам за тысячи километров миллион

воинов и даже флот (уж не воздушный ли?) из 1200 судов. Но, проведя его успешно по суше, он не догадался, что на нем же можно переехать и через узкие Дарданеллы, и устроил через них, очевидно при помощи того же флота, гигантский мост. Затем он со всей этой оравой без провианта пошел на маленькую Грецию, и вместо того, чтобы обойти гору Эту с запада, по плоскогорью, полез со всем своим флотом в 1200 судов в узкий промежуток между нею и берегом моря и был здесь сильно побит спартанским царем Леонидом с его 300 воинами» ([6], стр.1175).

Конечно, все эти замечания следует рассматривать лишь как пунктирную наметку для будущего исследования.

§ 4. Богослужбные языки древнего мира

Выводы § 2 противоречат лингвистическим теориям о древности санскрита. Последний вывод сталкивает месопотамские государства с арабами. В этом параграфе мы обсудим возникающие в связи с этим вопросы

Сравнительное языковедение

Современная лингвистика есть дитя XIX века, родившееся, когда европейские ученые встретились с санскритом (что, кстати сказать, произошло довольно поздно: первая санскритская грамматика была напечатана только в 1790 году (см.[3], стр. 241)).

Вот, что пишет Сулейменов: «...Вильям Джойс (1746—1794), познакомившись с санскритскими рукописями, смог написать восторженные слова, ставшие теоретической основой сравнительного языковедения: «Санскритский язык, какова бы ни была его древность, обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий язык, более богатой, чем латинский, и более прекрасной, чем каждый из них, но носящий настолько близкое родство с этими двумя языками как в корнях глаголов, так и в формах грамматики, что не могло быть порождено случайностью, родство настолько сильное, что ни один филолог., не может не поверить тому, что они все произошли из одного общего источника, который быть может уже более не существует».

Направление развития родившейся науки было определено этой формулой.

Главное в его высказывании:

1) сходство не только в корнях, но и в некоторых формах грамматики не может быть результатом случайности,

2) это есть родство языков, восходящих к одному общему источнику.

...Предположения Джойса в работах последователей развивались в категорические утверждения.

Из сонмища языков мира была, наконец, выделена индоевропейская группа языков, в которую вошли все европейские (кроме венгерского и финского), иранские и индийские.

...Подробное сопоставление языков, оказавшихся в родстве, выявило разительное расхождение в лексике. Объяснение было найдено: в языке оказывается имеется ядро — основной словарный фонд, и оболочка — словарный состав, который может в течение двух тысячелетий полностью замениться даже в близкородственных языках. В неизменный основной фонд были отнесены общие для большинства «индоевропейских» языков термины, составляющие по данным математической лингвистики «обычно не более 1-2% всего словаря».

Сопоставляя языки этой искусственно созданной в XIX веке семьи (имеется в виду индоевропейская группа. — *Авт.*), ученые увидели, сколь велика разность в словарях и грамматике, и сделали вывод о смертности слова... Небольшая группа слов совпадала во многих языках. Ее признали остатком проиндоевропейского наследия и вывели учение об основном словарном фонде, который менее разлагается. А все те слова, которые не совпадали, попали в разряд словарного состава, рядовых слов, наиболее смертных.

К каким же классам относятся лексемы общие в индоевропейских языках, т.е. входящие в основной фонд, т.е. те которые доказывают генетическое родство индоевропейских языков. Это:

1) Числительные от трех до пяти или до девяти...

2) Личные или притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица. Почему только первых двух? Потому что в индоевропейских языках местоимения 3-го лица не совпадают.

3) Некоторые термины родства.

4) Названия некоторых частей тела...

Таким образом, достаточно при сопоставлении двух внешне и несхожих языков увидеть близость этих лексических групп, чтобы заявить о генетическом родстве языков. Индоевропейская семья создавалась по этой несложной схеме, на первых порах, когда схожесть санскритских и греческих числительных, местоимений и терминов родства буквально ослепила европейских ученых. Когда существовала только такая альтернатива — или генетическое родство или **никакого**. А живая история языков знает несколько разновидностей родства. Лингвисты их не заметили и не описали...

...Возникает вопрос: а может быть числительные, местоимения и термины родства вовсе не остаток проиндоевропейского языка, а просто заимствованы из какого-то одного... языка...

Этот вопрос индоевропейцы предвидели и заготовили указ, по которому слова основного фонда не заимствуются. Следовательно, числительные, пара местоимений и несколько терминов родства во всех языках (семитских, тюркских, угро-финских и др.) родились вместе с этими языками и только им принадлежат и не отдаются никому, и не заимствуются ни у кого. Если бы сравнили хотя бы тюркские с индоевропейскими, этот столп рухнул бы без особого шума...» ([75], стр.212—216).

Мы прервем здесь и без того длинную цитату, поскольку далее Сулейменов переходит к более частному вопросу о взаимоотношениях тюркологии с индоевропеистикой и о невозможности применения основных положений сравнительного языкознания к тюркским языкам.

Нас же сейчас интересует происхождение и надежность самих этих основных положений. И мы видим, что по существу они **никак не обоснованы** и в их происхождении логические скачки и гипотезы, а попросту, голословные утверждения тех или иных ученых, со временем, кочуя из одного учебника в другой, были возведены за выслугу лет в ранг аксиом.

Возьмем, например, учение о словарном фонде. Первоначально, «отцы-основатели» (Бопп, Раск и др.) выделили индоевропейские языки на основании грамматических соответствий, подчеркивая ненадежность лексических соответствий. Чтобы объяснить расхождения в лексике, было придумано понятие о словарном фонде. Затем оно абсолютизировалось, и общность словарного фонда уже стала выступать как критерий родства. Логическая несостоятельность всего этого бросается в глаза.

Особый интерес вызывают, конечно, основные принципы сравнительного языкознания, декларированные Джойсом. Его первый принцип («сходство... не может быть результатом случайности») надо думать верен. Однако его второй принцип («это есть родство языков, восходящих к одному общему источнику») из первого принципа никак не вытекает и является гипотезой, которую последующие ученые приняли безо всякого критического анализа. Тот факт, что этот мифический «индоевропейский праязык» удалось «восстановить» до такой степени, что на нем Шлейхер в 1888 г. написал даже басню (правда, весьма незамысловатую (см.[134], стр.196), его реальное существование в древности еще, конечно, не доказывает (поскольку реконструкция праязыка основывалась на предположении о его существовании).

Сулейменов совершенно прав, когда пишет, что лингвисты не заметили и не описали многих других причин, вызывающих сходство языков (в его терминологии — негенетическое родство). Мы обсудим это на конкретном примере санскритского языка.

Санскрит

Когда европейские ученые в XVII—XVIII веках познакомились с индийской культурой, вообще, и с санскритом, в частности, они восприняли от своих индийских учителей мнение о глубокой древности санскрита. Санскрит был объявлен самым древним языком индоевропейской семьи, очень близким к предполагаемому праязыку и соответственно этому все нормы европейских языков, отличающиеся от санскритских норм, считались искажением санскрита. В

последствии это мнение было признано ошибочным, но представление о древности санскрита осталось.

«Но есть ли серьезные причины для такого взгляда, кроме голословного утверждения браминов, будто их предки говорили между собою на этом языке с самых отдаленных времен, незапамятных даже для их дедов и прадедов?

Конечно, нет.

Ведь пра-прадеды их жили не раньше как в XVII веке нашей эры (здесь, по-видимому, описка, — надо XIV век. — *Авт.*). Получив этот язык от своих прапрадедов XIV века (XII века. — *Авт.*), без сообщения того, откуда и как получили его эти прапрадеды, они могли остановиться на мнении, что это и был первичный язык Индостана.

Мы видим, что такой довод в пользу древности санскрита совершенно отпадает, тем более, что выдача чужого за свое находится в полном согласии со всеобщей тенденцией средневековых народов приписывать себе все, что пришло к ним извне не только за два или три десятка поколений на протяжении более тысячи лет назад, но даже и за один десяток поколений, за каких-нибудь 500 лет, если данный период не имел за это время ряда последовательных летописцев» ([5], стр.244—245).

К этому стоит добавить, что, как мы уже выяснили в § 2, все основные письменные памятники санскритской литературы («Махабхарата», «Рамаяна» и т.п.) относятся к раннему Средневековью.

Удивительно, что специалисты-языковеды не замечают бросающихся в глаза противоречий в их собственной информации. Например, они сообщают, что «большинство древнеиндийских текстов (ведийские, памятники эпического санскрита, грамматика Панини и ряд других сочинений на классическом санскрите) дошло до нас в очень поздней записи, которая на много веков (! — *Авт.*), а иногда и на тысячелетия (!! — *Авт.*), отстоит от времени их создания, так что первоначально эти тексты передавались лишь устно» ([163], стр. 46). Упомянутая здесь грамматика Панини «представляет собой исчерпывающе полное описание санскрита в предельно сжатой форме — в четырех тысячах правил, которые чаще всего состоят лишь из нескольких слогов. Это достигается применением строгого формального анализа языка и изложением его результатов на особом символическом языке, в ряде случаев напоминающем математические формулы» ([163], стр. 43). Спрашивается, возможно ли создание такого рода грамматики, которая безусловно «предполагает существование развитой предшествующей грамматической традиции» ([163], стр. 43) а

такоже, возможна ли в течении «многих веков» устная безошибочная передача концентрированного и формализованного текста этой грамматики? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы вся фантастичность претензий санскритской литературы на древнее существование сделалась явной.

Поэтому, чтобы не впасть в ошибку, мы должны судить о санскрите только на основании фактов самого этого языка, не поддаваясь посторонним внушениям.

Характернейшей чертой фонетики санскритского языка, резко отделяющей его от всех остальных индоевропейских языков, является преобладание в нем фонемы «а», частота употребления которой вдвое превышает частоту всех других гласных звуков вместе взятых, причем гласные «е» и «о» практически отсутствуют. Это, в частности, явилось причиной, почему основатели индоевропеистики, Бенфей и Бопп, утверждали, что индоевропейский праязык обходился всего тремя гласными «а», «и» и «у». Спор о гласной «е» длился в индоевропеистике десятилетия, пока, наконец, Коллиц еще в XIX веке не придумал так называемый «закон палатализации», из которого следовало, что в праязыке звук «е» был, а в санскрите исчез. Мы видим, что здесь опять телега поставлена впереди лошади и не зря Сулейменов (см. [75], стр.222) вспоминает в связи с «законом» Коллица, что философы Греции время от времени задавали себе вопрос: «А не путаю ли я причину со следствием?»

Фактически же на вопрос, почему дветрети всех гласных звуков санскрита являются фонемой «а», у языковедов никакого внятного ответа нет.

Что касается лексики санскрита, то она почти вся может быть найдена в латинском, греческом и славянских языках (именно поэтому санскрит и признавали праязыком). Более того, в санскрите можно обнаружить почти все «классические» имена. Например, уже упоминавшийся в § 2 Жаколио предлагает следующие этимологии (см. [3], стр.255):

Нептун — Непатана — повелитель ярости волн,
Посейдон — Пасауда — успокоитель волн,
Марс — Мри — умертвитель,
Плутон — Плушта — бьющий огонь,
Минерва — Манарава — поддерживающая сильных,
Атеная — Атавая — бездетная,
Пифагор — Питагуру — учитель школы,
Анаксагор — Анангагуру — учитель духа,
Протагор — Пратагуру — учитель всезнания,
Геркулес — Гаракала — герой битв

и т.д.

В грамматике санскрит, как и славянский язык, имеет три рода и восемь падежей. Имена мужского рода оканчиваются, как и в итальянском, на «а» и т.д. и т.п.

Таким образом, родство санскрита с главнейшими европейскими языками неоспоримо. Но как его объяснить? Априори, возможны теории двух типов:

1) Санскрит был древнейшим языком Индии, откуда он при переселениях народов распространился на запад, дав начало таким языкам как греческий, латинский, славянский и т.д. Вариант (более современный): санскрит был одним из ответвлений древнейшего праязыка, носители которого принесли его в Индию; другие «праязычные» племена принесли праязык в Европу, дав начало европейским языкам. Возможны и более уточненные варианты той же теории, но все они обладают тем принципиальным недостатком, что основываются на предположении о якобы бывших в доисторические времена массивных переселениях народов, от которых не осталось никаких надежных свидетельств (мифы и легенды, конечно, в счет не идут). Попытки реконструировать эти переселения на языковом материале вертятся в порочном логическом круте. Вместе с тем, по ряду общетеоретических соображений такого рода переселения (сопровождающиеся завоеванием и ассимиляцией поработанных народов) весьма мало вероятны.

Теории этого типа главенствуют в современном языкознании, хотя, например, попытки как-то локализовать первоначальное расселение носителей праязыка наталкиваются на столь неразрешимые противоречия, что сейчас академическое приличие требует этими вопросами не заниматься.

2) Санскрит возник на территории Индии в результате смешения греческого, латинского и славянского языков с местными языками туземного населения. Эта теория принадлежит Морозову, Конкретизируя ее, он полагает, что в IV—V веках нашей эры миссионеры единого бога, культ которого зародился под грохот извержений Везувия, не только внедрили в Индии новую веру (см. § 2), но и принесли с собой соответствующий богослужебный язык. Миссионеры итальянского корня принесли латинский язык (в той или иной его форме), миссионеры-греки принесли греческий язык, а миссионеры-славяне (которых много было в Византии) принесли славянский язык. Все эти языки смешались воедино и подверглись регрессивной эволюции. Местные неопиты нового бога, «начиная его изучение сравнительно поздно и притом по книгам сокращенной транскрипции по отношению к гласным звукам... естественно произносили звук а, как самый

первоначальный у людей, везде, где сомневались в произношении, и накопили, наконец, его в чрезмерно огромном количестве» ([3], стр.247). Таким образом, по теории Морозова, санскрит является искусственным богослужебным языком, возникшим в V—VI веках на базе европейских языков, занесенных в Индию христианами миссионерами.

Он никогда не был разговорным языком, но подобно латыни (тоже бывшей языком богослужебным), оказал решающее воздействие на возникновение живых разговорных языков Индии. Если под влиянием латыни в Европе развились испанский, французский, немецкий и др. языки, то в Индии под влиянием санскрита возникли (см. [134], стр.201) языки маратхи (надписи известны с XII века), гуджарат (письменность с XII века), хиндустанский (с литературными языками урду и хинди), бенгальский и др.

Все это относится не только к собственно санскриту, но и к «санскриту Вед», — несколько иному языку, на котором написаны Веды.

Примечательно (см. [134], стр.200), что само слово «санскрит» означает «искусственный язык»!

Обычно, санскриту противопоставляется «пракрит», т.е. «естественный язык». Считается, что древнейшие надписи на пракрите относятся к эпохе царя Ашоки. Тот факт, что пракрит занимает промежуточное место между санскритом и живыми языками (подобно тому, как вульгарная латынь лежит между классической латынью и романскими языками), по-видимому, неоспорим, но совсем необязательно считать, что пракрит развился из санскрита как переходной мост к живым языкам (как это полагает санскритология). Скорее всего, именно пракрит и был первоначальным языком, возникшим под влиянием миссионеров, а санскрит и живые языки развились из него, разойдясь в противоположных направлениях.

К пракриту близок язык пали, на котором написана буддийская «Типитака».

Теория Морозова объясняет не только почему в санскрите столь велика частота фонемы «а», но и многие другие, связанные с ним факты. Например, из нее становится ясно, почему великие санскритские поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» были написаны якобы столь «поздно».

Конечно, теория Морозова переворачивает вверх дном все сравнительное языкознание. Пересмотр основных положений лингвистики под этим углом зрения очень увлекателен, но выходит за рамки этой книги.

Латынь

Общепринятая лингвистическая теория утверждает, что после развала римской империи классический латинский язык регрессировал в т.н. «вульгарную латынь», на базе которой позже сформировались национальные романские языки. Соображения, изложенные в томе I, показывают, что исходный пункт этой теории ложен. Следовательно, ложна и вся теория. Оказывается, что и в самой латыни можно найти этому свидетельства. Цель этого пункта — обсудить этот вопрос и предложить новую теорию происхождения латинского и романских языков. Естественно, что начать мы должны с краткой сравнительной характеристики самих этих языков.

В первую очередь обращают на себя внимание **фонетические различия** между латинским и, скажем, итальянским языками. В итальянском языке есть звуки, отсутствующие в латинском; например, ч, дж, дз, ш, гортанное к и т.д. Появление этих звуков (зафиксированное очень рано) теоретически непонятно, поскольку «особенности произношения долее сохраняются, чем сам язык, когда он переходит в другой» (это слова основоположника сравнительного языковедения в России Бодуэн де Куртенэ (см.[3], стр.175)). Впрочем, на самом деле истинное произношение латинских слов неизвестно. На практике используются традиционные произношения, свои для каждой страны: «Современное чтение латинского текста подчиняется нормам произношения новых языков» ([135], стр.15). Поэтому, строго говоря, придавать фонетическим различиям особое значение мы права не имеем.

Иначе дело обстоит с **морфологическими различиями**. В каждом языке морфология является одной из его прочнейших частей, менее всего подчиняющейся иноязычным влияниям. Сколько греческих слов вышло в современные нам европейские языки, и однако каждый народ склоняет и изменяет их по своей грамматике, а не по греческой!

Тем более удивительны глубокие морфологические различия между латинским и итальянским языками. В итальянском есть артикли, мужской и женский, определенный и неопределенный, а в латинском артиклей нет. Зато в итальянском нет латинского среднего рода. В латинском языке есть разветвленная система падежного склонения существительных, а в итальянском (так же, как, скажем, и во французском) падежи отсутствуют (и падежные отношения выражаются предлогами). Такого рода факты и дали, по-видимому, Марру основание считать, «что не латынь, а иберокельтские элементы лежат в основе романских языков и определили особенности их исторического развития» ([136], стр.15).

С другой стороны, формы местоимений и спряжения глаголов латинского и романских языков настолько сходны, что сторонники более традиционной «латинской» теории происхождения романских языков уверенно настаивают на «глубоком морфологическом единстве этих языков» ([136], стр.21).

Хотя сторонники этой теории и не сомневаются в происхождении романских языков от латыни, но проследить этапы этого процесса они не в состоянии, «поскольку мы лишены возможности пользоваться письменными памятниками, отражающими нам живую речь населения провинций в период самого формирования романских языков, и очень мало знаем о характере диалектов самого латинского языка» ([136], стр.166), из-за чего «по этому вопросу высказывались различные мнения» ([136], стр.71).

Трудности начинаются с самой исходной точки «латинской» теории. Лингвисты прошлых веков изучали лишь «классический латинский язык» Цицерона, Цезаря, Вергилия, Горация и др., тогда как уже лингвисты XIX века вывели, что отправной точкой развития романских языков была «вульгарная латынь». Современные ученые пошли еще дальше и истоком романских языков совершенно последовательно сочли живой разговорный язык римского народа, т.н. «народную латынь».

Однако по понятным причинам памятников «народной латыни» почти не осталось (так что, строго говоря, этот язык является измышлением теоретиков, основывающихся на аксиоме, что латинский язык был когда-то живым разговорным языком). Поэтому его приходится по крохам восстанавливать, извлекая «из источников отдельные частные факты, отражающие особенности народной латыни в области фонетики, морфологии, синтаксиса или лексики» ([136], стр.79). Однако при этом выявляются серьезные противоречия, ставящие в тупик исследователей.

Одно из этих противоречий известно как «проблема единства народной латыни». Коротко, суть этой проблемы сводится к тому, что хотя по всем соображениям (общим и специальным) в разговорном латинском языке должно наблюдаться значительное диалектическое разнообразие (ведь именно из диалектов, считается, выросли романские языки), в народно-латинских надписях и других памятниках наблюдается «известное единообразие». Само количество теорий, выдвинутых, чтобы объяснить это противоречие (см.[136], стр.75—78), показывает, что вполне убедительной среди них нет ни одной.

От теоретически восстанавливаемой «народной латыни» следует отличать «вульгарную» или «варварскую» латынь, язык письменных

памятников V—X веков, грамматика которой характеризуется рядом чисто аналитических черт, сближающих ее с романскими языками. Однако по вопросу, из чего и как образовались романские языки, у лингвистов есть только несколько противоборствующих теорий: «теория этнического субстрата», «хронологическая теория» и др. (см. [136], стр. 152—169). Неясно даже время появления романских языков: если одни ученые расценивают некоторые дипломы VI века (!) как уже памятники романских языков, то другие относят время их формирования к VIII—X векам, предполагая их источник в варварской латыни (см. [136], стр. 163 и 168). Таким образом, фактически между латынью и романскими языками наличествует зияющий провал, который не заполнен ни документальными свидетельствами, ни теоретическими построениями.

Морозов полагает, что варварская (она же «кухонная») латынь, «на которой написаны средневековые клерикальные и научные сочинения, является не перерожденным классической латыни, а ее предшественницей, и сам латинский язык в своем начале был языком священников и монахов, а не ученых. Это был такой же священный язык, как и церковно-славянский в русском богослужении и русской церковной литературе...» ([3], стр. 187). Возник он у подножия Везувия как язык общения и богослужения из протоитальянского языка туземного населения области Везувия и греческого языка богомольцев и пришлых священнослужителей. Этот исходный итало-греческий жаргон, заимствовав графику и грамматику из греческого языка, приобрел права гражданства как священный язык общения с Богом, когда Аврелиан и Диоклетиан основали клерикальную Средиземноморскую империю, и в качестве средства ее дополнительной цементации объявили священный язык культа также и языком администрации. Это повлекло отделение латыни от ее истока и способствовало ее быстрому оформлению как самостоятельного языка.

После распада Империи латынь выжила как общий международный язык культа, науки (еще не отделившейся от религии) и международных сношений. Она постепенно усовершенствовалась, обогащалась и лишаясь «варварских» черт, приобретала известный нам синтетический строй. Ко времени Петрарки (и, по-видимому, во многом его трудами) этот процесс завершился и создалась «классическая латынь».

Эта лишь грубо намеченная схема нуждается, конечно, в дальнейшем развитии и детализации. Однако уже сейчас нельзя не отметить, что помимо ее эволюционного характера (что само по себе очень привлекательно), она снимает большинство трудностей и

неясностей стандартной схемы (например, пресловутая «проблема единства народной латыни» в ней просто не возникает).

Реальным (т.е. достоверно документально подкрепленным) языковым фактом морозовская схема не только не противоречит, но даже самый беглый взгляд обнаруживает в них свидетельства в ее пользу. Например, можно заметить, что по таким важным разделам основного словарного фонда как числительные и личные местоимения, латинский язык ближе к греческому, чем к итальянскому языку (например, «я» по-латински и по-гречески «эго», а по-итальянски «ио»; «три» по-латински «трес», по-гречески «трейс», а по-итальянски «трэ»). Кроме того, все романские языки являются языками аналитического строя, а латынь и греческий представляют собой ярко выраженные синтетические языки и т.д. и т.п. Мы не будем на этом останавливаться, поскольку единственная цель всего этого пункта состояла в том, чтобы показать лишь возможные пути согласования лингвистических фактов с общими результатами предыдущих глав. Детали же этого согласования должны составлять предмет специального исследования.

Иврит

Следует четко отличать иврит Ветхого Завета и всего массива традиционной еврейской средневековой религиозной, околорелигиозной и научной литературы от иврита современного Израиля. Считается, что иврит перестал быть разговорным языком к концу II века н.э. и на протяжении более чем полутора тысяч (ох!) лет оставался лишь письменным языком ученых раввинов. На самом деле надо полагать, что, подобно санскриту и латыни, иврит представляет собой искусственный язык богослужебных книг, никогда не являвшийся разговорным. По мнению Морозова, этот язык, «по самой конструкции своей грамматики и по всему коренному составу своих слов есть несомненный вариант арабского языка с примесью европеизмов» ([5], стр. 287).

Где и когда он был создан? Мы уже знаем (см. том II), что почти все библейские события происходят на юге Западной Европы (в Италии, Испании, Франции). С другой стороны, обращает на себя внимание созвучие этнонима «еврей» — ЭБРИ с этнонимом «ибер» (откуда Иберийский полуостров). Все это приводит нас в Испанию, в период господства там мавров и расцвета арабо-испанской поэзии, языкознания, философии, математики, медицины и изъяснений Библии.

Подтверждением арабо-испанского происхождения иврита является тот замеченный Морозовым (см.[3] стр.289) факт, что по сравнению с арабскими языками в еврейском искажены как раз те звуки, которых нет в испанском! Таким образом, несколько утрируя, можно сказать, что иврит — это (старо) арабский язык в испанском литературном произношении.

Гипотеза, что именно Испания была местом составления Библии объясняет некоторые особенности библейских рассказов. Например, из гл.8 мы знаем, что автор книг Царей довольно точно изложил династическую историю Западной римской истории, а в истории более отдаленной от Испании Восточной империи путался и допускал тенденциозные ошибки. Мы видим теперь и объяснение этому: большая отдаленность Испании от Константинополя, чем от Рима.

Но если иврит сложился так поздно и в таком месте, в нем должно быть сильно влияние латинского и греческого языков. Соответствующее исследование по просьбе Морозова произвел известный гебраист Б.И.Топоровский. В одной коротенькой «Песне Песней» Топоровский нашел пятьдесят (!) слов, имеющих параллели в греческом и латинском языках (см.[7], стр.218—221). Сколько же таких слов имеется во всей Библии?

Кстати сказать, Топоровский произвел также исследование греко-римских мифологических имен. Почти полсотни этих имен оказались семитическими (см.[7], стр.212—216).

Только XX веке в связи с общим сближением еврейской культуры с современной европейской, появляются отдельные светские сочинения на иврите. Одновременно иврит стали использовать как средство общения на рынке и в других, по-прежнему очень редких контактах, между строго замкнутыми и географически очень далекими друг от друга общинами сефардов и ашкенази. Но во внутреннюю жизнь еврейских общин иврит не проник.

Так называемое «возрождение иврита» (а на самом деле его создание вновь) в первую очередь обязано Элиазару Перельману из под Полоцка, принявшим имя Бен-Иегуда. С 1881 года он активно пропагандирует иврит, ведет преподавание на иврите в одной из иерусалимских школ, внедряет иврит в свою семейную жизнь и собирает вокруг себя кружок друзей-единомышленников. Один из участников кружка, Е.Пинес, издает на иврите учебник физики. Однако и он воспринимает, как фантазию, намерение Бен-Иегуды сделать иврит живым, разговорным: языком Палестины. Но Бен-Иегуда не сдаётся и продолжает свою работу. Он осознает, что в иврите для

многих понятий нет нужных слов и требуется заполнить колоссальный разрыв между имеющимся словарем и объемом лексики для существования в современном мире. Для этого Бен-Иегуда изобретает новые корни (рассказывается, что «...бессонными ночами выдумывает Бен-Иегуда слова, а утром посылает жену в магазин с заданием купить тот или иной товар, называя его сочиненным ночью словом, которое затем быстро (с какой собственно, стати? Авт.) пускается в оборот») и делает большие, заимствования в арабском (!) языке, но позднее он от этого отказывается и принимает решение объединить в едином словаре все слова встречающиеся в древней и средневековой еврейской, литературе. Эта титаническая работа (окончательная версия словаря содержит более 8 тысяч страниц) была завершена только в 1958 году.

Бен-Иегуда и его последователи использовали 5 основных методов пополнения лексического запаса иврита:

1.Изменение значения древних слов. Например, для понятия «галстук» было использовано слово **анива**, означавшее у Маймонида особый род банта, для воинского звания «лейтенант» — слово **сэгзи**, означавшее «наместник царя», а для звания «генерал» — слово **алуф**, означающее в Библии военного предводителя племени (по-славянски — воеводу) и т.д. и т.п.

2.Создание новых слов по законам ивритской, грамматики. Так, например, было создано ивритское название компьютера **махшев** от глагола **хшеш**, вычислять.

3.Сюда же можно отнести использование т.н.«сопряженной конструкции», особого рода сочетания двух слов, на основе которой созданы десятки тысяч новых слов (**ган-хаёт** — зоопарк, **сдэ-тзуфа** — аэродром, **кодурэгэль** — футбол и т.д.)

4.Использование сложносочиненных слов (наподобие наших «вуз», «колхоз» и т.д.). Например, водка называется **иш** от **иин саруф**, жженое (т.е. перегнанное) вино.

5.Конечно,используются и заимствованные из других языков слова, но, как и следует ожидать, из-за общей националистической направленности всего предприятия, в очень ограниченной степени. Однако есть много слов, которые пришли в язык давно, еще в Средние века, и теперь не воспринимаются как иностранные.

В начале своей деятельности Бен-Иегуда встретился с колоссальным сопротивлением: ашкенази откосились к нему с подозрением, а сефарды не видели причин для изменения своих языковых навыков. Показательно, что в 1902 году, через 20 лет

настойчивых: усилий, было специально отпраздновано появление в Иерусалиме лишь десятой семьи введшей у себя дома иврит.

Положение изменилось, когда в России в конце XIX века возродился государственный антисемитизм и началась массовая эмиграция русских евреев. Хотя евреи уезжали преимущественно в Европу и Америку, но нашлась кучка идеалистов, направившихся в Палестину. Сами они усваивали иврит с большим трудом, но их дети учились уже в школе на иврите и это стало обычным и нормальным явлением, Ивритоязычный Еврейский университет в Иерусалиме был открыт в 1918 году.

«Возрождение» иврита явилось единственным в мировой истории примером, когда язык на котором никто практически не говорил, стал живым разговорным языком. Это предприятие едва не кончилось неудачей, если бы не отклик, которое оно встретило в иммиграции из России.

Заключение

Таким образом, три главнейших языка древности: иврит, латынь и санскрит — оказались вовсе не живыми языками, а искусственными и очень поздними образованиями. (В следующей главе мы обнаружим то же самое и в отношении арабского языка). Мы, посуществу, не приводили лингвистических доказательств этого положения, ограничившись лишь краткой наметкой основных идей, поскольку с нашей точки зрения его справедливость обеспечивается его согласованностью со всем, что было доказано в предыдущих главах. Но, конечно, более подробное лингвистическое исследование этого вопроса было бы крайне интересно.

Заметим, что Морозов приводит довольно много аргументов, опирающихся на построенную им классификацию звуков человеческой речи. Поскольку эта аргументация требует предварительного обсуждения фонологических теорий Морозова, мы все это оставили за рамками нашего изложения.

В заключение своих языковедческих замечаний Морозов сообщает также, что он аналогичным образом разобрал «язык месопотамских клинописей» (по-видимому, аккадский язык международных сношений и официальной бюрократии) и пришел к выводу, что это «совсем не местный язык и никогда не был местным или вообще народным, где бы то ни было» ([3], стр.291). Таким образом, и этот язык Морозов считает искусственным. К сожалению, на эту тему он ничего не успел опубликовать.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Выдвинуто и частично обосновано утверждение о сравнительной молодости Китая, Индии и государств Ближнего Востока (не простирающейся далее IV века н.э.).

2. В отношении Китая и, в меньшей степени, Индии, приведены независимые доказательства, показывающие, что письменная история этих государств начинается с IV века н.э.

3. В отношении индийских религий высказана гипотеза, что они ведут свое начало от первоначальных форм христианства.

4. Для «клинописных» государств Ближнего Востока (Вавилонии, Ассирии, хеттов и т.д.) предложена их датировка ранним Средневековьем.

ИСЛАМ И АРАБЫ

§ 1. Мусульманский ренессанс

Вводные замечания. — Абу-л-Вафа и вариация движения Луны. — Абу-л-Хуссейн ал-Суфи и его звездный каталог. — Абу-р-Райхан ал-Бируни. — Омар Хайям. — Заключение.

§ 2. Коран и его автор

Общая характеристика Корана. — Происхождение Корана. — Пророк Магомет. — Агаряне. — Анафема Магомету. — Реальный прообраз Магомета.

§ 3. Арабы

Географические особенности Аравийского полуострова. — Исключительность арабской культуры. — Арабский язык. — Арабские завоевания. — Арабская культура позднего Средневековья. — Заключение.

§ 4. Происхождение агарянства

Мекка и Медина. — Культ Каабы. — Альтернативная теория происхождения агарянства. — Кааба и Скиния завета. — Современный ислам.

Итоги главы

§ 1. Мусульманский ренессанс

Вводные замечания

Считается твердо установленным, что в период VIII—X веков в созданном в результате успешных завоеваний обширнейшем арабском халифате, простиравшемся от Испании до Средней Азии, пышным цветом расцвела т.н. «арабская культура», которую современные ученые предпочитают называть «арабоязычной», поскольку главнейшие ее представители были по крови не арабы, а представители местного, автохтонного населения. С легкой руки известного востоковеда А. Меца (см. [107], стр. 8) этот период называется также «Мусульманским ренессансом».

Обращает на себя внимание неожиданное появление этой культуры, ее быстрое развитие и внезапное исчезновение. После X—XI веков в странах халифата воцаряется мусульманская ортодоксия, прежний культурный блеск забывается, наука по существу запрещается и лишь впоследствии постепенно восстанавливается фактически от нуля.

В XII—XIII веках плодами «арабской» культуры воспользовались европейцы, осуществив перевод большого числа арабоязычных научных сочинений. Однако переведены были лишь сочинения по уровню более или менее соответствующие тогдашней общеевропейской науке, а сочинения, в которых арабские ученые значительно обогнали свой век, стали известны лишь значительно позже, уже после того, как европейские ученые независимо переоткрыли их результаты. Этот факт настораживает и вызывает подозрение в апокрифичности «поздно открытых» сочинений.

Невольно возникает параллель с «античной» культурой, которая аналогичным образом появившись без каких-либо корней и причин, а затем исчезнув, «возродились» как раз тогда, когда независимый ход средневековой европейской культуры сделал возможным ее усвоение и дальнейшее развитие.

Кроме того, установленная в первом томе апокрифичность античности делает апокрифичными как все «арабские переводы античных сочинений», так и все ссылающиеся на них сочинения. Поэтому в отношении переводов XII—XIII веков можно с уверенностью сказать, что они были осуществлены с современных им сочинений, скорее всего, мавританских авторов. Как раз в это время в Толедо под покровительством христианского архиепископа Раймунда консолидируется центр арабоязычной науки, тесно связанный с

другими европейскими научными центрами (см. [139], стр. 84—85). Именно отсюда и идет поток переводов, как правило анонимных или подписанных существенно позже.

Вторично интерес к арабской науке эпохи халифата вспыхнул лишь в XIX веке. В это время было найдено и опубликовано большое число арабских сочинений, позволивших «восстановить» до тех пор неизвестную историю первых веков халифата как в военно-политическом, так и в религиозно-идеологическом и культурно-научном отношениях, подобно тому, как за четыреста лет до этого гуманисты «восстановили» историю античного мира по «найденным» ими «античным» сочинениям.

Эти находки характеризуются следующими особенностями:

а) большинство рукописей обнаружено лишь в европейских книгохранилищах, причем обстоятельства их появления в этих книгохранилищах либо неизвестны, либо, как мы увидим ниже на примерах, очень подозрительны;

б) отдельные, как правило, уникальные рукописи были в это время привезены европейскими путешественниками из Индии, Пакистана и других мест, удаленных от центров культуры халифата; эти рукописи были куплены чуть ли не на базаре у лиц совершенно неизвестных;

в) практически все новонайденные рукописи собственной древности не имеют и, как явствует из имеющихся на них удостоверительных примечаний, представляют собой средневековые копии.

Таким образом, и в отношении рукописных источников дело с «арабским» миром обстоит практически так же, как и с «античным». Так неужели же, подобно истории античного мира, история халифата является одним колоссальным апокрифом?

Для ответа на этот вопрос мы сначала разберем научные работы, приписываемые тому времени. В основном мы ограничимся астрономическими сочинениями, поскольку их апокрифичность (или, наоборот, неапокрифичность) устанавливается легче и надежнее всего.

Абу-л-Вафа и вариация движения Луны

Новый свет на достижения арабских астрономов впервые пролил французский ученый-историк Ж. Седийо, который, как пишет его сын, «заподозрив у арабов еще более обширные и совершенные работы (чем те, которые были известны со времен Средневековья. — *Авт.*), предался углубленным исследованиям этого предмета и начал серию открытий, поистине новых и оригинальных для истории астрономии в средние века» (см. [4], стр. 285).

В тридцатых годах XIX века Седийо опубликовал перевод, найденный им в Парижской Королевской библиотеке, рукописи арабского ученого Абу-л-Вафа, который «предварил новейших астрономов в самом интересном из их открытий» (слова Седийо-сына; см. [4], стр. 286).

Как мы знаем, движение Луны очень неправильно. Его отклонение от идеального движения представляется в виде суммы слагаемых, которые называются **аномалиями** (или **неравенствами**). Первая, самая грубая, аномалия называется **уравниванием центра**, вторая, меньшая, — **эвекцией**, а третья, самая маленькая, — **вариацией**. Последняя аномалия обращается в нуль в замечательных точках орбиты Луны (при схождениях и квадратурах Солнца и Луны) и изменяет долготу Луны максимально на один лунный диаметр, т.е. на величину, которую Луна проходит за 52 минуты. Вариация, открытие которой **требует точных часов** и предварительно разработанной теории лунного движения, была впервые обнаружена Кеплером из наблюдений Тихо Браге. И вот, оказывается, что Абу-л-Вафа узнал и измерил вариацию еще в X веке, не имея никаких точных астрономических часов! Это настолько невероятно, что после публикации Седийо знаменитый астроном Био не выдержал и публично усомнился в подлинности соответствующего документа, несмотря на то, что она была удостоверена целым рядом ученых-филологов «опытность которых в таких случаях не может подвергаться сомнению». Не решившись, однако, полностью отвергнуть авторитет филологов, он высказал предположение, не является ли утверждение об измерении вариации движения Луны Абу-л-Вафой позднейшей вставкой в рукопись, но был немедленно поставлен Седийо на место, который в разгоревшейся дискуссии разъяснил, что по самой структуре арабской рукописи никакие вставки в нее невозможны. Сомневаться же в аутентичности всей рукописи нельзя, ибо на ней имеется печать сына Тамерлана Шахроха (1405—1447), безусловно подтверждающая принадлежность ее времени по крайней мере за двести лет до Кеплера. Более того, Кеплер опубликовал свое открытие в 1610 г., а в 1670 г. рукопись сочинения Абу-л-Вафы уже находилась в Королевской библиотеке. Осуществить же вставку кеплеровской информации в рукопись в период 1610—1670 г. на Востоке было попросту некому.

Как же попала рукопись книги Абу-л-Вафы в Королевскую библиотеку? Оказывается, что ее привез некий Ванслеб, которого министр Людовика XIV Кольбер отправил на Восток специально для приобретения арабских научных рукописей. Ванслеб, конечно, не мог оправдать доверие короля и возвратиться с пустыми руками. Он не

мог также привезти малонадежные рукописи и потому позаботился, чтобы все привезенные им арабские сочинения имели удостоверяющую печать сына Тамерлана. Эта печать убедила всех придворных библиотекарей (и, по-видимому, самого короля), поскольку текст ее был им понятен, будучи исполнен на латинском языке!

Последняя пикантная подробность ставит все на свои места и нам остается только отдать должное находчивости Ванслеба, который не найдя никаких достойных внимания короля-солнца рукописей, не растерялся и принял свои меры; если бы он был поосторожнее и менее рассчитывал на магическую силу латинского текста печатей, мы никогда бы не получили столь прямого доказательства его изобретательности. Интересно, был ли Био осведомлен о латинском языке печатей Тамерланова сына?

Абу-л-Хуссейн ал-Суфи и его звездный каталог

Еще более чем Абу-л-Вафа известен другой арабский астроном Абу-л-Хуссейн, по прозвищу Суфи, которое было ему дано из-за его приверженности к суфизму. Утверждается, что он родился 14 мухаррема 291 г. хиджры, т.е. 7 декабря 903 г. н.э., и умер 15 мухаррема 376 г. хиджры, т.е. 25 мая 986 г. н.э., прожив, таким образом, точно 85 лунных лет. Работал он при Ширазском и Багдадском дворах, написал три сочинения, из которых до нас дошел только каталог звезд. Копии этого каталога довольно многочисленны: они имеются в Эскуриале, Оксфорде, Лейдене, Копенгагене, Ленинграде, а в Париже хранятся даже три его экземпляра. Этим исчерпываются по существу все биографические сведения о нем (см.[4], стр.237).

«Необычная точность дня рождения и дня смерти аль-Суфи, напоминающая православные святцы, при полном отсутствии каких-либо других биографических сведений о нем, сама показывает себе цену. Эти даты явно высчитаны астрологическим путем, и в результате мы можем сказать, что об авторе исследуемого нами теперь звездного каталога *ничего и никому неизвестно*. Мы с полным правом можем усомниться даже в том, что он жил в Ширазе и Багдаде...» ([4], стр.238). Все биографические сведения о Суфи (в том числе и его жительство в Багдаде и Ширазе) извлечены из предисловия к каталогу и потому независимой доказательной силы не имеют.

Сам же каталог Суфи представляет собой расширенный, дополненный и исправленный вариант каталога Птолемея. Суфи пишет, что он изучил много экземпляров «Алмагеста» Птолемея и указывает многочисленные ошибки переписчиков, которые он в них обнаружил

(см.[4], стр.240). В описании созвездий и местоположений звезд Суфи рабски следует Птолемею, повторяя все ляпсусы Дюрера! (См. гл.3, § 2). Это неопровержимо доказывает, что труд Суфи написан после 1515 года.

Более того, эту оценку можно поднять еще лет на сто. Дело в том, что известная туманность Андромеды видна простым глазом как незначительная и ничем особым не выделяющаяся звездочка. Она была отождествлена как туманность только с помощью телескопа в 1612 г. Симеоном Мариусом. И эту-то телескопическую туманность Суфи, оказывается, знает. Он (см.[4], стр.249) описывает ее как горсточку звезд, вроде известных Плеяд. Современные комментаторы этого места не обратили внимания, что разделить туманность Андромеды на звезды невозможно никаким человеческим глазом, не вооруженным хотя бы простейшей астрономической трубой. Более того, представление о Плеядах как о «горсточке звезд» также требует трубы, поскольку без нее в Плеядах видны только 7 отдельных звезд.

При описании местоположения звезд (в том числе и туманности Андромеды) Суфи ссылается на созвездие Камелеопарда, которого нет у Дюрера-Птолемея и которое было введено Барчиусом только в 1624г.

На звездных картах, приложенных к каталогу Суфи, звезды созвездий обозначаются буквами в полном соответствии с атласом Байера 1603 года, в котором впервые была предложена эта система обозначений (только греческие буквы Байера заменены арабскими), а сами созвездия изображены рисунками людей (см.[4], стр.257, рис.51—54 и стр.301, рис.71), одетых в фантастические костюмы «восточного характера». В таких костюмах западно-европейские художники, никогда не бывавшие на Востоке, изображали восточных принцев и принцесс. Да и вообще, спрашивается, как такого рода рисунки могли появиться в труде благочестивого ученого-суфиста, когда вероучение ислама недвусмысленно запрещает какие-либо изображения живых существ?

Таким образом, все доказывает, что каталог Суфи является (подобно трактату Абу-л-Вафы) злостным апокрифом, написанным скорее всего в XVII веке.

Абу-р-Райхан ал-Бируни

Одновременно с трактатом Абу-л-Вафы Седийо опубликовал перевод сочинения другого «арабского» ученого Абу-р-Райхана ал-Бируни, рукопись которого также была привезена в Европу Ванслебом и также снабжена печатью Шахроха на латинском языке.

Это заставляет внимательнее приглядеться и как к сочинениям Бируни, так и к его личности.

Абу-р-Райхан ал-Бируни (973—1048) считается одним из самых выдающихся представителей «арабоязычной» культуры, хотя его имя и не было известно ученому миру до XIX века. Он якобы родился, жил и работал в Хорезме на территории нынешнего Узбекистана и потому современные узбеки считают его своим национальным ученым. Перу Бируни принадлежат будто бы 143 сочинения по всевозможным отраслям знаний, из которых до нас «дошло» 31.

Обращает на себя внимание практика писания сочинений «на имя» Бируни другими лицами. Чтобы как-то объяснить это, современные ученые (см., напр. [140], стр.27) уверенно пишут, что это «фактически совместные работы Бируни и его друзей» хотя никаких доказательств этого смелого утверждения нет. Не проще ли предположить, что подобно тому, как византийские и древнерусские книжники приписывали для придания авторитетности свои сочинения Иоанну Златоусту, так и «арабские» писатели ставили на своих книгах имя легендарного Абу-р-Рахмана?

Поддержкой этого мнения может служить не только невероятная разносторонность Бируни, но и определенная непоследовательность, проявляемая Бируни в своих сочинениях. Например, имеются как сочинения Бируни, в которых он разоблачает вздорность притязаний астрологии на научность (см. [140], стр.11), так и сочинения, в которых он подробно и со знанием дела излагает астрологическую науку (см. [140], стр.15). Авторам биографии Бируни не остается ничего иного, как беспомощно заявить, что, излагая астрологию, Бируни «фактически разоблачает методы астрологов» ([140], стр.15). Конечно, для современного ума любое изложение астрологии будет ее «разоблачением», но значит ли это, что все учебники астрологии писались с целью ее разоблачить?

Более того, ряд сочинений, якобы написанных Бируни, настолько далеко отходят от ортодоксальной идеологии ислама, что попросту опасны для их автора. Это расценивается как «научный героизм» Бируни (см. [140], стр.15), но с большим правом можно считать, что здесь мы, напротив, имеем дело с камуфляжем истинного автора, который убоившись последствий, предпочел скрыться за авторитетным и древним именем.

Биография Бируни известна лишь из «его» произведений или из сообщений столь же апокрифических авторов. Она полна фантастических подробностей (см., напр., [140], стр.13—14), которые

современные ученые, естественно, игнорируют, свято веря, однако, всему остальному, часто, впрочем, не замечая, что не выброшенные ими подробности столь же фантастичны, как и выкинутые. Например, в сочинениях Бируни описан метод вычисления разности долгот двух городов по наблюдениям в них одного и того же лунного затмения. «Определив по возможности более точно момент середины затмения, оба наблюдателя устанавливают разницу местного времени в обоих городах, которая представляет собой разность их географических долгот» ([140], стр.178). Бируни сообщает, что, проделав в 997 г. совместно с уже известным нам Абу-л-Вафой такого рода измерения, он нашел, что разность долгот Кяты и Багдада составляет 15° , т.е. 1 час. Биографы Бируни с удовлетворением отмечают, что «современные измерения с помощью несравненно более совершенных инструментов, чем у Бируни и Абу-л-Вафы, дают величину 1 час. 0.5 мин» ([140], стр.179), не желая замечать, что тем самым они начисто опровергают достоверность сообщения Бируни. В описанной ситуации достичь без механических хронометров точности в 0,5 минуты (30 секунд) так же невозможно, как без телескопа рассмотреть в туманности Андромеды «горсточку звезд».

Самым большим и важным сочинением Бируни по астрономии считается т.н. «Канон Масуда», в котором содержится звездный каталог со ссылками на каталог Суфи (см. [140], стр.117). Уже доказанная апокрифичность последнего каталога доказывает апокрифичность и «Канона Масуда».

Таким образом, мы видим, что привлекательная личность энциклопедического ученого, во многом обогнавшего свой век, рассеивается как дым. И этому выводу не может помешать даже то, что в 1975 г. было торжественно отмечено тысячелетие со дня его рождения.

Омар Хайям

Совершенно аналогична ситуация и со знаменитым Омар Хайямом. Лишь специалистам известно (см. [141], стр.5—9), что рубайи Хайяма, были впервые опубликованы в английском переводе только в 1859 г. английским поэтом Эдвардом Фицджеральдом, а их персидский оригинал вышел в свет через два года в Тегеране, хотя имя поэта Хайяма и упоминалось в европейской литературе еще в 1700 г. Эти рубайи рисуют невероятно противоречивый образ его автора (и любителя наслаждений, вина и женщин, и разочарованного скептика, и религиозного мистика). Чтобы разрешить эти противоречия, было предположено, что они отражают постепенную эволюцию авторских взглядов от юношеского эпикурейства до старческого мистицизма.

Впрочем, состав рубайята Хайяма до сих пор неясен. «В 1857 г. в Париже французский востоковед М. Никола издал «Рубайат» Хайяма, включив в свой сборник 454 четверостишия. В 1897 г. известный русский востоковед В.А. Жуковский... показал, что из 464 рубай в издании Никола 82 приписываются 39 (!) другим поэтам, жившим намного позднее Омара Хайяма.

...В результате исследований других востоковедов... было найдено еще некоторое количество рубай, авторство которых сомнительно, и общее число... достигло 108. Неутешительное открытие, особенно если учесть, что время создания четверостиший отделено от нас промежуток в восемь веков, прижизненной рукописи Хайяма не сохранилось, достоверные подробности написания четверостиший никому не известны. Тексты самих четверостиший не содержат датировок (а также косвенных данных, по которым их можно было бы датировать). В некоторых четверостишиях, правда, встречается имя Хайяма, но, строго говоря, это не может служить доказательством подлинности, — ведь автор подделки, например, начал бы именно с этого. Одно время (1904 г.) А. Кристенсен... утверждал, что подлинно хайямовскими могут быть признаны всего 12 четверостиший, однако потом (1927 г.) отказался от столь нигилистической позиции и предложил считать достоверными 121 рубай.

Дальнейшая работа... шла с переменным успехом; надежды, вызванные находкой древней рукописи, сменялись разочарованием: рукопись оказывалась подделкой или датировка ее казалась сомнительной. Так было в 1925 г. с рукописью, опубликованной в Берлине Ф. Розеном, так получилось и с нашей (Р. Алиева и моей) публикацией мнимой рукописи XIII века. (Таким образом, даже авторитетная публикация рукописи не гарантирует ее подлинности! — *Авт.*). Разные ученые... пытались создать метод для определения того, какие же четверостишия действительно принадлежат Хайяму, а какие — приписываются ему. Однако установление критерия подлинности оказалось весьма сложной задачей. Исследователи, не имея твердой почвы под ногами, скатывались к субъективным суждениям» ([144], стр. 159—150).

Почти одновременно с рубайями (в 1851 г.) была опубликована немецким математиком Белке «Алгебра» Хайяма, упоминания о которой также восходят к XVIII веку. Однако сначала персидский поэт Хайям и арабский математик Хайям рассматривались как разные люди, и лишь позднее на основании «свидетельств» ряда «новооткрытых» рукописей было признано, что это один и тот же человек. «Через

полстолетия после публикаций Фицджеральда и Венке стали появляться (хорошо сказано! — как про ныне живущего писателя. — *Авт.*) и другие сочинения Хайяма, обнаруживающие новые черты ученого и поэта». ([144], стр. 8). Одна из последних публикаций новых трудов из наследия Хайяма состоялась совсем недавно (в 1961 г.).

В книге [141] на стр. 11—14 приведен полный список всех известных научных трудов Хайяма. Обращает на себя внимание, что почти все рукописи его сочинений хранятся в европейских библиотеках, а рукописи трех его трактатов, опубликованных в 1917 г. (!), с тех пор «утрачены».

В области астрономии сохранились сведения об участии Хайяма в выработке невероятно точного (с ошибкой в 1 день за 4500 лет) календаря с изощренной системой високосов. Этого, по-видимому, не смогли проглотить даже авторы книги [141] (см. их текст на стр. 75—74), хотя они ничтоже сумняшеся пишут об астрономических наблюдениях Хайяма «над наступлением весеннего равноденствия», игнорируя (или попросту не замечая) критический вопрос, как собственно мог Хайям при тогдашних инструментах и без часов наблюдать с высокой точностью движение по небу условной точки весны.

Очень любопытна информация о так называемом «гороскопе Хайяма». В этом гороскопе (см. [141], стр. 10) указано положение в день рождения Хайяма Солнца, Меркурия и Юпитера. Положение Солнца дает дату 17—19 мая неизвестного года. Что же касается Меркурия и Юпитера, то, как пишут Розенфельд и Юшкевич, «такое сочетание планет имело место только 18 мая 1048 г... Этот подсчет впервые выполнил индийский исследователь Свами Говинда Тиртха... Подсчет Говинды был проверен советским астрономом Ш.Г. Шараф...» ([141], стр. 11).

Таким образом, авторитетные ученые (не только историки науки, но и доктор физико-математических наук) не только четко утверждают астрономический факт («такое сочетание планет имело место только 18 мая 1048 г.»), но и подкрепляют это утверждение ссылкой на первоисточники. Тем не менее, у вдумчивого читателя это утверждение сразу должно вызвать серьезные недоумения. Положение Меркурия (всегда близкое к Солнцу), позволяя уточнить день гороскопа, мало что может сказать о годе гороскопа, который всегда определяется (см. гл. 5, § 1) по большим планетам (Юпитеру и Сатурну). Таким образом, для установления года в «гороскопе Хайяма» может служить только Юпитер. Но эта планета возвращается на старое место каждые 12—15 лет.

Поэтому «такое сочетание планет» имело место не только в 1048 г., но, скажем, и в 1035 г., и в 1022 г. Почему же Розенфельд и Юшкевич утверждают противное?

Для ответа на этот вопрос приходится обратиться к книге ([146], стр. 18—19), где исследование «гороскопа Хайяма» изложено подробнее. Оказывается, что это исследование состояло из трех этапов. На первом этапе на основе неких указаний «источников» было «установлено», что Хайям родился в первой половине XI века. Затем Говинда (а у нас Шараф) установили, что «такое сочетание планет» имело место в первой половине XI века только в 1022, 1035 и 1048 годах. (Здесь и только здесь в игре участвует астрономия). Наконец, на третьем этапе снова на основании «источников» из этих трех дат была отобрана последняя.

Таким образом, утверждение, что «гороскоп Хайяма» датируется астрономически, является грубой ложью (которую, Розенфельд и Юшкевич совершили явно не намеренно).

На этом примере четко виден механизм вполне добросовестного возникновения совершенно ложных утверждений об «астрономической» подтвержденности тех или иных датировок.

Заключение

Мы видели, что сочинения главнейших представителей «мусульманского Ренессанса» являются безусловными апокрифами. Это доказывает апокрифичность и всех других сочинений этого периода, поскольку они связаны системой перекрестных ссылок. (Пример: каталог Суфи и «Канон» Бируни).

В частности, апокрифами являются и сочинения «арабских историков» того времени. Мы не будем их специально анализировать и лишь отметим, что, как и следовало ожидать, эти сочинения были открыты европейскими учеными сравнительно поздно (труд самого известного из арабских историков, Масуди, опубликован только в 1851—1877 гг. в Париже, а сочинение другого, считающегося столь же авторитетным, историка, Макризи, — так и вовсе лишь в 1908 г. в Тюбингене). Ученым традиционного мусульманского образования эти труды до их «открытия» европейцами были неизвестны.

Как мы уже отмечали, все это ставит под сомнение реальное существование того государственного образования (халифата), в рамках которого развивалась культура мусульманского ренессанса, и подробности внутренней жизни которого описаны Масуди и Макризи.

Так же, как и в случае античных государств, нельзя утверждать, что реальное существование халифата доказывается полнотой и точностью сведений о нем, которые невозможно выдумать ни одному апокрифисту, потому что имеющаяся, казалось бы, связанная и во многом очень детальная (хотя и с лакунами) история халифата выработана европейскими учеными XX века (в частности, уже упоминавшимся выше А. Мецом) в результате анализа и унификации во многом противоречащих друг другу «источников», полных, к тому же, фантастических измышлений.

История халифата тесно переплетена с историей ислама и поэтому, чтобы разобраться в первой, нужно сначала заняться второй. Перейдем поэтому к исламу и его священной книге — Корану.

§ 2. Коран и его автор

Общая характеристика Корана

Коран представляет собой хаотический сборник моральных поучений, хвалебных гимнов того же образца, что и библейские псалмы, и легенд о тех же библейских деятелях: Адаме, Авеле, Моисее, Ароне и т.д.

Только Арон считается здесь, как мы уже говорили, дядей евангельского Иисуса, отождествляемого, таким образом, с Иисусом Навиным. Но, несмотря на это отождествление, Иисус является в Коране со всеми своими евангельскими особенностями, кроме решительно отвергаемого его распятия. С уважением Коран говорит и о Иоанне Крестителе и других новозаветных и ветхозаветных деятелях.

На этом фоне замечательным исключением являются ветхозаветные пророки Исайя, Иеремия и др., полностью отсутствующие в Коране. Это подтверждает вывод § 5, гл.9, что это были просто заголовки библейских книг.

В отношении Моисея (Мусы), история которого подробно и с существенными дополнениями (см., напр., Коран, стихи 18:59 — 18:81) воспроизведена в Коране, обращает на себя внимание противоречащее Библии указание Корана (стих 5:23), что у богоборцев цари и пророки были и до Моисея. Особенно интересна версия Корана эпизода с золотым тельцом. По Корану телец был воздвигнут в отсутствие Моисея не Ароном—Арием, а неким таинственным самарянином. Это место Корана смущало ортодоксов не менее, чем провозглашение евангельского Иисуса племянником Моисея и Арона, поскольку самаряне считались возникшими лишь в евангельские времена, а никак не во времена Моисея. Здесь снова Коран подтверждает концепции Морозова.

К эпизоду с тельцом Коран возвращается также в стихах 7:146 — 7:152, где описывается ссора Моисея с «его братом» (Ароном). По мнению Морозова (см.[6], стр.349) это описание чрезвычайно напоминает четьи-минейскую ссору легендарного (даже по ортодоксальным воззрениям) чудотворца Николая с первосвященником Арием на Никейском соборе. Очень подробно в Коране изложена и библейская история Иосифа (Юсуфа). Обращает на себя внимание утверждение автора Корана (см. Коран, стих 12:103), что здесь им сообщается нечто новое, ранее неизвестное (скрытое). Означает ли это, что соответствующий библейский рассказ был составлен позже? Быть может так, но, скорее всего, нет, ибо этот коранический рассказ

выделяется прекрасным слогом, показывающим большую литературную опытность его автора. Решение, по-видимому, состоит в том, что стих 12:103 относится к некоему первоначальному, еще добиблейскому варианту рассказа, который позднее был заменен ныне известным.

Мы видим, что Коран во многом дополняет Библию. Морозов полагает даже, что содержащиеся в Коране легенды о «Иисусе сыне Марии» (Исе ибн Марийам) более пригодны для восстановления образа личности, давшей начало легендам о Христе, чем евангельские сказания, поскольку созданы они были явно раньше (хотя окончательная их фиксация была произведена значительно позже, ибо евангелия Корану знакомы; см., напр., Коран, стих 57:27).

Тысячелетие, которое по традиционным представлениям отделяет Коран от Библии, никак на Коране не сказалось. Коран эту тысячу лет не заметил и события в ней произошедшие (например, зарождение, расцвет и падение Римской империи) никак не отразил. Объяснение этой странности мы находим только в концепции Морозова, согласно которой никакого тысячелетнего промежутка попросту не было. Таким образом, и в этом отношении концепция Морозова подтверждается Кораном.

Идеология и догматика Корана также сходны с библейскими. Важнейшее отличие состоит в отрицании тринности бога (см., напр., Коран, стих 4:139), а также в выпячивании на первый план пророка Магомета (правильнее Мухаммеда или даже Мухаммада; но мы будем придерживаться традиционного написания). Кроме того, в Коране значительно подробнее, чем в христианстве, разработан вопрос о рае. Поэтому, если мы бы, априори не знали, что Коран является священной книгой ислама, религии в настоящее время резко отделенной от христианства, и исходили бы в своих суждениях только из его текста, то с неизбежностью мы бы пришли к выводу, что Коран представляет сочинение, зародившееся в некоей христианской секте.

С другой стороны, как было установлено во втором томе, христианское учение в период, к которому традиция относит написание Корана, только лишь складывалось и постепенно оформлялось из хаоса разнообразных сект. Так не был ли ислам при своем зарождении всего лишь одной из раннехристианских сект, в процессе дальнейшей эволюции начисто разошедшейся с евангельским христианством? Ответу на этот вопрос и будет посвящено наше исследование. Начнем с вопроса о происхождении Корана.

Происхождение Корана

Традиционная точка зрения на Коран (см., напр., [110], стр.141—142) состоит в том, что он представляет собой свод изречений Магомета, зафиксированный в письменном виде писцом Зейдом ибн Сабитом лет через двадцать после его смерти. Кривелев пишет, что «есть все основания полагать, что находящийся в нашем распоряжении текст Корана соответствует тому, который был в 551 г. зафиксирован Зейдом ибн Сабитом и его соратниками» ([110], стр.142). Однако в чем состоят эти «основания» Кривелев не сообщает.

Вместе с тем «есть все основания» полагать, что текст Корана подвергался неоднократным переработкам и принадлежит многим авторам. Как замечает советский исследователь Климович (см.[138], стр.46—47), это явствует, например, из стиливого разноречия его сур, четко заметного даже в переводе. Видно, что ряд сур написан литературно малоопытными авторами (это относится, по-видимому, ко всем «коротким» сурам), а другие, напротив, принадлежат перу людей существенно более опытных (например, сура 12). «Характер стиля разных частей Корана явно указывает на то, что тексты этой книги были написаны в разное время» ([138], стр.47).

На длительную историю составления и редактирования Корана указывают и трудности, связанные со стихом 12:103 (см. выше).

Однако решающим в этом отношении являются соображения, связанные с проблемой т.н. «сохранения текста» Корана.

По правоверным представлениям Коран имеет «несотворенный» прототип, хранящийся на седьмом небе. Следовательно, священное значение, не могущее быть измененным, имеет каждая его буква. Поэтому, — сообщают нам историки, повторяя в этом заверения мусульманских богословов, — все списки Корана переписаны с исходного списка Зейда слово в слово, буква в букву, без каких-либо вариаций (в этом, по-видимому, и состоят кривелевские «основания» его доверия к тексту Корана). Но можно ли это согласовать с утверждаемой, почти полутора тысячной, древностью Корана?

При переписке более или менее длинного текста невозможно избежать ошибок и опечаток сколь бы внимательным не был переписчик. Большинство этих ошибок обнаруживаются при последующей сверке с оригиналом, но, как показывает полутысячелетний опыт редакционной подготовки книг, ошибки неизбежно проскальзывают сквозь самые густые сита. Достаточно было при переписывании Корана хоть раз появиться какой-нибудь незамеченной ошибке, как эта ошибка стала бы автоматически воспроизводиться раз за разом. Ярким

примером являются старорусские богослужебные книги, которые за 500 лет постоянного переписывания настолько далеко отклонились от греческих оригиналов, что попытка их исправления в XVIII веке привела к расколу русской церкви.

Конечно, если есть большой запас книг для сравнения, то дефектный экземпляр легко выявляется. Но предположим, что дефектный Коран был отправлен на периферию и, оказавшись там в единственном числе, начал переписываться. Когда по прошествии некоторого времени появились из центра «правильные» списки и дефектность распространявшихся текстов была установлена, должна была начаться борьба между сторонниками различных вариантов (примером является тот же русский раскол). По теории вероятности за полторы тысячи лет существования ислама такая ситуация должна была возникать неоднократно. Так как этого не наблюдается, то должен, следовательно, существовать некий механизм, обеспечивающий единство текстов Корана от Испании до Индонезии. Нет нужды, чтобы этот механизм предотвращал появление дефектных текстов (достичь этого, по-видимому, невозможно), достаточно, чтобы он предотвращал их распространение.

Таких механизмов априори можно предложить два. Первый состоит в том, что каждый новый список сравнивается с неким центральным, эталонным списком или с несколькими такими списками, которые постоянно сличаются друг с другом. Однако этот механизм применим только в географически ограниченных пределах и невозможно представить его постоянную работу в древние времена на территории от Испании до Индонезии.

Второй (и последний) механизм состоит в том, что из центра рассылаются на места эталонные экземпляры, единство которых надежно обеспечено механическим воспроизведением, т.е. тиснением.

Таким образом получается, что территориальное единство Корана может быть обеспечено лишь книгопечатанием. Так неужели же Коран был создан только тогда, когда он был зафиксирован печатным станком, т.е. в XVII веке? Не ошиблись ли мы где-то в нашем рассуждении?

Во-первых, следует учесть, что поскольку вероятность появления дефекта при внимательном переписывании довольно мала, единство Корана некоторое время могло держаться и на рукописной традиции. Это на век-два отодвигает дату окончательной фиксации Корана.

Во-вторых, более внимательное исследование показывает, что исходный пункт всего рассуждения — прокламируемое мусульманскими богословами отсутствие разночтений в различных списках

Корана, верно только «в первом приближении». На самом деле разночтения имеются, хотя и не очень большие (см. [142], стр. 11). Таким образом, в точном соответствии с теорией переписывание Корана все-таки привело к разночтениям в текстах. Малость же этих разночтений указывает, что переписывание продолжалось не очень долго, лет двести-триста, но, конечно, не тысячу лет с лишним.

На позднюю составленность Корана указывает и запрещение в нем вина, тогда как, например, в сказках «1001 ночь», восходящих, по-видимому, ко времени до X века, этого запрещения еще нет.

По совокупности всех обстоятельств мы должны, следовательно, признать, что окончательно текст Корана был канонизирован где-то в XII—XIV веках и никак не раньше (а возможно, что и позже).

Вместе с тем, хаотичность плана и архаичность слога однозначно указывают на весьма древнее происхождение отдельных коранических текстов. Поэтому можно думать, что некоторые из них в самом деле принадлежат VII веку. Таким образом, следует считать, что история составления Корана охватывает столетий семь: от VII века до XIV века.

В начале этого периода существовали только отдельные тексты (возможно даже еще не объединенные в суры), в середине (где-то около X—XI веков) они были объединены в одну книгу, которая постоянно редактировалась и перестраивалась, а в XIII—XIV веках один из вариантов был канонизирован, а остальные уничтожены.

Подтверждения этой точки зрения можно найти и в традиционной версии происхождения Корана.

Согласно этой версии Зейд сначала составил Коран по предложению халифов Абу Бехра и Омара только для их личного пользования. Когда же этот список стал известен шире, то, как пишет английский исламовед Мьюир «...разнообразие выражений, бывших в предшествовавших отдельных записях (изречений Магомета. — *Авт.*), или вскоре вкравшихся в копии зейдовского Корана, скандализовали мусульманский мир. Откровение, посланное с неба, было одно, но где теперь его единство?» (цит. в исправленном переводе по [6], стр. 408—409). И вот снова некий Зейд (который считается тем же самым Зейдом ибн Сабитом) уже по приказанию халифа Османа совершает нечеловеческое дело разыскания «по всей империи» текстов изречений Магомета (записанных, как говорит предание, на всевозможном подручном материале вплоть до обглоданных костей (!) баранов и верблюдов), сверки их с первоначальной рукописью и составления окончательного текста. После завершения его труда, — говорят нам, — все вспомогательные материалы были уничтожены.

Легендарная фигура халифа Османа скорее всего списана с Османа I (1299—1526), основателя Османской империи. Поэтому можно думать, что окончательная фиксация текста Корана была действительно произведена в первой четверти XIV века по приказанию Османа и тогда же были уничтожены все другие варианты. В легенде же о первом зейдовском Коране отражены, по-видимому, существенно более ранние попытки создания его текста.

А обстоят как дела с рукописями Корана? Средневековые источники (см. [6], стр. 409—410) сообщают, что после смерти дочери Омара, у которой хранился зейдовский Коран, его листы попали почему-то за тридевять земель в Испанию, потом они оказались в Фецце, а в XIV веке их якобы видели в Басре. Эти тысячекилометровые прыжки Корана завершились его полным исчезновением. В настоящее время его нигде нет.

Легенда утверждает, что халиф Осман, когда его убивали, схватился за свой Коран и на нем остались следы его окровавленных пальцев. В ответ на эту легенду в мусульманском мире объявилось не меньше «Коранов Османа», чем в христианском остатков «честного животворящего креста». Этот Коран обнаруживался и в Египте, и в Палестине, и в Испании, и в Самарканде (этот экземпляр был доставлен в 1868 г. в Петербург и ныне хранится в ГПБ; факсимильное изображение одной его страницы см. в [142], стр. 680), и в Константинополе, и во многих других местах. Само собой разумеется, что существует и мединский (будто бы самый древний) экземпляр, на котором для полной верности даже написано, что он изготовлен по поручению самого Османа.

Это наивное удостоверение немедленно выдает, конечно, фальсификацию, поскольку Осман и без того знал, что он заказал Коран и потому незачем было это и отмечать.

Аналогичное удостоверение («писан Османом ибн Аффаном») имеется, в очень старинном по виду экземпляре Корана, хранившемся в библиотеке «Индия оффис» в Англии. Калифы, по-видимому, очень любили переписывать Коран (делать им было нечего!), поскольку в той же библиотеке хранится экземпляр, писанный рукой халифа Али, что также непреложно устанавливается соответствующей надписью (см. [6], стр. 505—606).

Объективно же судить о древности всех этих рукописей средств нет.

Интересно, что Европа узнала о Коране очень поздно. Хотя к IX веку правление победоносно заняло половину тогдашнего культурного мира и начало из Испании проникать во Францию, в документах того времени нет никаких следов Корана, хотя бы в форме цитат. О переводе Корана подумали лишь в XII веке, когда начались крестовые походы

было основано Иерусалимское королевство, а большая часть Пиренейского полуострова была уже отвоевана у мавров. По инициативе клюнийского аббата Петра и при поддержке (!) папского престола, перевод Корана на латинский язык был осуществлен в 1143 г. Робертом Ретинским. Этот перевод во многих местах существенно расходится с современным текстом. Таким образом, и здесь подтверждается, что хотя к XII веку Коран уже и был создан, но его текст был иным (см. [6], стр. 606—607).

Перевод современного канонического текста Корана на латинский язык был осуществлен только в 1545 г. гуманистом Библиандром. В связи с проблемой личности Магомета интересно, что Библиандр называет его сарацинским царем (принцепсом).

Мы видим, таким образом, что история европейских переводов Корана также вполне согласуется с изложенной выше теорией о времени его создания.

Пророк Магомет

По традиции автором Корана считается основатель ислама Магомет. Датировка Корана XIV веком это полностью отвергает и, вообще, ставит под сомнение существование такого лица. Рассмотрим поэтому вопрос об историчности личности Магомета подробнее.

В отличие от Христа Магомет почти всеми исследователями ислама признается реально существовавшей личностью. Это ведет свое начало еще с XVIII века, когда чем более ослабевала в глазах тогдашних европейских писателей христианская религия и чем рьянее они начинали отрицать историческое существование евангельского Христа, тем активнее они защищали историческое бытие пророка Магомета и основанную им религию. Этим грешили не только, скажем, Бейль или Вольтер, но и менее заметные фигуры (немец Циглер, переводчик Корана Валь, французы Гарнье, Тюрпен и многие другие). Эта традиция сохранилась по настоящее время. Так, например, Крывелев пишет: «Историчность личности Мухаммеда не вызывает сомнений. Он действительно был основателем ислама... Биография Мухаммеда, изложенная в известных нам источниках, выглядит в достаточной мере правдоподобно, и если отказаться... от тех сообщений о чудесах, которые нагромождены в мусульманской религиозной литературе..., то можно в общих чертах историю жизни и деятельности Мухаммеда реконструировать» ([110], стр. 145—146).

Однако имеются и другие более трезвые, взгляды. Так, например, другой советский исследователь Мавлютов пишет: «Историческая наука не располагает о нем (Магомете. — *Авт.*) вполне достоверными

данными. Из-за отсутствия письменных или каких-либо иных достоверных источников о его жизни и деятельности не раз высказывались сомнения в историчности Мухаммеда» ([138], стр. 15).

На чем же основываются защитники историчности Магомета?

В литературе ислама имеется довольно много сочинений, посвященных жизни и деятельности Магомета (это так называемая **сира**), хотя обращает на себя внимание тот факт, что в самом Коране никаких биографических подробностей о жизни Магомета нет.

Большой популярностью пользуются, например, «Мухаммедий Ядзыджи-Оглу (XII век) и «Мевлюд» Сулеймана Челеби (XIV век). Однако наиболее авторитетными считаются три книги: «Заветные дары» Абуль-Аббаса Касталанния (ум. в 1517 г.), «Аль-Хамис» Хосейна ад-Диарбакрия (ум. в 1574 г.) и «Зеница очей» аль-Халяби (ум. в 1634 г.) Эти книги, конечно, не являются первоисточниками. Диарбахрий перечисляет в предисловии более ста сочинений, из которых он скомпилировал «Хамис», но большинство из них «до нас не дошло». Халяби хотя и знал «Хамис», но в основном пользовался сочинениями Абуль Фатха (ум. в 1554 г.) и ибн Юсуфа (ум. в 1535 г.) Однако до сих пор эти три сочинения лежат в основе курсов биографии Магомета, читаемых в мусульманских университетах. Основатели европейского исламоведения (например, Вейль в 1840 г. в своей книге «Магомет пророк») также основывались на них.

Кроме **сиры** известны также **хадисы** — сообщения о суждениях Магомета по тем или иным конкретным поводам. Хадисы снабжены **иснадом** — перечнем имен тех лиц, от которых в последовательном порядке шла передача хадиса до его записи. (Пример иснада: «Абу-Джафар говорит: мне рассказывал Саляма, а тому Мохаммад ибн Исхак, а тому Зохрий, а тому Саид ибн-аль-Мосайяб, а тому Абу-Хорейра — и вот что он говорит...» (см. [110], стр. 197)). Являясь наивной попыткой придать хадису авторитет достоверности, иснад показывает, что в хадисах с самого начала были сомнения. Практика иснада с хадисов распространилась и на другие рукописи (особенно продаваемые европейцам). Морозов полагает, что **иснад** всегда свидетельствует о **фальсификации** и притом злостной (т.е. производимой сознательно). По существу с этим согласны и историки. Так акад. Бартольд утверждал, что «недостоверность хадисов, как исторического источника в настоящее время вполне установлена наукой; вместе с хадисами падает и **сира**...» (см. [110], стр. 145).

Недостоверность **сиры** подчеркивается обилием в ней совершенно невероятных рассказов и фантастических подробностей. Однако

поскольку никакой другой информации о Магомете нет, европейские исламоведы были вынуждены в своих биографиях Магомета опираться на нее, отбросив лишь все неправдоподобное. В результате они получили некий связный рассказ, имеющий все черты правдоподобия. Некоторые исламоведы (например, Ирвинг, Шерр и др.) пошли еще дальше, украсив повествование живописными психологическими подробностями. Впрочем, их выдумки теперь, по-видимому, не признаются: скажем, тот же Кривелев пишет, что при изучении биографии Магомета следует освободиться «от произвольных измышлений В.Ирвинга и других беллетристов от науки» ([110], стр.146).

Ситуация здесь вполне аналогична с многочисленными жизнеописаниями Иисуса, которые в XIX веке составлялись богословами «рациональной школы» посредством «очищения» евангельских рассказов от фантастических элементов. Подобно тому, как эти жизнеописания не доказывают историчности Иисуса, так и сочиненная европейскими учеными «рациональная» биография Магомета не доказывает его исторического существования.

Впрочем, правдоподобность «европейской» биографии Магомета весьма относительна. Подробный ее анализ, осуществленный Морозовым (см.[6], стр.183—292), вскрыл в ней массу натяжек и невероятных событий. По мнению Морозова, вся эта биография представляет собой дурной роман. Мы не будем воспроизводить здесь анализ Морозова, а ограничимся лишь формальной стороной дела — обсуждением источников этого романа.

Из ссылок у Халяби и Диарбакрия «известно», что первая биография Магомета была написана неким ибн Исхаком (ум. в 773 г.). Эта биография будто бы излагалась на лекциях Зиядом аль—Баккайя около 800 г., текст которых был якобы записан ибн Хишамом (по-видимому, стенографически). Экземпляр рукописи ибн Хишама, датируемый 707 годом хиджры (т.е. 1307 г. н.э.) был только в середине XIX века обнаружен в Дели немецким исламоведом Шпренгером.

Сочинение другого жизнеописателя пророка Вакиды, умершего якобы в 207 г. хиджры (823 г. н.э.), было также найдено только в XIX веке фон Кремером. Считается, что только часть найденной рукописи принадлежит Вакиды; ее окончание приписано позднейшими владельцами и «научного значения не имеет». Это было обнаружено в результате сравнения с сочинением секретаря Вакиды, ибн Саада, который в своем многотомном труде о Магомете и его преемниках изложил, в частности, книгу своего патрона. Для нас сейчас важно, что

и сочинение ибн Саада было найдено только в XIX веке тем же Шпренгером и в той же Индии. При этом найденный Шпренгером экземпляр датируется лишь 718 г. хиджры (1318 г. н.э.). Наконец, Шпренгер же нашел в Индии и сочинение третьего биографа Магомета, ат-Табари, умершего якобы в 310 г. хиджры.

Найденные рукописи Шпренгер продал английскому исламоведу сэру Мюиру, который и пустил их в научный оборот. С тех пор все «рациональные» биографии Магомета основываются на находках Шпренгера. В предисловии к своей «Жизни Мохаммеда» Мюир пишет, что «только этими тремя (шпренгеровскими. — Авт.) биографиями Магомета и должен довольствоваться беспристрастный историк жизни пророка. Он может, конечно, пользоваться и собранием преданий..., но должен отбросить свидетельства позднейших авторов...» (см.[6], стр.418).

Но можно ли так безоговорочно доверять находкам Шпренгера? Не был ли он обманут (если только сам не был фальсификатором) какими-нибудь профессиональными и ловкими фабрикантами «старинных» арабских рукописей, которые предусмотрительно пометили свои изделия не первыми годами хиджры (что было бы уж совсем подозрительно), а XIV веком?

При обсуждении этого вопроса следует обратить особое внимание на уникальность Шпренгеровских находок. Найденные им тексты представляют собой подробные и обстоятельные биографии пророка по своему значению для мусульманского мира сравнимые с евангелиями для мира христианского. Содержащийся в Евангелиях рассказ о жизни Учителя был интересен и важен каждому христианину и поэтому при первой же возможности каждый старался снять с первоначального манускрипта копию, а с этих копий стали списывать другие.

Число заново переписанных экземпляров росло в геометрической прогрессии, которая всегда приводит к головокружительным результатам. Предположим, например, что авторский оригинал евангелия пробыл у автора (или у его первого хозяина) только десять лет, и за это время было снято с него десять копий. Пусть и каждая из этих копий пролежала у своего владельца только десять лет, и с каждой было снято десять копий. Тогда через 20 лет ходило бы по рукам уже сто экземпляров, через 30 лет — тысяча, через 60 лет — миллион! Конечно, на самом деле этот процесс саморазмножения задолго до миллионного экземпляра затормозился бы из-за насыщения спроса, но это рассуждение показывает, что из-за геометрической прогрессии процесса воспроизведения даже при неторопливом переписывании (если бы за 10 лет создавалось бы только три новых экземпляра, то

миллионный рубеж был бы достигнут менее чем за 200 лет!) все желающие иметь рукопись ее имели бы. Когда Гутенберг изобрел печатный станок, ему поэтому не надо было ездить по всему свету, чтобы с великим трудом разыскать какой-нибудь экземпляр евангелий или Библии для отпечатывания в своей мастерской; достаточно было оглянуться вокруг себя. Точно так же и московским друкарям не надо было ездить за тридевять земель за текстами для тиснения; напротив, трудность состояла в выборе среди многих текстов самого авторитетного.

А как обстоит дело с находками Шпрингера? Найденные им жизнеописания Магомета равноценны для мусульманского мира Евангелиям. Как же случилось, что для них не повторился естественный процесс саморазмножения по геометрической прогрессии, и они остались в единичном экземпляре?

Возникает и другой вопрос. Почему находка биографий Магомета, прославившая Шпрингера в Западной Европе и принесящая ему высокие академические звания и титулы, никак не отозвалась в мусульманском мире? Почему новонайденные биографии были полностью проигнорированы мусульманскими богословами—улемами, которые упорно продолжали руководствоваться «устаревшими» книгами Диарбакрия и Халяби? Морозов полагает, что «разгадка тут только одна: написал все эти книги сам Шпрингер но как европеец, он изобразил Магомета по европейским апперцепциям, а мусульманские апперцепции оказались несколько иными. Угодив прекрасно своим соотечественникам, он мало угодил мусульманам и потому, естественно, и не прославился на весь правоверный мир...» ([6], стр.423).

Таким образом, мы видим, что реально биографии Магомета являются созданием XVI—XVII веков. Более того, если мы даже признаем находки Шпрингера аутентичными, то все равно окажется, что наиболее ранние биографии Магомета принадлежат лишь XIV веку.

Это показывает, что убеждение в существовании в VII веке пророка Магомета ни на чем реальном не основано. Скорее всего принимаемая ныне «рациональная» биография Магомета является чистой легендой и притом очень поздней (к которой возможно приложили руку европейские фальсификаторы и амплификаторы XIX века).

Оказывается, что этот вывод можно подкрепить и другими соображениями, например, анализом византийских источников, сообщающих о магометанстве.

Агаряне

Несмотря на длительное политическое существование Византии рядом с халифатом, объем византийских сообщений о внутренней жизни халифата, его культуре и религии удивительно мал. Особенно поражает почти полное отсутствие византийских сведений о магометанстве. «Для объяснения такого с обычной точки зрения совершенно невозможного явления обыкновенно указывают, с одной стороны, на внутренние беспорядки в самой Византии, «сопровождавшиеся вредными последствиями для ее просвещения», а с другой, запрещение Магомета — под страхом смертной казни «вести какого бы то ни было рода диспуты из-за предметов веры». Но объяснение это слишком наивно. В истории религий мы всюду видим случаи, когда, несмотря на воспрещение вести диспуты... все-таки велись жесточайшие споры, и во множестве появлялись полемические сочинения. Неправильны и указания на упадок просвещения в Византии в средние века» ([6], стр.570).

Византийские документы VIII—X веков, касающиеся мусульман, обладают еще и другой замечательной особенностью.

Возьмем, например, «Кембриджскую сицилийско-сарацинскую хронику» XI века, написанную на греческом языке. В книге Васильева «Византия и арабы» приводится следующая цитата из этой хроники: «...взяли греки мусульманские корабли в Элладе». Однако, если посмотрим оригинал, то там написано: «взяли христиане корабли сарацин в Элладе» (см.[6], стр.572, где приведен и греческий текст). По утверждению Морозова (см.[6], стр.571 и [7], стр.296), так дело обстоит со всеми переводами средневековых византийских и латинских источников. Нигде в этих источниках не употребляются термины «мусульманин» или «магометанин», а только «сарацин», «агарянин» и «измаэлит».

Этноним «сарацин» обычно производится (см.[6], стр.571) от семитического САРАК. — смуглый (или гнедой) и в этом отношении он вполне равнозначен этнониму «мавр», также означаемому «смуглый» (но уже по-гречески). Морозов, правда, полагает, что этноним «сарацин» происходит от семитического же СРК — наместник, халиф, но для нас сейчас важно, что в обоих вариантах этот этноним ничего не говорит о религиозной принадлежности его носителей.

Этнонимы «агаряне» и «измаэлиты» восходят к Библии, согласно которой (или, точнее, согласно некоей средневековой ее

интерпретации) праматерь Агарь с сыном Измаилом («Богоуслышанным») дала начало мусульманским народам. По Морозову «Агарь» происходит от «хиджры» — бегство, ужас. Согласно легенде эта хиджра является бегством пророка Магомета из Мекки в Медину, с которой начинается исламское летоисчисление. Не опираясь же на эту легенду, мы можем только охарактеризовать «агарян» (и «измаэлитов») как почитателей некоей «хиджры», которую следует еще идентифицировать. До дальнейшего исследования у нас пока нет никаких оснований считать, что «агаряне» VIII—X веков знали и почитали Магомета.

Во избежание неправильных представлений мы будем поэтому ранний ислам (примерно до X—XI веков) называть «агарянством».

В чем же это агарянство состояло?

Если принять, что оно не знало Магомета, то пропадет основная черта, отделяющая его от христианства. Учитывая соображения, с которых мы начали этот параграф, мы можем поэтому думать, что агаряне были вероисповедно близки к христианам не только объективно, но и субъективно, то есть, что ни они не отделяли себя от остальных христиан, ни большая масса других христианских сект не считала их веру нехристианской. Как пишет тот же Васильев: «Вначале Византия даже ставила ислам наравне с другими христианскими (!—*Авт.*) сектами. Византийская апологетическая и полемическая литература выступает против ислама так же, как против монофизитов, монофелитов и представителей других христианских учений» (см. [7], стр.281).

Из документов известны многочисленные случаи браков между византийцами и агарянами на всех ступенях общества от крестьян до императорского дома (см. [6], стр.577), которые воспринимались тогда как само собой разумеющиеся, что было бы, конечно, невозможно, если бы религиозная принадлежность будущих супругов сильно различалась (как это и происходило в более поздние времена).

Византийские церковнослужители не считали для себя чем-то порочащим или неподходящим поддерживать с агарянами дружеские отношения. Доказательством (см. [6], стр.575) может служить дошедшее до нас от X века письмо православного патриарха Николая Мистика агарянскому эмиру Крита, в котором Мистик называет эмира «возлюбленным другом!». Достаточно сравнить это письмо с хулами магометанам, извергаемыми позднейшими православными клириками («богомерзцы сосуды сатанины», «адовы псы», «неукротимые волки», «змии безглавые», «душепагубные звери» и

т.д. и т.п. (цит. по[6], стр.580), чтобы понять насколько резко изменилась со временем вся атмосфера взаимоотношений между христианами и агарянами.

Даже в XI веке при дворе христианских сицилийских королей важнейшие должности занимали мусульмане и это отнюдь не рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее (см. [139], стр.49).

Все это историкам-византинистам давно и хорошо известно. Например, А.А.Васильев в своей книге «Византия и крестоносцы» так прямо и пишет, что «...Несмотря на непрекращавшуюся борьбу с арабами, в течение долгого времени ни Византия, ни Западная Европа не видели в мусульманах представителей новой особой религии, а считали их за сектантов, которых было так много в империи и которых сближали с арианами» (см. [7], стр.537).

Что же касается самих агарян—мусульман, то их веротерпимость в эту эпоху признается всеми исследователями. Если верить житию Иоанна Дамаскина, то этот знаменитейший христианский писатель (а по Морозову— даже автор Евангелия от Иоанна; см. гл. 11, §5.) занимал должность первого (!) советника при дворе халифа в Дамаске.

Имеются, правда, сведения и противоположного характера: об антимусульманской деятельности христиан и антихристианской мусульман. Это не противоречит нашим положениям, поскольку вероучения агарян и христиан были все-таки различны, что, естественно, вызывало определенные трения. Однако все указывает, что эта информация дошла до нас в виде, искаженном более поздними передатчиками, относящимися к времени, когда эпоха добрых отношений между христианами и агарянами кончилась. Более того, некоторые из этих сведений явно фальшивы.

Например, «Жития» сообщают, что Дамаскин (будучи, напомним, первым лицом при дворе халифа, не только политического, но и духовного главы мусульман, защитника веры, меча ислама и т.д. и т.п.) писал против магометанства и обличал его последователей. Апокрифичность этого не нуждается в доказательствах. Столь же тенденциозный характер имеют относящиеся к тому же времени сообщения о двух Петрах, епископе дамасском и епископе майномском, которые будто бы были подвергнуты жестокой каре (тогда как Дамаскину все сошло с рук!) за «обличения Магомета» (жанр, который, как мы ниже увидим, появился только два столетия спустя).

Магомета будто бы обличал и известный хронограф Феофан Исповедник (752 г.). Однако приписываемый ему рассказ о жизни и вероучении Магомета резко отличается от аналогичных повествований, приписываемых Иоанну Дамаскину и его ученику Феодору Абукаре,

что свидетельствует об апокрифичности обоих рассказов (и, кстати, еще раз показывает, что даже поздние апокрифисты ничего на самом деле о Магомете не знали).

Сохранилась полемика императора Льва III с халифом Омаром II насчет правоверия, относящаяся якобы к 718 г., а также аналогичные письма к «агарянам» императоров Михаила III и Льва IV (в IX веке). Нет никаких доказательств аутентичности этой переписки; напротив, она очень сомнительна, поскольку сочинение такого рода «писем» было любимым приемом апокрифистов эпохи гуманизма.

Очень известна (и в последнее время неоднократно подробно изучалась) легенда о христианской оппозиции в мусульманской Кордове в 850—859 гг. За антиисламские выкрики в мечети в 852 г. были казнены три христианских мученика. Казалось бы, тела казненных должны были быть выброшены на свалку. Однако оказывается, что они бережно сохранялись (кем?) и в 858 г. были выданы мусульманами посланцам аббатства Сэн-Жермен де Прэ (см. [139], стр. 32 и 115—114). Даже если мы поверим этой легенде (в которой концы с концами явно не сходятся), то все равно получим, что антимусульманские настроения были достаточно редки и проявлялись лишь в среде особо фанатичных христиан. В целом же отношение христиан к агарянам было вполне доброжелательным.

Анафема Магомету

Это отношение резко меняется в XI—XII веках и тогда же впервые появляется в достоверных источниках имя Магомета.

Византийская церковь, мирно уживаясь с мусульманством-агарянством на протяжении пятисот (!) лет, в XII веке (в 1180 г.) впервые анафемствовала Магомету:

Отлучение богу Магомета, о котором говорят, что он есть бог, весь выкованный молотом, который не рождал, не рожден, которому никто не подобен (греческий текст см. в [6], стр. 577).

Кстати сказать, «выкованность молотом» магометанского бога является здесь результатом переводческой ошибки. Одно из определений бога — «бесконечный» было переведено на греческий как «олосферос» — всесферный и перековеркано в «олосфирос» — всевыкованный.

Очень интересна дальнейшая история этой анафемы. Император Мануил Комнин увидел в ней хулу на истинного бога (sic!) собрал церковный собор и предложил анафему отменить. Однако собор не согласился с императором и оставил анафему в силе. Тогда Мануил

издал лично от себя сочинение, защищающее Магомета (!). Патриарх это сочинение осудил. Чтобы решить вопрос, был созван новый собор, на котором дело дошло чуть ли не до разрыва императора с церковью. Наконец, был достигнут компромисс и анафема «богу Магомета» была заменена анафемой самому Магомету:

Отлучение Магомету и всему его учению и всем его последователям.

Вскоре, однако, Мануил умер и была восстановлена прежняя формула с «выкованным» богом. По существу, она осталась в церковном чине оглашения и до сего дня.

Эта история дает решающее подтверждение предыдущим выводам о нераздельности до XI—XII веков христиан и агарян. Ведь, если, как нас уверяют, христиане боролись с магометанами уже полтысячи лет, то почему же они только в 1180 г. спохватились проклясть Магомета? Сам факт этого проклятия говорит, что до него его не было, ибо в противном случае он был бы не нужен.

Более того, пример Мануила Комнина показывает, что даже в XII веке некоторые византийцы продолжали признавать «магометова бога» своим христианским Богом.

Однако это были уже устаревшие взгляды, поскольку, как показывает текст анафемы, агаряне к этому времени уже поставили выше Христа своего пророка Магомета и тем самым решительно порвали с христианством.

Реальный прообраз Магомета

Откуда же появился этот пророк?

Морозов обращает внимание на личность Магомета (Махмуда) Газнийского (998—1050), называемого также Завоевателем. Его родиной был город Газни на северо-востоке Афганистана, где до сих пор почитается его гробница. Он был покровителем ученых и при нем, — говорят нам, — жили знаменитый философ Авиценна (ибн Сина), поэт Фирдоуси, автор поэмы «Шах-Намэ» и уже известный нам ал-Бируни. Под зеленым знаменем ислама Магомет Газнийский создал колоссальную империю, простиравшуюся от Малой Азии на западе, до Бухары и Кашгара на севере и до Дели и устья Инда на юго-востоке.

Морозов полагает, что Магомет Газнийский был первым из крупных завоевателей, взявших на вооружение религию агарянства и объявивших себя их духовным вождем. После его смерти в народе начали циркулировать разнообразные предания о его делах и речах, которые и дали начало хадисам. (Знаменательно, что собрание хадисов, т.н.

сунна, была согласно традиции оформлена в XI веке, через пятьсот лет после предполагаемой смерти пророка). Очень скоро военно-политическая деятельность Махмуда была забыта и в народной памяти он сохранился преимущественно как вождь духовный.

Возможно, что при Магомете Газнийском (или сразу же после его смерти) и был составлен первый Коран.

Эта теория Морозова объясняет все странности традиционной истории ислама: и пятисотлетнее молчание византийских источников о Магомете, и неожиданный всплеск ненависти к нему в XII веке (непосредственно после того, как имя Магомета Газнийского стало знаменем мусульманского джихада, и возникла непосредственная опасность Византии), и создание сунны только через полтысячи лет после хиджры и т.д. и т.п.

Как уже было сказано выше, окончательный текст Корана появился, по-видимому, лет через двести после Газни при Османе. В это же время, надо думать, Магомет был отодвинут на 500 лет назад и отправлен в Аравию. Это был длительный процесс, завершившийся созданием сиры в XVI—XVII веках, когда известное нам сейчас мусульманское вероучение и оказалось окончательно оформленным.

§ 3. Арабы

Географические особенности Аравийского полуострова

Намеченная выше теория постепенного формирования исламского вероучения имплицитно, что начало свое ислам (в форме агарянства) имел где угодно, но только не на Аравийском полуострове. Но и безотносительно ко всему сказанному выше, зарождение какого-нибудь религиозно-культурного движения (а тем более столь мощного как ислам) в географических и социально-экономических условиях древней Аравии представляется невероятным.

Географически Аравийский полуостров является полупустыней, отрезанной горами от остального мира. Населяющие его племена бедуинов до самого последнего времени вели кочевой образ жизни и по существу никакой центральной власти не подчинялись. Их культура застыла на чрезвычайно низком уровне почти поголовной безграмотности. Отсутствие природных условий (главным образом воды) не позволило им заняться земледелием и развить производительные силы в других направлениях. Плохие пути сообщения и всеобщая бедность не способствовали развитию торговли и городов. Даже пресловутые Мекка и Медина были в средние века бедными, заштатными городами, жизнь в которых поддерживалась только доходами от богомольцев.

Допускать в этих условиях возникновение какого-нибудь мощного идеологического движения, способного охватить полмира, можно только призывая на помощь потусторонние силы.

Исключительность арабской культуры

Как аксиому, подтвержденную всем достоверным опытом человечества, можно принять положение, что культура всегда распространяется из более культурных стран в страны менее развитые. Как тепло не может течь от холодных тел к горячим, так и научные знания и другие культурные достижения не могут перетекать от народов неграмотных к народам цивилизованным. Здесь, конечно, имеется в виду общий поток культуры, а не отдельные заимствования. Например, в XIX—XX веках европейцы насадили в Африке свои школы и религию, построили заводы и железные дороги, уничтожили (или хотя бы серьезно подорвали) традиционный племенной уклад и т.д. и т.п. Африканская же культура оказала на европейскую неизмеримо меньшее влияние (джаз и др.). При столкновении более развитых стран со странами менее развитыми культура последних, как правило, вырождается и гибнет, ассимилируя культуру первых. Обыкновенно

этот процесс воспринимается как победа культуры завоевателей, но это только потому, что обычно завоевателями и являлись представители более развитых стран. В тех же (редких) случаях, когда захват культурного государства удавалось осуществить племенам более отсталым (примеры известны из средневековой истории Индии и Китая), завоеватели быстро растворялись в более мощном культурном окружении.

Исключением являются только арабы! Нам сообщают, что когда бескультурные бедуинские племена, ведомые наместниками пророка, выплеснулись за пределы Аравийского полуострова и завоевали почти весь тогдашний культурный мир, они дали толчок новой, т.н. «арабской», культуре. Нелепость этого, после всего сказанного выше, очевидна.

Мы уже видели, что информация о пышном расцвете арабской культуры в рамках «мусульманского ренессанса» является апокрифом. Теперь же мы обнаруживаем абсурдность сообщений и о ее истоках.

Арабский язык

Как мы уже отмечали, все современные исследователи сходятся в том, что «арабская» культура была таковой лишь постольку, поскольку формой ее выражения был арабский язык.

Считается, что это был язык незначительного племени бедуинов, а распространение он получил только потому, что на нем был написан Коран. Поскольку в Коране священное значение имеет даже каждая буква, его нельзя без потери боговдохновенности перевести на другой язык. Поэтому для того, чтобы воспринять ислам и его Коран необходимо изучить язык Корана. Этим и определилось первенствующее значение арабского языка во всех странах ислама.

По нашему мнению, здесь телега поставлена впереди лошади, поскольку, как мы уже знаем Коран был на самом деле, создан очень поздно, уже после того, как арабский язык распространился повсеместно от Испании до Индии. Конечно, связь ислама с «арабским» языком сомнения не вызывает. Не нужно только этот язык слишком тесно связывать с Кораном. Он, подобно латыни и еврейскому (библейскому) языку, являлся искусственным, богослужебным языком агарянских сект, и подобно латыни на Западе, он стал со временем играть также роль международного языка науки. В отношении латыни этому способствовало распространение католицизма, а в отношении арабского языка — распространение ислама.

Любопытно, что католицизм также запрещает переводить на «светские» языки Священное писание, но объяснения его менее

определенны, чем в исламе, в чем лишней раз проявляется большая четкость и последовательность мусульманского вероучения.

Кстати сказать, арабский язык Корана, как мы уже отмечали, очень близок к еврейскому языку Библии, и гебраисты могут читать «по-арабски», а арабисты «по-еврейски».

Сейчас очень трудно решить, какой семитический национальный язык дал начало «арабскому» языку, так как повсеместное распространение языка Корана как языка религии, науки и литературы решительным образом воздействовало на все национальные языки стран ислама. Являясь общим языком религии, язык Корана оказал особо большое влияние (как язык общения богомольцев) на языки Мекки и Медины, чем и объясняется, почему сейчас язык Хиджаза близок к языку Корана.

Поэтому ссылка на эту близость для обоснования происхождения ислама из окрестностей Мекки совершенно несостоятельна.

Арабские завоевания

Нам говорят, что ведомые знаменем пророка арабские войска менее чем за сто лет завоевали большую часть тогдашнего культурного мира и подчинили власти халифов обширную империю от Испании до границ Индии.

«Чем обуславливались эти военные победы? Долгое время как в арабской, так и в европейской историографии они объяснялись религиозным подъемом, воодушевлявшим арабов, их фанатическим рвением в борьбе за обещанные пророком райские блаженства. Но эта точка зрения подверглась в исторической литературе пересмотру и теперь мало кем разделяется» ([110], стр. 185—188). Оказывается, что не только верхи арабского общества были весьма далеки от благочестия (например, «меч ислама» Валид был известен своим равнодушием к вопросам веры и полной невежественностью в этих вопросах, а халиф Валид II — своим издевательским отношением к религии: он посылал в мечеть вместо себя своих наложниц и любил стрелять из лука в Коран), но и «основные контингенты арабских завоевателей не были подвержены интенсивным религиозно-мусульманским переживаниям. В своей массе участники исламских ополчений, особенно из бедуинов, имели отдаленное представление о Коране и его содержании, а также об основных догмах ислама... рядовые участники движения знали о его религиозном содержании только то, что надо следовать Мухаммеду, поскольку он был пророком Аллаха. Само по себе это вряд ли могло вызывать и поддерживать у кого бы то ни было религиозный фанатизм...

Показательно, что перенос Омейядами столицы халифата в Дамаск не вызвал отрицательной реакции среди массы мусульман, хотя именно Мекка и Медина должны были быть связаны в их сознании с пророком и с самыми священными для каждого мусульманина переживаниями. Больше того, в дальнейшем выяснилось, что арабские войны вообще не питают никакого уважения ни к Мекке и Медине, ни к их святыням...» ([110], стр.187) и в подтверждение этого мнения Крывелев приводит «свидетельства» о бомбардировках Мекки камнями из баллист, осаждавшими Мекку войсками халифов.

Из этих фактов Крывелев не делает, однако, никаких выводов, а что же касается побед арабских завоевателей, то он приводит следующие их причины:

а) В объединении завоевателей «играло роль сознание принадлежности к одному религиозному сообществу приверженцев пророка» ([110], стр.187);

б) «Помимо сознания религиозной обособленности и избранности завоевателей объединяло чувство их национального и расового единства» ([110], стр.188);

в) «Причины военных побед мусульман заключались не только в их силе, но и в слабости противника, в ряде мест завоеватели принимались населением как освободители» ([110], стр.189).

Читатель может сам судить, насколько эти «причины» весомы, и дают ли они хотя бы какое-нибудь объяснение победному шествию мусульманских завоеваний.

Другие авторы предлагают поэтому свои объяснения. Например, Казтани пишет: «Бедная природа Аравии не могла удовлетворять жизненным потребностям арабов, которые под угрозой нищеты и голода должны были сделать отчаянную попытку спастись из горячей темницы своей пустыни» (см.[7], стр.282). Как справедливо иронизирует Морозов, по той же причине Россию давно должны были завоевать эскимосы!

А ведь завоевания арабов настолько фантастичны, что без очень серьезных причин в них попросту нельзя поверить. Даже если мы примем старую точку зрения и попытаемся объяснить успех завоеваний религиозным фанатизмом войск халифов, то все равно ряд очень серьезных вопросов останется без ответа. Главнейший из этих вопросов состоит в том, что каким образом войска бескультурных и неграмотных бедуинов, не имеющих никакого представления о социальных установлениях, выходящих за рамки примитивной военно-пастушеской демократии шейхов, смогли не просто захватить и ограбить окру-

жающие их бесплодную родину богатые и культурные страны (такое представить еще можно), но укрепились в этих странах и создали в них работоспособную администрацию, формы которой были для них совершенно новы и на практике не испробованы. Почему население этих стран приняло чуждых для него как по крови, так и по духу правителей и не пыталось сбросить чужеземное как экономическое, так и религиозно-идеологическое ярмо?

Ответ на эти вопросы может быть только один: **никакого военного завоевания не было**, и все рассказы о нем являются плодом деятельности более поздних апокрифистов. На самом же деле, в конце седьмого — начале восьмого веков происходило стремительное, но в основном мирное распространение учения только что появившейся религии агарян, как пожар охватившей Северную Африку и Иран, а затем перекинувшейся в Испанию, Афганистан и Среднюю Азию.

Переход в новую веру сопровождался, естественно, отрицанием власти византийского императора и признанием главенства (возможно только формального) его мусульманского аналога, халифа (так что с византийской точки зрения, распространение новой религии действительно было «завоеванием»). Очень может быть, что именно перспектива освободиться от давящего гнета Византии и способствовала стремительному распространению агарянства. Это делает понятным, почему в Византии (и в Риме) проповедь новой веры успеха не имела. Не имела она успеха и во Франции, независимой политически от Рима и Византии.

Подтверждением этой точки зрения является тот факт (см.[5], стр.324), что слово «араб» происходит от библейского корня ОРБ, одним из значений которого является «приобщенный» (к какой-либо религии). Таким образом, это не этноним, а религиозно-идеологический термин. Так назывались отнюдь не пришлые, а местные жители, воспринявшие новое вероучение, прогнавшие византийскую администрацию и признавшие власть халифа.

Интересно, что «жертвой арабского завоевания» пали те и только те провинции Византии, в которых преобладало монофизитство. Сколь велико было в то время различие между монофизитством и агарянством?

Естественно, что Византия не могла смотреть сквозь пальцы на отторжение своих богатейших провинций. Но, воодушевленные открывшейся свободой инсургенты, поддерживаемые всем населением, легко разбивали посланные на их усмирение карательные отряды и, преследуя их, доходили даже до Константинополя, от стен

которого они были вынуждены откатываться назад, лишенные поддержки столичного населения. Любопытно, что по сообщениям самих же историков, «арабский» флот, громивший Византию, был укомплектован греко-сирийскими (!) экипажами (см.[7], стр.282—283).

Арабская культура позднего Средневековья

Подчеркнем, что во всем предыдущем анализе мы под «арабской культурой» понимали культуру апокрифического периода до X—XI веков. Что же касается более позднего времени, то, напротив, мы полагаем, что арабская (или, лучше сказать, арабоязычная, в том числе и ивритоязычная) культура позднего Средневековья сыграла в истории человечества роль куда более важную, чем это обыкновенно признается.

Как мы уже обосновывали в § 4, гл.5, эта эпоха (и непосредственно ей предшествующая) вовсе не была на Западе временем темноты, обскурантизма и невежества. Напротив, именно в это время создавались основы нашей современной культуры и писались ученые трактаты, которые позже были приписаны античности.

Эта интенсивная умственная работа не была прерогативой только латиноязычной науки Запада. Точно такая же деятельность и с тем же накалом научного творчества кипела в научных центрах арабоязычного Востока. Более того, вопреки тому, что мы привыкли думать, Восток и Запад в этом отношении отнюдь не были разобщены. Напротив, есть все основания полагать, что в это время шел интенсивный обмен учеными, студентами, книгами и идеями между научными центрами Востока и Запада, и Восток вложил в общую копилку человеческого познания такую же, если не большую долю, чем и Запад.

Местом встречи восточной и западной учености была в основном Испания (и в частности, Толедо). Здесь происходил непрерывный обмен идеями и результатами, латиноязычные сочинения Запада переводились на арабский язык, а арабоязычные сочинения Востока — на латинский.

До нас дошли только слабые и до чрезвычайности искаженные отголоски этой титанической деятельности человеческого духа, из-за чего вклад арабоязычных ученых долгое время преуменьшался, и их роль сводилась лишь к роли передатчиков античной мудрости. На самом же деле они во многом были ее создателями.

Отрыв восточной науки от западной и начало постепенного ее отставания совпали по времени с эпохой Возрождения на Западе и

одновременно с общим ростом религиозного обскурантизма. Но, что было здесь причиной, а что следствием, без специального исследования сказать нельзя.

Поскольку все это имеет лишь косвенное отношение к нашей основной теме, мы далее углубляться в этот предмет не будем.

Однако мы не можем удержаться и не привести «под занавес» одно соображение Морозова, который замечая, что хотя сообщения Библии, а также «античных» авторов (Плутарха, Плиния и др.) об Аравийском полуострове либо баснословны, либо неточны, обращает внимание (см.[6], стр.445—444) на то, что библейские сообщения об Аравийском (Арабском) полуострове больше подходят к Пиренейскому (Иберийскому) полуострову. Например, в книге Исаяи (гл. XXI, ст. 13) говорится о «лесе Аравийском», а во Второй книге Паралипоменон (гл. IX, ст. 14) сообщается, что «цари Аравийские... приносили золото и серебро Соломону». Но где же в Аравии леса и золотые и серебряные рудники? А на Иберийском полуострове все это есть.

Все это особенно интересно, поскольку, во-первых, на библейском языке Аравийский полуостров называется АРБ, что значит «Запад»; а во-вторых, выше мы видим, что во взаимоотношениях Востока и Запада в то время Испания играла совершенно особую роль.

Так не подразумевали ли на самом деле изобретатели легенды об аравийском происхождении ислама под «Аравией» Иберию?

Заключение

Соображения, намеченные в этом параграфе, нуждаются, конечно, в более детальной разработке. Тем не менее, основной вывод этого параграфа, а именно утверждение, что этноним «араб» имеет очень позднее происхождение, а первоначально это слово обозначало лишь принадлежность к определенной религии, представляется установленным достаточно надежно.

Кроме того, мы видим, что выявить в тумане апокрифической информации, окутывающей события на Ближнем Востоке до X—XI веков н.э., что-нибудь конкретное и определенное не удастся. Во всяком случае, мотивы и формы т.н. «арабского завоевания» дошли до нас в совершенно искаженном виде.

Так, быть может и на самом деле, достоверная информация об этом периоде скрыта в клинописных архивах?

§ 4. Происхождение агарянства

В § 2 мы проследили заключительные этапы формирования ислама. Теперь же мы можем рассмотреть и его начальные шаги.

Мекка и Медина

Согласно легенде деятельность Магомета протекала в аравийских городах Мекке и Медине. Поэтому, обращаясь к началу ислама, мы, в первую очередь, должны проанализировать имеющуюся объективную информацию об этих городах.

Здесь сразу же бросается в глаза тот факт, что топонима «Медина» (что, кстати сказать, значит просто «Столица») Коран не знает. По традиции (!) считается, что упоминаемый в Коране город Ясриб (см., напр., стих 33:13) и является аравийской Мединой.

Точно также в Коране нет и топонима «Мекка». Считается, что он скрывается под безличными наименованиями типа «этот город» и т.п. (см., напр., стих 14:38). Интереснее же всего, что в Коране упоминается город Векка (или Бекка), фонетически близкий к Мекке (отличие состоит только в назализации). Не связан ли этот топоним с итальянским «векка» — старый?

Во всяком случае мы видим, что отождествлять аравийские Мекку и Медину с легендарными Меккой и Мединой у нас фактически нет никаких оснований.

Более того, есть все основания против такого отождествления. Например (см. [6], стр. 515) бедное и унылое расположение Мекки никак не вяжется с ее пышными описаниями в трудах «арабских историков».

Существенно также, что в Мекке (и в Медине) нет никаких построек древнее четырехсот лет (см. [6], стр. 515), и полностью отсутствуют какие-либо памятники (скажем, могилы), связанные с Магометом, членами его семьи и другими деятелями ислама.

Объяснение состоит в том, что такие памятники были, но полностью уничтожены и сравнены с землей в начале XIX века Саудом, вождем ваххабитов, который также присвоил драгоценные приношения и реликвии, собранные в Мекке и в Медине за века хаджа (и пропавшие затем неведь куда). Все это мало вяжется с другими сообщениями, рисующими Сауда благочестивым паломником, поощрявшим хадж, который сам каждый год отправлялся поклониться мекканским святыням. Не выдумана ли история о полном уничтожении Саудом священных памятников Мекки для того, чтобы объяснить современным скептикам отсутствие реликвий и могил там, где они обязаны бы быть?

Хадж в Мекку испытал перерыв очень похожий на те разрывы исторической ткани, которые мы наблюдали каждый раз, когда апокрифическая история состыковывалась с реальной. Утверждается, что обычай паломничества в Мекку установился почти сразу же после смерти Магомета. Детали некоторых ранних паломничеств явно обязаны необузданному воображению европейских авторов, позабывших всякую меру в своих представлениях о восточной роскоши и восточном богатстве. Например, хадж, совершенный во второй половине VIII века халифом аль-Махди, обошелся ему якобы в 50 миллионов дирхемов. Для прохладения халифа и его свиты из Багдада в Мекку везли будто бы столько снега, что его хватило не только для путешествия по аравийской пустыне, но довольно много было привезено и в удивленную Мекку, жители которой никогда до этого не видали снега.

Еще более пышное путешествие в Мекку было совершено пресловутым Гарун аль-Рашидом, который по обету якобы прошел пешком от Багдада до Мекки (полторы тысячи километров). Вся дорога была устлана коврами и драгоценными материалами, и только на подарки было истрачено более миллиона динаров (см. [6], стр. 500—502).

После Гаруна, — говорят нам, — наступает упомянутый выше перерыв в совершении хаджа, который возобновляется только в 982 г. н.э. и постепенно приобретает прежнюю популярность (но уже никогда «властители мира сего» не совершают его с такой пышностью). Легенда объясняет этот перерыв тем, что в начале X века карматы под предводительством абу-Дахера ограбили Мекку и унесли все святыни в свою столицу, думая привлечь туда толпы богомольцев и вместе с ними получить все связанные с паломниками материальные выгоды. Но ничего у них не вышло, и они были вынуждены вернуть святыни в Мекку. В различных источниках эта легенда передается по-разному (не ясен даже город, куда были перенесены святыни) и нет никаких оснований ей верить.

Надо полагать, что хадж в Мекку начался в конце X века, а история с похищением святынь карматами была выдумана для того, чтобы объяснить его скромное начало после пышных хаджей апокрифических халифов.

Все это, дополнительно подтверждая выводы предыдущего параграфа, показывает, что к началу ислама аравийские Мекка и Медина отношения, скорее всего, не имеют.

Культ Каабы

Что же, собственно, привлекает богомольцев в Мекку? Это Кааба — хранилище священного «черного камня». Общераспространенное мнение, что этот камень представляет собой метеорит не совсем верно. На самом деле (см. [6], стр. 521, рис. 99) он состоит из пятнадцати метеоритных осколков, различных по форме и величине, скрепленных вместе известковым цементом и до блеска отшлифованных поцелуями верующих.

Постройка Каабы окутана легендами. Ее прототип находится на небе, а на земле она будто бы строилась не меньше десяти раз (в том числе ангелами, первым человеком Адамом, его сыном Сифом, патриархом Авраамом и т.п.) (см. [6], стр. 494).

Обряды почитания Каабы и черного камня во время хаджа несут черты языческого фетишизма и явно имеют своим началом метеоритную катастрофу. Так, богомольцы обязаны семь раз пробежать по определенному маршруту, имитируя бегство от метеорита, и семь раз бросить горсть камней, имитируя метеоритный дождь. Вероучение же ислама и личность Магомета притянуты к хаджу, как говорится, за волосы (см. [6], стр. 528—538).

По мнению современных исламоведов, культ «черного камня» предшествовал исламу (см., напр., [110], стр. 152). Морозов же думает, что почитание этого камня и является тем, что отличало агарянские секты от других разветвлений раннего христианства. Это почитание безусловно возникло из-за катастрофического падения крупного метеорита, поскольку «нельзя даже и подумать, будто обычный метеорит мог произвести такое сильное впечатление на человеческие умы, что отголоски его удара о землю распространились не только на ее почве, но и по душам миллионов людей, изменив их мировоззрение на трех смежных континентах, и не смолкли в них до сих пор, в продолжение целого ряда веков. Произвести такое огромное впечатление на умы миллионов последовательных людей могла только огромная метеоритная катастрофа...» ([6], стр. 448—449).

Естественно думать, что эта катастрофа произошла в 622 г., и что бегство от нее и явилось первоначальной хиджрой. Морозов полагает (см. [6], стр. 449), что основная часть метеорита упала в Красное море, вызвав ураган и затопление прибрежных стран (в частности, Египта), поскольку на суше около Мекки не найдено больших метеоритных кратеров. Однако таких кратеров около Мекки никто не искал, а за тринадцать столетий явные и бросающиеся в глаза следы такого кратера должны были сгладиться и потому без специальных геологических

методов обнаружить его нельзя. Не исключено также, что предполагаемый метеорит был похож на Тунгусский, который, произведя большие разрушения, кратера (так же, как и крупных осколков метеоритного вещества) не оставил.

Более существенная причина, почему Морозов стремится сдвинуть метеоритную катастрофу (или хотя бы ее последствия) поближе к Египту, состоит в том, что даже крупнейшая катастрофа, произошедшая в столь пустынной и удаленной от всех культурных и политических центров области как окрестность аравийской Мекки, не могла произвести достаточно глубокое и достаточно массовое впечатление, необходимое для создания новой религии, охватившей полмира. Иное дело, конечно, многонаселенный и культурный Египет.

Однако тут возникает характерная трудность. В VII веке в Египте (и тесно связанной с ним Византии) уже велись летописи и трудно себе представить, чтобы катастрофа такого размаха оказалась в них неотмеченной. Эта трудность возникает и в рамках традиционной исторической схемы, но, насколько нам известно, историки ее игнорируют. Морозова эта трудность заставила, по-видимому, немало поломать голову, но вполне убедительного ее разрешения он так и не нашел.

Мы также не можем предложить никакого окончательного ответа, но полагаем, что имеются возможности, незамеченные Морозовым. Например, мы уже отмечали, что легендарные Мекка и Медина, вполне возможно, отличаются от аравийских городов, носящих (ныне) эти имена. Поэтому не исключено, что падение метеорита произошло около некоей другой Мекки («Старой столицы»), испуганное население которой бежало в совсем другую Медину («Новую столицу»). Произошла ли в VII веке внезапная смена столицы какого-нибудь присредиземноморского государства? Нет ли такого рода информации в клинописных текстах?

Если это так, то совсем другое освещение получает легенда о хищении и последующем возвращении черного камня карматами в X веке. Это было не возвращение, а перенос камня из места его первоначального падения в Мекку. Примечательно, что одним из городов, где хранился этот камень, легенда (см. [6], стр. 502) называет Куфу, город около Багдада, в котором якобы было выработано куфическое письмо (а также похоронен Адам).

Не исключено также, что падение метеорита не было столь катастрофичным, как это полагает Морозов, а вероучение агарян распространилось «по трем континентам» совсем по другим, более земным причинам (например, потому что оно давало возможность освободиться от давящего ига византийской церковно-государственной бюрократии).

Альтернативная теория происхождения агарянства

Если мы теперь вспомним, что

а) аналогичное падение метеорита инициировало в Риме культ «Посланника — Камня»;

б) вплоть до X века, т.е. до времени «возвращения» камня Каабы, в Риме, по сообщению некоторых источников, демонстрировался какой-то камень, который потом неизвестно куда исчез, то возникнет естественная гипотеза, что камень Каабы и является римским метеоритом.

Его перевезли в Аравию противники начавшейся в X веке церковной революции в Риме (см., ниже гл. 17, § 1), которые по всем статьям были ближе к агарянам, чем к реформаторам.

Но тогда камень Каабы должен был попасть на землю значительно раньше 622 года, это согласуется с современным мнением (см. выше), что его культ предшествует исламу, а именно, где-то недалеко от времени основания Рима, а также с тем, что одна из «арабских» легенд говорит, что Каабу основал Отец Рима — Авраам.

Но что же тогда послужило началом агарянства и откуда взялась дата 622 год?

Как мы установили (см. гл. 11, § 5), приблизительно в это время император Гераклий заменил прежнее доевангельское христианство новым, евангельским. Это был крутой перелом религиозной практики, подкрепленный всей силой государственного аппарата. Противники реформы должны были либо затаиться, либо бежать. Не было ли это бегство (по-видимому, на юг) пресловутой «киджрой»?

Таким образом, получается, что агаряне — это просто староверы, не принявшие нового учения, а «арабское завоевание» — религиозный раскол, который в условиях теократического государства не мог не принять политических форм.

Становится также ясным, почему агарянство победило на юге, в области распространения семитических народов, для которых греческий язык евангелий был непонятен.

Однако и эта теория встречается с определенными трудностями.

Император Гераклий, вступив на престол в 610 году, объявил свою (якобы монофелитскую) реформу будто бы только в 638 году. Откуда же дата — 622 год?

Возможно, что ответ заключается в утверждении историков (см., напр., [30], стр. 47), что интенсивную внешнеполитическую деятельность (выразившуюся якобы в «крестоносных» походах против персов) Гераклий начал как раз в 622 году.

Имеются также соображения и в пользу первоначальной «метеоритной» теории Морозова. Дело в том, что апостол Петр всегда

выступает в паре с апостолом Павлом. Если учесть, что по-латыни «Петрус Павлус» означает «Камень Малый», то (см. [7], стр. 285) эта парность получает свое объяснение в том, что римский метеорит был вторым по величине после каабского. Следовательно, эти два метеоритных камня различны.

Если это так и если камень Каабы действительно упал с неба в 622 г., то «Петр» был сначала один, а сделался он «Малым» только в VII веке, и, действительно, как показывает Морозов (см. [1], стр. 458—480), «Послания ап. Павла» были написаны где-то около этого времени. К его аргументам можно еще добавить, что до VII века принадлежность к христианской (или, лучше сказать, протохристианской) церкви предполагало имперское гражданство, а паулинистическая концепция «всемирной церкви» появилась в Риме только в VII веке в связи с экономической необходимостью всемерно увеличить поток богомольцев, посещающих Рим. См. ниже гл. 16, § 1. Все это требует дальнейшего тщательного исследования.

Кааба и Скиния завета

Среди загадок, которые задает нам Библия, одна из самых темных — это дальнейшая судьба так называемой скинии (или ковчега) завета. Хотя к интересующим нас в первую очередь вопросам эта загадка имеет лишь косвенное отношение, мы все же не можем хотя бы вкратце не изложить ее остроумнейшее решение, предложенное Морозовым.

Библия (и за ней Коран) сообщает, что на Синае Моисей получил из рук Бога (ЭЛОИМ) две каменные плиты (скрижали) с записью данного Богом закона, но, спустившись с горы и обнаружив, что за время его отсутствия народ богоборцев обратился к поклонению Тельцу, Моисей в гневе разбил эти плиты (см. Исх. XXXII, 15—19). Однако Громовержец (ИЕУЕ) смилостивился над раскаявшимся народом и восстановил скрижали (см. Исх. XXXIV, 1, 28; Второзак. X, 1—4).

Здесь существенно, что новые скрижали могли быть сближены по времени с первыми лишь позже в процессе окончательного оформления и записи легенды. Вполне возможно, что вторые скрижали взамен первых (погибших, надо думать, от землетрясения) были созданы совсем в другое время и в другом месте. Это тем более вероятно, что первые скрижали были даны политеистическим Богом-Элоимом, а вторые монотеистическим Богом-Иеуе.

Имея это в виду, посмотрим, что же произошло со скрижалями Божьего завета далее.

Библия сообщает, что Моисей положил скрижали в специальный ковчег (см. Второзак. X, 5). Она подробно описывает этот ковчег, его дно

и крышку, и все украшения, не забывая точно указать сколько золота и других драгоценностей пошло на его изготовление (см. Исх., XXXVII, 1—29). Для хранения ковчега было построено специальное хранилище (скиния), изготовление и устройство которого также подробно описано (см. Исх. XXXVI, 1—58), а стражами скинии были назначены представители рода **кореев** (см. I Паралип. IX, 19).

В скинии завета вокруг ковчега с большой пышностью совершались службы и жертвоприношения, на которые сходилась весь богоборческий народ. Но вот пришли филистимляне, покорили богоборцев, разорили скинию и увезли ковчег в свой храм. Это филистимлянам даром не прошло: среди них распространилась тяжелая болезнь, сопровождавшаяся мучительными нарывами. В испуге филистимляне отправили ковчег сначала в один город, потом в другой, потом в третий, но болезнь всюду следовала за ковчегом и унесла только в одном городе пятьдесят тысяч семьдесят человек. За это время Самуил заново объединил богоборцев, прогнал филистимлян и, судя по всему, получил ковчег назад (см. I Царств, гл. V—VII).

Историки-рационалисты объясняют эту историю тем, что к ковчегу пристала чумная зараза, «но не естественнее ли заключить, что около него совершались ритуальные вакханалии, распространявшие что-либо вроде перелоя в очень резкой форме?» ([6], стр.490).

Следующий раз ковчег всплывает в биографии Давида, который переносит его «в город Давидов» (I Паралип, XII, 28), и в биографии Соломона, который переносит его в Иерусалим, в новопостроенный храм (см. II Паралип. V, 2). После этого он без следа исчезает со страниц библейской истории.

По поводу судьбы ковчега было высказано очень много разнообразных теорий, но все они мало убедительны, поскольку о его исчезновении не сохранилось даже никаких легенд. Возникает вопрос, а точно ли, что ковчег завета исчез? Не сохранился ли он до наших дней?

Морозов отвечает на этот вопрос утвердительно, полагая, что **скинией завета является теперешняя Кааба**. Он указывает, что богослужения у Каабы разительно напоминают библейские описания богослужений у ковчега завета, и, приведя рисунок реконструкции скинии, произведенные современными учеными, и изображение Каабы (см. [6], стр.492—493, рис.96—97), спрашивает читателя: «Не замечаете ли вы, что это одно и то же, или во всяком случае две постройки на одну и ту же тему?» ([6], стр.491). Он добавляет, что имя стражей ковчега (кореев) практически тождественно с именем арабского племени (корейшиты), обитающего вокруг Мекки.

К этому можно добавить, что история с временным похищением ковчега филистимлянами полностью параллельна истории с временным похищением из Каабы черного камня карматами.

Так не является ли на самом деле мекканская Кааба библейской скинией завета?

Современный ислам.

Намеченная выше длительная и сложная история происхождения ислама не могла, конечно, не отразиться на его окончательной структуре. И, действительно, современная вероисповедная его структура необыкновенно сложна, нисколько не уступая в этом отношении христианству. Для ориентировки читателя мы вкратце опишем эту структуру. По поводу ее происхождения мы ограничимся только несколькими беглыми замечаниями сугубо предварительного характера.

«Ислам подразделяется на три направления: суннизм, шиизм и хариджизм, каждое из которых, в свою очередь, распадается на различные правовые школы, секты, подсекты, ордена и т.п. В особую категорию можно выделить многочисленные братства, или ордена, суфийского происхождения, которые имеют приверженцев как среди суннитов, так и шиитов» ([137], стр.10).

Сунниты отличаются тем, что они признают сунну — священное предание ислама. Кроме того, сунниты являются сторонниками мнения, что халиф должен быть избираем.

Суннизм считается наиболее ортодоксальным направлением в исламе. Он делится на четыре **мазхаба** (религиозно-правовые школы): ханифитский, шафитский, ханбалитский и маликитский. Все мазхабы кладут в основу **фикха** (мусульманского правоведения) кроме Корана и сунны, еще **иджму** (согласованное мнение богословов-правоведов по вопросам, не предусмотренным Кораном и сунной) и **кьяс** (индивидуальные мнения по такого рода вопросам, основывающиеся на аналогиях с положениями, установленными Кораном или сунной).

Наиболее многочисленен **ханифитский мазхаб**, основанный будто бы ибн Сабитом (700—767 гг.). Этот мазхаб без ограничений признает иджму, придавая определяющее место и значение кьясу. Он высоко ценит личное мнение законоведа (**рая**) и судьи (**истихсан**). Другой авторитетный мазхаб — **шафитский**, основанный будто бы аш-Шафием (767—820 гг.), предпочтение отдает иджме, очень ограниченно пользуется кьясом и отрицает раю и истихсан. **Ханбалитский** и **маликитский мазхабы**, основанные якобы ибн Ханбалом (780—855 гг.) и ибн Анасом (715—795 гг.) сильно ограничивают иджму, только в случаях крайней необходимости допускают раю и полностью отрицают кьяс.

Суннизм, конечно, не мог появиться раньше XI века, когда была впервые сложена сунна. Тем не менее, на этом основании даты жизни основателей масхабов нельзя считать полностью фантастическими. Вполне возможно, что масхабы первоначально были самостоятельными сектами, которые, соединившись на базе почитания Магомета, дали начало суннизму.

Шииты считаются «еретиками» ислама. Первоначально шиизм возник якобы как политическое отражение борьбы за власть между преемниками Магомета, а впоследствии «стал идеологическим оформлением протеста народных масс на захваченных мусульманами территориях Ближнего Востока против социального, национального и религиозного неравенства» ([137], стр. 15). В настоящее время шииты преобладают в Иране (более 93% общего числа мусульман страны), тогда как, например, в Турции главенствуют сунниты (80—90% населения).

«Шиизм не имеет и не имел единого, более или менее однообразного религиозного учения... он представлен многочисленными религиозными организациями (которые обычно именуют сектами), имеющими порой значительные различия как в догматике, так и в ритуале и организации...» ([137], стр. 15). Общим почти у всех шиитов является лишь почитание Али, двоюродного брата пророка, и представление, что халифами должны быть только его прямые потомки.

Обычно выделяют умеренных шиитов (имамитов, зейдитов и т.п.), исмаилитов и крайних шиитов (алавитов, друзов и т.п.), причем много сект остается вне этой классификации (бехайты, эзелиты и др.).

Имамиты составляют наиболее многочисленную шиитскую секту, часто отождествляемую со всеми шиитами. Они признают Коран и фактически отвергают сунну (принимая из нее лишь хадисы, относящиеся к Али). Они считают Али первым имамом (руководителем религиозной общины) и насчитывают 12 имамов из его потомков. Своим верховным духовным главой они признают двенадцатого имама, Магомета абуль Касыма, родившегося якобы в 875 г. и таинственно исчезнувшего в двенадцатилетнем возрасте (почему он и именуется обычно «скрытым имамом»). По учению имамитов Магомет должен прийти вновь для установления «царства божия» на земле. Всех имамов они почитают как «мучеников», особенно выделяя сына Али Хусейна, в честь которого установлен специальный праздник (т.н. «Шахсей—Вахсей»), сопровождаемый изуверскими самоистязаниями.

Здесь обращает на себя внимание полное тождество имени имама Магомета с именем пророка Магомета, которого также звали абуль-Касым.

Имамиты делятся на две школы: придерживающихся усули, умозрительного и основывающегося только на Коране метода толкования спорных вопросов права, и признающих ахбары, аналогичного сунне священного предания (составленного якобы в X веке).

В конце XVII — начале XVIII в. среди имамитов возникло реформаторское движение шейхитов, делающее особый упор на скорое пришествие мессии-махди. В XIX веке шейхизм получил дальнейшее развитие в бабизме и бехаизме. «В настоящее время бехаизм настолько далеко отошел в своем учении от ислама, что эту религиозную организацию часто не считают мусульманской» ([137], стр. 19).

Значительно ближе к суннитам шиитские секты зейдитов, ведущие свое начало от Зейда ибн Али, жившего якобы в VIII в. Зейдиты не верят в «скрытого имама», выступают против культа пророков и отрицают суфийский мистицизм. Более того, они без особого почтения относятся даже к Магомету. С IX века на юге Аравии известно независимое государство зейдитов. До сих пор они составляют более половины населения Йемена. Другое независимое государство зейдитов существовало до XII в. на территории Ирана. Иранские зейдиты называются **ноктавитами**.

Легенда утверждает, что в VIII в. имам Джафар лишил своего старшего сына Исмаила наследственного титула имама. Сторонники Исмаила объединились вокруг него и избрали его своим имамом. Так якобы возникла секта исмаилитов, одна из наиболее многочисленных шиитских сект. Хотя эта секта первоначально была тайной, исмаилизм получил довольно широкое распространение и существовали даже исмаилитские государства (в X веке Египет, в X—XII вв. государства в Палестине и Сирии).

В XI в. исмаилиты раскололись на низаритов (или ассасинов) и более умеренных мусталитов. Впоследствии низариты проникли в Индию. Из них выкристаллизовались т.н. хаджа, современные почитатели Ага-хана.

Близка к исмаилитам группа сект под общим названием **али-илахи** («обожествляющие Али»). «Можно вполне уверенно сказать, что религиозные воззрения али-илахи синкретического характера: в них сочетаются основная исмаилитская доктрина... с элементами христианства, местных... культов и др.» ([137], стр. 20). Аналогичный синкретический характер имеет секта алавитов («почитателей Али»), ведущая свое начало с IX в. «Обряд у алавитов напоминает христианскую литургию: читают выдержки из Евангелия, причащаются вином и хлебом и т.д. Из христианства они восприняли Евангелие, культ Христа, некоторые христианские праздники и некоторых «святых».

([157], стр. 25). Вместе с тем в этой секте сильно влияние астральных культов (почитание Солнца, Луны, вечерней и утренней зари и т.п.). Алавиты верят в троицу, которая по их мнению воплощена в имаме Али, в пророке Магомете и в сподвижнике и последователе пророка некоем Сальмане аль Фарси.

Синкретична и другая исмаилитская секта друзов. Главным догматом друзов является признание единобожия в лице обожествленного фатимидского халифа Хакима. Они не признают шарната, мечетей не имеют, обрезания не совершают, пьют вино и едят свинину. Многие исследователи религий не признают друзов мусульманами. Возможно, что они и сами не считают себя таковыми.

Хариджиты напротив являются наиболее рьяными мусульманами. Они полагают, что мусульманин должен активно защищать ислам, физически истребляя всех немусульман. В политическом плане они сторонники выборных и ответственных халифов. Считается, что особо широкое распространение хариджизм имел в VII—IX вв. В настоящее время сохранилась только одна секта умеренных хариджитов, т.н. ибадиты, почти модностью сконцентрированные в Омане, где они составляют большинство населения.

Особую роль в исламе играет мистико-аскетическое направление, называемое суфизмом. Последователи этого направления призывают к уходу от деятельной жизни, к аскетизму и отшельничеству; в религиозном отношении суфизм зовет к непосредственному общению с богом, мистицизму, перенося внимание с внешней, обрядовой стороны религии на внутреннюю. Единства суфизм не имеет и делится на многочисленные направления от умеренных до самых крайних. Считается, что впервые умеренный суфизм систематизировал в XI—XII вв. богослов аль-Газали. В организационном отношении суфизм делится на братства или ордена, т.н. «тарики», из чего суфизм называется также тарикатом. Большинство тарики признают суннизм, но есть также и шиитские братства.

По нашему мнению, нет сомнения в том, что большинство шиитских сект возникло в недрах общего раннехристианского, доевангельского вероучения совершенно независимо от суннизма. Лишь значительно позднее они присоединились к суннитам, одновременно переработав своего бога (библейского Эл'а) в имаме Али. Часть шиитов лишь формально признала пророка Магомета, а другая часть персонифицировала его же в образе «скрытого имама». Когда и почему произошло включение шиизма в общий поток ислама, сейчас остается только гадать. Можно, однако, надеяться, что более детальное исследование позволит ответить и на этот вопрос.

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Главнейшим итогом этой главы является положение о полной апокрифичности и выдуманности политической, религиозно-идеологической и культурной истории арабского халифата до X—XI веков н.э. Этот период является плодом фантазий позднейших средневековых ученых, а большинство «рациональных» подробностей, якобы происходящих в то время событий, обязано деятельности (иногда злостной, но чаще добросовестной) европейских ученых нового времени, всерьез поверившим арабским рукописям с удостоверительными надписями и печатями на латинском языке.

В целом, ситуация здесь полностью аналогична ситуации с «античностью».

О реальных событиях, происходивших в это время на Ближнем Востоке, мы имеем только обрывки сведений из византийских источников, которые к тому же нуждаются в существенной реинтерпретации. Например, пресловутые «арабские завоевания», повлекшие отпадение от Византии ее южных районов, состояли всего лишь в смене религии (точнее в сохранении прежней религии, от которой отошел Константинополь), а военные действия, которые эту смену сопровождали, представляли собой освободительную борьбу местного населения с карательными войсками Империи.

В соответствии со сказанным в предыдущей главе следует ожидать, что подробности событий этого периода (в особенности его начальной фазы) могут быть найдены в клинописных (и иероглифических) памятниках (также, конечно, после соответствующей их реинтерпретации).

2. Второй вывод относится к происхождению и начальным этапам развития ислама. Эти этапы рисуются в следующем виде:

В 622 г. где-то на Ближнем Востоке произошло, если не катастрофическое, то достаточно впечатляющее падение метеорита. В результате внутри тогдашнего протохристианства возникли секты агарян — почитателей осколков метеорита.

Альтернативная теория, которая нам кажется более правдоподобной, считает агарян староверами, не принявшими новых, евангельских реформ Гераклия, но сохранивших почитание римского Петра—Камня.

Воспользовавшись новой верой как знаменем, население угнетаемых провинций Византии смогло освободиться от власти Империи. Тем самым секты агарян укрепились не только идеологически, но и политически.

Дальнейшая эволюция этих сект шла в общем русле развития христианства. Однако, признавая Иисуса Христа, агаряне отрицали только что появившиеся Евангелия и склонялись к более последовательному монотеизму. В частности, они уже в это время провели в жизнь запрет изображений живых существ, основываясь на библейской заповеди «не сотвори себе кумира».

В попытке умиротворить агарян (и тем самым вернуть утраченные провинции) византийские императоры также попытались включить эту заповедь в свое вероисповедание. Возникшее иконоборческое движение раскололо христианскую церковь, но к примирению с агарянами не привело.

Однако в целом отношения между христианами и агарянами в идеологической сфере оставались в достаточной мере спокойными. Оба вероучения считались родственными, почитающими одного и того же Бога.

Положение резко изменилось к X веку, когда в Риме и Византии окончательно возобладало и полностью оформилось современное евангелическое христианство, а на Востоке Магометом (Махмудом) Газни (Газнийским) была впервые создана обширная империя, явившаяся реальной угрозой Византии.

В своей завоевательно-объединительной деятельности Газни опирался на религию агарянства, интерпретировав ее в духе хариджизма. Он провозгласил агарянство единственно истинной верой, а себя ее первосвященником-пророком, соединив тем самым в своем лице не только военное, но и духовное верховенство.

После смерти Газни и быстрого распада его империи он остался в глазах широких масс духовным главой и создателем новой веры. Так зародился образ пророка Магомета. Многочисленные легенды о жизни и деятельности Магомета были собраны вместе и более-менее унифицированы. Это дало начало сунне.

Следующий и последний этап становления известного нам ислама связан, по-видимому, с Османом, основателем Оттоманской империи, по приказу которого был составлен Коран.

Таким образом, Магомета и Коран (в его современной форме) отделяет лет двести.

Конечно, на Коране развитие ислама не прекратилось. Продолжал создаваться и усовершенствовался шариат, возникла сира, дальнейшее развитие получила сунна. Однако это уже выходит за рамки этой книги.

Глава 16

ПОНТИФИКАЛЬНЫЙ РИМ

§ 1. Светские Великие понтифексы

Папы и понтифексы. — Гражданский статус понтифексов. — Допонтификальный период римского епископата. — Бенедикт I и устройство монастырей. — Григорий Великий и культ Мадонны. — Пантеон. — Зависимость Рима от Византии. — Визит Константина. — Постепенное усиление Рима. — Григорий II и установление независимости Рима. — Римская республика. — Сближение с франками. — Конец эпохи светских понтифексов.

§ 2. Клерикальные Великие понтифексы

Строительство в Риме. — Коронация Карла Великого. — Образ Карла в легендах. — Продолжение строительства Рима. — Трупопоклонство и паломничество. — Понтифицина Джованна.

§ 3. Коронованные Великие понтифексы

Николай I и «исидоровы декреталии». — Спор о «филиокве». — Дальнейшее ослабление императорской власти. — Анархия в Риме. — Принципат Альберика. — Основание Священной римской империи германской нации. — Рим — столица империи. — Восстановление независимости Рима. — Понтифекс-многоженец.

§ 1. Светские Великие понтифексы

Папы и понтифексы

«В ранний период истории христианства все епископы занимали одинаковое положение в общинах, всех их звали «папами» (от греческого «папас» — отец)... Термин «папа» применительно к епископу Рима впервые встречается в памятнике (надписи) 303 г. С V в. название «папа» закрепляется за римским епископом» ([148], стр.8—10).

Эту информацию советский ученый Шейнман сообщает, ссылаясь на английского исследователя Джильса. К ней он добавляет (ссылаясь на Брикнера), что «в древнем Риме был широко распространен культ бога Аттиса. Его верховный жрец в Риме назывался «папас». Подобно ему и римский епископ стал называться «папа» и носить тиару» ([148], стр.10).

В рамках традиционных представлений последняя информация сама себя опровергает, поскольку немислимо, чтобы христианский епископ принял титул «языческого» жреца. С нашей точки зрения она служит еще одним подтверждением того, что все т.н. «восточные культы» были раннехристианскими сектами. (Вопрос: не было ли почитание быка Аттиса именно тем культом, из которого выросла «римская церковь»?).

В отношении же титула «папа» Морозов пишет, что «... всем историкам католицизма прекрасно известно, что титул папа в применении к римским верховным жрецам-первосвященникам стал применяться только с 1073—1085 годов нашей эры, по булле Григория VII... применять его к римским верховным первосвященникам до Григория VII в одиннадцатом веке нашей эры то же самое, что называть супругу Игоря Ольгу благочестивейшей самодержавнейшей императрицей всея России» ([5], стр.466).

Он объясняет, что анахроническое применение титула «папа» к предшественникам Григория VII имело целью прикрыть метаморфозу христианской религии, произошедшую к XI веку (одним из проявлений которой и была реформаторская деятельность Григория).

Мы не изучали вопрос по первоисточникам и авторитетным монографиям и потому не можем сказать, кто здесь прав. В принципе, это нам довольно безразлично.

Впрочем, даже беглый просмотр литературы выявляет, что единого мнения о времени появления титула «папы» у историков

нет. Например, советский автор Бончковский утверждает (не указывая источника этой информации), что впервые папой себя назвал римский первосвященник Сирициус (см.[155], стр.28), занимавший престол Петра в 384—398 гг., т.е. почти через сто лет после указываемой Шейнманом даты.

Морозов утверждает, что до Григория VII римские папы назывались «великими понтифексами». Этот титул действительно был известен в то время и, более того, он сохранился в официальной титулатуре римских пап до сего времени. Поэтому (безотносительно к тому прав или не прав Морозов) мы имеем право называть предшественников Григория VII великими понтифексами (а его преемников — папами). Это целесообразно по следующим причинам:

- а) получает отражение резкая метаморфоза папской власти, осуществленная Григорием (т.н. «клюнийская» реформа; см.гл.17, § 1);
- б) возникает возможность без терминологической путаницы обсуждать вопрос об употреблении титула «папа» до Григория;
- в) в случае, если титул папы действительно был введен Григорием, мы не совершаем никакого анахронизма (так же, как и в случае, если этот титул был в употреблении и до Григория).

В соответствии с этим, весь период истории церковного Рима до XI века мы будем условно называть «понтификальным».

Заметим, в заключение, что, как указывает Морозов (см.[5], стр.446), слово «понтифекс» обычно производят от «понтифацио» — делать мосты. Эта этимология довольно странна. По мнению Морозова, «понтифекс» происходит от вульгаризированного слова «патефацио» — выяснять и означает «выяснитель» (предвещаний).

Гражданский статус понтифексов

Согласно церковной традиции основы церковного вероучения и организации остаются неизменными с древнейших времен. Эта антиисторическая концепция заведомо ложна, хотя она неявно и присутствует практически во всех исследованиях истории церкви. В частности, мы можем быть априори уверены, что статус пап (понтифексов) в древности был совсем иным, чем ныне.

Например, в настоящее время папы избираются. Но это не всегда было так. Только в 1059 г. на Латеранском соборе Николай II установил, что великого понтифекса должна избирать коллегия кардиналов (см.[147], стр.21). Необходимость в этом декрете показывает, что до него понтифексы определялись другими

способами. (Известны даже случаи, когда тиара понтифика переходила по наследству от отца к сыну; см. [5], стр.467).

В титуле «папа» — «отец» подчеркнута выступает мужское начало и, действительно, сейчас папами могут быть только мужчины (уже скопцы не могут занять папский престол). Но мы знаем, что одним из понтификсов была женщина (Иоанна; 855—857 годы). Сейчас вокруг этого факта нагромождены горы легенд, долженствующих дать ему хоть какое-то объяснение, но достоверных (и убедительных) среди них не имеется. С точки зрения Морозова проблемы, как всегда, нет: звание папы тогда еще отсутствовало, а звание понтифика мужественности необходимо не предполагает.

Ныне папы блюдут обет безбрачия (целибат). Но это тоже не всегда было так. Сам легендарный основатель римского первосвященства апостол Симон-Петр был семейный человек с сыновьями и дочерьми. Ниже на конкретных примерах мы покажем, что вплоть до XI века римские понтификсы (как и другие священнослужители меньшего ранга) не отличались в этом отношении от апостола Петра. Целибат был декретирован только Григорием и, как мы увидим, даже и тогда был принят не сразу.

Кажется бесспорным, что римским понтификсом должен, во всяком случае, быть церковнослужитель. Однако оказывается, что и это было не всегда так. Лишь при Стефане III в конце VIII века было декретировано, что «престол св.Петра» может занимать только лицо духовного звания. До издания этого декрета понтификсом мог быть, следовательно, мирянин!

Итак, мы видим, что до конца VIII века великими римскими понтификсами могли быть светские, семейные люди и даже не обязательно мужчины. Переход должности понтифика происходил разными способами, в том числе и по наследству.

Допонтификальный период римского епископата

Как мы уже знаем (см. гл.8, § 4) город Рим был основан в середине IV века Валентинианом. В это же время (см. гл. 10, § 5) в нем зародился культ Камня-Петра, обязанный своим появлением падению метеорита. Маловероятно, что эти события были независимы. Скорее всего Валентиниан заложил город на месте падения метеорита, куда уже началось паломничество верующих.

Единственным (и то очень поздним) нашим источником по ранней истории римского епископата является т.н. «Книга понтификсов» (*iber Pontificalis*), относящаяся к периоду крестовых походов. Как мы видели (см. гл.6, § 4), информация этой книги, относящаяся к периоду

до 315 г. н.э., заведомо фантастична и списана с периода после 315 г. Это, конечно, не означает, что с этого года мы можем полностью доверять «Книге понтификсов». Первые столетия своего существования Рим был слишком незначительным городом, чтобы имена его священнослужителей оказались надежно зафиксированными в летописях, хотя, возможно, что отдельные имена из «Книги понтификсов» и соответствуют действительности.

Сведений об этом периоде истории Рима практически никаких нет, за исключением общей информации, что он в это время был ничтожным поселением, не игравшим никакой роли в международных делах. Наиболее авторитетный и подробный историк средневекового Рима, немец Грегоровиус пишет об этом времени, что «храмы обратились в развалины... величественные форумы цезарей и римского народа отошли в область предания... завалились мусором и заросли травой... Сколько бы мы ни пытались воссоздать картину..., когда римский народ, ничтожный числом, погибающий от голода и чумы..., как бы затерялся на громадном пространстве города цезарей, — мы не в силах воспроизвести эту картину во всем ее ужасающем мраке.

Как насекомое превращается в куколку, так Рим удивительным образом (!? — *Авт.*) обратился в монастырь... Гражданское же население города, лишённое всякого политического значения, глубоко павшее, совершенно утратившее всякую нравственную силу, как бы погрузилось в вековой сон...» (см. [5], стр.431—432).

Вся эта декламация имеет своей целью прикрыть отсутствие какой-либо реальной информации и навести мост над зияющим провалом между мифическим «Древним Римом» и незначительным городишкой, которым Рим предстает пред нами в V—VI веках.

Какое-либо значение Рим стал приобретать лишь после разрушения Помпеи. Как мы знаем (см.гл.10, § 3), это, по-видимому, произошло в 471 г. или несколько ранее. Примечательно в этой связи, что первым римским епископом, объявившим себя «великим понтификсом» был, согласно легенде, Лев I, занимавший «престол св.Петра» в 440—461 годах. Это и было начало «понтификального Рима».

В связи с личностью этого Льва обращает на себя внимание, что в Византии в это же время сидит император Лев I Великий (457—474 гг.). Оба — Львы и оба — Первые, и оба — Великие (Максимусы) и оба — одновременно, и оба, вдобавок, пытаются, как сообщают историки, распространить свою власть на Африку!

Не является ли римский первый «Понтификс Максимус» простой вариацией византийского Льва, еще считавшегося своим в Италии?

Бенедикт I и устройство монастырей

Судя по всему и при первых великих понтифексах (если только они не апокрифичны) Рим оставался заштатным городком без какого-либо влияния. Потребовалось еще одно столетие, чтобы его имя стало приобретать вес. Это произошло при Бенедикте I (574—578), первом из знаменитых римских жрецов, которого, по-видимому, и следует считать истинным основателем римского понтификата.

До нас дошло подробное «Житие» Бенедикта (имя которого, кстати сказать, значит «Благословенный»). Содержащиеся в нем поэтические сказания на протяжении веков вдохновляли художников, оставивших нам бесчисленные фрески, посвященные Бенедикту. Однако реальный субстрат, который можно извлечь из его биографии, довольно убог. Единственно, что в его жизнеописании, по-видимому, достоверно, это обширная деятельность по устройству монастырей (он считается основателем ордена бенедиктинцев). Знаменитейшим монастырем, основанным Бенедиктом, является пресловутая обитель в Монте-Кассино. Надо думать, что к тому времени экономическое положение Рима (основывающееся в основном на поступлениях от богомольцев) укрепилось настолько, что стало возможным выделять часть доходов на строительство монастырей.

Финансовую помощь Бенедикту оказывали, по-видимому, и светские власти. Во всяком случае, имеется документ X века, утверждающий, что уже в бытность понтифексом Бенедикт получил в подарок семь тысяч (!) рабов вместе с городами Мессиной и Палермо (см.[5], стр.452).

Одно из объяснений «упадка» Рима в VI веке состоит в том, что Рим был якобы разграблен и обезлюжен германским военачальником Тотилой. В связи с этим особый интерес представляет легенда о встрече Бенедикта с Тотилой, во время которой Бенедикт предсказал, что Рим будет разрушен стихиями.

Как мы видели в т.П, во времена Бенедикта христианское вероучение только складывалось. Поэтому у нас нет никаких оснований считать основанные Бенедиктом монастыри хоть сколько-нибудь похожими на известные нам монастыри более позднего времени.

Надо всегда помнить, что смысл (семантика) слов подвержен изменению во времени и такие, например, слова как бог, церковь, монастырь могли означать (и на самом деле означали) совсем другое, чем в настоящее время. Поэтому с этими словами надо быть очень осторожными и избегать подставлять в них современный смысл.

Можно ли восстановить первоначальный смысл слова «монастырь», который оно имело у Бенедикта? Ключом для этого

может служить репутация бенедиктинцев, которую они пронесли через все средние века, как «учителей земледелия, ремесел, искусств и наук во многих землях Европы». Кроме того, следует понять этимологию слова «монастырь».

Обычно это слово производят от «монах», связывая его с греческим «монос» — один. Возможно, что по отношению к монахам-отшельникам такое словопроизводство и правильно, но, конечно, оно абсурдно по отношению к членам монастырских общин, вся жизнь которых течет на людях в полной противоположности с одиночеством. По всем данным отшельническое монашество (чтобы не утверждали легенды) появилось значительно позже времени Бенедикта, и тогда же, надо думать, возникла этимология «монос» — «монах».

Морозов полагает (см.[5], стр.435), что слово «монастырь» происходит от еврейского МНЕ (или МОНА) — исчислять, определять и АСТР — звезда, возможно, через посредство латинского «монэо» — наставлять, подсказывать и «астэр» — звезда. Таким образом, в буквальном переводе это слово означает место, где занимаются исчислением (наблюдением) звезд, т.е. астрологическую обсерваторию!

Но этот буквальный перевод на самом деле слишком узок. Для древнего, синкретического ума все науки сливались в одну единую Науку, нераздельную от Религии. Поэтому правильным переводом слова «монастырь» в его первоначальном значении будет «место, где занимаются Тайнами Неба» в форме астрологии, алхимии, магии, математики — каббалы, медицины и телогической философии. Чтобы избежать ложных ассоциаций с современными монастырями, Морозов предлагает называть монастыри в этом смысле «монастерионами», а их членов «монастерионцами».

В век, когда единственно достойным занятием мужчины из привилегированных слоев общества было военное дело, в монастерионы должны были идти лишь исключительные умы или люди, потерпевшие тяжкие жизненные катастрофы и семейные утраты и ищущие забвения в атмосфере научных трудов и благочестивых размышлений. Естественно поэтому, что хотя никакого обета вечного безбрачия от них не требовалось, оно выходило фактически вследствие несовместимости обязанностей семейной жизни с еженощными бдениями в астрологических обсерваториях и таинственных лабораториях. Никакого обета вечной жизни в монастерионе тоже, конечно, не требовалось, и человек, утоливший свою жажду познания, мог свободно вернуться в «мир».

Рудименты этой организации мы и наблюдаем в средне-невековых бенедиктинских монастырях.

Григорий Великий и культ Мадонны

Из непосредственных преемников Бенедикта I наиболее известен Григорий I (590—604 гг.), получивший прозвище «Великого». С его именем связывают начало католицизма и конец древнего периода в истории церкви (см.[153], стр.29).

Григорий пришел к власти в разгар страшной эпидемии чумы, от которой умер его предшественник Пелагий II (578—590гг.).

«Едва ли в какое-нибудь иное время «черная смерть» навредила на людей такой ужас, как тогда. Прокопий и затем Павел Диякон подробно описали ее: «Людам казалось, что в воздухе слышны звуки труб, что на домах появляется ангел смерти, а по улицам носится демон чумы с привидениями и мгновенно поражает смертью каждого встречного. Больные умирали, погруженные в глубокую спячку или пылая от внутреннего жара. Их внутренности покрывались нарывами, и в опухолях содержалось черное, как уголь, вещество» ([5], стр.455—456).

Григорий призвал духовенство и всех жителей Рима совершить искупительное шествие, что и было исполнено «с великим благолепием». Это шествие произвело исключительное впечатление. Грегоровиус пишет, что «... Чумную процессию 590 года можно было признать событием, с которого начинается средневековое существование Рима» (см.[5], стр.456).

Эта процессия имела целью воззвать о помощи и спасении не к гневному Богу, Громовержцу, и не к его суровому сыну, Овну (он же Христос), а к его любящей супруге, милосердной девице Марии. Грегоровиус пишет, что «... Не Христос, а его мать призывалась спасти людей» и подчеркивает, что «... До этой чумы такая же процессия была бы связана с именем Христа, а во времена вандалов и готов — с именем апостола Петра. А теперь в воображении людей, искавших покровительства, богородица представлялась доступнее, чем ее сын, суровое наличие которого на мозаичных изображениях говорило людям, что они найдут в нем только страшного судью всего мира» (см.[5], стр.470). Напомним (см. гл.11), что в это время в вероучении доминировал безжалостный апокалиптический Христос, а его милосердный, евангельский образ только складывался.

Самым древним (относящимся к XV веку!) изображением Мадонны считается находящееся в Ара-цели. «Там же когда-то

можно было видеть и изображение чумы на серебряных дверях, за которыми помещалась эта икона... Другая, находящаяся в Ара-цели картина, написанная на аспидном камне, представляет самую чумную процессию, среди которой несут на носилках образ Мадонны» ([5], стр.457).

Таким образом, связь Мадонны с чумной процессией 590 г. сомнений не вызывает.

Легенда сообщает нам далее, что «в ответ на горячие мольбы небесной Девы, перед глазами народа предстал небесный образ: над памятником Адриана появился архангел Михаил. Он вкладывал в ножны свой пылающий меч, давая тем понять, что чума отныне прекратится» (см.[5], стр.457). Здесь явно речь идет о яркой комете, знаменовавшей окончание чумы. Однако обращает на себя внимание, что ни в европейских, ни в китайских летописях кометы 590 год не значится. Ближайшая яркая комета указана под 568 (и 565) годом (это комета, которая дала повод к легенде о Данииле; см. гл. 9).

Надо думать, что представление о «богоматери» существовало (и притом в различных формах) и до Григория, но он был первым, кто предписал обратиться к богородице за помощью против чумы. Успех этого обращения выдвинул Мадонну в сознании верующих на первый план (до сих пор в Италии поклоняются скорее ей, чем ее сыну), а Григорий заслужил звание «Великого».

Таким образом, получается, что культ Мадонны в христианском вероучении датируется только концом VI века, а его фактическим основателем был Григорий.

Подобно тому, как катастрофы у Везувия вызвали к жизни культ Иеговы, чумная катастрофа VI века вызвала культ Мадонны.

Можно думать, что с самого начала девице Марии было астрономически сопоставлено созвездие Девы. В этой связи примечательно, что согласно легенде Григорий был насильно посвящен в звание понтифика как раз 5 сентября, когда Солнце вступает в созвездие Девы (см.[5], стр.471).

Если не считать Григория основателем культа Мадонны, становится малопонятным, за что его удостоили звания «Великого». Приписываемые ему сочинения были опубликованы только в 1705 г. Они полны фантастических измышлений и их автор разделяет все позднесредневековые христианские суеверия (см.[5], стр.471—473).

Согласно церковной традиции почитание Богородицы было якобы установлено на Эфесском соборе 451 года всего лишь лет на сто ранее времени Григория. Морозов полагает эту традицию легендарной и, возможно, инициированной Твинским (Довинским) собором 595 г. (см.[5], стр.457—458).

Имя богоматери обычно производят от еврейского имени Мариам (М-РИМ), смысл которого толкуют как «мировые ветки горечи», что для девичьего имени более, чем странно. Морозов полагает, что много правдоподобнее толковать это имя как «Римская» или считать его гебраизацией итальянско-латинского имени Марина — «морская» (см.[5], стр.457 и 461).

Не нужно, конечно, эту «Мариам» полностью отождествлять с современной «девой Марией». Она, как и теперь, обозначалась тогда многими именами. Как мы называем ее то Богородицью, то Богородицей, то Пречистой Девой, то Девой Марией, так и тогда ее называли то Мадонной (Госпожой моей), то Деметрой (Богородицью), то Дианой (Божественной), то Венерой (Почитаемой), то Герой (Владычицей), то просто Девой (Партенос). Подобно тому, как на Руси существовали богородицы Иверская, Казанская, Владимирская, Троеручица и т.д., так и в раннесредневековом христианстве в зависимости от вида ее статуй и места их храмов появились все эти разнообразие имена, которые позднее в представлении классиков обратились в различных дохристианских богинь — супруг бога Громовержца (они и были, кстати сказать, богинями, если не дохристианскими, то уже заведомо доевангельскими). Ср. гл. II.

Пантеон

См.[5], стр.474—477 и 480.

Нам сообщают, что при Бонифации IV (608—615 гг.), одном из преемников Григория I, была построена знаменитая церковь св.Марии у Мучеников, называемая теперь Ротондой и признаваемая за Пантеон Агриппы.

Еще в древности на месте этой церкви был якобы воздвигнут храм богини Кибелы, «Великой Матери». Этот языческий храм стоял заброшенным много веков, пока, наконец, Бонифаций IV вновь на его руинах не устроил храм «Божьей Матери».

Однако современные ученые полагают, основываясь на одном сообщении Плиния, что это был не храм Кибелы, а храм Юпитера, построенный будто-бы Агриппой в I в. н.э. По сообщению другого апокрифиста, Диана Пассия, этот храм назывался «Пантеоном», потому что «его купол похож на небо» (так!). Считается, что Бонифаций его лишь несколько «обновил».

Таким образом, нам предлагаются две взаимоисключающие версии. По одной версии — христианский храм был построен на руинах языческого храма, а по другой — языческий храм был

попросту превращен в христианский (после лишь необходимой реставрации).

Считается, что аналогичным образом церковь Косьмы и Дамиана была преобразована из древнего храма Ромула и Рема, церковь св.Сабинны из храма Дианы, церковь Георгия Победоносца из храма Марса, церковь св.Лаврентия из храма Антонина Пия и его супруги Фаустины, церковь св.Марии в аду из храма Весты и т.д. и т.п.

Конечно, по совокупности всех выявленных в предыдущих томах этого исследования обстоятельств мы должны считать, что это «преобразование» было совершено значительно позже, после разжалования в папский период старых богов и их переименования, с перебросом многобожного культа предшествующих римских понтификсов на начало нашей эры. Указываемые же источниками ранние даты «преобразования» храмов должны интерпретироваться как даты их первоначальной постройки.

Что же касается первой версии происхождения Пантеона, то, как мы увидим ниже, она применительно к другим архитектурным памятникам Рима распространена еще шире: почти во всех них утверждается, что они построены «на руинах древних храмов». При этом, как правило, наблюдается определенная преемственность (подобно тому, как храм христианской «Небесной Матери» оказался выстроенным «на руинах» языческой «Небесной Матери»).

Ясно, что во всех таких случаях информация о постройке «на руинах» на самом деле означает строительство заново.

Таким образом, анализ обеих версий приводит к тождественным результатам: обе они являются лишь различными попытками придать архитектурному сооружению авторитет древности. Фактически же Пантеон оказывается впервые выстроенным Бонифацием IV.

Возможно, конечно, что современный Пантеон построен значительно позже и лишь впоследствии отнесен Бонифацию. Однако в источниках никаких указаний на это нет, а по своей архитектуре и сравнительно небольшой величине Пантеон вполне может принадлежать VII веку н.э.

Зависимость Рима от Византии

Политическая история Рима рассматриваемого времени известна нам исключительно плохо, ибо, как говорит Грегоровиус, «хроники того времени односложны и смутны» (см.[5], стр.455).

Италия в это время находилась под властью Византии и управлялась от имени византийского императора губернатором—экзархом с местопребыванием в Равенне. Рим же по-прежнему не имел

никакого политического значения и даже в церковных вопросах всецело подчинялся равеннскому экзарху. Это видно, например, из того, что каждый следующий римский понтифекс подлежал утверждению экзархом, причем униженные просьбы об этом посылались не только самому экзарху, но и влиятельным лицам его двора (см.[5], стр.479).

С другой стороны, каждый новый византийский император, вступая на трон, посылал провинциальным властям в сопровождении солдат и музыкантов изображение свое и своей жены, которые торжественно и благоговейно с зажженными свечами встречались народом и «относились в священное место». В частности, изображения нового императора Фоки и его жены Леонтии были в 503 г. среди торжественных кликов и возгласов восторга встречены в Риме и по приказу Григория помещены в часовне мученика Цезария. Более того, в честь Фоки в Риме была воздвигнута колонна, а Григорий приветствовал Фоку и Леонтию верноподданническим посланием, в котором писал о ликовании неба и земли при их воцарении и утверждал, что с новым правлением над всей империей засияло солнце свободы и благополучия. И все это, несмотря на то, что Фока пришел к власти в результате переворота, обогранный кровью предыдущего, лично расположенного к Григорию императора Маврикия и его пяти сыновей, которых Фока, как говорит Грегоровиус, «с невероятным варварством приказал зарезать на глазах отца». «В глубине своей души, — догадывается Грегоровиус, — Григорий должен был чувствовать отвращение к императору, который достиг власти, запятнав себя кровью». Однако ввиду полной зависимости Рима от Константинополя во всех отношениях Григорию не оставалось ничего другого, как льстиво и униженно приветствовать узурпатора (см.[5], стр.464—465).

Впрочем, по некоторым сообщениям Григорий старался не зря, так как Фока в благодарность запретил царьградскому патриарху именоваться вселенским и постановил, чтобы апостольский престол в Италии был «главою всех церквей». Скорее всего, это — поздняя легенда. Фактически же от времени Фоки никаких документальных свидетельств не осталось. Формы городского управления Рима в это время нам также неизвестны. В одном из писем Пелагия II Рим называется «республикой» (см.[5], стр.455), и сохранилось сообщение о посылке в 579 г. нескольких римских сенаторов в Константинополь (см.[5], стр.463). Правда совершенно неясно, в какой мере можно доверять аутентичности этих документов. Поэтому даже само существование сената в Риме в это время остается под вопросом.

Реальную власть в Риме осуществлял в это время присылаемый из Константинополя военачальник. По-видимому, он имел звание «магистр милитум» (см.[5], стр.462). Позже он носил звание герцога (дукса).

С ростом экономического богатства Рима и в связи с общим укреплением Запада римский народ и понтифексы начали тяготиться владичеством греков, да и сами византийские наместники в Италии стали стремиться к самостоятельности. Например, есть сведения о неудачном восстании 618 г. против власти византийского императора, во главе которого стоял итальянский экзарх Элевтерий, провозгласивший себя «цезарем Италии» (см.[5], стр.478).

Визит Константина

Церковная реформа императора Гераклия 638 года (нам сейчас неважно, в чем она состояла) позволила римскому понтифексу впервые открыто выступить против императора.

Взросший духовный авторитет римского понтификата поставил в этой борьбе императорскую власть в трудное положение, и преемник Ираклия Константин III вынужден был искать мира (см.[30], стр.50). С этой целью в 653 г. Константин посещает Рим. Примечательно, что несмотря на все идеологические споры, авторитет императорской власти оставался в Риме очень высоким и ни формально, ни по существу верховенство императора еще не оспаривалось. Вот как описывает Грегоровиус посещение Рима Константином: «Можно себе представить, какое волнение овладело давно покинутым (так! — *Авт.*) городом, когда в нем появился сам император-повелитель! Прибытие в Рим византийского монарха, который все еще по праву именовал себя императором римлян, было здесь великим событием... Папа, духовенство и представители Рима с крестами, хоругвями и свечами, встретили Константина за городом, у шестого верстового камня... Вид императора, который своим посещением города выражал только снисхождение к его обитателям, и вид греческих царедворцев, смотревших на римлян с полным презрением, должны были вызывать горькие воспоминания (? — *Авт.*) и в самих римлянах, видевших повсюду вокруг себя только нищету» (см.[5], стр.482).

Но, конечно, даже уже сам факт появления императора в Риме сильно увеличил авторитет Рима и укрепил его позиции. Вскоре Константинопольский собор (680—681 гг.) в полном согласии с римско-понтификальной доктриной осудил ересь монофелитов (т.е. нововведения Гераклия) и восстановил «православие» (см.[50], стр.50).

Визиту Константина приписывается полное отсутствие в Риме статуй «римских императоров», которые якобы в изобилии сооружались в классические времена. Однако, что Константин их всех вывез в Константинополь. Но в Константинополе их тоже нет, и куда они делись, историки не говорят.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что единственная якобы оставленная в Риме Константином конная статуя Марка Аврелия, которой и ныне любуются туристы в Ватикане, называлась в Средние века «невежественным народом и в особенности духовенством» статуей «цезаря Константина». Когда и почему эта статуя была отнесена Марку Аврелию, наши источники умалчивают (см.[5], стр.483—485).

Скорее всего эта статуя и была воздвигнута в Риме после 663 года в память посещения его Константином III, а потом апокрифирована сначала Константину Великому за 350 лет назад, а затем еще на 150 лет назад Марку Аврелию. Смешивание в народной памяти разнообразных императоров Константинов настолько естественно и необходимо, что, если бы его не было, пришлось бы это объяснять.

Постепенное усиление Рима

Через тридцать лет после посещения Рима Константином римляне уже смогли активно противостоять императорской власти: когда в 694 году Юстиниан II прислал в Рим отряд войск, чтобы арестовать за непослушание великого понтифика Сергия (677—701 гг.), римляне, вооружившись, воспрепятствовали аресту (см.[5], стр.486).

По совокупности всех данных надо полагать, что до VII века христианская религия замыкалась в Ромейской империи, т.е. принадлежать к церкви могли только поданные императора. В VII веке, по-видимому, в связи с отпадением агарян восторжествовал новый принцип, провозглашающий возможность и даже желательность миссии, т.е. пропаганды христианства среди «варваров-язычников» вне пределов империи, и был изобретен новый апостол Павел, выразитель идеи «всемирной церкви».

Поскольку экономика Рима держалась в основном на пилигримах, в паулинистических идеях была, в первую очередь, заинтересована римская церковь. Не исключено, что эти идеи и зародились в этой церкви. Как бы то ни было, но апостол Павел стал в Риме на один уровень с одиноким прежде апостолом Петром-Камнем. Так появилась апостольская пара Петр и Павел и началась экспансия христианства по всему миру.

Мы не будем подробнее обосновывать эту теорию происхождения паулинистической концепции всемирной церкви. Нам сейчас важно

лишь то, что к середине VII века Рим сделался (по единодушному свидетельству всех источников, не доверяя которым причин нет) центром паломничества, который ежегодно посещали тысячи пилигримов из Галлии, Испании и Британии. Вернувшись к себе на родину, они рассказывали чудеса о красоте Святого Города и возбуждали в других страстное желание его видеть. Все это сильно повышало международный авторитет Рима и толкало понтификсов к освобождению от власти Византии. Это также стимулировало застройку Рима новыми роскошными зданиями и помогало распространять легенды об их древности.

Известен рассказ о посещении Рима в 589 году Кадваллой, королем западных саксов. Получив в торжественной обстановке крещение, он скоропостижно умер и был похоронен в Риме. Его гробницу с пышной надписью до сих пор показывают туристам.

Эти кающиеся короли приходили в Рим, конечно, не с пустыми руками и кроме своей покаянной души приносили в дар «Святой апостолической церкви» не мало и золота. Дары Запада становились с каждым годом все обильнее и служили для римских понтификсов источником средств, необходимых для того, чтобы придать римским монументам еще большее великолепие. Уже известный нам Сергей прилагал для этого много забот и стараний. Он завел в храмах драгоценную утварь и украшал их золотом и самоцветами (см.[5], стр.488).

Однако до поры до времени римские первосвященники продолжали признавать власть византийского императора. Когда в 701 г. экзарх по приказу императора оккупировал Рим, возмущенные римляне чуть-чуть не нанесли ему тяжелого поражения. Лишь в последнюю минуту экзарха спас понтификс.

Тем не менее положение Византии в Италии к этому времени сильно осложнилось. В 710—711 гг. против власти Византии вспыхнуло сильное восстание в самой Равенне, перекинувшееся почти на все города экзархата. Восставшие города организовали конфедерацию, явившейся первым шагом к позднейшей коммунальной самостоятельности итальянских городов-республик.

В это время в «Книге понтификсов» (остающейся по-прежнему практически единственным источником информации об этом периоде Рима) впервые проскальзывает выражение «Римское герцогство» и упоминается «римский герцог». Эта книга описывает разгоревшуюся в 715 г. в Риме гражданскую войну между сторонниками двух соперничавших «римских герцогов».

Григорий II и установление независимости Рима

см.[5], стр.489—492.

Проявляющееся стремление к независимости от Византии выразилось в 715 году тем, что на римский престол впервые после долгого времени был избран не грек или «сириец», а природный римлянин. Этим римлянином был Григорий II, на долю которого выпала задача провозгласить полную самостоятельность Рима от Византии.

Непосредственным поводом к отделению Рима от Византии явился знаменитый эдикт 725 года, в котором император Лев III предписал удалить иконы из всех храмов империи. Император полагал, что почитание изображений в церквях является единственным препятствием для общения иудеев и магометан с христианами, и надеялся своим эдиктом приостановить победное шествие ислама (точнее, агарянства; см. гл. 15), отторгнувшего в это время от империи ее богатейшие южные провинции. Распоряжение императора вызвало бурю негодования не только в понтификальном, западном духовенстве, но и на Востоке, поскольку многочисленные духовные пастыри понимали, что власть их над толпой опирается, главным образом, на внешние средства богослужебной деятельности. Сопrotивление императору на Западе возглавил Григорий, ответивший на эдикт специальной буллой, в которой впервые официально было объявлено, что «императору не приличествует издавать предписания, относящиеся к делам веры, и отменять постановления понтификата». Он обратился к епископам и городам Италии, призывая их к восстанию против иконоборческого императора. Его послания имели всеобщий успех. Все города средней Италии изгнали византийских чиновников, выбрали своих собственных герцогов и грозили возвести на греческий трон нового императора.

Окончательно разрыв был оформлен преемником Григория II Григорием III на вселенском соборе 751 года, который отлучил иконоборцев от церкви.

Римская республика

Разрыв с Византией породил новый порядок вещей в Риме, и этот город впервые предстает пред нами независимым от византийской власти и имеющим республиканско-аристократическое устройство. В дошедших до нас (хотя и в поздних, сомнительных копиях) актах того времени Рим уже вполне официально называется «республикой». Судя по всему, он управлялся магистратом из консулов и герцогов

при молчаливом признании власти понтифика как высшего авторитета. Сам же понтификс пожизненно выбирался всем римским народом.

Вся «классическая» терминология государственного устройства употреблялась в этой республике! Там были и патриции (потомственные дворяне) и плебеи — простонародье. Среди государственных должностей мы находим и консулов, и трибунов. (Правда с неясными, и отнюдь не «классическими» функциями). Даже классическая формула декретирования «сенат с римским народом» (*Senatus populusque Romanus*) обнаруживается в актах этого времени (см.[5], стр.500—501 и 510—514).

Из первого тома мы уже знаем, что «древний классический Рим» является волшебной сказкой, созданной трудами апокрифистов Возрождения. Теперь же мы видим, откуда они заимствовали фактическую основу своих рассказов. Их прототипом была римская сенатская республика VII—VIII веков.

Первоначальность этой республики, фантастически искаженным образом которой явился «классический Рим», подтверждается, в частности, тем, что один из основных ее государственно-политических терминов — звание «патриций» имеет греческое происхождение (от «патрикос» — потомственный). До периода греческого (византийского) господства ему появиться в Италии было неоткуда.

Утверждается, что от рассматриваемой нами сейчас «понтификальной» римской республики VII—VIII веков не осталось никаких монументальных памятников, тогда как отстоящая от нее на тысячу лет «классическая» республика оставила нам их целое множество. Ясно, что на самом деле все эти памятники принадлежат «понтификальной» республике (или более позднему времени); об этой республике знаем так мало именно потому, что все сохранившиеся от нее реалии были отброшены в легендарную древность.

Таким образом, одно из казалось бы наиболее надежных свидетельств в пользу реального существования «древнего Рима» оборачивается на поверку еще одним аргументом в пользу его фантастичности.

О настойчивом желании любой камень с надписью «сенат и римский народ» отнести к «классическому» периоду Морозов пишет, что это «не то ли же самое, как, встретив на каком-нибудь документе Александр Император и Самодержец Всероссийский, стараться приписать его не одному из трех Александров XIX века, а Александру Невскому?» ([5], стр.501).

Быть может, в этом сравнении Морозов несколько увлекся, но в принципе он, бесспорно, прав.

Сближение с франками

См. [5], стр. 493—497.

Новорожденная римская республика сразу же встретилась со страшной угрозой со стороны ломбардцев (лангобардов). Эти северные соседи Рима будучи арианами, т.е. последователями более консервативного направления в христианстве, не признающего римского «Святого Камня», всегда угрожали Риму, но после того, как Рим лишился защитного зонта византийских войск, опасность их нападения сделалась неминуемой.

Из-за безнадежно неудобного стратегического положения Рима нельзя было и надеяться на успешное отражение ломбардского нападения. И, действительно, не успели византийские войска уйти, как Рим уже потерял несколько соседних городов. Для понтифика и римского народа не оставалось ничего другого, как искать себе нового могущественного покровителя. Они нашли его в лице франкских королей, как раз в это время стремительно консолидирующих и расширяющих свою державу.

В июле 754 года великий понтифик римской республики Стефан помазывает на царство во Франции Пипина, его супругу Бертраду и сыновей Карла и Карломана, одновременно объявляя их «римскими патрициями и защитниками веры», а франкскому народу заповедывая под угрозой интердикта всегда избирать себе королей только из рода Каролингов, за которым церковь признала тем самым исключительные права на престол. А Пипин принес за себя и за своих преемников клятву в том, что будет защищать римский понтификат и наделять его землями. О византийской императорской власти дипломатично умалчивалось (хотя Стефан и узурпировал права императора, которому до сих пор принадлежало исключительное право присваивать звание «римского патриция»).

Исполняя свои обязательства, Пипин переходит Альпы и приводит к покорности ломбардского короля Айстульфа. Но не успел Пипин вернуться во Францию, как Айстульф, нарушив договор, снова нападает на Рим и осаждает его. Стефан, оказавшись совершенно беззащитным, в панике посылает Пипину слезные письма о помощи. Одно из этих писем он пишет от имени самого апостола Петра (sic!).

Расчет на действие апостольского письма оказался правильным. Пипин возвратился и заставил Айстульфа выплатить дань и вернуть Риму захваченные ранее города.

Мы снова видим, что без посторонней помощи Рим самостоятельно, не играл и не мог играть никакой военно-политической роли.

Преемник Стефана, его брат Павел, информировал о своем избрании «благодетеля и заступника церкви Пипина, нового Моисея и Давида» в тех же самых почтительных и верноподданнических выражениях, в каких его предшественники имели обыкновение это делать по отношению к византийскому экзарху, признавая тем самым, что в делах Рима король франков отныне то же, чем был прежде экзарх. Пипин отправил свой ответ в адрес римской знати и римского народа, требуя от них верности апостолу Петру, церкви и великому римскому первосвященнику. Тем самым римский народ впервые оказался состоящим в подданстве у своего понтифика.

Конец эпохи светских понтификсов

См. [5], стр. 499—500.

После смерти Павла герцог Тотто приказал избрать понтификом своего брата Константина, что и было исполнено, хотя тот никогда не принадлежал к духовенству. Чтобы как-то оправдать это, более поздние авторы сочинили легенду, что по приказу Тотто епископ Георгий за один день последовательно посвятил Константина во все духовные чины.

Но эпоха, когда великими понтификсами могли быть миряне явно пришла к концу. Новые установки требовали от понтифика духовного чина, и в Риме возгорелась ожесточенная борьба за понтификальный престол. После бурных перипетий, вникать в которые нам нет нужды, Константин был свергнут, и понтификом стал влиятельный пресвитер Стефан (он известен как Стефан III).

В апреле 769 г. был созван Латеранский собор, которому надлежало осудить Константина и установить, наконец, порядок избрания великих понтификсов. Напрасно Константин ссылался на пример других понтификсов, которые также получили понтификат будучи мирянами; он был осужден. Главным же итогом Латеранского собора явилось постановление, что впредь никто не может быть провозглашен великим понтификом, не пройдя всех низших степеней церковной иерархии. Кроме того, было решено упразднить участие мирян в избрании, оставив им только право аккламации. Заседания закончились принятием декрета, подтверждающего почитание икон и статуй.

Факт принятия Латеранским собором специального постановления, запрещающего мирянам занимать престол понтифика, однозначно доказывает, что до 769 г. такого запрещения не было и понтификсами могли быть светские люди (и не только могли быть, но, как явствует из защитительной речи Константина, и на самом деле были).

§ 2. Клерикальные Великие понтифексы

Строительство в Риме

См.[5], стр.505—508.

Борьба между Константином и Стефаном отражала борьбу двух различных взглядов на организацию и роль понтификата. Победа Стефана III, закрепленная решением собора 709 года, означала победу духовенства, оттеснившего мирян от выборов понтифекса. Тем самым церковь впервые формально отделилась от мирян и освободилась от светского влияния на развитие своей организации и идеологии. В частности, с этого момента католическая религия и наука пошли каждая своим путем, хотя изолировались они друг от друга только в новое время. Процедура выборов понтифекса только из духовенства и только духовенством отделила его от римского народа и автоматически поставила его над ним. С этого времени понтифексы и начали претендовать на гражданскую власть в Риме.

Повышению авторитета понтифекса способствовало и уничтожение в 774 г. Карлом Великим ломбардского королевства, последнего оплота ариан-ааронцев в Италии, что, помимо всего прочего, облегчило и обезопасило паломничества франков, германцев и англосаксов в Рим. Приносимые паломниками в Рим золото и серебро позволили преемникам Стефана III развернуть в Риме широкую строительную программу.

Еще Стефан II выстроил при атриуме базилики Петра колокольню (это была первая колокольня в Риме) и покрыл ее золотом и серебром. Преемник Стефана III Адриан (772—795 гг.) «возобновил» в атриуме главную лестницу и портик. Пол перед исповедальней до гроба апостола был выстлан листами чистого серебра, а сама исповедальня отделана внутри листами золота, на которых были вычеканены сцены из священной истории. Стоявшие у гроба апостола серебряные изображения святых Адриан заменил золотыми. Все убранство базилики было сделано заново и отличалось ослепительной роскошью.

Сотни мастеров, злато- и сереброкузнецов, работали по заказам Адриана, готовили изделия из эмали и лазури, делали мозаичные изображения. Они грубо, но все-таки не без вдохновения, расписывали стены и высекали скульптуры из мрамора. Это была естественная и неизбежная прелюдия к искусству последующих веков, которое дошло до нас под псевдонимом «классического».

Адриан известен также своим гражданским строительством. При нем были устроены водопроводы, приписываемые древним римским

императорам. Только постройку эту называют «возобновлением», как и во всех других случаях средневековых сооружений, оказавшихся упомянутыми у апокрифических авторов. Вот что пишет Грегориус:

«В течение двух столетий постоянно возраставший Рим страдал от недостатка воды и Адриан, как новый Моисей, утолил жажду своего народа. Чтобы наполнить водой источник у святого Петра и бассейн, служивший для омовения паломников, являвшихся сюда на Пасху, приходилось с большим трудом доставлять воду в сосудах... и вот водопровод Траяна был снова восстановлен Адрианом, так как предполагают, что он был разрушен воинственным народом Айс-тульфа» (см.[5], стр.506—507).

Обратим внимание на совпадение имен: понтифекс Адриан возобновил водопровод Траяна (неизвестно кем и когда разрушенный), а по классикам — император Адриан наследовал императору Траяну.

Вообще «Траян» — это явно какое-то нарицательное имя (не «троянский» ли?), фигурирующее в массе средневековых легенд. Оно упоминается, как известно, даже в «Слове о полку Игореве».

В этой связи любопытно, что в VIII веке троянская легенда была широко распространена в Европе. Франки считали себя потомками троянцев и отождествляли своего легендарного короля Фарамунда с троянским царем Приамом. Именно этим Каролинги обосновывали свои притязания на императорский пурпур, поскольку род Юлиев, которому принадлежал Юлий Цезарь, также якобы восходил к царскому дому Приама (см.[149], стр.36—37).

Коронация Карла Великого

См.[5], стр.514—528.

Несмотря на достигнутые успехи, понтифексы по-прежнему нуждались в военной силе франков и потому признавали их короля Карла верховным сюзереном Рима. Хотя выборы преемника Адриана понтифекса Льва III были, по-видимому, произведены совершенно свободно, но избирательные акты были посланы Карлу на утверждение, как римскому патрицию. Одновременно Лев предложил Карлу прислать в Рим своего представителя, который привел бы римский народ к присяге на верность королю. Кроме того, Лев послал Карлу в качестве почетного дара ключи от гроба Петра и знамя города Рима.

Существует легенда, что будто бы в 800 году Карлу были поднесены подобные же символические дары и из палестинского города Иерусалима (ключи от гроба Господня и знамя). Мы видим, что

исток этой легенды послужили дары Льва. Это показывает, что Рим в то время еще отождествляется с Иерусалимом (по крайней мере у авторов легенды).

Представитель Карла прибыл в Рим и привел римлян к присяге. В свою очередь Лев еще раз признал, что и Рим, и он сам, должны повиноваться Карлу, как светскому верховному папе.

Однако спокойная жизнь Льва продолжалась недолго. Многочисленные высокопоставленные родственники и соратники предыдущего понтифика Адриана, потерявшие при Льве власть и влияние, составили против него заговор. Сначала заговорщики добились успеха. Им удалось арестовать Льва и заточить его в монастырь св. Эразма. Легенда рассказывает, что заговорщики выкололи Льву глаза и отрезали язык, но бог по молитве апостола Петра вернул ему и глаза, и язык. Как бы то ни было, но, когда Льву с помощью оставшихся ему верными друзей удалось бежать из монастыря и явиться в Германию к Карлу, он прибыл с целым языком и невредимыми глазами.

Встреча этих двух людей явилась событием, на долгое время определившим судьбу Европы. В благодарность за помощь Лев предложил Карлу императорское достоинство, которое Карл с удовлетворением принял. Нужно четко себе представить идеологическую и военно-политическую ситуацию того времени, чтобы понять, почему это предложение стало возможно и какие оно повлекло последствия.

Постепенное возвышение Рима безусловно сопровождалось целым спектром разнообразнейших легенд, имевших своей целью придать Святому Городу дополнительный авторитет древности. В частности, давно прекратившая свое существование «Западная Римская империя», которая, как мы уже выяснили во втором томе, имела свою столицу где угодно, но только не в Риме, стала теперь все настойчивее связываться с этим городом, а ее значение и политическая роль начали в пику Византии последовательно преувеличиваться. Одновременно, в попытке хоть как-нибудь упорядочить хаотическое нагромождение полуполюгендарных имен «римских императоров» появилась и постепенно стала оформляться версия об Империи II. Более того, как мы уже отмечали в гл. 8, § 2, не исключено, что представление о самостоятельной Западной Римской империи вообще является мифом, созданным как раз в рассматриваемое время на потребу политическим нуждам момента.

Хотя вся эта деятельность и была направлена против византийских императоров, объективно она лила воду и на их мельницу, придавая и

их власти обаяние древности. Поэтому «римская реконструкция» особых возражений в Византии не встретила и даже была в определенной мере подхвачена и далее развита.

Представление о якобы бывших в древности мощных императорах с резиденцией в Риме позволяло понтификам поставить вопрос о «восстановлении» их империи. Естественными кандидатами стали при этом франкские короли.

В свою очередь, эти короли, объединившие к тому времени под своей властью всю Центральную Европу, были заинтересованы в идеологическом и юридическом закреплении и оформлении своей власти. Все это они нашли в концепции Западного римского императора.

Коронование Карла означало появление на Западе реальной императорской власти. С тех пор идея империи постоянно носится в политической атмосфере Западной Европы и более чем на тысячу лет вперед определяет ее политическую философию.

Считается, что императорские притязания Карла были облегчены также и тем, что на византийском троне сидела в то время женщина, Ирина. Историки теоретизируют (см. [7], стр. 400), что «с точки зрения Льва императорский трон считался вакантным, так как на нем восседала женщина, и поэтому Карл, принимая императорский венец, только занял свободный престол единой Римской империи и сделался законным преемником не итальянского Ромула-Августула, а царьградского Константина VI». Это теоретическое построение будто бы подтверждается тем, что в западных анналах, современных 800 году, непосредственно за Константином VI следует имя Карла. Тем не менее, мы не склонны придавать ему большого значения, поскольку оно опирается на слишком обширный комплекс молчаливо подразумеваемых предположений, касающихся, например, положения женщин в ту эпоху.

Вместе с тем, нет сомнения, что Византия первоначально рассматривала Карла как одного из многих известных в ее истории узурпаторов, и его коронация считалась лишь возмущением западных провинций против законной власти. Когда же в 814 году она была вынуждена его признать, то для соблюдения формы была выдвинута «юридическая фикция» о Карле, как простом соправителе византийского императора. Быть может, это и послужило толчком к созданию легенд о западных соправителях восточных императоров будто бы существовавших в IV веке.

Возвращение в 800 году Льва и Карла в Рим в сопровождении войск прекратило, конечно, какую-либо оппозицию. Непосредственные организаторы заговора против Льва были высланы во Францию, и Карл

был «избран» императором «сенатом и римским народом» (с участием знатных франков). Лев возложил на голову короля золотую корону и надел на него императорскую мантию. Римский народ приветствовал нового императора дважды повторенными кликами, которыми ранее он же приветствовал византийских цезарей (а согласно апокрифам — и «классических» императоров):

— Благочестивейшему Августу Карлу, венчанному Богом, великому, миролюбивому императору римлян, жизнь и победа!

Естественно было бы ожидать, что «римский император» Карл постоянно обоснуется в Риме. Однако Карл благоразумно отказался от мысли сделать географически захолустный Рим столицей своей монархии и, это решение имело в высшей степени важное историческое значение. Им, с одной стороны, была обеспечена возможность самостоятельного политического и военного развития западно-европейских народов, а с другой, независимого развития католической церкви, в качестве центра которой вполне был удобен Рим, уже окруженный мифами.

Карл ограничился тем, что заставил римлян, как императорских вассалов, принести ему присягу в верности и повиновении. Он еще раз подтвердил право римского понтифика быть не только духовным, но и гражданским руководителем Рима. (Отказ римлян признать это право и лежал, фактически, в основе заговора против Льва).

Тем не менее, Карл оставил в Риме и своего личного представителя—легата, который являлся, в частности, высшей судебной инстанцией. Легат получал содержание из сумм понтификальной камеры, жил при церкви св. Петра, творил суд в ней, в датеранском «Зале волчицы» или в здании, которое раньше называлось Военным трибуналом («Курия Остилия»), но теперь считается помещением для диких зверей, назначенных для травли в цирке императора Веспасиана.

Интересно, что свои эдикты Карл датирует годами своего консульства, точь-в-точь как «классические» императоры.

Вскоре после возвращения Карла в Германию в Риме произошло катастрофическое землетрясение, вызвавшее среди населения панику. Историки удивляются тому, что летописцы того времени не уделяют ни малейшего внимания памятникам древности, которые, несомненно, должны были пострадать от землетрясения, хотя все они, как важное событие, отмечают, что крыша базилики св. Павла в Риме была разрушена. На самом деле удивляться тут нечему: никаких серьезных «памятников древности» в Риме к этому времени еще нет.

Образ Карла в легендах

Деятельность и личность Карла Великого с трудом различается сквозь густой слой легенд самого разнообразного характера. Многочисленные современные биографы Карла подвергли эти легенды подробному анализу, результаты которого вкратце сводятся к тому, что кроме легенд мы практически ничего о нем не знаем. Однако по понятным причинам никто не сделал из этого всех необходимых логических выводов и потому, скажем, информация о так называемом «Каролингском ренессансе» сомнения у историков обычно не вызывает, хотя даже беглое знакомство обнаруживает в ней все характерные черты апокрифа.

Вместе с тем, сомневаясь в реальном существовании императора Карла, по-видимому, оснований нет. Более того, можно думать, что его образ наложил свой отпечаток на многие сообщения, которые, как по традиции считается, к нему отношения не имеют.

Например, Морозов (см.[5], стр.515) отмечает, что имя родоначальника династии Каролингов Карла Мартелла означает «Король Молот». Это ставит эту династию в связь с библейской династией Иуды Маккавея, имя которого также означает «Молот». Это сопоставление тем более интересно, что, как мы выяснили в томе II, именно в эпоху Карла и происходило окончательное становление Библии. Не потому ли библейскую книгу Маккавеев признали лишь восточные церкви, что на Западе слишком свежо было воспоминание об ее истинном происхождении?

Одним из знаменитейших и всем известных (хотя, в основном, по сказкам) деятелей «Мусульманского ренессанса», фантастичность которого была обсуждена в гл.15 и который по времени в точности налегает на «Каролингский ренессанс», является халиф Гарун аль Рашид, т.е. Арон Справедливый, живший якобы почти одновременно с Карлом Великим. Обе эти знаменитости — и Карл, и Гарун, покровительствовали наукам и литературе, пышно развивавшихся в одно и то же время в двух ничем друг с другом не связанных странах, и оба же одновременно «омрачили конец своей жизни подозрительностью и казнями». О Карле сложились циклы франкских легенд, а о Гаруне циклы арабских, т.е. фактически испано-мавританских, легенд. Все это особенно любопытно еще и потому, что Карл был сюзереном нескольких (якобы мусульманских) испано-мавританских княжеств на Пиренейском полуострове (см.[5], стр.522).

Так, не являются ли, на самом деле, Карл и Гарун отражением одной и той же исторической личности в двух различных этнолингвистических зеркалах?

Мы не будем далее обсуждать все эти вопросы, поскольку это увело бы нас далеко в сторону.

Продолжение строительства Рима

См.[5], стр.528—535.

Несмотря на все политические пертурбации (население Рима по-прежнему не признавало гражданской власти понтифика и при каждом удобном случае, например после смерти Карла, с оружием в руках вставало в защиту своих старинных свобод), Лев III и его преемники интенсивно продолжали застройку Рима. В этот период в Риме был построен целый ряд замечательных сооружений, полностью преобразивших его внешний облик.

«Мы имеем полное право не верить догадкам любителей классической древности будто для этих построек пользовались уже готовыми колоннами и орнаментами «древних римских зданий», и что будто бы «новое созидалось тогда только из древнего» и что «эпоха каролингов, в которую очень много церквей было великолепно реставрировано, не оставила после себя ни одного самостоятельного, великого сооружения в Риме». Ведь этим лишь хотят объяснить небытие не бывшего!» ([5], стр.529; цитаты из книги Грегоровиуса).

Одно из крупнейших зданий того времени — построенная понтификом Пасхалием (817—824 гг.) по образцу базилики св. Агнессы церковь св. Цецилии с хорами, окруженными двойным рядом колонн. Он же построил базилику св. Пракседы на Эсквiline и храм девы Марии на Целие. Находящиеся в этих церквях гранитные колонны с ионическими и коринфскими капителями имеют совершенно античную конструкцию, что привело классиков, презрительно относившихся к архитектуре средних веков, к выводу, что все эти колонны сделаны еще в «классические времена» и сташены из развалин «древних храмов». На самом же деле, как мы теперь понимаем, постройки Пасхалия и уже с ним явились ядром, из которого позже выросли известные нам «античные» архитектурные памятники.

В постройках того времени сохранилось довольно много мозаичных изображений. Однако, как отмечает Грегоровиус, хотя усердно практиковалось литье из бронзы, серебра и золота и, в частности, отливалось «бесчисленное множество» статуй, «до нас не дошла ни одна из статуй того времени». Ясно, что эта пустота имеет искусственный характер и вызвана тем, что все скульптуры того времени отнесены в «классическую древность».

К середине IX века над римской областью нависла серьезная опасность с юга, со стороны мусульман. Для защиты от нападений с моря понтификс Григорий IV (827—844 гг.) строит крепость Остию.

«... А как же примирить эту постройку с рассказами классиков, что Остия была крепостью Рима еще в дохристианские времена? Очень просто. Великий римский понтификс Григорий около 840 года построил, говорят нам, свой новый город из материалов старого, и потому «все древние памятники его были уничтожены до основания ...» «Сначала называли этот город Григориополисом, но, это громоздкое имя не удержалось и превратилось обратно в Остию».

Но это все одни тенденциозные догадки... А факт остается тот, что Остия, защищающая с моря всегда слабый в военном отношении Рим, построена только в IX веке нашей эры. Остия — это переименованный впоследствии Григориополис и всякое упоминание о ней у классиков есть анахронизм» ([5], стр.533).

Григорию IV приписывается также «восстановление» сабатинского водопровода, который будто бы уже был восстановлен из воображаемых древних руин Адрианом I, но затем опять разрушился.

Трупопоклонство и паломничество

См.[5], стр.534—539.

При Григории IV в западно-христианском мире внезапно появилась страсть к мощам, быстро достигшая степени полного неистовства. Кладбищенским и катакомбным сторожам приходилось проводить целые ночи в тревоге, как будто в ожидании нападения гиен на тамошние засохшие трупы. Отовсюду прокрадывались к ним воры, прибегавшие ко всяким хитростям, чтобы достигнуть своей цели. Ни один паломник не хотел уезжать из Рима без кусочка «священного» трупа. Возникла поэтому целая индустрия поддельных мощей. До нас дошла эпиграмма того времени, описывающая, как священники, смеясь в душе, подделывали святых. Лучшим доказательством истинности мощей являлись, конечно, проделываемые ими чудеса, и такие чудеса организовывались или, в худшем случае, к мощам прилагались документы, удостоверяющие производимые ими чудеса.

Сами понтификсы, чтобы упрочить свое влияние, давали лицензии на вывоз особо знаменитых мумий. Эти мумии отправлялись из Рима на богато разукрашенных колесницах в сопровождении священников, распевавших молитвы. Всюду, где показывалась колесница, навстречу ей стремился народ, моливший об исцелении своих больных. Ее прибытие в назначенный город Германии, Франции или Англии превращалось в празднество, длившееся несколько дней.

Но сушеные трупы мужчин, женщин и даже детей вывозились тогда не из одного Рима, но также и с Востока и тоже нередко под видом

похищения. Так в 828 году из Александрии в Венецию была привезена мумия якобы апостола Марка, и с той поры Марк сделался патроном Венеции. В 840 г. в Беневент были доставлены мощи и другого апостола, Варфоломея.

В особо фанатических формах погоня за мумиями проявилась при дворе последних ломбардских властителей Италии. Подобно тому, как в XV—XVI веках папы и светские властители со страстью собирали приписываемые древности рукописи и произведения изящных искусств, так и в IX веке Сикард рассылал своих агентов по всем островам и берегам разыскивать и собирать для него не только целые засохшие тела, но и их кости, черепа и другие останки. Все эти находки складывались в церкви Беневента, так что она превратилась в музей священных ископаемых.

Историки не дают, по существу, никаких внятных объяснений этой вспышке трупопоклонства в западно-христианском мире. С точки же зрения Морозова ответ предельно прост: поклонение мумиям-мощам всегда было неотъемлемой чертой египетской версии христианского культа. Оно, по-видимому, продолжалось и после того, как в VIII веке Египет обратился к мусульманству (которое в то время еще не отошло от христианства; см. гл. 15), но с развитием мусульманско-исламской идеологии, оно постепенно пришло с ней в противоречие. Надо думать, что где-то около 825 года мумиепоклонники были вынуждены покинуть Египет. Явившись в Рим, они принесли с собой свой культ.

В тесной связи с трупопоклонством находится и происшедший в то время резкий скачок и без того немалого паломничества в Рим. Паломниками становились люди того и другого пола, всех возрастов и состояний; императоры, князья, епископы совершали путь, как нищие; дети, юноши, знатные дамы и ветхие старцы шли босые с посохами в руках. Наряду с честными людьми в Рим шли приговоренные к покаянию виновники всевозможных преступлений, вплоть до самых отвратительных. Благодаря тому, что свидетельство выдававшееся преступнику обеспечивало ему материальное существование на всем пути и в самом Риме, нередко под маской самого ужасного злодея скрывался простой авантюрист или мошенник, искавший веселых приключений или наживы. Как мухи к мясу, люди сомнительных профессий или просто рыцари большой дороги стремились к паломникам, надеясь на поживу, и очень часто набожный пилигрим вместо спасения находил гибель.

Грегоровиус, из книги которого заимствована вся эта информация, специально останавливается на судьбе женщин-паломниц. «Развра-

щающее сообщество людей, совершенно оторванных от семейных связей, всякого рода приключения и искушения на пути, соблазны роскошных городов юга — все это вело к тому, что множество девушек, вдов и монахинь, покинув родную страну ради того, чтобы помолиться о своем спасении у гроба св. Петра, оставались в Италии и отдавались здесь распутной жизни» (см. [5], стр. 536).

Это теоретическое восстановление причин, по которым «девушки, вдовы и монахини оставались в Италии и отдавались здесь распутной жизни» основывается на современных моральных нормах и на представлении, что эти нормы действовали и в IX веке. На самом же деле, как мы уже упоминали в § 2, гл. 11, нормы морали в то время существенно отличались от нынешних. Моногамная семья еще, по-видимому, отсутствовала (для нее только зарождались социально-экономические основания и создавались идеологические обоснования), а необходимым элементом храмового культа была «священная» проституция. Паломники считали своим долгом принимать участие во всех крайностях культовой оргастической практики, которая в Риме, возможно, принимала особенно уродливые формы. Через два-три века, когда в Риме воцарился дух сурового целомудрия, священные оргии были объявлены актами индивидуального распутства, за которые церковь ответственности не несет. Как показывают слова Грегоровиуса, это объяснение дожило и до наших дней.

Понтифицина Джованна

См. [5], стр. 539—542.

В 855 году после смерти Льва IV понтификальный престол св. Петра заняла женщина — знаменитая папесса Иоанна (Джованна). Этот занятый эпизод истории Рима заслуживает более подробного рассмотрения.

Авторы XIII века Мартин Полай и Мариан Скотт сообщают нам, что Джованна, дочь англосакса, родившаяся в Ингельгейме, отличалась не только красотой, но и необыкновенной ученостью. Она изучала науки в школах Майнца, а затем в Англии и в Афинах, которые, по утверждению этих авторов, все еще были хранителями «древней мудрости» (как мы увидим ниже, эта информация об Афинах является анахронизмом, характерным как раз для XIII века). Постигшая все, что только было доступно тогдашнему знанию, Джованна получает профессуру в римской «Греческой школе св. Марии». Римляне были совершенно очарованы ею, и вскоре она стала считаться «чудом Рима». Когда Лев IV умер, выбор пал на Джованну, так как, по общему

мнению, никто не мог быть более достойным представителем христианства. Женщина-понтифекс поселилась в Латеране и вступила там в супружеские отношения с одним из своих приближенных, но вскоре во время одной церковной процессии она почувствовала родовые боли, родила мальчика и вслед за этим умерла.

В память Джованны в Риме была воздвигнута статуя женщины в одеянии понтифекса с младенцем на руках. Эта статуя была уничтожена только в XVI веке папой Сикстом V.

Законность пребывания женщины на престоле понтифексов долгое время считалась самоочевидной. Еще в 1400 г. изображение Джованны попало в число папских портретов, украшавших Сиенский собор. В течение двухсот лет оно висело там, имея надпись «Иоанн IV, женщина из Англии», и только в начале XVII века Климент VIII велел переделать это изображение в портрет папы Захария (!).

У нас нет причин сомневаться в общей истинности рассказа о Джованне. Он делается фантастическим только, если согласиться с традиционным, но с эволюционной точки зрения невозможным, положением, будто римская церковь была основана в том самом виде и при том же самом мировоззрении, какую она является нам в канун нового времени, и с древнейших времен не подвергалась ни идеологической, ни ритуальной эволюции.

Лишь после того, как появилась монашеская легенда о древнем римском понтификате и присутствие явной женщины среди верховных римских понтифексов, превращенных апостериори в пап, стало для ортодоксальных католиков невозможным, начали создаваться фантастические объяснения, как и почему женщина стала «папой». В результате, на долю «папессы Иоанны» досталось, пожалуй, больше биографических исследований, чем на долю самых знаменитых королей в мире. Ее историю стали приводить как пример «полного разложения и крайнего морального упадка» папства в IX веке (см., напр., [148], стр. 18), а чтобы свести концы с концами предполагают, что Иоанна смогла стать папой только переодевшись мужчиной и обнаружила свой пол лишь неожиданными для всех публичными родами. Это «объяснение» не выдерживает, конечно, никакой критики и, кроме того, опровергается сообщениями о статуе Джованны в Риме и ее портрете в Сиенском соборе (не верить которым у нас нет никаких оснований).

Надо думать, что IX век был временем, когда впервые женщины заявили о своем равноправии. На Западе это сделала Джованна, а на Востоке (во всех отношениях более передовом и развитом) за полстолетия до Джованны — императрица Ирина.

§ 3. Коронованные Великие понтифексы

Николай I и «исидоровы декреталии»

См. [5], стр. 545—552 и [7], стр. 418—420.

После ранней смерти Джованны началась смута, когда одновременно появились два понтифекса: один Бенедикт, выбранный «римским народом», а другой, Анастасий, поддерживаемый имперскими графами. О растущей силе города Рима ярко свидетельствует тот факт, что послам императора пришлось в конце концов уступить и выдать Анастасия его противнику.

Следующий римский понтифекс Николай I известен тем, что он был первым, кто короновался тиарой, увенчанной тройной короной, как знаком светской власти. Хотя Николай по-прежнему признавал формальное верховенство каролингского императора (который присутствовал даже при коронации Николая), но он ощутил себя уже достаточно сильным, чтобы по многим вопросам резко конфликтовать с императором. Дело дошло до того, что император был вынужден с войском явиться в Рим. Николай успел бежать, и трудно сказать, как развернулись бы события, если бы император неожиданно не заболел и не был принужден вернуться в Равенну, а Николай вскоре не умер.

Все источники того времени единодушно отмечают общую культурную и интеллектуальную отсталость Рима по сравнению с городами Германии, Франции и даже самой Италии, в которых как раз в это время появились схоластические школы, зародыши будущих университетов. Грегоровиус указывает, что хотя в то время уже всеми осозналась роль латыни как всемирного христианского языка, но в латинском языке и науках совершенствовались ученые Германии и Галлии, тогда как в Риме господствовала «варварская латынь». Этот непонятный с традиционной точки зрения факт прекрасно укладывается в намеченную в § 4 гл. 14 схему возникновения латинского языка.

Грегоровиус далее сообщает, что именно в эту эпоху римский понтификат ревностно принялся за составление своей хроники. Претензии понтифексов требовали соответствующего идеологического обоснования и вот появляется множество сборников писем, речей и других актов римских епископов. Считается, что именно в это время и была составлена неоднократно упоминавшаяся выше «Книга понтифексов» (заканчивающаяся как раз житием Николая I).

Вершиной всей этой литературы был сборник декретов «древних пап» и древних соборов, составленный неким Исидором. В нем высоко ставятся привилегии духовенства, в особенности епископов, и власть «папы» расширяется гораздо дальше того, что признавалось за нею до тех пор. Великий римский понтифекс выставляется как верховный глава, законодатель и судья церкви, единый епископ всего христианского мира. По всем делам можно обращаться к нему с апелляцией и только он один вправе решать важные и трудные дела. Епископы объявляются свободными от всякого мирского суда. Худые епископы должны быть сносимы, как наказание божие, суд над ними должен быть предоставлен Богу. Никакой мирянин ни в чем не может обвинять своего священника и никакой священник своего епископа, их обвинения не могут быть даже выслушиваемы.

Подлинность «Исидоровых декреталий» была без труда опровергнута, как только появилась филологическая критика, допущенными их автором грубыми анахронизмами и промахами, но три-четыре сотни лет они считались безусловно достоверными и на них основывалась вся политико-правовая практика римских понтифексов и пап.

Любопытно, что инициаторами этого подлога были судя по всему не римские понтифексы, а провинциальные епископы, которых декреталии освобождают не только от всякого светского контроля, но и от контроля митрополитов и местных соборов, предоставляя решение их дел отдаленному трибуналу Рима как единственному судье. Главная цель декреталий состояла в том, чтобы защитить собственность духовенства от внешних посягательств и утвердить привилегии клерикальной иерархии на основе, не зависящей от светской власти. Для этого автору декреталий пришлось возвысить не только епископов, но и их формального верховного главу — римского понтифекса.

Естественно, что Николай I не преминул воспользоваться исидоровыми декреталиями как кодексом своих неограниченных прав во всем мире. Недолговечная империя Карла Великого клонилась уже к закату; поэтому императорам не удавалось силой пресечь притязания понтифексов.

Николаем I начинается новый период истории римского понтифика, период коронованных понтифексов, открыто провозглашающих свою независимость от империи.

Уже при выборах его преемника императорские послы были проигнорированы и подчеркнуто не приглашены на избирательное собрание.

Спор о «филиокве»

См.[7], стр.446—453.

Повышению авторитета римской церкви способствовала также политико-религиозная ситуация, сложившаяся в Византии.

В это время на константинопольском престоле сидел император Михаил III, получивший в истории выразительное прозвище Пьяница. О нем рассказывают, что в постоянных попойках и других недостойных развлечениях Михаил настолько расстроил государственную казну, что вынужден был грабить церкви и переплавлять в монеты золотые украшения императорских одежд. Он учредил шутовскую церковную иерархию, главой которой был некий Боголюб (Феофил), известный также под именем Поросенка. Члены этой иерархии, в которой состоял и сам император, принимали шутовское посвящение, рядились в церковные одежды, пели непристойные песни под церковную музыку и публично (!?) всячески пересмеивали официальные церковные ритуалы. Впрочем, вся эта информация исходит от противников Михаила и к ней следует относиться осторожно, особенно, если учесть, что в своей политико-государственной деятельности Михаил был, по всем данным, вполне дельным правителем. Судя по всему, он являлся просто одним из последних представителей отживающего доевангелического христианства вакхического характера, а в веках дурную репутацию ему создали его евангелические враги. То же самое относится и к одному из собутельников Михаила, знатному византийцу Фотию, бывшему начальником императорских телохранителей (протоспатарием), вся наша информация о котором также заимствована у его противников.

По всем данным именно в IX веке в атмосфере ожесточенных споров окончательно сложился догматический образ Христа. В Риме его приравнивали к богу, включив в символ веры положение (т.н. «филиокве»), что святой дух выделяет из себя не только Бог Отец, но и его Сын. К этому мнению склонялся и тогдашний константинопольский патриарх Игнатий (845—857 гг.). Признание такого символа веры означало, конечно, окончательный разрыв с агарянами. Не желавший этого Михаил заставил митрополита Григория в шесть последовательных дней рукоположить Фотия во все степени священнослужения и, принудив Игнатия к отречению, посадил Фотия на его место.

Между сторонниками Игнатия и Фотия разгорелась борьба, в ходе которой каждая из сторон обратилась за поддержкой к понтифексу Николаю. Понтифекс увидел в этом благоприятный случай для расширения своего влияния и представил все дело, как обращение к его

решению. Оя отправил в Константинополь легатов с письмом императору, выдержанном в тоне независимого властелина, и с инструкциями не признавать Фотия. Но несмотря на эти инструкции, вселенский собор 861 года (с которого, по мнению Морозова, во многом списан легендарный Никейский собор) подтвердил полномочия Фотия и низложил Игнатия. Раздраженный Николай, объявив свою церковь главой всех христианских церквей, собрал в 863 году свой собор, на котором Фотий был лишен всех духовных должностей, а все решения против Игнатия были объявлены недействительными. В ответном послании Михаил с негодованием отверг все притязания Николая, подчеркнув, что в обращении к Риму византийцы отнюдь не имели в виду признавать его своим судьей (и, кстати сказать, охарактеризовав латинский язык римлян как варварский жаргон).

Медленно, но верно, дело шло к окончательному разрыву между западной и восточной церквями. В 867 году созданный Фотием собор даже объявил Николаю анафему. Но внезапно все изменилось. В результате дворцового переворота император Михаил III был убит и к власти пришел бывший борец и наездник Василий, которого Михаил за спортивные успехи приблизил к себе и даже женил на одной из своих наложниц. (Таким образом, мы видим, что даже в IX веке «христианнейшие» византийские императоры держали гарем).

Через два дня после переворота Фотий был низложен, Игнатий восстановлен в патриаршем достоинстве, а в Рим Василий отправил письмо, в котором авторитет преемника апостола Петра признавался в терминах, дотоле несслыханных.

Хотя в 878 году Фотий снова становится патриархом, игнорируя анафему Рима, и дело доходит до формального разрыва двух церквей, но все же вся история с Фотием чрезвычайно укрепила авторитет Рима и его притязания на всеобщее церковное главенство.

Дальнейшее ослабление императорской власти

См.[5], стр.555—556.

Несмотря на прошедшее со дня коронации Карла почти столетие, византийские императоры не примирились с появлением на Западе новых «римских» императоров. В 871 г. византийский император Василий посылает каролингскому императору Людовику II (тому самому, который неудачно боролся с Николаем I) оскорбительное письмо, отрицающее за Людвигом право на императорское звание. В ответ Людовик написал будто-бы следующее:

«... Мы получили власть от нашего деда, но не узурпацией, как ты полагаешь, а волею бога, решением церкви и понтифекса, через возложение его рук на нас и через помазание. Ты говоришь, будто бы мы должны называться императорами франков, а не римлян, но ты должен знать, что если бы мы не были римскими императорами, то мы не могли бы быть и императорами франков. И это имя, и этот сан мы получили от римлян, среди которых впервые засияло это величие, а с ними к нам перешли и божественное управление римским народом, и городом, защита и возвеличение матери всех церквей, давшей роду наших предков сначала королевскую власть, а затем и императорскую... наш прадед Карл Великий первый из нашего племени и рода был помазан папою и в силу дарованной ему тем благодати был провозглашен императором и помазанником Божиим, между тем как другие нередко достигали императорского сана помимо божественного воздействия и посредничества папы, будучи избраны только сенатом и народом. Были и такие, которые даже не избирались, а возводились на императорский престол солдатами или овладевали императорским скипетром Рима другими способами. Но если ты осуждаешь действия римского папы, то порицай уж и Самуила, который отвергнув Саула, помазанного раньше им самим, нашел нужным помазать на царство Давида».

Это письмо показывает, если только оно не подлог (эта стандартная оговорка всегда необходима при изучении документов католической церкви), каких успехов к этому времени достигли в борьбе за свое идеологическое возвышение римские понтифексы: сам император ставит святость императорского сана в прямую зависимость от помазания рукой великого римского понтифекса!

В письме Людовика обращает на себя уверенность автора, что императорский сан с самого начала требовал освящения папой и что все другие способы его приобретения законной силы не имеют. Мы видим, что представление о древнем императорском Риме было в то время существенно отличным от сегодняшнего, выработанного гуманистами Возрождения. По представлению Людовика (которое он высказывает как общеизвестное и самоочевидное) христианские понтифексы духовно руководили Римом и при «древних» императорах и благословляли их на царство.

Вместе с тем, в это же время явно существовало и представление об «языческих» императорах, преследовавших христиан. Очевидная противоречивость этих двух представлений, по-видимому, никого не смущала.

Морозов замечает, что, если в латинском оригинале письма Людовика (с которым он не имел возможности познакомиться) действительно употреблен термин «папа» (а не «понтифекс»), то оно представляет собой апокриф. Однако, ввиду нестандартных представлений автора этого письма о роли «пап» в древнем императорском Риме, едва ли этот апокриф был очень поздним. Поэтому даже и в этом случае можно думать, что «письмо Людовика» достаточно точно отражает государственный идеологию того времени.

Сильный удар авторитету императора был нанесен в том же 871 году, когда он был захвачен в плен его собственным вассалом герцогом Беневента Адальгисом. Чтобы освободиться из заточения, Людовик был вынужден дать клятву не мстить за совершенное над ним насилие и за то унижение и оскорбление, которому в его лице подвергся императорский сан. Однако, получив свободу и явившись в Рим, Людовик потребовал от понтифекса освобождения от клятвы, что и было исполнено. Испуганный Адальгис был вынужден бежать на Корсику.

После смерти в 872 г. Людовика империя утратила практически всякое значение в стремительно возвышавшемся Риме. Последним толчком послужило то, что права на императорский престол Карла Лысого, преемника Людовика, были несколько сомнительны и, чтобы добиться избрания, ему пришлось унижаться до заискивания у знатных римлян. Дело дошло до того, что понтифекс Иоанн VIII имел смелость публично назвать его римским императором «своего собственного производства».

Результатом явилась анархия в Риме. Отсутствие императорской власти, которая оберегала его раньше, обрадило победу понтификата над империей в тяжелое поражение города Рима, поскольку из-за своего крайне неудобного стратегического положения Рим по-прежнему был органически бессилён в военном отношении.

Анархия в Риме

См.[5], стр.556—568.

Не успел новоизбранный Карл Лысый вернуться к себе в Германию, как в Риме группа знатнейших лиц ограбила Латеран и другие церкви. Был созван специальный собор, чтобы заставить их вернуть награбленное, но к призывам и угрозам собора грабители остались глухи.

Вокруг практически беззащитного Рима свирепствовали шайки разбойников, банды мелких феодалов и, к довершению всего, авангардные отряды наступающих агарян-мусульман. Понтифекс был вынужден снова взмолиться императору, от власти которого он только

что избавился. Сохранилось письмо Иоанна VIII Карлу, в котором он писал: «Города, крепости и села уничтожены вместе с жителями. Епископы разогнаны, в стенах Рима ищут приюта остатки совершенно беззащитного народа... Окрестности города опустошены до такой степени, что в них нельзя уже найти ни одной живой души, ни взрослого человека, ни ребенка».

К довершению всех бед, христианские южно-итальянские государи объединились с агарянами против Рима. Грегоровиус объясняет этот неестественный с традиционной точки зрения союз «торговыми интересами и желанием найти союзника в борьбе между собой и с императорами Востока и Запада», а также с притязаниями римской церкви на светскую власть над всей Италией. Сколь не сильны были эти импульсы, политический союз христиан и агарян в то время был безусловно возможен только при условии определенной религиозно-идеологической близости. Поэтому факт этого союза является еще одним свидетельством в пользу того, что в IX веке христиане и агаряне только начали расходиться в религиозном отношении (см. гл. 15).

Не имея помощи от императора и окруженный со всех сторон врагами, Иоанн не потерял присутствия духа. Он организовал строительство небольшого, но достаточно сильного флота (описание кораблей которого в точности соответствует классическим описаниям), вышел в море и разбил флот агарян. Это был первый реальный случай морской победы римлян, но он же стал и последним. Под давлением превосходящих сил противника Иоанн был в 878 г. вынужден бежать во Францию. Энергичный Иоанн VIII был последним выдающимся римским понтифексом рассматриваемого периода, и с его смертью надолго погас блеск, которого в первый раз достиг при последних каролингах понтификат как светское государство.

«В это время, — пишет Грегоровиус, — Рим окутался глубоким мраком, и среди него едва пробивается слабый свет летописей, освещающих ту эпоху. Перед нами бурным вихрем проносятся ужасающие сцены, действующими лицами которых являются бароны, совершающие насилия и называющие себя консулами и сенаторами; появляются и исчезают то грубые, то несчастные великие понтифексы, принадлежащие к той же среде баронов; красивые, необузданные женщины и призрачные императоры, вступающие друг с другом в борьбу и затем бесследно исчезающие».

Далее Грегоровиус продолжает: «Мы не можем, конечно, привести фактических доказательств тому, что римляне в ту эпоху ежегодно

избирали консулов и ставили их во главе своего муниципалитета, но все же нельзя сомневаться в том, что со времени падения империи каролингов в городе произошел внутренний переворот. Городское управление перешло в руки светских людей, а прелаты были отодвинуты на второй план. Освободившись из-под ига императорской власти и принимая участие, как соправительница во всех политических делах, аристократия принудила своих великих понтификсов признать за нею более значительные вольности. «Консул римлян» избирался из среды знати как самый старший, утверждался понтификсом и в качестве патриция ставился во главе судебных установлений и городского управления. Будучи *Consul Romanorum* этот глава аристократов уже тогда назывался, кроме того, еще и *Senator Romanorum*»:

Реальная история римского сената и городской аристократии только с этого времени и начинается.

В течение восьми лет (896—904 гг.) было избрано и свергнуто восемь понтификсов, что ярко свидетельствует до каких размеров достигла в Риме партийная борьба, не сдерживаемая больше железной уздой императорской власти. Время от времени из этого хаоса выдвигался то тот, то другой знатный римский род, пока, наконец, одному из них, возглавляемому «герцогом и консулом» Теофилактом, а, точнее, его женой Теодорой, не удалось захватить власть в свои руки.

По инициативе Теодоры в январе 904 года сан римского понтификса был вручен Сергию III, любовнику (а скорее всего мужу) ее дочери Маросии. Церковные историографы единодушно характеризуют Сергия как чудовище и тирана, но вместе с тем отмечают, что ему удалось прекратить на время анархию и навести спокойствие в измученном городе. Сергий известен тем, что «восстановил» (т.е. попросту построил) много «древнеримских» храмов, в том числе и Латеранскую базилику. «За все семь лет этого ужасного времени, — фантазируют историки, — она лежала грудой развалин, и римляне не переставали рыться в них, разыскивая имевшиеся в ней ценные жертвоприношения». «В это-то время, — догадываются они, — и исчезли те произведения древнехристианского искусства, которые были принесены в дар этой базилике Константином I... Точно также был украден и золотой крест Велизария.»

Излишне говорить, что эти «украденные» драгоценности исчезли бесследно и до сих пор не найдены.

Реальный же факт, помимо этих догадок и фантазий, состоит в том, что утихомирив римскую анархию, партия Сергия смогла в обстановке определенного спокойствия продолжать застройку Рима.

После смерти Сергия в 911 г. сменилось два непродолжительных понтификса до того, как в 914 г. Теодора ставит понтификсом своего бывшего любовника болонского епископа Иоанна X, который с редким искусством сумел продержаться на престоле Петра целых четырнадцать лет.

В это время агаряне захватывают ряд замков вокруг Рима и отрезают его от севера. Прекращение потока богомольцев и умелая дипломатия помогли Иоанну объединить враждующие до того группировки, собрать значительные силы и, в конце концов отогнать агарян. Ободренный своим успехом Иоанн попытался проявить независимость, но в результате упорной борьбы был свергнут и убит Маросией, которая сделалась фактической главой Рима.

Следующие римские понтификсы были бессловесными крестурмами Маросии, которая возвела на престол Петра даже своего собственного сына (по-видимому, от Сергия III). Однако, в конце концов, власть Маросии была свергнута ее сыном Альбериком, который сделался первым официальным властителем города Рима.

Принципат Альберика

См. [5], стр. 568—573.

Это произошло, когда Маросия решила сочетаться третьим браком с королем Италии Гуго. Торжество их бракосочетания происходило в Риме, в укрепленном замке св. Ангела, который якобы был построен еще в древности как «мавзолей Адриана». Эта церемония подробно описана летописцем Лиутпрандом, и, как с недоумением отмечает Грегоровиус, «Лиутпранд... называет замок просто крепостью, не упоминая имени Адриана». Грегоровиус объясняет это тем, что будто бы в то время «старина была уже забыта людьми».

Упоенный своим возвышением и обещанием Маросии сделать его императором, Гуго повел себя вызывающе со знатными римскими родами и смертельно оскорбил своего пасынка Альберика. Альберик поднял восстание. Гуго был вынужден бежать, а Маросия была заключена в тюрьму.

С этого момента Рим впервые становится суверенным светским государством, в котором понтификс обладает лишь духовной властью.

«Новому главе, — говорит Грегоровиус, — не было официально присвоено звание римского консула или патриция, как по привычке его называли современники. Сан патриция хотя и обозначал тогда всю светскую и судебную власть в Риме, но он был связан с представлением

о замещительстве императора... тут подразумевалось существование стоявшей над ним верховной власти. А теперь было нежелательно признавать ничью верховную власть, и потому Альберику был дан титул «принцепс и всех римлян сенатор». Из двух санов: **государь** (принцепс — *Авт.*) и **сенатор**, был новым для Рима только первый (вот: значит, когда в Риме появился принципат! — *Авт.*), служивший удостоверением независимости города и самостоятельности образованного им государства...

Так как королевская власть была различаема от понтификальной, то под титулом «принцепс» подразумевалась светская власть в противоположность духовной, которая сохранялась за понтификсом, и этот титул ставился гораздо выше титула «сенатор». Муниципальный сан «сенатор римлян» был введен еще Теофилактом, но теперь прибавкой слова «всех» значение его было повышено, и Альберик был таким образом признан главою знати и народа.

В § 1 мы видели, что оборот «сенат и римский народ» встречается еще в актах римской республики VII—VIII веков. Вместе с тем, как отмечает Грегоровиус, вплоть до X века звания «сенатор» по всем данным не существовало! «...Мы находим в бесчисленных актах той эпохи, так же как в актах предшествовавшего времени, подписи римлян, как консулов и герцогов («дукс»), но не находим ни одной такой, в которой римлянин был бы назван «сенатором». Теофилакт был первым римлянином, назвавшим себя «сенатор римлян», а прибавка к этому слову «всех» свидетельствует, что ни о каком организованном сенате не могло быть тогда и речи... Мы думаем, что титул сенатора определял гражданскую власть Альберика. Возложив на него пожизненное консульство, римляне отметили более широкие полномочия Альберика в пределах новой римской республики саном «сенатора всех римлян»...»

В отличие от Грегоровиуса мы не думаем, что «организованного сената» тогда (и ранее) не существовало, так как в противном случае пришлось бы признать подложными акты «понтификальной» республики VII—VIII веков с формулой «сенат и римский народ». Его рассуждение, что «сенат не мог существовать без сенаторов, т.е. отдельных сочленов, которым было бы присвоено такое отличительное наименование», не кажется нам убедительным. Не могло ли быть, например, так, что члены сената сначала не имели общего наименования, затем было (Теофилактом и Альбериком) придумано слово «сенатор» для обозначения главы сената и лишь позже этот титул был распространен на всех членов сената?

Не исключено, конечно, что Грегоровиус прав. Но тогда получается, что и без того немногочисленные акты и документы республики VII—VIII веков почти все подложны. Для нашей основной аргументации это более или менее безразлично; просто сделанные в § 1 в отношении этой республики замечания мы должны будем теперь отнести к республике X века.

Следует подчеркнуть, что основанное Альбериком римское государство было ярко выраженной диктатурой знатных. Как утверждает Грегоровиус, «У шерстобитов, золотых дел мастеров, кузнецов, ремесленников и купцов еще не пробуждалась мысль, что и они также имеют право на участие в управлении городом. Только при избрании понтифика подавали они свой голос — аккламацией, да собирались по общественным делам в заседании цехов, происходивших под председательством старшин. Все эти люди находились в зависимости от знати так же, как и колонны или арендаторы, существовавшие в качестве клиентов под ее же покровительством».

После смерти Альберика в 954 г. власть перешла к его сыну Октавиану. До нас не дошли римские монеты времени Октавиана, но несомненно, что подобно своему отцу, он также чеканил их со своим именем и титулом и потому, — говорит Морозов, — является вопрос, не ему ли принадлежат монеты, приписываемые Октавиану-Августу, т.е. Августейшему, как титуловался и средневековый Октавиан?

Основным достижением Альберика было установление принципа светской власти над Римом; понтификсы при нем не играли никакой политической роли. Легкомысленный и тщеславный Октавиан единым махом разрушил все тщательно построенное Альбериком здание. В 955 г. он сам принял звание понтифика и тем самым фактически ликвидировал светское государство Альберика.

Основание Священной римской империи германской нации

См.[5], стр.573—580.

Став понтификсом, Октавиан сменил императорское имя на имя Иоанна XII, и с той поры перемена прежнего имени при возведении в сан понтифика стала правилом.

Склонность Иоанна быть светским властителем значительно превышала его готовность нести духовные обязанности. Вскоре он утратил всякую рассудительность. Его Латеранский дворец обратился в место веселья. Он не только завел себе обширный гарем (что, по видимому, было тогда в обычае и никого не шокировало), но и кровосмесительствовал со своими сестрами. Был случай, когда

вернувшись с пиршества, где он «пил за здоровье дьявола и, играя в кости, клялся именем Зевса, Венеры и других злых демонов», полупьяный Иоанн совершил посвящение в дьяконы в конюшне.

Эскапады Иоанна навлекли на него всеобщее неудовольствие, и он почувствовал необходимость прибегнуть к внешней защите. В это время в результате династических интриг определенные права на власть в Италии приобрел германский король Оттон I, и Иоанн решил обратиться к нему. Оттон, явившись в Рим, подавил недовольных и Иоанн короновал его в 962 г. императором. Это считается началом «Священной римской империи германской нации», просуществовавшей до 1803 г.

Король Оттон принял на себя обязательство охранять римскую церковь и приобрел с некоторыми ограничениями все права имперской власти каролингов. Формально император и понтифекс были провозглашены равноправными главами империи, но на практике, власть осуществлял, конечно, император. В частности, он сохранил за собой право утверждения выборов папы и отправления правосудия в Риме через императорских посланцев. Тем не менее, теоретическое признание верховенства понтифекса сыграло в дальнейшем колоссальную роль: в следующем столетии оно послужило обоснованием требований папского престола на гегемонию в империи.

Но несбыточная фантазия сделать центром мирового государства непригодный для этого по своему географическому и политико-экономическому положению Рим, не умерла в среде римской знати, познавшей при Альберике вкус свободы, и подстрекаемый ею Иоанн, едва лишь Оттон после коронации покинул Рим, вступает в переговоры с его врагами. Немедленно узнав об этом, Оттон возвращается в Рим и собирает собор, на котором бежавший из Рима Иоанн объявляется государственным преступником и изменником и лишается сана. На его место император назначает одного знатного мирянина, который и «избирается» понтифексом под именем Льва VIII.

Однако, как только Оттон уезжает из Рима, Иоанн в него возвращается и вынуждает Льва VIII к бегству. Оттон снова направляется в Рим, но на пути его застают известие о смерти Иоанна, который, как передает легенда, в своих любовных похождениях попал в руки дьявола, явившегося к нему в образе оскорбленного мужа.

И после смерти Иоанна римляне не признали императорского ставленника Льва и избрали понтифексом кардинала—дьякона Бенедикта. Оттоку пришлось третий раз самолично явиться в Рим и силой утвердить Льва на понтификальном престоле.

Но дело этим не кончилось. Через два года в Риме снова поднимается восстание формально против сменившего Льва понтифекса Иоанна XIII, но на самом деле под лозунгом освобождения Рима от власти германских иноземцев. Оттону снова приходится являться в Рим и утверждать свою власть.

Всего Оттон был вынужден пробыть в Италии полных шесть лет. Отсюда он завязал сношения с византийским двором и после продолжительных и трудных переговоров сумел договориться о выдаче замуж византийской принцессы Теофано за своего сына, будущего Оттона II.

Юному жениху было в то время только 17 лет, но он уже успел получить хорошее по тому времени образование и проявил себя смелым воином и способным государственным деятелем. Невеста, которой было чуть больше шестнадцати, также отличалась умом и красотой.

Вскоре после свадьбы сына Оттай I умер и императором стал Оттон II. Выполняя завет своего отца, Оттон II пытался овладеть югом Италии, но потерпел жестокое поражение, смертельно заболел и умер в возрасте 28 лет. Гробница этого единственного римского императора, умершего и погребенного в Риме, до сих пор находится в Ватикане.

Рим — столица империи

См. [5], стр. 580—590.

По смерти Оттона II Италия, признав императорские права его трехлетнего сына Оттона III, без борьбы подчинилась Теофано. На Западе еще не было случая, чтобы императорская корона была в руках женщины, но Теофано, как греческая принцесса, вполне могла иметь в виду пример Ирины и Феодоры. Власть, которой она пользовалась в Равенне и в Риме, была полной властью императрицы и ее именем решались судебные дела.

После смерти Теофано власть перешла в руки Оттона III, который как раз к этому времени достиг совершеннолетия. Первым крупным актом Оттона было назначение понтифексом под именем Григория V своего кузена Бруно, молодого человека, получившего хорошее светское образование, имевшего выдающиеся способности, но отличавшегося страстностью и несдержанностью. Впервые за 250 лет понтифексом стал не римлянин. Это назначение стало победой германской императорской власти, первым свидетельством интернационализации понтификата и его отрыва от сферы собственно Рима и римской аристократии. Последняя не могла с этим примириться

и подняла восстание против Оттона и его ставленника. Борьба продолжалась два года и кончилась разгромом римлян. Их предводитель Кресцентий был обезглавлен на стене замка св. Ангела, а затем повешен.

Римские патриоты долго оплакивали несчастного Кресцентия.

В городских актах Рима имя Кресцентия вплоть до XII века встречается поразительно часто, показывая, что лет двести отцы давали детям это имя в честь смелого борца за независимость Рима. Оттон же в одной из своих грамот с удовлетворением отметил казнь Кресцентия и выразил уверенность, что «навсегда обуздал тщетные стремления римлян к созданию могучего государства».

Любопытно, однако, что по иронии судьбы Оттон задался фактически той же целью, что и Кресцентий. Мечтательный юноша он всерьез принял байки о великом прошлом Рима и его целью стало восстановление прежнего величия этого города. Он перенес свою столицу в Рим и, называя себя императором римлян, в то же время принял титул консула римского сената и народа. Сохранилась свинцовая булла Оттона, на которой изображена женщина, закутанная в плащ и держащая в руках щит и копье, с надписью *Renovatio Imperii Romani*.

Своими фантастическими измышлениями и мечтательными порывами Оттон много содействовал тому, что римляне снова отдались тщеславной и напрасной мечте о Риме, как о вечном всемирном городе, и стали вновь предъявлять притязания на управление Римом и соседними городами.

Политика Оттона способствовала также новому возвышению понтификсов. Григорий V ненадолго пережил Кресцентия и умер молодым в 999 году. Его смерть не нарушила спокойствия в городе. Терроризированные римляне даже не пытались избрать себе нового понтифика и терпеливо ждали, когда император назначит преемника умершему. Этим преемником оказался один из самых выдающихся ученых того времени Герберт, ставший понтификсом под именем Сильвестра II. Умный и энергичный деятель, Сильвестр II придал новый блеск захиревшему понтификату. В то время, как Оттон надеялся найти в нем ревнителя своих идей, Сильвестр рассчитывал, влияя на мечтательного и мистически настроенного юношу, вновь установить церковное государство. Он поддерживал императора в его непрактическом желании сделать Рим своею постоянной резиденцией. При всяком удобном случае он льстил Оттону, называл его всемирным монархом, которому подвластны Италия, Германия, Франция и славянские земли, и говорил, что он мудрее самих греков. Воображение юноши было воспламенено им до крайности.

Но все величественные мечты были обращены в прах суровой действительностью. В самое сердце императора поразили сведения, что в оставленной им Германии все больше нарастает недовольство его отсутствием, что народ уже грозил на место своего короля, без вести пропавшего в Италии, избрать другого государя. Изнуряемый лихорадкой, подхваченной в болотах около Рима, Оттон не выдержал этого удара и скончался 23 января 1002 года.

Так печально окончилась единственная реальная попытка сделать Рим столицей большой империи. Неудобства его экономико-географического положения без удобных морских и сухопутных сообщений с центральной Европой оказались сильнее всех прекраснораснодушных мечтаний императора и его двора. Все это еще доказывает полную фантастичность представлений о руководящей роли Рима в древности. Без хорошей гавани он никогда не мог иметь власти на море, а пока не были изобретены железные дороги, он, несмотря на все попытки, не смог установить постоянную власть даже над Италией.

Восстановление независимости Рима

См. [5], стр. 606—610.

Со смертью Оттона III Италия освободилась от своего короля, а Рим от своего императора. Северная Италия отдала ломбардскую корону врагу Оттона, могущественнейшему вельможе, маркграфу Ардуину, а римляне возложили диадему патриция на Иоанна, сына Кресцентия, и с той поры он в течение десяти лет правил городом как государь. Оба они были противниками автономии духовенства. При Иоанне сменилось два понтифика, не игравших никакой политической роли.

Смерть Иоанна Кресцентия совпала со смертью понтифика и выборы следующего понтифика вылились в ожесточенную свару между ставленником партии Кресцентиев Григорием и сыном Тускуланского графа Феофилактом, который также претендовал на тиару. Спор был решен вмешательством германского короля Генриха, к которому обратились оба претендента и который стал на сторону Феофилакта. Под именем Бенедикта VIII Феофилакт утвердился на престол понтификсов и в 1014 г. короновал Генриха императором. Обе стороны были довольны: Генрих вернул своему народу империю, а Бенедикт получил надежду на восстановление церковного государства, поскольку Генрих, наученный судьбой своего предшественника Оттона, все внимание уделял Германии, предоставив Рим собственной участи.

С этого времени в Риме снова начинают властвовать понтифексы. Хотя формально светская Римская республика еще остается, но ее главой, сенатором всех римлян Бенедикт делает своего брата Романа. Бенедикт ведет активную военную политику, отбирает у сарацин Сардинию и борется с византийцами, которым одно время удалось захватить почти всю Италию и непосредственно угрожать Риму. В последнюю минуту Рим спасает Генрих, очистивший от византийцев Северную Италию.

Основной заслугой Бенедикта историки церкви считают то, что он впервые издал соборные постановления, запрещающие симонию (продажу духовных должностей) и браки духовных лиц. Факт издания этих постановлений доказывает, что симония и семейственность духовенства были широко распространены (в противном случае специальные постановления были бы не нужны), а тот факт, что до Бенедикта таких постановлений не было, доказывает, что раньше и симония, и семейственность духовенства считались в порядке вещей. В этих постановлениях, Бенедикт явился выразителем новых, только что появившихся веяний в проблемах организации церкви.

Первая ласточка не делает весны, и, как мы увидим ниже, постановления Бенедикта в жизнь претворены не были; слишком расходились они с общепринятыми моральными нормами тогдашнего священства.

После смерти Бенедикта понтификальный престол остался в его семье, перейдя к его брату Роману, который завладел им частью подкупом, частью силой. Он был коронован под именем Иоанна XIX, причем сан сенатора всех римлян он, по-видимому, сохранил, сосредоточив, тем самым, в своих руках и светскую, и духовную власть.

В последние годы Иоанна, большое влияние приобретает консул Альберик, который, стремясь закрепить за своим домом высшую власть, проводит после Иоанна в понтифексы своего двенадцатилетнего сына под именем Бенедикта IX.

Понтифекс — многоженец

См. [5], стр. 610—917.

Малолетний понтифекс травмирует ортодоксальных историков почти так же, как понтифицина Джованна. Они, представляя себе тогдашних понтифексов по образцу современных римских пап, могут только недоуменно разводиться руками, ссылаясь, в лучшем случае, на «полное разложение и крайний моральный упадок» тогдашнего понтификата. На самом же деле, пребывание на престоле Петра малолетнего мальчишки было по нормам того времени не более удивительно, чем пребывание на императорском троне трехлетнего ребенка.

Придя в совершеннолетие, Бенедикт официально завел себе гарем с множеством жен. Вот как комментирует этот факт Морозов:

«Ортодоксальные историки, повторяю, становятся в тупик перед этим историческим фактом, отвергнуть который нет никакой возможности. Накануне введения безбрачия католического духовенства во главе его стоял великий римский понтифекс, имевший место много лет форменный гарем, ни мало не стеснясь и не отрицая его! Как мог он это сделать, если до него в продолжение тысячелетия ничего подобного не было? Тут есть отчего стать в тупик, но надо же, наконец, выйти из столбняка и осмыслить то, что мы знаем. А осмыслить это можно только одним способом: многоженство было настолько нормальным явлением среди средневековых римских понтифексов, что о нем даже и не упоминалось в их жизнеописаниях, как не упоминается и о том, что они каждый день обедали или время от времени выходили на прогулку. А о многоженстве Бенедикта заговорили лишь потому, что в его время оно уже вышло из обычая в остальном высшем обществе и надо было его прекратить и у главы культа» ([5], стр. 611).

Когда Бенедикту было около 22 лет, он влюбился в дочь знатного римлянина Джирардо де Сансо. Чтобы получить ее руку, влюбленный понтифекс был готов на все, и когда Джирардо объявил, что он отдает ему свою дочь только, если Бенедикт откажется от тиары. Бенедикт согласился на это и сам сложил с себя свой сан, но, однако, и после этого не получил себе в жены дочь Джирардо.

В этой истории совершенно непонятны мотивы поведения Джирардо. По-видимому, до нас дошли только несвязные обрывки информации о какой-то сложной дворцовой интриге. Имеется к тому же и другая версия лишения Бенедикта сана. По этой версии Бенедикт был свергнут римлянами, впадшими в панику из-за случившегося в это время землетрясения, которое было расценено как наказание народа за многоженство понтифекса и его занятия магией. «В суеверном народе, — говорит Грегоровиус, — рассказывали будто он уходил в леса и там вступал в договоры с чертями, будто женщин он привлекал к себе чарами и будто в Латеранском дворце были магические книги, при помощи которых он производил заклинания над демонами».

В то время наука (в которую входила и магия) еще не отошла от теологии и потому занятия магией входили в круг прямых обязанностей понтифекса. До XI века хроникеры об этом не упоминают по той же причине, по которой они не упоминают о многоженстве понтифексов. В этом же веке под влиянием новоявившихся евангелий на науку стали смотреть косо, как на связь с дьяволом, и, естественно, ученые

занятия Бенедикта (обучавшегося у архиепископа Лаврентия, учителем которого был будто бы сам Сильвестр II) обратили на себя внимание.

Когда Бенедикт понял, что зря сложил с себя сан, он вернулся и снова возшел на понтификальный престол. Его заместитель Сильвестр III укрылся в одном из сабинских замков и, то ли нуждаясь в деньгах, то ли желая с прибылью выйти из игры, продал за 1500 фунтов свой сан богатому протопресвитеру Грациану, который тем самым стал великим понтификом под именем Григория VI прямо за деньги, без всякого избрания.

Этот случай истории также приводят как пример «крайнего упадка и морального разложения» папства в то время. Для беспристрастного же исследователя это всего лишь еще один штрих для выяснения вопроса о том, что представляла собой тогдашняя римская церковь. Вполне возможно, что купля-продажа сана понтифика случалась и раньше, но летописцы не считали нужным отмечать это, считая такого рода торговлю вполне нормальной практикой.

Поскольку и после продажи Сильвестр продолжал именовать себя великим понтификом, в Риме в это время оказалось целых три понтифика: Сильвестр, Григорий и Бенедикт (который, кстати сказать, продолжал содержать и пополнять свой гарем).

Чтобы выйти из тупика, римляне прибегли к обычному и практически единственному для них, способу: они вновь обратились за посредничеством к германскому цезарю. В то время в Германии правил Генрих III. Явившись с большим войском в Рим, Генрих собрал собор, который низложил всех трех понтификов и избрал понтификом под именем Климента II ставленника Генриха епископа бамбергского. Немедленно Климент короновал Генриха императором и объявил его римским патрищем.

Хотя римляне в который раз покорились императорской власти, но они по-прежнему относились к ней как к ненавистному игу и ждали лишь удобного случая, чтобы его сбросить.

Такой случай представился, когда меньше чем через год Климент II скоропостижно умер и Бенедикт IX снова попытался овладеть тиарой понтифика. Он вместе со своим гаремом явился в Рим и был горячо принят римлянами. Однако через 8 месяцев императорские послы заставили его вновь и уже навсегда покинуть Рим. Бенедикт удалился в монастырь (снова вместе с гаремом), где и окончил свои дни.

После смерти понтифико-многоженец был церковью канонизирован и объявлен святым (!). Однако время женолюбивых понтификов шло к концу; приближалась церковная революция XI века, которая в корне изменила и идеологию, и организацию римской церкви.

Этот новый период истории Рима мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 17

ПАПСКИЙ РИМ

§ 1. Церковная революция в Риме

Начало реформ. — Упорядочение избрания понтификов. — Борьба вокруг реформы. — Григорий VII. — Борьба с императором. — Разрушение Рима.

§ 2. Предпосылки установления celibата

Постановка вопроса. — Теория Морозова. — Документальные свидетельства.

§ 3. Рим после Гильдебранда

Призыв к крестовому походу. — Культура Рима. — Империя и Рим. — Антипапа Анаклет II. — Евреи в Риме. — Римское право.

§ 4. Римская республика

Установление республики. — Различные республики Рима. — Капитолий. — Республика и папы. — Начало римской археологии. — Средневековый Рим в сообщениях современников.

§ 5. Рим и папство в канун Возрождения

Папа Иннокентий III. — Еретические движения. — Нищенствующие ордена. — Аристотелизм и томизм. — Рим при Григории IX. — Император Фридрих II. — Бранкалеоне. — Руины Рима. — Флагелланты. — Карл Анжуйский и конец Римской республики. — Бонифаций VIII. — Колизей.

Итоги глав 16 и 17

§ 1. Церковная революция в Риме

Начало реформ

См.[5], стр.616—522.

Как мы уже видели, еще Бенедикт VIII издал постановления, запрещающие симонию и браки духовенства. Эти запрещения не были обязаны инициативе самого Бенедикта, он лишь последовал требовавшему их широкому демократическому движению мирян и низшего духовенства. Считается, что первоначально эти требования были выдвинуты в монастыре Клюни в Бургундии (см.[148], стр.34) и потому все это движение за обновление церкви называется в литературе «клюнийским».

Поскольку постановления Бенедикта VIII в жизнь фактически проведены не были, сторонники реформы не утихли и, напротив, усилили свое давление. В 1047 г. они добились созыва первого собора, направленного против симонии, но решительные шаги в направлении реформы начали делаться лишь с 1049 г., когда под именем Льва IX понтификсом стал горячий сторонник реформы германский епископ Бруно, близкий родственник императора Конрада.

Бруно по совету своего приближенного Гильдебранда явился в Рим без помпы, в одежде паломника и объявил, что хотя он назначен понтификсом самим Конрадом, но примет сана, если не будет выбран по всем каноническим правилам духовенством и римским народом. Это избрание было, конечно, пустой формальностью, но его демагогическое заявление привлекло к Бруно симпатии народа и обеспечило ему спокойное существование в Риме.

Сразу же после избрания Лев IX созывает собор для осуждения симонии и внебрачного сожительства духовенства. Во времена «патрициев» и «сенаторов всех римлян» (да, вероятно, и ранее) все церковные должности от псаломщика до кардинала-епископа (а подчас и понтифика) предоставлялись тому, кто давал за них больше денег. На первом же своем соборе Лев убедился, что, если только он будет последовательно проводить в жизнь свои реформы, то римские церкви должны будут остаться совсем без пастырей. Поэтому на первых порах он удовлетворился тем, что расстриг в основном лишь епископов и клириков, отличавшихся особо бесстыдным сексуальным поведением (гомосексуалистов, скотоложцев и т.п.).

Однако Льву IX не удалось углубить свои реформы. Пытаясь вооруженной рукой оградить свои владения от норманнов, он попал к ним в плен, а по возвращении в Рим подвергся критике, как отошедший от заветов Христа, который якобы заповедывал вести борьбу только духовным

оружием. Сломленный и опозоренный понтификс скончался 19 апреля 1054 года, успев сделать лишь первые шаги в направлении реформы церкви.

С именем Льва IX связан также окончательный разрыв римской церкви с византийской (православной) церковью. Он потребовал от византийского патриарха признания верховной власти понтифика, а от византийского императора уступки последних византийских владений в Южной Италии. Получив отказ, папские послы прокляли патриарха, а патриарх и созданный византийским императором собор в свою очередь прокляли понтифика и объявили его еретиком (см.[148], стр.27).

Льву IX наследовал Виктор II, продолжавший его реформаторскую политику, но мало успевший за непродолжительность своего пребывания на троне. Во время понтификата Виктора умер германский император, оставивший на попечение понтифика жену — правительницу Агнессу и малолетнего сына. По императорскому завещанию понтификс должен был быть первым советником Агнессы и фактическим верховным правителем империи до совершеннолетия наследника, Генриха IV. Чашки весов качнулись в другую сторону: если ранее понтификсы были вынуждены почти всегда подчиняться императору, то ныне по завещанию понтификс стал во главе империи. Пока на римском троне сидел германский ставленник Виктор, это империи ничем не грозило, но ранняя смерть Виктора все изменила. Имея против себя только слабую женщину-регента и опираясь на уже достаточно установившийся принцип папской супрематии, римляне снова отважились на попытку произвести избрание понтифика независимо от императорской власти. Их выбор пал на кардинала Фридриха, который и стал понтификсом под именем Стефана IX.

Стефан продолжил политику своих предшественников и пригласил в Рим знаменитого проповедника евангельского образа жизни и отшельника Петра Дамиани. Но не успевает Петр развернуть в Риме свою проповедь, как Стефан IX умирает и власть в Риме захватывают противники реформы, которые возводят на папский престол своего ставленника Бенедикта X. Петр со своими сторонниками вынужден покинуть Рим бегством.

Упорядочение избрания понтификсов

См.[5], стр.622—623.

Но реформа зашла уже достаточно далеко и возврата вспять уже не было. Специально созданный в Сиене собор низвергает Бенедикта и возводит в сан понтифика под именем Николая IV сторонника реформы флорентийского епископа Гергардта. В апреле 1059 г. Николай IV соборным постановлением 113 епископов снова осуждает

симонию, браки духовенства (после принятия сана) и, что самое важное, издает закон о порядке избрания великого понтифика.

Этим знаменитым декретом коллегия римских кардиналов возводилась на степень церковного сената, из среды которого только и должны быть избираемы понтифексы. Декретом устанавливалось, что понтифекс избирается исключительно римскими кардиналами, и народ только присоединяется к этому избранию. Тем самым от избрания была устранена даже светская римская знать, и римским консулам и сенаторам был противопоставлен конклав. Более того, чтобы оградить избрание понтифекса от влияния римской толпы (и знати), было установлено, что избрание не должно происходить непременно в Риме и что полного состава кардиналов для избрания не требуется.

Такого рода решительные меры, резко ограничивающие политическое влияние римской знати, не могли, конечно, войти в силу без внешней военной поддержки. За этой поддержкой Николай IV обращается к норманнам, бывшим врагам святого престола, погубившим Льва IX. К этому времени норманны успели захватить Капую, Апулию и Калабрию и остро нуждались в правово-юридическом оформлении их власти. Они быстро нашли общий язык с Николаем IV, который признал все их завоевания, юридически оформив их как лены святого престола. В ответ норманны поклялись охранять владения церкви и поддерживать понтифексов, избранных по новым правилам. Тем самым избирательный декрет Николая II был поставлен под вооруженную защиту норманнских завоевателей, в то время как римская знать в борьбе против этого декрета нашла поддержку у императорского двора, раздраженного и избирательным декретом, отрицающим стародавнее право императоров назначать понтифексов, и самовольной отдачей норманнам в ленное держание земель, считавшихся имперским владением. И вот Рим, и вместе с ним вся Италия, разделился на партию императорскую (гибеллинов) и партию папскую (гвельфов), борьба между которыми на ближайшие века определила судьбу Рима и всей Италии.

В дальнейшем мы неоднократно будем возвращаться к перипетиям борьбы гвельфов с гибеллинами, а пока лишь заметим, что по мнению Морозова эта борьба положила начало легендам о происходившей будто бы в «классические времена» борьбе горациев (т.е. живущих на холмах, надо думать укрепленных) и куриациев (т.е. церковников, от «курия» — церковное управление). Подробное прослеживание аналогии гвельфы—куриации и гибеллины—горации не является здесь нашей целью.

Борьба вокруг реформы

См. [5], стр.625—631.

В открытую борьбу между сторонниками и врагами реформ вспыхнула в 1061 г. после смерти Николая IV, когда встал вопрос о новом понтифексе. Сторонники реформы избрали согласно новому избирательному закону, не консультируясь с императорским двором, великим понтифексом епископа Ансельма под именем Александра II, а ее враги — епископа Кадала под именем Гонория II, объявив одновременно, в соответствии со старым обычаем, десятилетнего Генриха IV римским патрицием (и, следовательно, номинальным главою Рима). После избрания Александру удалось проникнуть в Латеран только после серьезной битвы со сторонниками императора, а при публичном появлении на улицах Рима он и его спутники подвергались громким оскорблениям и поношениям. Римский же сенат постановил скорейшим образом доставить в Рим Гонория, который находился в это время в Швейцарии, чтобы противопоставить его Александру. Так, бывшие противники императора и ярые борцы за независимость Рима объединились со своим прошлым врагом, чтобы отразить более непосредственную и близкую опасность со стороны поднявшего голову римского понтификата.

Когда Гонорий явился в Рим, обновленцы пытались начать с ним переговоры. После же срыва переговоров сторонники Александра попытались решить дело силой. В разгоревшейся кровавой битве победил Гонорий, но не успел он воспользоваться плодами своей победы, как в Рим с большим войском явился сторонник обновленцев герцог Готфрид. Он принудил обоих понтифексов вернуться в свои епископства и предложил предоставить решение спора императору.

Готфрид знал, что делал. Сам император был еще малолетним ребенком, а его мать Агнесса отличалась суеверием и склонностью к мистицизму. Наставляемая своим духовником, она фактически предала интересы императорской партии, полностью согласившись со всеми предложениями обновленцев. Александр был утвержден в сане понтифекса, а Готфрид назначен имперским послом в Риме. В январе 1063 года соединенные войска Готфрида и норманнов заняли Рим, Сабину и Кампанию, и водворили Александра в Латеране. Однако пригороды Рима остались в руках приверженцев старой церкви, и Александр в Латеране не чувствовал себя в безопасности, поскольку римляне не отказались от старовера Гонория и настойчиво просили императрицу вернуть им «их понтифекса», который заперся в неприступном замке св.Ангела.

В этих условиях между двумя понтифексами и их сторонниками разгорелась форменная гражданская война. Оба понтифекса служили мессы, издавали буллы и декреты и предавали друг друга анафеме. Противники не стеснялись в эпитетах. В одном из писем Дамиани Гонорий характеризует как гнусный змей, извивающаяся гадюка, человеческий кал, отхожее место преступлений, клоака пороков, ужас небес и т.д. и т.п. Гонория именовали также разорителем церкви, нарушителем апостольского благочестия, стрелой с лука сатаны, жезлом Ассур (что невольно сопоставляется с выводом в гл.8, §5, что библейский Ассур означает Германию), губителем непорочности, навозом века, пищей ада и т.д. и т.п. Староверы не оставались в долгу. Они называли Александра Азинандром (от «азинус» — осел) и высмеивали его в куплетах.

Борьба была решена, когда отряд норманнов устроил правильную осаду замка св. Ангела. Староверы посылали Генриху жалостные письма, напоминая ему о славных римских походах его предков Оттона, Конрада и Генриха, но в ответ получали лишь пустые обещания. Протомившись больше года в замке св. Ангела, Гонорий, в конце концов, бежал. 31 мая 1064 г. он был формально низложен и обновленец Александр II был объявлен единственным законным понтифексом.

Кстати сказать, в письмах Генриху сторонники прежнего порядка аргументировали тем, что «апостолы Петр и Павел, первый крестом, второй мечом, отняли у язычников Рим, эту твердыню вашей Римской империи, и отдали его грекам, галлам, затем лангобардам и, наконец, на вечные времена вам, германцам». Здесь отражен один из этапов создания легенды о «языческом Риме», еще очень далекий от известной нам картины, созданной позже гуманистами.

С признанием Александра окончились слабые попытки германского регентства удержать за собой римский патрициат. Спротивление римской знати было сломлено. Готфрид охранял обновленческий Рим с севера, а норманнские вассалы служили оплотом его с юга.

Тем не менее, светская власть реформаторов была еще до крайности ограничена. По отношению к графам Кампани они были совершенно бессильны. Если при каролингах графы были простыми чиновниками культа и его арендаторами, то теперь они считали свои города наследственной собственностью и сами назначали их правителей — виконтов. То, что еще сохранялось от старого церковного государства принадлежало церкви только по имени, а в действительности все церковные провинции распались на множество отдельных, фактически самостоятельных баронств.

В самом Риме знатные фамилии также не признавали светской власти реформированного духовенства. Муниципальная и судебная власть по-прежнему оставалась в ведении сената и нобилей. В это время особое значение получила должность префекта Рима и замещение ее обыкновенно сопровождалось большими беспорядками. Реформаторы употребляли все усилия к тому, чтобы префектом стал их сторонник, но несмотря на всю их агитацию, это у них не получилось. Впрочем, известный своей приверженностью к старой церкви претендент на должность префекта знатный римлянин Ченчи также не смог добиться префектуры. Озлившись, он построил у въезда в город башню, преградившую путь, и взимал со всех проходивших по монете. И все это до поры до времени уживалось: и старовер Ченчи, взимавший пошлину с богомольцев, идущих в реформированный храм, и обновленческий проповедник Цинти, призывавший в базилике св. Петра бедных к евангельской бедности и раздаче имущества.

Однако идеологическое первенство было всецело у реформаторов, и потому переход в их руки светской власти являлся лишь вопросом времени.

Григорий VII

См.[5], стр.632—636.

Главным идеологом и руководителем всей реформы был уже упоминавшийся выше Гильдебранд, явившийся в Рим вместе со Львом IX. Как при Льве IX, так и при всех следующих понтифексах-реформаторах он был главным их советником и вдохновителем. Гильдебранд был фактическим автором избирательного декрета Николая II и всех других важнейших реформаторских постановлений.

В своей деятельности Гильдебранд, как и все реформаторы-обновленцы, руководствовался евангельской идеологией. Грегоровиус, подобно всем другим историкам, не устаёт удивляться, почему евангельские идеалы с такой силой вспыхнули в это время через тысячу лет после «рождения Христова». С точки зрения Морозова никакой загадки здесь нет. Как мы видели (см. гл.11, §5), евангелия (и в особенности наиболее разработанные Евангелия от Матфея и Луки) были составлены совсем незадолго до Гильдебранда и эта новая «евангельская» идеология и послужила движущей силой реформы.

Заслуги Гильдебранда в деле евангельского обновления церкви были по достоинству оценены его соратниками. После смерти в 1073 г. Александра II он был единодушно избран следующим понтифексом при громких, торжествующих кликах всего народа. Однако

Гильдебранд проявил осторожность и отложил свое посвящение до утверждения избрания императором. Его торжественная коронация состоялась поэтому только через три месяца в присутствии имперского канцлера Италии, маркграфини Беатрисы (верной последовательницы Гильдебранда) и самой императрицы Агнессы. Как понтифекс он принял имя Григория VII.

Гильдебранд был первым, кто приказал именовать себя и своих преемников по-гречески папами (см. § 1, гл. 16) и подчиненное духовенство по-латыни патерами, т.е. в обоих случаях — отцами. С него только и начинается папство в Риме. Применение термина папа к предыдущим понтифексам следует поэтому рассматривать как грубый анахронизм. Впрочем, можно думать, что эта терминология была в ходу задолго до Григория; он был только первым, кто придал ей официальный характер.

Смена титулатуры имела целью подчеркнуть полный разрыв Григория VII с прошлым, решительное изменение им церковной политики и идеологии. Интересно, что историки церкви пытаются всячески преуменьшить глубину преобразований Гильдебранда, называя их «реформой» и «очищением» церкви. На самом же деле это был революционный переворот, полностью перестроивший церковь и основавший ее совсем на других началах.

Сделавшись папой, Гильдебранд подтвердил через собор все декреты своих предшественников, относившиеся к реформе понтификата, и затем без всякой пощады объявил низложенными всех духовных пастырей, которые продолжали вести брачную жизнь. Это решение вызвало ожесточенную борьбу, длившуюся более полувека.

Григорий VII встретил сопротивление даже в самом Риме. В противность соборному постановлению почти все римское духовенство продолжало жить в брачном или внебрачном сожителе. Сохранилось, например, свидетельство летописца об организации богослужений «по старинному образцу» в базилике св. Петра, центральном храме тогдашнего Рима. Оказывается, что в этой базилике службу исполняли 60 так называемых «духовных охранителей». Днем они в кардинальском облачении служили обедню и принимали приношения (достигавшие таких размеров, что «даже короли завидовали священникам»), а когда наступала ночь, устраивали в базилике оргии со своими прихожанками и женами. Все они теперь были низложены и вместе со своими родственниками и клиентами глубоко возненавидели Григория и примкнули к городской знати, стоящей в оппозиции к понтификату.

Борьба с императором

См. [5], стр. 636—645.

Нетрудно было предвидеть, что между императором и Григорием также последует разрыв. Хотя юный Генрих обещал подчиниться обновленческим декретам, но это обещание было чисто внешним. Ничуть не стесняясь, Генрих по-прежнему продавал церковные места и большинство священников в империи имело жен. Одна мысль заставить прелатов, которые жили как князья, и несколько тысяч священников империи сделаться монахами и подчиниться безбрачным постановлениям должна была казаться дерзостью и, когда в Германию прибыли папские легаты с целью провести в жизнь эти постановления, повсеместно начались волнения.

Не видя поддержки со стороны Генриха и, наоборот, замечая его пассивное сопротивление, Григорий в 1075 году делает следующий шаг. Он объявляет светскую власть лишеной права инвеституры (назначения) в отношении духовенства. Отныне никто из епископов и аббатов не должен был принимать от королей, императоров, герцогов и графов кольцо и посох.

Это постановление исключало духовенство из сложившейся феодальной структуры, разрывая государственно-правовую связь между духовенством и светской властью. Однако Григорий хотел это сделать, сохраняя за духовными лицами и организациями все их феодальные земельные права и владения. Его целью было обеспечить церкви светскую власть над обширными церковными землями, освободив ее в то же время от вассальной зависимости по отношению к короне. Короче говоря, он хотел из половины Европы создать суверенное церковное государство.

Естественно, что Генрих этому постановлению не подчинился, продолжая по-прежнему продавать церковные места. Более того, он даже приблизил к себе отлученных от церкви клириков. Все это побудило Григория принять решительные меры. По его приказу римские легаты объявили кайзеру, что если он не прекратит свою политику и не покается, то будет отлучен от церкви. В ответ Генрих созывает в Вормсе собор подчиненного ему духовенства, который объявляет Григория низложенным. Когда решение Вормского собора стало известно в Риме, все его участники во главе с Генрихом были отлучены от церкви.

Это отлучение, на которое первый римский папа осудил могущественного христианского монарха, прогремело по всему миру как оглушительный удар грома. Все христиане Западной Европы уже

верили во власть пап благословлять и проклинать и ожидали от папского проклятия ужасных последствий. Духовенству, знати и народу Германии дано было понять, что они могут избрать себе другого, более достойного короля. Могущественные князья, исконные враги Генриха, во главе с Вельфом Баварским с готовностью решили воспользоваться открывшейся возможностью сменить императора и с этой целью съехались на сейм в Трибуре. Сейм объявил Генриха низложенным, если до 2 февраля 1077 г. с него не будет снято отлучение.

Испуганный Генрих поехал в Италию, где ломбардцы-староверы (лишь недавно отошедшие от арианства) встретили его шумными ликованиями. По недоразумению они решили, что Генрих прибыл в Италию, чтобы наказать «врага человечества» Григория и сбросить его с папского престола. Сам папа до того перепугался, что бежал в Каноссу, укрепленный замок своей поклонницы графини Матильды, и заперся в нем. Это был решающий момент. Графы и епископы, державшиеся староверия, уговаривали Генриха идти на Рим, но в душе короля гордость боролась с суеверием, и он оставался в нерешительности. В конце концов, он поддался развившемуся мистическому образу мыслей, прогнал собравшееся вокруг него ломбардское ополчение и отправился на поклон к папе в Каноссу. Три дня он стоял перед внутренними воротами замка, умоляя Григория о прощении, пока, наконец, папа не снял отлучение. Генрих, тем не менее, должен был отдать корону папе и оставаться частным человеком до тех пор, пока над ним не состоится суд на новом соборе, и в случае нового избрания он должен был дать присягу в полном и вечном повиновении папе.

Униженный и раздавленный Генрих по дороге домой был встречен в Ломбардии гробовым молчанием. Ломбардцы, еще не распустившие своих войск, отнеслись к нему с презрением, графы и епископы избегали встреч с ним или обходились холодно, города отказывали королю в приюте. Все это заронило в душу Генриха сомнения во всемогуществе папы. Он объявил ломбардцам, что добивался снятия церковного отлучения только для того, чтобы получить свободу рук и жестоко отомстить папе. Несмотря на слабость этой аргументации, ломбардцы с готовностью примирились с Генрихом, поскольку для городов и баронов Северной Италии охваченный властолюбием папа казался более опасным, чем обессиленный кайзер с его суверенитетом. Все ломбардские города и вся Романия примкнули к знамени Генриха; они преградили Григорию проход через Альпы, арестовали его легатов и, созвав в Ронкалье сейм, вновь объявили Григория низложенным. Только войска энтузиастки Матильды спасли папу от позорного плена

и, возможно, смерти. С трудом прорвавшись в Рим, Григорий понял, что положение, в котором он очутился, оказалось почти безвыходным, и что борьба с германской империей за верховенство, которую он полагал уже выигранной, еще только начинается.

В марте 1080 года на соборе в Риме Григорий снова объявил Генриха лишенным германской и итальянской корон и проклял, как заклинатель, его оружие. Вместо него он объявил германским цезарем обновленца Рудольфа.

Но вторичное отлучение от церкви не имело уже того действия, как первое. В мае и июне 1080 г. на специально созданных староверческих соборах Григорий объявляется низложенным и вместо него папой избирается раввенский епископ Витберт. Подобно тому, как папа-обновленец выставил против кайзера антикайзера Рудольфа, так и кайзер-старовер выставил против папы антипапу Витберта. Однако кайзер был в лучшем положении: на его стороне была военная сила, тогда как у римлян, сначала поддерживавших обновленческое движение, не стало охоты жертвовать собою ради него.

В марте 1084 г. Генрих с развернутыми знаменами вступает в Рим, а Григорий с горстью приверженцев укрывается в замке св. Ангела. Собрание епископов и римских сановников объявило Григория низложенным и с соблюдением всех установленных формальностей провозгласило Витберта папой под именем Климента III. Новый папа немедленно возложил на Генриха и его жену императорские короны. Одновременно новому императору было предоставлено и патрицианское достоинство.

Разрушение Рима

См.[5], стр.643—648.

Казалось, дело Григория полностью погибло. Но ему на выручку поспешил норманнский герцог Роберт Гюискар, которому было очень опасно усиление императора. Вступить в бой с самыми грозными воинами того времени Генрих не мог, так как войско его было невелико. Он вместе с папой Климентом III счел за лучшее покинуть Рим и отступить на север Италии. Несмотря на это римляне попытались воспротивиться Гюискару, но их сопротивление было безжалостно подавлено среди потоков крови и пламени пожара. Упоенная кровью солдатня разграбила и сожгла «Вечный город». Толпы связанных римлян-староверов были уведены в лагерь и выставлены на продажу словно скот. Вернувшись в Латеран, Григорий хладнокровно смотрел на уничтожение староверческого Рима и не сделал ни одной попытки

его спасти. Что могло значить для него разрушение непослушного города по сравнению с идеей, в жертву которой он принес спокойствие всего мира? Но тем не менее гибель Рима означала и для Григория политическую смерть. «Норманны, — говорит Грегоровиус, — освободили Григория VII, но те ужасные насилия, которые были совершены ими, обрекли его на вечное изгнание из этого города». Хотя римляне обещали Григорию полное подчинение, он не мог не понимать, что станет жертвой их мести, как только Гюискар уйдет из Рима. Поэтому он последовал за Гюискаром в добровольное изгнание, в котором вскоре и умер.

Падение старого Рима оплакивал четверть века спустя епископ Гильдеберт Турский и его текст, если только он подлинный, показывает, какого уровня достигли к началу XII века легенды о Риме.

«Ничто, — говорит Гильдеберт, — не может сравниться с тобою, Рим, даже теперь, когда ты превращен в развалины и по твоим остаткам можно судить, чем ты был в дни своего величия! Время (а не норманны ли Гюискара? — *Авт.*) разрушило твое пышное великолепие, императорские дворцы и храмы богов стоят, утопая в болотах. Твоя мощь миновала, и трепетавший перед нею грозный перс (? — *Авт.*) оплакивает ее. Цари (? — *Авт.*) своим мечом, сенат мудрыми установлениями и сами небожители (отнюдь не ортодоксально-христианский политеизм. — *Авт.*) сделали тебя некогда главою мира. Цезарь (явно имеется в виду германский кайзер. — *Авт.*) злодейски решил владеть тобою безраздельно, не думая быть тебе отцом и другом. Ты следовал трем мудрым путям: побеждал врагов силою, боролся с преступлением законом, приобретал друзей поддержкой. Заботливые герцоги неусыпно сторожили тебя в твоей колыбели и помогали твоему росту. Триумфы консулов происходили в твоих недрах, судьба дарила тебя своею благосклонностью, художники отдавали тебе перлы своего творчества, весь мир осыпал тебя сокровищами. (Какой Рим имеется в виду? Периода каролингов? — *Авт.*). О горе! Охваченный воспоминаниями, я смотрю на твои развалины, город, и в глубоком волнении восклицаю: таков был Рим! Но ни время, ни пламя пожара, ни меч воина не могли лишить тебя твоей прежней красоты. И то, что остается, и то, что исчезло, велико. Одно не может быть уничтожено, другое — восстановлено. Пусть будут в распоряжении твоём и золото, и мрамор; пусть будут в тебе искусные мастера и помогут им боги (?! — *Авт.*), но, ничего подобного тебе и твоим развалинам уже не может быть создано. Творческая сила людей вложила некогда в Рим столько мощи, что он мог устоять даже против гнева богов (опять многобожие?,

а ведь автор — христианский епископ! — *Авт.*). И их изображения здесь так изумительно прекрасны, что не они на богов (политеизм продолжается. — *Авт.*), а сами боги желают походить на них. Природа никогда не могла создать тех чарующих изображений богов, какие создал человек (это уже не XII век, а эпоха Возрождения! — *Авт.*). Эти изображения живут, и в них поклоняются уже не самому божеству, а искусству создавшего его мастера. Счастливый город! О, если бы ты не был во власти твоих тиранов, если б властители твои не были презренными обманщиками!»

Из этого текста еще неясно, какой глубины древности автор приписывает Риму и кого он считает ответственным за разрушение зданий и статуй, но уже через век-два в этом вопросе была достигнута полная определенность и руины старовечерского Рима стали без тени сомнения признаваться остатками «античного Рима».

Разрушение норманнами Рима оказалось для историков также очень кстати, чтобы «объяснить», куда делись многие храмы и дворцы, упоминаемые «классиками», но не оставившие ни следа. «При осаде базилики св. Павла еще при Генрихе был, вероятно, разрушен древний портик», — гадает Грегоровиус, сообщая далее, что «Леонина была уничтожена пожаром и при этом должна была пострадать и сама базилика св. Петра... Пожар опустошил Марсово поле, вероятно, вплоть до моста Адриана... Все летописцы, упоминающие об этой ужасной катастрофе, согласны в том, что пожаром была уничтожена значительная часть города... В настоящее время на этих холмах царит глубокое безмолвие, и лишь кое-где стоят старые церкви, да развалины».

Куда же исчезли колонны и фундаменты «сожженных» храмов? У Грегоровиуса есть ответ и на это: «Каменные глыбы и колонны увозились (!? — *Авт.*) из Рима в другие города. (Интересно, как Грегоровиус представлял себе перевозку тяжелых колонн по тогдашним дорогам? — *Авт.*). Если Гюискар и не воспользовался, как добычей, языческими статуями (думает ли Грегоровиус, что эти статуи более полугысячи лет были усердно хранимы благочестивыми римлянами? — *Авт.*), то ценные украшения и колонны (!? — *Авт.*) он легко мог взять и употребить на постройку собора св. Матвея в Салерно. Но скорее можно предполагать, что Гюискаром, как некогда Гензерихом, были увезены из Рима и настоящие художественные произведения».

Таким образом, мы видим, что и в этом вопросе у сторонников «классики» нет ничего, кроме очень скользких предположений.

§ 2. Предпосылки установления целибата

Постановка вопроса

Глубинные причины церковной революции Гильдебранда кроются, конечно, в тогдашнем состоянии производительных сил и производственных отношений. Идеологически они нашли свое выражение в евангелиях, которые были составлены как раз в это время и (очевидно не случайно) получили широчайшее распространение. Вне «евангельского» влияния остались лишь мусульмане, уже к этому времени пошедшие по другому пути, и незначительная группа «староверов», давшая начало иудаизму.

Но почему реформы Гильдебранда приняли столь острую форму, которая во многом замедлила их проведение в жизнь? Мы здесь имеем в виду не вопрос об инвеституре и не проблему симонии, предложенное обновленцами решение которых не встретило широкого общественного сопротивления, будучи вполне согласно с евангельской идеологией. Кроме того, оно фактически было претворено в жизнь лишь в некоторых компромиссных формах, зависящих от реальной силы светских государей.

Совсем иначе дело обстояло с третьим пунктом программы Гильдебранда — целибатов (безбрачием) духовенства. Гильдебранд и его преемники настаивали на этом пункте решительнейшим образом, не допуская никаких компромиссов, хотя именно это серьезно затруднило всю реформу. В Евангелиях на эту тему имеются лишь отрывочные и весьма неопределенные указания, которые можно интерпретировать любым способом, а что касается апостолов, то Петр, предполагаемый основатель римского понтификата, как раз наоборот, имел жену и детей, а апостол Павел так даже четко декретировал, что «епископ должен быть мужем только одной жены» (именно, основываясь на этом высказывании, православная церковь до сих пор требует обязательной женитьбы своих священников). Объяснение современных светских ученых, что де безбрачие духовенства было «установлено, чтобы предотвратить расхищение церковных богатств женатыми канониками» ([148], стр.34). ни на что не годится, потому что существуют, как показывает опыт других церквей, более прямые и менее затруднительные для нормального человека методы предотвращения расхищения церковных богатств, чем целибат. Очевидно, что реформаторы римской церкви имели весьма существенные причины, чтобы настаивать на целибате, более непосредственные и убедительные для широкого круга их последователей, чем забота о

Финансах церкви. Они должны были быть выразителями назревших потребностей в тогдашнем церковном обществе, чтобы их пропаганда имела хотя бы какие-то шансы на успех.

Цитированное выше высказывание Павла означает не только призыв к браку, но также и к браку моногамному (заметим, что это прямое и непосредственное понимание Павлова высказывания для церковников неприемлемо и они казуистически толкуют его как запрещение церковнослужителям вторичного брака). По совокупности всех обстоятельств (см.[1], стр.468—480) можно думать, что этот призыв был провозглашен где-то на Востоке в конце VIII века. Ясно, что до него священники были многоженцами, поскольку в противном случае этот призыв был бы не нужен. По-видимому, к этому времени под влиянием изменившихся социально-экономических условий многоженство стало уже выходить из обычая, что и было немедленно отражено в идеологии, могущей иметь тогда лишь религиозную форму.

Факт полигамности духовенства неоднократно проскальзывает в писаниях «отцов церкви». Например, Тертуллиан сообщает (см.[7], стр.54), что в его время православные священники нередко имели по две жены. Современные церковники, конечно, толкуют, что у Тертуллиана под словом «двоеженство» (дигамия) надо понимать двух жен только в преименном смысле. Более того, от имени Элвирского собора они объясняют это и многие другие указания на женатость и многочисленность жен первичного христианского духовенства тем, что епископы, диаконы и священники жили со своими женами, как с сестрами (!).

Почему же через три века Григорий Гильдебранд вместо одной жены совсем запрещает западному духовенству супружескую жизнь (даже в «сестринском» варианте), и почему ему удается провести это запрещение в жизнь?

В этом параграфе мы изложим, как всегда, неожиданный и остроумный ответ, который дает на этот вопрос Морозов. Чтобы поточнее передать ход его мыслей, мы приведем их в форме прямых цитат.

Теория Морозова

«Здесь у нас не может быть другого выхода, как допустить, что до того времени западные прелаты жили не только во многоженстве, но и в официальной храмовой проституции, которая приводила к распространению венерических болезней... Я отлично понимаю, как все это не сходится с внушенными нам представлениями о жизни средневекового духовенства в Риме, но тем не менее и за это имеются

веские факты» ([5], стр.649—550). Тут Морозов напоминает о феодальном «праве первой ночи» и о том, что прелаты тоже были феодалами, а также об известном из Евангелий снисходительном отношении Христа к «блудницам» и о том, что некоторые из них причислены церковью к святым. Заодно он вспоминает, что на тайной вечери Христос завещал в свое поминовение пить вино и спрашивает, почему же и когда в западноевропейской церкви это определенное завещание Христа было нарушено и вместо хлеба и вина стали давать причащающимся одни облатки?

В этой связи он указывает, что установленные религиозные ритуалы изменить даже в малом почти невозможно, приводя в качестве примера раскол русской церкви, вызванный по существу пустячными и теологически очень хорошо обоснованными нововведениями Никона, и затем продолжает:

«Так почему же, повторяю, не вызвали раскола в западной церкви ни запрещение давать причащающимся вино, в противность завещанию «самого Христа», ни запрещение супружеской жизни духовенству в противность повелению «самого святого духа через апостола Павла», чтоб епископ обязательно был мужем одной и только одной жены?

С этно-психологической точки зрения это могло произойти лишь потому, что завещание от имени «Христа» (кто бы он ни был и когда бы ни жил) пить вино в его воспоминание обратилось к концу средних веков (точнее к XI веку. — *Авт.*) в храмовые вакханалии, при которых опьяненные священники в храмах предьявляли свои божественные права на всякую женщину и девушку, которая им приглядалась» ([5], стр.650—651). Тут Морозов напоминает о таинственных «агапах», которые, как было показано в § 2, гл.11, являются четким лингвистическим следом этих оргий. В другом месте он указывает (см.[7], стр.54), что даже такой ортодоксально-церковный писатель как Киприан и тот жалуется на внебрачное сожительство священников с храмовыми девственницами (!?).

Пока оргии-агапы не вели к дурным последствиям, в них никто не видел ничего плохого, но все изменилось, когда с храмовых агап стали возвращаться с гнойными воспалениями мочевых каналов (триппером), а то и с люэсом.

В это только время и получилась бы возможность с успехом проповедовать пожизненное единобрачие светских и полное безбрачие духовных членов общества, как главных виновников «вечерей любви».

Мы видим отсюда, что публичный дом отделился от церкви не так уж давно, как мы привыкли думать, и заповедь Моисея: «Не прелю-

бодействуй!», напрасно относимая «к 1496 году до Рождества Христова», была не причиной, а только формулировкой того, что уже сделали «после Рождества Христова» венерические болезни... Самый факт установления безбрачия католического духовенства со времени Григория Гильдебранда, как вещи по своей сущности противостественной, показывает, что духовенство до него характеризовалось совершенно противоположными неестественностями, как это мы уже видели в дошедших до нас характеристиках (содержащих обвинения в содомском грехе и тому подобном. — *Авт.*) предшествовавшего реформе понтификального духовенства, а успех декрета Григория Гильдебранда и уничтожение причастного вина при богослужениях показывает, что гонококки к его времени уже достаточно расплодились. К этому же заключению приводит и одновременное уничтожение полигамии у части исламитов (к этому мы еще вернемся ниже. — *Авт.*)... Да и самый обряд обрезания был лишь воображаемым средством избавиться от венерических болезней без отказа от вакханалий вероятно, изобретенным еще при Арии...

Мы не найдем, конечно, у тогдашних историков, которые притом же все были клерикалы, объяснения реальных причин так называемой религиозной революции Григория Гильдебранда... Но истинно серьезный исследователь должен всегда стоять выше документа, который исследует, и выше автора, иначе он никогда не выйдет из роли простого и бесполезного копииста. А в крупных исторических переворотах он должен всегда искать причины не в личностях, которых судьба или случайность поставила верховными руководителями движения, но руководиться тем, что корни всяких общественных движений уходят, как в почву, в предшествовавшие им поколения. А в данном случае мы не можем не остановиться на гипотезе, что «влюбленные ночи» держались в христианской церкви, как правило, вплоть до XI века нашей эры и были прекращены не единоличной волей Григория Гильдебранда, а непомерно расплодившимися от них в Европе гонококками, благодаря чему проституция при храмах удержалась почти до наших дней только в Индии, где венерическим болезням, по-видимому, не благоприятствовал жаркий климат» ([5], стр.654—555).

Документальные свидетельства

Конечно, причины распространения моногамного брака глубже, чем это представляет себе Морозов. Его теория не объясняет, например, почему этот брак был законодательно установлен только на Западе, тогда как на Востоке ислам сохранил многоженство, что бесспорно

находится в связи с различием форм земельного владения на Западе и Востоке. Однако одну из сторон явлений он, надо думать, ухватил правильно и очень возможно, что на самом деле установление целибата явилось реакцией на крайности предшествующего периода.

Но были ли эти крайности в действительности и не клеветает ли здесь Морозов на «апостольскую церковь»? Мы вкратце уже касались этого вопроса в § 2, гл. 11, а также выше отмечали ряд свидетельств хроник о «распутной» жизни духовенства. К сожалению, прямые свидетельства об универсальном распространении «распутства» уничтожены клерикалами последующих веков и в наших руках остались только жалкие обрывки информации, да и то, как правило, относящиеся к более позднему времени, когда сохранились лишь рудименты прежних нравов.

Например, по поводу «веселой» жизни средневековых монахов имеются не только описания, сделанные довольно поздними антицерковными писателями (типа Рабле), но и существенно более ранние свидетельства вполне богобоязненных авторов. Скажем, в Библии XIV века, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке, находится иллюстрация, изображающая веселую пирушку монахов с монахинями, представленных в весьма вольных позах (см. [5], стр. 657, рис. 113). Как такого рода изображение могло попасть в Библию? Современные исследователи, не придумав ничего лучшего, уверяют, что такие рисунки помещались как предостережение возможным грешникам и имели целью отвратить их от соблазна. Но, почему это «предостережение» было выполнено в столь соблазнительной форме? Вот, комментарий Морозова:

«Кто, например, стал бы предостерегать публику от разврата распространением возбуждающих половую деятельность порнографических картинок? Если б это были предостережения, но были бы представлены и какие-нибудь неприятные последствия от таких поступков, а ничего похожего тут нет. Подобные иллюстрации возможны лишь в том случае, если они рисуют просто обычный образ жизни тогдашнего духовенства, факт, который всеми признается нормальным, а если бы художник сделал это с целью порицания обычаев, уже переставших одобряться при новых веяниях в католической церкви, но еще существовавших перед церковной революцией Григория Гильдебранда, то он изобразил бы эту пирушку в какой-нибудь отвратительной форме, с чертами, влекущими участников в ад, с уродливостями венерических болезней и т.д. Другого решения тут и не может быть» ([5], стр. 656—657).

Многочисленные свидетельства такого рода заставляют клерикально настроенных историков с сокрушением писать, что «странные увеселения происходили в соборах и монастырях при больших праздниках церкви в средние века и в эпоху Возрождения. Не только низшее духовенство участвует в веселых песнях и плясках, особенно на Пасхе и Рождестве, но даже и главнейшие церковные сановники. Монахи мужских монастырей плясали тогда с монашенками соседних женских, и епископы присоединялись к их веселью» (см. [5], стр. 656). Впрочем, они находят оправдание в том, что «также плясал и царь Давид при религиозных процессиях» (уподобляясь анекдотической хозяйке, которая в ответ на обвинение, что взяв на время горшок, она вернула его битым, заявила, во-первых, что она брала его битым, а во-вторых, что она вернула его целым), что это были лишь «пережитки язычества». В этом они ссылаются на проповедь 205 блаженного Августина, в которой Августин будто бы сообщил о «языческом обычае, сохранившемся у христиан, чтобы в праздничные дни производить «блеяния», т.е. пения и пляски» (латинский текст, см. [5], стр. 657). Но, как справедливо замечает Морозов, «... дело не в том, от каких родителей родилось дитя, а в том, что оно прекрасно существовало как христианский обычай в средние века, когда язычества уже не было и в помине. А вывод отсюда только один: средневековые христиане считали и бога—отца, и бога—сына, и бога—святого духа, за веселую троицу, которой нравятся и песни, и пляски, и двусмысленные шутки... Совсем как описывается у классиков» ([5], стр. 657).

В связи с сообщением Августина, замечает далее Морозов еще раз возвращаясь к тезису о христианском характере языческого пантеона (см. гл. 11, § 2), что католические авторы после Гильдебранда явно понимали под «язычеством» предшествующую староверческую римскую церковь, в которой верующие и занимались «блеянием».

Из более ранних свидетельств можно отметить (см. [5], стр. 658), что будто бы еще в VII веке Шалонский собор запретил женщинам петь в церквах «неприличные песни», а автор приблизительно того же времени Григорий Турский (сообщения которого о затмении мы разбирали в § 5, гл. 2) осуждает монастырские «безумные праздники», «праздники невинных» и «праздники осла».

Только через пятьсот лет в 1212 году «безумные праздники» были запрещены парижским собором, который потребовал «повсюду воздержаться от безумных праздников, где принимают фаллос, и это мы тем сильнее запрещаем монахам и монашенкам» (латинский текст

см. в [5], стр.558). К слову сказать «безумные праздники» по-латыни будут *festi follorum*. Не есть ли это просто *festi phallorum*?

Запрещение «безумных праздников» (а также «праздников невинных», т.е. не ведающих различия между дозволенным и недозволенным) повторялось много раз: в 1245 г. архиепископ Одон запрещает руанским монашенкам предаваться по праздникам «непристойным удовольствиям», в 1450 г. король Карл VII издает аналогичное запрещение в Труа, в 1497 г. капитул Санли разрешает духовенству (!) праздновать Богоявление лишь под условием, что на нем не будут «петь бесстыдных песен, говорить бесстыдных шуток и совершать бесстыдных танцев перед главным порталом храма, и не будет ничего из того, что имело место на прошлогоднем «празднике невинных» и т.д. и т.п. (см.[5], стр. 658—659).

Тот факт, что «безумные (фаллические?) праздники» не были актами индивидуального распутства, а непосредственно связаны с предреформенной церковью, выявляется, скажем, в следующих словах знаменитого обновленческого проповедника Пепэна: «Многие не реформированные деятели церкви, даже клирики (т.е. имеющие церковный сан. — *Авт.*), имели обыкновение днем и ночью входить в женские нереформированные монастыри и предаваться с монашенками разнузданнейшим пляскам и еще многому другому, о чем я молчу, чтобы не оскорбить благочестивые умы» (латинский текст, см. в [5], стр.660). Здесь под «нереформированными монастырями» Пепен имеет в виду монастыри, еще не принявшие реформ Гильдебранда.

А другой знаменитый проповедник того времени Мишель Меню пишет: «Постановление теологов парижанам для отвращения и презрения к повсеместно почитаемому, суеверному и скандальному религиозному (!? — *Авт.*) обряду, который некоторые называют праздником безумных. Такие языческие остатки не ко времени. Действительно, до сих пор сохраняются у нас, по распространеннейшей традиции беззакония Яна (Януса? — *Авт.*), и подобные игрища в честь Яна устраиваются в начале января» (латинский текст, см. в [5], стр.960).

Фаллический характер «безумных праздников» обнаруживается не только параллелью фоллорум—фаллорум. Следы культа фаллоса в связи с культом Христа обнаруживаются на стенах древних храмов по всей Западной Европе. Один из немногих исследователей этого предмета француз Шампфлери писал еще более ста лет тому назад: «На стенах зал некоторых старинных христианских храмов мы с удивлением видим изображения половых органов человека, которые угодливо выставлены напоказ среди предметов, назначенных для

богослужения. Как будто эхо античного символизма, такие порнографические скульптуры в храмах с удивительной невинностью высечены каменотесами. Эти фаллические воспоминания старины (!— *Авт.*) особенно многочисленны в Жиронде... Новейшие историки, умалчивая о христианских изображениях половых органов в некоторых помещениях старинных храмов, набрасывают покрывало на мысль того, кто хотел бы сопоставить памятники классической древности с памятниками средних веков. Серьезные книги о культе фаллоса с помощью серьезных рисунков осветили бы ярко этот предмет и обнаружили бы мировоззрение тех, кто и в средние века не мог еще отделаться от языческих культов» (см.[5], стр.561—662).

Неприличные изображения в западно-европейских христианских церквях не ограничиваются фаллическими. На рис.114 в [5], стр.661, рис.114 изображена скульптура из собора в Бурже, имеющая анально-эротический характер. Об этой скульптуре Шампфлери говорит: «Найдется ли такое парадоксальное воображение, чтобы определить соотношение подобной, выходящей из пределов возможности, шутки с благочестивым местом, где изваяно это изображение? Какие авторитетные влияния были нужны, чтобы не остановить руку ремесленника, исполнившего такие детали?» (см.[5], стр. 661).

Надо сказать, что, по-видимому, анально-эротические мотивы играли большую роль в сакральной практике дореформенного культа. Например, известно (см.[5], стр.538—559), что вплоть до XV века, принимая свой сан, новый великий понтифекс сидел на кресле с большим круглым отверстием. Это кресло называлось «седалище испражнений» и до сих пор хранится в музее Ватикана. Грегоровиус сообщает, что оно называлось также «испражнения девушки». В обрядах какого сорта участвовало первоначально это седалище, лучше не гадать.

Широчайшее распространение неприлично-эротических сюжетов в средневековом искусстве отмечают все исследователи. Посещая Прагу, советские туристы могут видеть на знаменитом Карловом мосту через Влтаву изображение монаха, задирающего подол горожанке.

Не нужно думать, что подобного рода мотивы были распространены только на Западе. В книге [150], стр.51, рис. 22, приведено изображение древнерусского (XIV века!) креста явно фаллической формы.

Весь этот круг вопросов по понятным причинам совершенно не изучен, а те немногие исследователи, которые им занимались, ничего внятного по существу дела сказать не могли. Как пишет Шампфлери: «Не раз, когда я исследовал старинные соборы, стараясь найти секрет, сбивающей с толку непристойной их орнаментации, все мои

объяснения казались мне самому толкованиями на книгу, написанную на каком-то чуждом мне языке» (см. [5], стр. 650—651). Морозов на это отвечает: «Такие изображения на стенах средневековых храмов перестают для нас быть написанными на «незнакомом языке» только в том случае, если мы допустим, что культ фаллуса был обязательной принадлежностью того понтификального староверческого Рима, который разрушил Григорий Гильденбранд, заменив его, как антитезисом, идеализацией безбрачия.

А Лютер и Кальвин... являются лишь установителями Гегелевского синтетизма в этой триаде резкого революционного перехода религиозной мысли и религиозного ритуала к новой высшей стадии развития мистических религиозных учреждений. В первой стадии римский храм «святого Камня» и все храмы в честь небесной девы и ее сына в Европе, Азии и Африке привлекали к себе публику не обещанием царствия небесного после смерти, а узаконением в дни общих храмовых праздников заманчивых тогда для публики половых эксцессов во всевозможных, нередко противоестественных формах. Они и описываются в Библии под именем содомского греха, варианты которого в дошедших до нас латинских и греческих «исповедных вопросниках» у христианских священников детализированы до отвратительной крайности.

С такой точки зрения и изображения вроде того, которые мы видели в подземной зале кафедрального храма в Бурже, и изображения половых органов мужчин и женщин в старинных храмах средней Франции никак не являются издевательствами над церковью, а имеют такое же чисто пригласительное значение, как и изображение кружек с пенящимся пивом на дверях немецких провинциальных биргаллей» ([5], стр. 662—663).

Развивая последнее замечание Морозов далее пишет: «Если непристойные изображения в старинных христианских храмах являются лишь пригласительными вывесками для побуждения публики к христианским увеселениям, практиковавшимся в храмах до XV века нашей эры, то что же обозначают изображения на них всевозможного вида ведьм, чертей и т.д.?

Позднейшие из них, где черти тащат грешников в ад, имеют, конечно, устрашающее значение. Но что же значат такие, где, например, черт играет на гитаре, где изображены женщины верхом на козлах в припадке сладострастия (рис. 115; этот рисунок воспроизводит капитель кафедрального собора в Магдебурге, на которой изображена

обнаженная вакханка на козле, обезьяна, играющая на гитаре и орел, пожирающий сову. — *Авт.*)? Что обозначают, наконец, процессии вроде бывшей на капители Страсбургского кафедрального собора XIII века (разрушенного в XVII веке), где впереди всех медведь несет церковную кропильницу и чашу с освященной водой, а за ним волк несет крест, заяц — факел, а сзади всех — свинья и козел несут на плечах носилки, на которых стоит лисица, а за хвост свиньи держится обезьяна. Что значит и вторая скульптура, где осел читает книгу, а козел стоит перед причастной чашей...? Что значит скульптура, выставленная на показ публике на портале церкви в Ploegmei'e, где молодая жена натягивает нос своему мужу в ночном колпаке.

Смысл последнего... совершенно ясен. Такой рисунок явно служит не неуместной карикатурой, а вполне уместной вывеской на легализированном доме любовных свиданий замужних женщин. Такие изображения на стенах храмов, конечно, могли возникнуть и существовать осмысленно, пока эти храмы служили не местом благочестивых размышлений в современном смысле, а увеселительными домами в честь веселых богов с эротическим оттенком, и сама причастная чаша в них служила лишь для попоек. Но эти изображения могли сохраниться по традиции некоторое время и после реформы церкви, как сохранились и теперь многие обычаи и подробности одежды, уже потерявшие всякий смысл.

...А что касается до изображения чертей на древних храмах, то мы всегда должны иметь в виду, что представления об этих фантастических существах сильно переменились в новейшее время. Теперь мы прежде всего представляем себе черта, как существо, стремящееся увлечь грешников в ад, а в средние века его представляли просто как ассистента при всяких разрешенных церковью эротических непристойностях и подзадоривающего к ним, т.е. амура наизнанку. Посмотрите только «Жития святых». Подстрекает ли там черт праведников к убийству, воровству, грабежу? Я не припоминаю ни одного такого случая, но помню много чертовых подстрекательств к нарушению седьмой заповеди Моисея, и старинные рисунки часто изображают чертей, скрывающихся в рукавах и у подола хорошенькой женщины, причесывающего ее волосы и подающего ей зеркало...

Так что же удивительного, если эти существа рисовались в средние века и на храмах, служивших не только местами молений и жертвоприношений, но и увеселительными местами в честь веселого Христа и не менее веселого отца богов, не отличавшегося от классического Юпитера?

А без этого предположения присутствие только что описанных картин и танцующих чертей на средневековых храмах вы никак не сможете себе объяснить» ([5], стр.665—670).

Свидетельства о сексуальном характере дореформенного культа рассыпаны также и в иудаистской литературе. Они явно относятся к тому времени, когда иудаизм еще не отделился от христианства.

Так, например, в Талмуде сообщается, что в прошлом (точнее во времена «Первого Храма») мужчины находились в храме попеременно с женщинами, благодаря чему появлялся КЛУТ РАШ, т.е. легкие отношения, а потом добавляется, что во времена «Второго Храма» (повидимому, смена «Храма» символизирует изменение вероучения, выразившееся в разрыве с христианством) таких вольностей верующие уже больше себе не позволяли (см.[7], стр.225).

Одним из главнейших еврейских праздников был «Праздник шалашей», на исходе первого дня которого священники спускались в женское отделение храмового двора, где совершали обильные возлияния воды, что рассматривалось как важное магическое действие для обеспечения будущего урожая. Среди гебраистов существует теория, что это были праздники оплодотворения, причем шалаша строились для девушек, которые в них приносили в жертву свою девственность. Полагают также, что это были те самые праздники Афродиты—Милитты, о которые рассказывает Геродот (1, 119; см.[44], стр.74—75). Как бы то ни было, но «праздники водочерпания» были праздниками веселья и Мишна говорит, что «кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни» (см.[7] стр.224—225).

В еврейской Библии обращают на себя внимание многочисленные упоминания о людях, называемых КАДЕШ, что гебраист Штейнберг переводит как «обреченные на распутство путем посвящения в честь Богини любви» (см.[7], стр.485). В русском синодальном они называются просто «блудниками». Как правило, они всегда упоминаются в связи с теми или иными «языческими» культурами (см., напр., I Царей, XIV, 23—24; XV, 12; XXII, 46 и т.д.). «Блудники» известны и Новому Завету (см., напр., I Коринф. V, II и VI, 9).

Яркие описания явно храмовых, священных «блудодеяний» разбросаны по всей Библии. Эти описания слишком живы и подробны, чтобы их можно было понимать, как это теперь полагается, лишь аллегорически. См., напр., Иез. XXIII, которого из скромности даже процитировать здесь мы не можем.

§ 3. Рим после Гильдебранда

Призыв к крестовому походу

См.[5], стр.634—635 и 573—675.

Идея крестовых походов возникла еще у Гильдебранда, в качестве способа воплощения в жизнь общего представления о Риме как столице мира. Он планировал сначала изгнать из Италии норманнов, греков и сарацин, затем подчинить Византию римской церкви, одновременно освободив от мусульман захваченные ими области, и, наконец, как апофеоз всего предприятия, водрузить крест в палестинском эль-Кудсе, который в соответствии с Евангелиями он считал библейским Иерусалимом.

Хотя этот план сразу заставляет вспомнить знаменитые планы Пикрошоля, он рассматривался вполне по-деловому и было даже собрано войско для его претворения в жизнь. Это и не удивительно на фоне общих претензий Гильдебранда, который всерьез считал себя государем России (потому что беглый новгородский князь, посетив Рим, объявил себя ленником папы), Венгрии (потому что Генрих III после ее завоевания принес в дар базилике св.Петра государственное копые и корону этой страны), Испании, Польши, Скандинавии, Англии и многих других более мелких стран Европы.

Хотя очень быстро Гильдебранд должен был отказаться от своего плана, его идея не умерла и снова всплыла при одном из его преемников, папе Урбане II. Положение христиан в Сирии не представляло тогда ничего плохого, но ужасы нескончаемых раздоров между староверами и обновленцами ослабляли благоговейное отношение к Риму, а сделавшийся священным ничтожный до тех пор город в Палестине приобретал все больше и больше значение святыни, по мере того, как распространялись в публике латинские переводы Евангелий.

И вот в Клермоне собирается всеобщий собор реформированного духовенства Западной Европы, на который съехалось 13 архиепископов, 205 епископов и множество нобилей из разных мест Франции. Город был окружен толпами экзальтированного народа, ждущего лишь одного демагогического слова, чтобы разразиться грозой, подобно туче, насыщенной электричеством. Здесь этим «электричеством» была евангельская идеология, никогда еще столь мощно не захватывавшая души людей.

В своем выступлении на соборе папа ярко изобразил поработенное положение воображаемого священного города в Палестине, в котором Царь Царей будто бы жил, страдал и умер. Взывая к единодушию

христиан, он приглашал их опоясаться мечом и идти на освобождение Христа. Успех проповеди превзошел все ожидания Урбана. Дрожащими от волнения руками обновленческие князья и рыцари и кнехты спешили пришить к своему платью красный крест. Честолюбию, искательству приключений и всякому преступлению была дана возможность прикрыться этим символом; рабы, крепостные, должники, осужденные преступники стекались под знамя крестового похода, вполне уверенные, что они обретут в Сирии золотые горы, а по смерти будут приняты в рай.

В трудах многочисленных историков подробно обсуждены социально-экономические и политико-идеологические причины крестовых походов, но все они не касаются вопроса, почему религиозно-идеологическое оправдание этих походов целиком и полностью оказалось в русле евангельской идеологии. Почему через тысячу (!) лет, прошедшую якобы от «рождества Христова», Евангелия, ничуть не потеряв своей свежести, вдруг оказались способными вдохновить многие тысячи людей на поход за освобождение «гроба господня»? Почему, кстати, «гроб господень» целую тысячу лет не привлекавший решительно никакого внимания верующих, вдруг стал в центр их религиозного мироощущения?

Единственный рациональный ответ на эти вопросы состоит в том, что никакой тысячелетней древности евангельская идеология не имеет и является современницей (или, точнее, непосредственно предшественницей) крестовых походов. Это еще один мощный (и, заметим, независимый) аргумент в пользу морозовской датировки Евангелий.

Любопытно, что единственным местом в Европе, где папский призыв не нашел никакого отклика, явился Рим. Слишком живо было воспоминание о разгроме, учиненном норманнами по призыву Григория VII, чтобы римляне следовали руководству обновленческих пап. Возможно также, что у них еще не умерло еретическое для обновленцев воспоминание о том, что сценой действия библейских и евангельских сказаний была не Палестина, а окрестности Везувия и сам Рим.

Культура Рима

См. [5], стр. 675—677.

Отсутствие в Риме интереса к идее крестового похода Грегориус по не очень понятной логике связывает с общей культурной отсталостью Рима, с тем, что будто бы «знать и горожане римские стояли тогда по своему образованию ниже, чем в Болонье, Пизе, Павии и

Милане», а в изящной и научной литературе Рим занимал тогда будто бы «последнее место». Как это ни странно для «вечного города» и резиденции пап, претендующих на владение миром, отсталости Рима, учитывая политические волнения, связанные с реформами Гильдебранда, можно было бы поверить, если бы тот же Грегориус не сообщал факты, резко ей противоречащие.

Нигде как в Риме жил знаменитый поэт того времени Вильгельм Апулейский, сочинивший поэму о подвигах Гюнскара, которая по своим художественным достоинствам не уступает поэмам Вергилия. Именно из Рима начала распространяться современная нотная запись, изобретатель которой Гвидо Аретинский, вынужденный бежать из своего монастыря, нашел приют в Риме при дворе пап.

Считается, что библиотеки римских монастырей были бедны. Однако еще в X веке знаменитый Герберт, желая приобрести книги, обращается за ними не куда-либо, а в Рим.

Не потому ли, — спрашивает Морозов, — мы несмотря на все эти свидетельства, считаем Рим культурно отсталым городом, что почти все культурные достижения Рима X-XI веков мы относим в «классическую древность»?

К слову сказать, суждение о бедности римских библиотек основывается, в частности, на каталоге библиотеки Помпозского монастыря, автор которого хвастливо отмечает, что его библиотека полнее римских. Но, ведь, сам этот выбор римских библиотек в качестве эталона доказывает как раз обратное, так как сравнивать с бедными библиотеками нет никакого смысла.

Заметим, что хотя в этом каталоге уже фигурируют рукописи Евтропия, Плиния, Солина, Юстина, Сенеки, Доната и Ливия, из этого еще никак нельзя заключить, что эти рукописи не были лишь зародышами тех книг, которые в пополненном и обработанном виде мы имеем теперь.

В это время становится известной и библиотека монастыря в Монте Кассино, в которой позже гуманисты «найдут» много «классических сочинений». В 1060 г. в этом монастыре прославился врач и ученый, Константин Африканский, «переводчик на латинский язык арабских и греческих произведений» и крупнейший знаток «халдейской мудрости».

Монастырь Монте Кассино стоял на стороне реформы, тогда как, скажем, другой известный монастырь Фарфа упорно поддерживал староверцев. Быть может это объясняется историей последнего. Как сообщает Грегориус (см. [5], стр. 571—572), Фарфа был основан в 935

году аббатом Роффредом. Его ученики Кампо и Гильдебранд отравили Роффреда и сами стали во главе аббатства. Будучи монахами, они имели жен и детей. Известно, что жену Кампозвали Луизой и у них было семь дочерей и три сына. Кампо широко раздавал монастырские имения в аренду, по-княжески обеспечил своих детей и вообще вел себя в Сабине как государь. Его коллега Гильдебранд, перепившись на пирушке, ухитрился сжечь свою резиденцию со всеми хранившимися в ней сокровищами. Так в Фарфе вели себя не только аббаты. Большинство монахов вообще жило не в монастыре, а в отдельных виллах, где они могли невозбранно предаваться всевозможным удовольствиям. Понятно поэтому, что монахи Фарфы до последнего отстаивали свой образ жизни против обновленцев.

Фарфа известна своим богатейшим архивом, где с изумительной тщательностью собраны охватывающие более трех столетий и являющиеся неоценимыми источниками по истории средних веков многочисленные дипломы, реестры владений, наследственные аренды и судебные акты. Однако в отношении истории христианского культа вообще и папства в частности, как эти, так и все другие источники, хранят по существу полное молчание. «Подъем папского авторитета, — говорит Грегоровиус, — казалось должен был бы сопровождаться более обстоятельным изложением истории самого папства, а тем не менее и в этом веке она сводится лишь к крайне скудным каталогам и к отрывочным хронологическим заметкам».

С точки зрения Морозова иначе, впрочем, и не могло быть. Апокрифовав евангельские идеи в I веке н.э., авторы того времени, естественно, не ссылались на опровергающие это рукописей и потому в лучшем случае их не воспроизводили. Без постоянного же копирования все свидетельства обратились в тлен.

Империя и Рим

См.[5], стр.675 и 677—580.

Борьба обновленцев со староверами с переменным успехом упорно велась много лет после Гильдебранда. Ненависть, которую перед смертью возбудил к себе в Риме Григорий VII, перешла и на его преемников, из-за чего многим из них пришлось почти весь свой срок понтификата провести вне Рима в фактическом изгнании. Римская область разрывалась на части староверческими и обновленческими епископами, а графы Кампаны пользовались расколом церкви, чтобы грабить ее. Много лет они поддерживали староверческого антипапу

Климента III, нанести поражение которому удалось лишь преемнику Урбана папе Пасхалию II (1099—1118 гг.) с помощью норманнских войск, что впрочем не помешало впоследствии появлению других староверческих антипап.

Хотя борьба со староверами и стоила Пасхалию много труда, но главным для него был спор об инвеституре с империей. Императорская власть, глубоко униженная обновленцами, теперь снова возрождалась в лице Генриха V, сына Генриха IV, готовая отомстить за унижение и подчинить себе понтификат. Пасхалию пришлось подписать буллу, предоставляющую полное и неограниченное право духовной инвеституры императору и тем самым аннулирующую все предыдущие декреты Григория VII и его преемников.

Подписание этой буллы вызвало среди сторонников реформы бурю негодования. Пасхалия обвинили, что он своей слабостью погубил великое дело Григория VII, потребовавшее столько сил.

Его поносили за то, что он предпочел уступки требованиям императора судьбе мученика. Оплеванный и приведенный в совершенное отчаяние Пасхалий скрылся в одиночестве на острове Ленца. Но и там его не оставили в покое. В конце концов, под давлением своих бывших соратников, Пасхалий в 1115 году торжественно предал анафеме данную им германским цезарям привилегию на инвеституру, как акт, исторгнутый силой, и борьба с империей началась сызнова.

Дело кончилось в 1122 году подписанием компромиссного Вормского конкордата. Император признал право выбора епископов за соборами духовенства (хотя и в обязательном присутствии имперского легата), а церковь отказалась от права вмешиваться в феодально-ленные взаимоотношения императора с его епископами. В целом, большую выгоду от конкордата получили папы.

Антипапа Анаклет II

См.[5], стр.681—685.

Вормский конкордат сильно укрепил положение обновленческих пап в Риме. Однако в 1130 году после смерти папы Гонория II староверы решили еще раз дать бой. Они выбрали великим понтификсом знатного римлянина Пьерлеоне, принявшем имя Анаклета II, в то время как обновленцы, собравшись тайно в церкви св.Григория, избрали папой кардинала Григория под именем Иннокентия II.

Как и следовало ожидать, Анаклету присягнул почти весь Рим с его территорией, а Иннокентий был вынужден бежать. Анаклет отлучил его от церкви, низложил обновленческих кардиналов и назначил на их место новых.

Тем не менее, Иннокентия II признали все монашеские ордена, большая часть Италии, Англия, Франция и Германия, хотя сам германский цезарь хранил дипломатическое молчание. Оказавшись в международной изоляции, Анаклет решил искать помощи у норманнов, которые после Вормсского конкордата перестали поддерживать обновленцев, помирившихся с их врагом, императором. Он заключил с норманнами оборонительно-наступательный союз и совершил помазание норманнского герцога Рожера I как короля Сицилийского. Так было создано сицилийское королевство, просуществовавшее 750 лет почти до наших дней.

Под защитой нового короля Анаклет смог игнорировать бессильные проклятия Иннокентия, хотя последний, которого поддерживала вся остальная Европа, сумел организовать два похода на Рим. Только после смерти Анаклета в 1138 г. Иннокентию удалось вернуться на папский престол в Латеране.

Это была последняя вспышка староверчества. Его время прошло, и реформы Гильдербранда после почти столетней борьбы утвердились окончательно.

Но Иннокентий недолго вкушал плоды победы. В 1143 году в Риме произошло восстание, ликвидировавшее светскую власть пап и объявившее республику. Иннокентий не выдержал этого удара и умер 24 сентября 1143 г., когда Капитолий оглашался ликующими возгласами республиканцев.

Еврей в Риме

См. [5], стр. 537 и 580—581.

Род Пьерлеоне был в XII веке одним из могущественнейших в Риме. Он владел замком у театра Марцелла, островом на Тибре, и, что самое важное, замком св. Ангела, отданным в его распоряжение Урбаном II. Преемники Урбана также заискивали перед Пьерлеоне, и даже после окончательной победы обновленцев род Пьерлеоне сохранил все свое влияние. Еще в XV веке существовала легенда, что дом Габсбургов был основан двумя Пьерлеоне, эмигрировавшими в Германию, а позднее австрийские императоры чувствовали себя польщенными, вступая в родство с этим родом.

Тем удивительнее (для человека, воспитанного на традиционных представлениях), что по происхождению Пьерлеоне был еврей, а точнее «иудей». Его дед придерживался иудейского вероисповедания, которое, если он и сменил на христианское, то только в старости. Первый историк папства Бенцо лично знал Льва, отца Пьерлеоне,

породнившегося со старинным римским нобилитетом и сделавшим блестящую карьеру. Он писал о нем: «Лев, происходивший из иудейского вероисповедания...» Св. Бернар, поддерживавший Иннокентия, писал, имея в виду Анаклета Пьерлеоне: «иудейское потомство заняло седалище Петра».

Грегоровиус сообщает, что в это время в Риме свободно существовала мессинская (т.е. еврейская) церковь. Согласно сообщению Вениамина Тудельского, посетившего Рим между 1150 и 1180 гг., много евреев занимали при папском дворе высокие должности. В дни коронационных празднеств «иудей» вместе со всеми римлянами распевали гимны, а во время шествий пап имели свое постоянное место «против дворца Кремация, где молятся иудей». Они были лучшими врачами и самыми богатыми менялами¹⁾.

У нас нет никаких оснований считать, что в это время «иудей» в этническом или социальном отношении чем-то выделялись среди римлян, кроме своей религии. Судя по всему эта религия была одним из ответвлений старого доевангельского христианства, возможно

¹⁾ Современный еврейский ученый Лев Поляков сообщает, что существовали еврейские легенды, в которых «...рассказывалась история Элханана-Андрея, еврейского мальчика, похищенного у его родителей, который взойдя на трон святого Петра, продолжая оставаться правоверным иудеем», в которых, возможно, отражалось «...тайное взаимопонимание, скрытый намек взаимной признательности между иудаизмом и римскими понтификами!», и что средневековые папы в процессе интронизации всегда делали заявления «...смысл которого сводился к необходимости уважать иудейскую религию и защищать жизнь евреев... Некоторые другие тексты, относящиеся к евреям, содержат интересные нюансы: часть из них даже позволяет трактовать иудаизм, как своеобразное, сбившееся с пути истинного полухристианство.», см. Л. Поляков, История антисемитизма, т. 1, Москва - Иерусалим, 1997, стр. 398-400.

Поляков приводит подтверждающие такую трактовку иудаизма отрывки из посланий пап Григория III и Григория IX, а затем пишет: «В XI-XII веках были евреи, занимавшие важные должности в папской курии, помимо: этого врач-еврей папы или его финансовый советник представляли собой традиционные фигуры римской жизни. Вениамин из Туделя, посетивший Рим в 1160 году, обнаружил там «двести еврейских семей, которые пользуются уважением и никому не платят налогов. Многие из них находятся на службе у папы Александра, великого епископа, являющегося главой христианской церкви. Римских евреев возглавляют знаменитые мудрецы - раби Даниель и раби Йехиель, занимающие должности при папском дворе. Второй из них - это молодой человек, приветливый и осторожный, который вхож к папе и является управляющим его домом и состоянием», — там же, стр. 401.

Поляков, конечно, не понимает всей силы трактовки иудаизма как полухристианства, но, во всяком случае, здесь еще раз обнаруживается (см. Предисловие к т. I), что внимательное чтение всюду выявляет подтверждение морозовской точки зрения. — Примечание 1999г.

именно тем во главе которого стояли великие римские понтифексы, но скорее всего еще более «староверческим» и оставшимся на прежних позициях, когда возглавляемый понтифексами культ принял почитание Мадонны, а затем Евангелий. Первоначально «иудаизм» отличался от «христианства» не догматами, а лишь традиционным обычаем обрезания. От «мусульманства» (агарянства) он же, по-видимому, вообще ничем не отличался.

В дальнейшем, с появлением Евангелий дороги этих основных ответвлений христианства разошлись. Но, как мы уже отмечали в гл. 15, еще долгое время «христианство» и «мусульманство» (к которым мы теперь можем прибавить и «иудаизм») считались родственными и дружественными культурами, почитающими одного и того же Бога. Мусульманская прослойка была очень сильна в южно-итальянском государстве норманнов и это никого не смущало. Антимусульманские настроения появились в Риме только после того, как мусульмане усилились и стали угрожать Риму как государству (по той же схеме, как и в Византии; см. § 2, гл. 15).

Сосредоточием «иудеев» в Италии была, по-видимому, Ломбардия, где всегда были сильны традиции арианства (т.е. «древнего староверства»). Ими, в частности, надо думать, были знаменитые «ломбардские банкиры».

Безусловно, в бурных событиях XI—XII веков «иудеи» стояли на стороне противников реформы. Возможно, это и послужило поводом для возникновения в XII веке в Риме антиеврейских настроений, которые именно тогда впервые и регистрируются. Сыграло, конечно, свою роль и общее усиление враждебности христианства к другим культам, возникновение в нем агрессивности и стремления к миссии.

Тем не менее, «иудеи», по-видимому, кое-что заимствовали от окружающих их обновленцев-реформаторов, и, таким образом, еще дальше удалились от «мусульман». Как утверждают историки еврейства, запрещение евреям полигамии было впервые провозглашено рабби Гершомом Меор ха-Гола в XI веке в Майнце, хотя многоженство наблюдалось у знатных евреев вплоть до XIII века.

Римское право

По сообщению историков (см. [7], стр. 248—249), император Юстиниан поручил юристу Трибониану возглавить комиссию, которая должна была пересмотреть сочинения всех классических юристов, сделать из них извлечения, отбросить устаревшее, устранить разногласия и расположить весь материал в известном порядке. Для

этой цели комиссии пришлось изучить около двух тысяч книг и вспомним, что эпитет «римский», или точнее «ромейский», чаще прочесть более трех миллионов (ох!) строк. Ее работа, на осуществление которой, по словам будто бы самого Юстиниана, никто из его предшественников не надеялся и которая считалась (поистине!) невозможной для человеческого труда, освободила все древнее право от излишнего многословия и в три года была закончена. Опубликованный (спрашивается, как? посредством оглашения на площади?) в 529 году и разделенный на пятьдесят книг, свод законов получил название «Дигесты» или «Пандекты» и тот час же вступил в действие.

Тут мы опять имеем яркий пример того, как, выдумывая для создания впечатления колоссальные числа, апокрифисты, сами того не желая, себя разоблачают. Предположим, что каждая строка требовала для прочтения, обдумывания, редактирования и введения в окончательную систему свода только пять минут и что комиссия непрерывно работала по десять часов в сутки во все дни, кроме воскресений. Тогда легко подсчитать, что для обработки трех миллионов строк ей понадобилось бы более восьмидесяти (!) лет.

Когда же и как же были на самом деле созданы эти «Дигесты»?

Судя по всему, первым достоверным сборником права является греческий кодекс «Эклога», приписываемый императорам Льву и Константину (VIII век). Его полное название гласит «Сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из институций, дигест, кодекса и новелл Великого Юстиниана и их исправление в смысле большего человеколюбия» (см. [7], стр. 392).

Это название показывает, что во время составления Эклоги (был ли это VIII век или более позднее время) император Юстиниан уже имел славу великого законодателя. Поэтому можно думать, что он действительно был автором первого гражданского кодекса. Как мы уже в своем месте отмечали, есть основания полагать, что этим кодексом был знаменитый «кодекс Хаммурапи».

Характерной чертой Эклоги является обилие ссылок на священное писание для подтверждения того или иного юридического положения. Отсюда видно, что раньше судили по библейскому Четверокнижию, которое и называется до сих пор «Книгой Закона». Следы влияния Эклоги заметны и в значительно более поздних судебных книгах православной церкви.

Считается (см. [7], стр. 393), что ко времени Льва Кумиро борца относятся и три небольших (также грекоязычных) законодательных

памятника: Земледельческий, Военный и Морской родосский законы. Эти три памятника, существующие в многочисленных и отличных друг от друга редакциях, обычно присовокуплены в рукописях к Эклоге, но ни имена их составителей, ни время их издания неизвестны.

Следующий этап развития юриспруденции связывается с именем Василия I, который, как говорят нам, «задумал возродить законодательное дело Юстиниана, приспособив его к изменившимся условиям времени и дополнив новыми статьями» (см. [7], стр. 455). Зная будто бы, что задуманное законодательное дело займет много времени, Василий обнарудовал до его завершения «Руководство к праву», имевшее целью дать краткое изложение главнейших законов и «установить в империи правосудие». В конце правления Василия был составлен (но не введен в действие) другой законодательный сборник «Введение», значительно отличающийся от «Руководства». Статьи «Введения», относящиеся к царской власти, цитировались еще в XVII веке при Алексее Михайловиче в документах по делу патриарха Никона (см. [7], стр. 455—456).

Сын и преемник Василия Лев IV Мудрый, подытожив всю законодательную деятельность своих предшественников, издает свои «Василики» (т.е. «Царские законы»), являющиеся наиболее полным памятником византийской юридической науки.

В конце XI века в Болонье право было впервые признано самостоятельной наукой, а не собранием отдельных божьих и императорских повелений. Это явилось заслугой школы «гlossаторов», основателем которой был протеже маркграфини Матильды преподаватель риторики Ирнерий, начавший в 1088 году чтение курса «римского права». Ученики и последователи Ирнерия обосновали «римское учение о неограниченности государственной власти», на котором основывались претензии германских королей на империум. Ценя это, германские императоры оказывали болонской школе особое покровительство, во многом содействовавшее ее быстрому росту. Знаменитые преподаватели права непрерывно сменяли в Болонье друг друга в течение полутора столетий. В начале XIII века в Болонье со всех концов Европы ежегодно собиралось до десяти тысяч (!) слушателей. Толкования болонских юристов имели решающее значение во всех судах «римского права» (см. [5], стр. 883—884).

В чем же заключалось «римское право» Ирнерия? Как указывает историк права А. Вормс, основная заслуга Ирнерия состояла в том, что ему «первому удалось вновь собрать по частям полный текст юстиниановых сборников римского права» (см. [5], стр. 883). Здесь мы вновь наблюдаем уже известный нам разрыв непрерывности:

полтысячи лет Юстиниановы сборники находились неведомо где, пока, наконец, не пришел Ирнаррий и не вынес их на свет божий. Если же мы относимся в то время к Византии, чем к Риму, и учтем, что все византийские кодексы ссылались на авторитет Юстиниана, то нам станет ясно, что «римское право» Ирнерия, появившееся как антитеза местному германско-салическому праву, имело своим основным истоком право Византии.

Другим немаловажным источником творчества glossаторов были многочисленные якобы старинные документы, обосновывавшие имущественные права святого престола. Как раз в конце XII века в связи с тяжбой о наследстве графини Матильды папа Люций III поручает «собрать» эти документы клирику Альбину. По-видимому, первый раз это было исполнено по неопытности не очень удачно, так как через десять лет аналогичное поручение возлагается Климентом III и Целестином III на камерария Ченчи Савалли (см. [5], стр. 702).

По-видимому, Ирнерий искренне полагал, что он сумел из массы ромейских и папских юридических актов восстановить «древнее право» римских императоров, как оно было кодифицировано Юстинианом. На самом же деле он, конечно, заново творил право, приспособив византийскую юриспруденцию к современной ему действительности. Поэтому-то в его «законах римских императоров» обнаруживаются, например, средневековые постановления о ленном владении.

«Восстановленное» Ирнерием и его последователями «римское право» оказалось идеально приспособленным к государственно-правовой ситуации в Европе XII—XIII веков (одного этого достаточно для подозрения его в апокрифичности) и потому стало широко применяться в судах, а его нормы стали включаться в сборники местного права.

Во Франции «римское», а лучше сказать «болонское», право положил в основу государственной организации Людовик Святой. Любопытно, что ряд законоположений, которые авторы юридических сборников XIII века приписывают Людовику, современные историки права приписывают не более не менее как императору Адриану!

Для всей истории развития в Европе «римского права» представление о его «древнем» происхождении является совсем ненужным привеском. С полным правом мы можем сказать, что так называемое «римское право» есть лишь апокрифированное для авторитетности в древность болонское право.

§ 4. Римская республика

Установление республики
(См. [5], стр. 683—585, 689—691)

В XI—XII веках титул герцога («дукса») вышел в Риме из употребления, но знать по-прежнему называла себя «консулами». С этим титулом было связано, главным образом, представление о лице, облеченном судебной властью и принадлежащем к составу городского управления. В Риме существовал также титул «капитана», обычный в северной Италии. Здесь его получали те лица из знати, которым понтифекс жаловал земли в ленное владение. Это были, в основном, провинциальные магнаты, влияние которых на городское управление к этому времени сильно упало. Их место заняли новые рода (Франджипани, Пьерлеони и т. д.), выдвинувшиеся в период междоусобиц.

Наряду с капитанами существовали и мелкие феодалы («милитес» — военачальники), являвшиеся вассалами более крупных. В Риме, и особенно в Кампанье, где большая часть поместий находилась во владении церкви, эти «военачальники» составляли класс знатных рыцарей, державший в своих руках непосредственные бразды правления. Они мало занимались собственно муниципальными делами и презрительно относились к «демосу», т. е. к римским купцам и ремесленникам.

В это время на севере Италии уже образовались свободные города-республики, власть в которых принадлежала городскому населению и которые управлялись ежегодно избираемыми консулами. Римляне завидовали этим городам и также стремились к самоуправлению. Но хотя они издавна боролись за независимость, — еще при Альберике и Кресцентии, достичь автономии от светской власти пап им было труднее, поскольку власть пап покоилась не на привилегиях иммунитета, а по меньшей мере на древних франкских установлениях, и папы всегда могли выдвинуть на свою защиту могущественные средства: священный папский сан, войска императоров или норманнов, финансовые средства, собранные с паломников. К тому же и сами римляне были разбиты на два враждебных лагеря: одни стремились сохранить старую аристократическую форму правления консулов, другие хотели установить «демократическую» республику по образцу североитальянских городов.

Чаяния последних осуществились в 1143 году, когда им удалось установить в Риме демократическую республику, фактически независимую от власти пап. Во главе новой республики был поставлен

общинный совет, принявший название «сената». Ранее в Риме постоянно функционирующего сената, по-видимому, никогда не было. Папе удалось сохранить формальные суверенные права над республикой, поскольку сенат получал от него полномочия, а выборы в сенат, происходившие каждый год осенью производились в присутствии папского уполномоченного, но фактически республика была вполне независима. Более того, вскоре после установления республики папа был вынужден покинуть Рим. Несколько лет он скитался по городам Италии, а затем уехал во Францию.

Первоначальное число членов сената неизвестно, но в 1144 г. Рим был разделен на 14 округов, от каждого из которых избиралось 4 сенатора. Тем самым общее число сенаторов определялось в 56 человек.

Сенат в полном его составе назывался «Большим советом» или «Консistorией». Он выделял из себя исполнительный комитет, члены которого назывались консилиаторами или прокураторами, и менялись по нескольку раз в год. Решения, принятые сенатом, и отчеты консилиаторов утверждались народным собранием, состоявшем из всех полноправных граждан.

Трудно сказать, какие доходные статьи были в распоряжении сената и что составляло его регалии. По всей видимости, монетное дело было уже изъято сенатом из папского ведения и в Риме опять (?) стали обращаться монеты с надписью «Сенат и римский народ». Существуют, правда, и монеты, на которых имеется еще изображение апостола с надписью «Царь римлян» (?). Считается, что это монеты пап.

Гражданская юстиция также перешла в ведение сената. Но в судебных заседаниях часто принимали участие папские юристы, так что отдельные судебные акты являлись совместными решениями сенаторского и папского суда.

Сенат стремился подчинить своей юрисдикции даже дела, в которых обе стороны принадлежали духовному званию, но папы оспаривали эти притязания, и папская курия продолжала действовать наряду с курией сената. Сохранились дела, когда стороны апеллировали то к папе на сенат, то, наоборот, к сенату на папу. Сенат объявлял войну и заключал мир независимо от пап.

Различные республики Рима

Мы уже видели, что в прошлом Рим неоднократно становился независимой республикой. Первый раз это произошло, по-видимому, в VIII веке после освобождения от власти Византии (см. § 1, гл. 15). Мы назовем этот период Республикой I.

Второй раз Рим приобретает независимость в X веке при Теофилакте и Альберике (см. § 3, гл. 16). Мы назовем этот период Республикой II.

Наконец, республику, установленную в 1143 г., мы будем называть Республикой III.

Мы уже отмечали, что от Республик I и II осталось очень мало документов. Неясно, например, был ли в них сенат, а если и был, то как функционировал и какие имел права. Очень может быть, что часть информации об этих республиках апокрифична и списана с Республики III. С другой стороны, не вызывает сомнения, что воспоминания о Республиках I и II свято хранились в римском народе, передавались из поколения в поколение, идеализировались и перерабатывались применительно к новым обстоятельствам. В соответствии с общей тенденцией того времени и благодаря тому, что информация об этих республиках передавалась устно от отца к сыну и не корректировалась документами, она приобрела фантастические очертания и была отнесена в неопределенную древность. Поэтому борцы за Республику III получили возможность формулировать свои политические цели как стремление к «восстановлению» древнейшего республиканского уклада, что в идеологических условиях того времени, придающих особый авторитет древности, имело немаловажное значение. В процессе такого рода формулирования первоначально хаотические представления о «Древней республике» конкретизировались, унифицировались и закрепились на бумаге в виде сочинений «древних республиканцев». Быть может, уже в это время для придания ей особого авторитета древнеримская республика и была помещена на оси времени ранее империи.

Как бы то ни было, но вожди Республики III уже владели представлением о «древнеримской республике» и широко им пользовались в своей политической пропаганде. Однако без специального исследования невозможно сказать, как они эту республику себе представляли и были ли государственные учреждения Республики III слепком их представлений о Древнем Риме, или же эти учреждения были ими установлены самостоятельно и лишь впоследствии послужили моделью для создания апокрифа.

Во всяком случае, мы теперь видим, что апокрифисты имели в своем распоряжении обширнейший сырой материал, как в отношении государственной терминологии (консулы, сенаторы, принцепсы), так и в отношении форм функционирования республиканской власти. Им оставалось лишь его переупорядочить и соответствующим образом осмыслить.

Политическим центром Республики III был Капитолий. Как сообщает Григоровиус, эта часть города Рима «в течение более чем полтысячи лет была окутана непроницаемым мраком». Беглое упоминание о нем встречается только у Эйнзидельского Анонима. Перечисляя укрепленные места города, хронисты никогда не упоминают о крепости на Тарпейской скале. Лишь с X века Капитолий приобретает историческое значение и сосредоточивает в себе политическую деятельность города. Во времена Оттона III в Капитолии заседали патриции. В XI веке Капитолий становится центром всех городских дел. Во время реформы римляне призывались на Капитолий к выборам префектов, когда нужно было получить согласие народа на нового папу или призвать народ к оружию. Есть сведения, что и сам префект имел жительство в Капитолии. Во всяком случае, судебные разбирательства происходили тогда в Капитолии, почему судебные акты и снабжались пометой *Actum civitate Romana apud Capitolium*.

Сенат Республики III заседал в Капитолии. Там же вершили свои дела консилиаторы.

Короче говоря, на Капитолии кипела та же жизнь и в тех же формах, что и в «классические» времена.

Однако, с другой стороны, все «классики» единодушно сходятся в том, что все здания Капитолия были разрушены еще в античности. На нем уцелело только несколько развалин будто бы храмов Сатурна и Веспасиана, фундамент Конкордии, своды архива (?), арка, приписываемая Септимию Северу, и т.п. Грегоровиус пишет:

«Сидя на опрокинутых колоннах храма Юпитера или под сводами государственного архива, среди разбитых статуй и досок с надписями, капитолийский монах, хищный консул, невежественный сенатор, могли при виде этих развалин чувствовать изумление и погружаться в размышления об изменчивости судьбы... И вот сенаторы, приходившие на развалины Капитолия в высоких митрах и парчевых мантиях, имели разве только смутное представление о том, что некогда именно здесь объявлялись государственными людьми законы, произносились ораторами речи, торжественно праздновались победы над народами и решались судьбы мира. Среди мраморных глыб паслись стада коз, почему эта часть Капитолия и носила тогда название «Козлиной горы», подобно тому, как Римский форум назывался тогда «выгоном». На площади его были поставлены балаганы для товаров, и римляне уже давно устраивали здесь свои базары... Кроме монахов ..., священников и затем обитателей замка Кореи, здесь жило очень немного народа».

Удивительно, как Грегоровиус не замечает полной неправдоподобности сообщаемой им информации. Неужели же он всерьез думает, что сенаторы торжествующей республики, знатные люди, с которыми не стыдились породниться императоры, князья могущественнейшей церкви, имперские легаты, судьи сходились вершить свои дела на козьем выгоне, располагаясь на обломках колонн и статуй?

Совершенно ясно, что в то время комплекс Капитолия был еще невредим и, более того, только что выстроен для государственных и городских дел. В дальнейшем он был разрушен (мы ниже увидим когда и кем) и его развалины обросли легендами. Как складывались эти легенды можно проследить, например, по книге XIII века «Чудеса Рима», одном из первых путеводителей по этому городу, информация которой о Капитолии, невольно наводящая мысль на сказки 1001 ночи, ярко показывает уровень представлений XIII века о «Древнем Риме», еще очень далеких от современных.

«Капитолий, — говорит эта книга, — называется так потому, что был главою (по-латыни «капут» — *Авт.*) всего мира и в нем жили консулы и сенаторы, которые управляли городом и миром. С лицевой стороны его были высокие и крепкие стены, покрытые стеклом, золотом и искусной мозаикой. Внутри этого укрепления был дворец, отделанный золотом и разукрашенный драгоценными камнями. Он один стоил третьей части всего мира. Тут стояли статуи, число которых соответствовало числу провинций, и у каждой статуи на шею висел колокольчик. Как только в какой-либо римской провинции происходило возмущение, соответствующая этой провинции статуя поворачивалась в ее сторону и звонила своим колокольчиком. Следившие за статуями прорицатели сообщали об этом сенату. Здесь было много также и храмов. На вершине укрепления находился храм Юпитера и Монеты. Со стороны Форума был храм Весты и Цезаря. Здесь стояло кресло языческого жреца, на которое в 6-ой день марта сенаторы возвели Юлия Цезаря. На другой стороне Капитолия возле форума Геркулеса находился храм Юноны. В Тарпейуме был храм Убежища, где Юлий Цезарь был убит сенаторами ...»

Любопытно, что о храме Юпитера (т.е. Бога-Отца) «Чудеса Рима» упоминают лишь вскользь. Археологические раскопки ни этого храма, ни каких-либо его следов не обнаружили. Считается, что вандалы его полностью разрушили, не оставив даже фундамента (интересно, какими орудиями?) и увезя (?) с собой его крышу. Это казалось странным даже самым ортодоксальным историкам, поскольку по их же собственной информации языческие храмы обычно не разрушались, а

обращались в христианские базилики. Чтобы объяснить, почему же главный храм Рима подвергся иному обращению, было предположено, что «это центр поклонений Юпитеру вызывал особое и исключительное отвращение христиан». Мы видим, на какие ухищрения приходится идти «классикам», чтобы объяснить необъяснимое.

Республика и папы

См.[5], стр.691—701.

Новорожденная республика была сразу же вынуждена бороться за свое существование с окрестными феодалами. Победы сменялись поражениями и не раз республика находилась на краю гибели. Морозов приводит текст униженного письма, с которым сенат был вынужден обратиться к германскому цезарю, моля его о военной помощи и предлагая взамен империи. Но король на это письмо не ответил, считывая получить императорскую корону не от сената, а из рук папы.

Внутреннее положение республики также было беспокойным. В свержении светской власти пап объединились деятели самых различных направлений, которые после победы начали борьбу друг с другом. На крайнем левом фланге стоял пламенный проповедник Арнольд Брешианский, выражавший интересы беднейших слоев римского общества. В своих публичных речах, собиравших толпы восторженных слушателей, он объявлял папу не преемником апостолов и пастырем душ, а поджигателем и убийцей, церковным палачом и губителем невинности, который только откармливает свое тело и наполняет денежный сундук чужим добром.

Ситуация особенно обострилась в 1154 году, когда на понтификальный престол вступил новый папа, Адриан IV, немедленно вставший в резкую оппозицию к римской общине и потребовавший изгнания и наказания Арнольда. Дело кончилось тем, что Адриан наложил на Рим интердикт.

Это означало, что в Риме прекращались все богослужения, а из таинств выполнялись только крещение и причастие, да и то в особых формах, наводивших на суеверных людей ужас. Тела умерших закапывались в землю без совершения обряда погребения, а вступающие в брак получали благословение на кладбищах.

Перед этим страшным наказанием суеверные римляне дрогнули и во всем уступили папе. Интердикт был снят, а Арнольд изгнан из Рима.

Чтобы закрепить свою победу, папа вызвал в Рим императора Фридриха Барбароссу. Рим восстал, но в кровавом бою, продолжавшемся почти целый день, римские повстанцы были разбиты и утоплены

в крови. Однако император не смог войти в город и был вынужден, взяв с собой папу и всех кардиналов, отойти к Соракте. По дороге императору удалось захватить Арнольда Брешианского. Он выдал его папе. Арнольд был задушен и сожжен на костре.

До самой своей смерти в 1159 году папе Адриану, несмотря на помощь императора, не удалось вернуться в Рим и поставить на колени римскую республику.

Когда Адриан умер, в римской церкви произошел раскол, отражающий политическую борьбу в республике. Демократы избрали своего папу, Виктора IV, а аристократы — своего, Александра III. Виктора IV позже сменили Пасхалий III, Калликст III и Иннокентий II, но всем им пришлось делить папский престол с Александром.

Одновременно снова обострились отношения Рима с Германией. После длительной военной кампании Фридриху наконец-то удалось в 1157 году взять Рим. Александр III бежал, а Пасхалий III короновал жену Фридриха Беатрису. Фридрих же сам возложил на себя императорскую корону. Мир между Римом и Фридрихом был заключен на том, что «Сенат и народ приносят императору присягу на верность и обязуются охранять его суверенные права в пределах города и вне его. Император признает сенат в его установленной форме, но свои полномочия сенат получает от императора».

Однако Александр III не сложил оружия и стал собирать силы против императора. Ему удалось сколотить союз свободных ломбардских городов, недовольных произволом императорских чиновников, и в 1176 г. в битве при Леньяно наголову разбить Фридриха. Рим снова получил свободу, но вместе с Александром.

Хотя сенат и римский народ и были вынуждены признать Александра III, но по вопросу о порядке управления городом уступать они были не намерены. Папская власть не внушала страха; недовольство и готовность к новому восстанию чувствовались не только в самом Риме, но и во всей церковной области.

Стремясь к укреплению папства, Александр созывает в 1179 году в Латеране вселенский собор, на котором проводит декрет, устанавливающий, что для избрания папы необходимо большинство в две трети голосующих кардиналов и еще раз подтверждающий, что избрание производится исключительно коллегией кардиналов без какого-либо вмешательства светской власти. Никогда еще авторитет папы не стоял так высоко в Европе и лишь в Риме и церковной области он по-прежнему не имел власти. Сенат лишь номинально получал свои полномочия от папы и, опираясь на силу милиции, был фактически от него полностью независим.

Александр чувствовал себя в Риме среди врагов и, не выдержав, в 1179 году окончательно его покинул.

Со времени Адриана I ни один из пап не оставался так долго на своем престоле, но из 22 лет своего правления, Александр 18 лет провел в борьбе с антипапами и 20 лет в изгнании.

Преемники Александра также не смогли вернуться в Рим. Первый из них, Люций III, начал дело круто. Он торжественно провозгласил римлянам анафему, объявив, что они, восставая против светской власти пап, следуют учению Арнольда и являются такими же еретиками как вальденцы, катары, гумилиаты и другие сектанты, в множестве появившиеся в это время. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Люций внезапно не умер.

Преемник Люция Урбан III все время своего непродолжительного понтификата оставался в Вероне, и только папа Климент III сумел вернуться в Рим. Он нашел с сенатом «модус вивенди» и после этого папы могли относительно спокойно жить в Риме. Папе были оставлены титулы и почести светского властителя, но он обязан был предоставлять инвеституру представителям исполнительной власти республики, свободно избранной общиной, и не мог вмешиваться в их действия.

Однако несмотря на устранение пап от светской власти, внутреннее политическое положение в республике оставалось напряженным. В сенат все больше проникала знать и ко времени Климента III большинство сената вновь состояло из нобилей, а не из граждан и простых рыцарей. Римляне не захотели этого терпеть и в 1191 г. осуществили переворот, разогнав сенат и поставив во главе города диктатора с титулом «верховного сенатора». За шесть лет сменилось три «верховных сенатора», после чего римляне, устав, по-видимому, от чехарды правителей, восстановили прежний порядок с сенатом из 55 человек и исполнительной джунтой консилиаторов.

Начало римской археологии

См.[5], стр.702—712.

От рассматриваемого времени до нас впервые дошли сочинения, которые можно считать «историко-археологическими». Таков, например, труд каноника Маллия, посвященный базилике св.Петра. Хотя он и начинается с постройки этой базилики якобы при Константине I, но главная его цель состоит в обосновании прав собора Петра на земельные владения, будто бы пожалованные ему Карлом. Аналогичный характер имеет описание Латеранской базилики, составленное в то же время каноником Иоанном.

Оба автора широко заимствуют информацию из двух анонимных сочинений того времени: «Книги ритуалов» и уже упоминавшихся выше «Чудес Рима». Фактически «Чудеса Рима» и появившаяся несколько позже книга «Описание златого града Рима» являются единственными нашими первоисточниками о памятниках древнего классического Рима. Упоминания в этих сочинениях гробниц Иннокентия II и Анастасия IV и других архитектурных сооружений XII века, доказывают, что окончательный их текст сложился не ранее XII века, хотя отдельные фрагменты могли быть написаны значительно ранее. Напечатаны «Чудеса» были впервые в 1702 году.

В сущности оба сочинения по содержанию одинаковы, отличаясь лишь порядком изложения. Грегоровиус, относя создание «Чудес» и «Описания» к XII веку, полагает, что «с той поры обе книги постоянно переписывались, расширялись и искажались до нелепости». Например, поглощенный всецело святыми наивный переписчик принял «Фасты» Овидия за мартиролог святого и часто на них в этом качестве ссылается. Впрочем, в эту ошибку тогда впадали многие (например, известный Альбин, архивариус папы Люция III). Так, быть может, наивны мы, а в XII веке «Фасты» действительно были мартирологом «святого Овидия», лишь позже превратившегося в поэта?

Как мы уже видели выше в пункте о Капитолии, «Чудеса» переполнены фантастическими (с традиционной точки зрения) измышлениями. Для нас они именно этим ценны, выявляя один из ранних этапов процесса создания волшебной сказки о классическом Риме.

Кроме того, очень многие классические памятники называются в «Чудесах» именами церквей или других средневековых сооружений, которые теперь считаются построенными на их развалинах. Это позволяет выяснить их истинное происхождение.

Например, в «Чудесах» мы читаем, что около форума «был храм Паллады, форум Цезаря и храм Януса, который, как утверждает Овидий в своих «Фастах», предвидел все совершающееся в году от его начала и до конца. Ныне этот храм называется башней Ченчи Франджипани». Можно с уверенностью считать, что этот «храм» и был с самого начала башней. Выяснение вопроса, была ли эта башня получена самим Ченчи или, скажем, она перешла к нему по наследству, требует специального исследования. Во всяком случае, кончик нити «Чудеса» нам дали.

С другой стороны, из «Чудес» иногда можно узнать истинные источники принятых сейчас атрибуций. Например, они сообщают, что «замок Адриана» потому называется так, что в одной из проповедей папы Льва Святого сказано, «в память императора Адриана». Это

единственное основание отнесения этого замка Адриану! Вместе с тем, много тогдашних атрибуций расходится с современными. Так, например, форум Нервы назывался форумом Траяна, арка Севера просто триумфальной аркой, базилика Константина храмом Ромула, арка Тита и Веспасиана «Септем Люцернарум», совсем без имен этих императоров, и т.д. и т.п.

В «Чудесах» мы находим также легенды о классических статуях, которые были тогда в Риме в полной целостности, как совсем недавние. Некоторые из этих легенд имеют «языческий» характер, удивительный (с традиционной точки зрения) в устах христианского автора. Такова, например, легенда о статуе Венеры, на палец которой некий юноша, шутя, надел кольцо, и она, как бы в знак состоявшегося обручения удерживала это кольцо на руке и не давала никому его снять.

Другие легенды представляют собой курьезную смесь классики и христианства. Так, например, по сообщению «Чудес» во дворце у Ромула (!?) находилась статуя с надписью «Не упадет, пока дева не родит», и эта статуя низверглась, как только родился Христос. В другой легенде рассказывается о статуе, которая обратилась с речью к императору Юлиану, начавшему склоняться к христианству, и убедила его вернуться к язычеству. (Вот, так-то!)

Впоследствии эти легенды о статуях были поставлены в связь с «волшебником Вергилием». В своем месте мы уже упоминали, что вплоть до эпохи Возрождения Вергилий считался не столько поэтом, сколько философом (!), математиком (!!) и великим магом (!!!). Утверждалось, например, что предупреждающие Рим об опасности статуи с колокольчиками, о которых говорят, кстати, не только «Чудеса», но и другие сочинения, были сконструированы Вергилием. Он же воздвиг башню, в которой они помещались и которая, сверкая золотом днем, ночью, освещаясь яркой лампой, служила маяком проплывающим (?) кораблям. В этой же башне находилось зеркало, отражающее в себе все, что происходит в мире, которое также служило для обнаружения враждебных замыслов против Рима. Она была якобы разрушена по приказанию папы Григория IX.

В церкви св. Марии до сих пор сохранилось отверстие в стене, имеющее вид маски. По преданию это была созданная Вергилием «Пасть правды». Обвиняемые в ложной клятве должны были вкладывать в эту пасть свою руку, и она откусывала руку, если обвинение было справедливо. Чудодейственная сила этого изобретения Вергилия была разрушена одной хитрой женщиной, обвиненной в нарушении супружеской верности.

Этих легенд, правда, в «Чудесах» нет. Они упоминают имя Вергилия только в связи с церковью св. Агаты, в которой Вергилий был будто бы заключен, но скрылся, «приняв невидимый образ».

Средневековый Рим в сообщениях современников

См.[5], стр.715—722.

От XII века до нас дошли также первые известные мемуары путешественника, посетившего Рим. Это был уже упоминавшийся выше Вениамин Тудельский. С традиционной точки зрения нельзя не удивляться путанности его сообщений.

«Рим, — пишет Вениамин, — состоит из двух частей. Их разделяет река Тибр таким образом, что, стоя в какой-либо одной части, можно видеть другую. В первой части находится самый большой храм. По-римски он называется S.Petrus, здесь же стоит (обратите внимание на время глагола! — *Авт.*) дворец великого Юлия Цезаря со множеством зданий и сооружений, совершенно не похожих на все другие здания, существующие на свете. Город, местами представляющий одни развалины, местами обитаемый, имеет в окружности 24 мили. В нем 80 дворцов 80-ти царей. Начиная с Тарквиния и до Пипина (*sic!* — *Авт.*), отца Карла, отнявшего от измаильян Испанию (?! — *Авт.*) и покорившего ее под свою власть, все эти цари назывались императорами. На окраине Рима стоит дворец Тита, которого отказались встретить 300 сенаторов, так как он не исполнил их веления: овладел Иерусалимом не в двухлетний срок, а лишь после третьего года. Далее можно видеть еще дворец Веспасиана, могущественное и прочное сооружение, напоминающее храм. Затем дворец царя Гальбина, имеющий соответственно числу дней в году 350 зал и занимающий по окружности три мили. В этом дворце в одну из междоусобных войн было убито свыше 100000 идумеян; их кости висят там донныне. Желая, чтобы последующие поколения навсегда сохранили память о древней войне, государь этот приказал изобразить ее во всех подробностях с помощью скульптуры. Высеченные из мрамора изображения (где они теперь? — *Авт.*) воспроизводят ряд битв и их участников на конях, с оружием в руках. Далее, там находится подземная пещера, в которой восседают на тронах царь и царица, и имеется около сотни статуй, изображающих всех римских царей включительно до наших дней. В церкви св. Стефана у его изображения в святилище стоят две бронзовые колонны, сооруженные царем Соломоном (итак, Соломон — это римский царь-император! — *Авт.*), почившим в мире. На каждой колонне есть надпись: «Соломон, сын Давида». Живущие здесь евреи сообщили мне,

что каждый год 9 июля из этих колонн как бы сочится вода. Здесь же находится пещера, в которую были положены Титом, сыном Веспасиана, священные сосуды, взятые из храма в Иерусалиме. Существует еще другая пещера в горе близ реки Тибр. В ней покоятся 10 праведников (да будет благословенна их память!), убитых в правление тиранов. Перед Латеранским храмом стоит статуя, изображающая Самсона с каменным глобусом в руке; затем статуя Авессалома, сына Давида, и царя Константина, который построил город Константину и назвал его Константинополем (? — *Авт.*). Статуи этого царя, изображенного сидящим на лошади, сделана из бронзы, но раньше вся она была позолоченной».

Подобного рода смесь «классических» и «библейских» мотивов не является особенностью только Вениамина. Даже в «Описании златого града Рима» утверждается, что в Латеране хранятся Моисеев кивот завета Господня, семиручный светильник и мощи Моисея и Аарона, а в «Чудесах Рима», что в стене форума Августа имеется бронзовая стела, на которой по-гречески и по-латыни написан золотыми буквами мирный договор, заключенный некогда римлянами с Иудой Маккавеем. (Здесь стоит напомнить, что «Маккавей» в переводе означают «Каролинги» — потомки Карла Мартелла).

Историки вынуждены считать всю эту информацию «благочестивыми выдумками», не имеющими реального основания. Точка зрения Морозова значительно, конечно, последовательнее.

Возможно, впрочем, что Вениамин и дал кое-где волю своей фантазии, но все же его писания резко отличаются от фантастических (и, возможно, апокрифических) писем Камрада, канцлера императора Генриха, в которых Камрад рассказывает, как он посетил (в Италии!) Олимп и Парнас, и, объятый страхом, миновал Сциллу и Харибду. Камрад радуется, что источник Гиппокрены теперь в пределах Германской империи; он считает театр в Тавромении за ужасный лабиринт Минотавра и описывает свое знакомство с «сараццинами», обладавшими завидной, унаследованной от апостола Павла, силой, благодаря которой они могли убивать ядовитых змей простой своей слюной.

Другого сорта информацию о Риме (поневоле отрывочную) можно получить из судебных, государственных и имущественных актов. Здесь, в первую очередь, обращает на себя внимание распространенный в то время странный вид частной собственности на отдельные «античные» сооружения. Так, например, в 1199 году Иннокентий III утвердил за церковью св. Сергия и св. Вакха владение половиной триумфальной арки, известной теперь как арка Севера. Другую половину арки он закрепил

за наследниками некоего Цимина. Так называемая «колонна Траяна» принадлежала женскому монастырю св.Кириака, а другая колонна монастырю св. Сильвестра. Надпись на последней колонне гласит:

«Так как колонна Антонина, принадлежащая монастырю св. Сильвестра и стоящая возле нее церковь..., уже с древних пор передавалась в сторонние руки, то мы, желая, чтобы это никогда более не повторялось, проклинаем и предаем анафеме монахов и аббатов, если они осмелятся сдать в аренду колонну и церковь или уступить их в виде бенефиции...».

Зачем, спрашивается, эти арки и колонны сдавались в аренду как доходные предметы? Морозов ответа не знает, но думает, что здесь скрывалось какое-то, приносящее доход, суеверие. Подстегиваемое суеверием и выгодой воображение владельцев этих колонн создавало вокруг них целый спектр легенд, который теперь всерьез принимаются историками.

Не нужно думать, что для ложной атрибуции какого-нибудь сооружения обязательно требуется его древность. В Риме сохранился дом, на стене которого имеется мемориальная доска, утверждающая, что дом построен Николаем, сыном Кресцентия, для своего второго ребенка Давида. Без каких-либо других оснований считается, что этот Кресцентий и есть тот знаменитый Кресцентий, который жил при Оттоне III. Как саркастически замечает Морозов, еще хорошо, что его сын Николай не принят за Николая Мирликийского!

Из других актов и надписей мы узнаем, что в это время Люций II выстроил церковь св.Креста, а Евгений III «возобновил» церковь св.Марии. Он же построил дворец в Сенье, расширил и украсил Ватикан. Мы видим, таким образом, что и архитектура, и изящные искусства никогда не замирали в Риме, даже в периоды тяжелых политических потрясений.

§ 5. Рим и папство в канун Возрождения

Папа Иннокентий III

См.[39], стр.276—278 и [5], стр.723—724.

Вынужденные отказаться от управления Римом папы с тем большим рвением продолжали проводить в жизнь тезис о верховенстве пап в империи. Наибольших успехов в этом направлении добился знаменитый Иннокентий III (1198—1216 гг.). Его взгляды явились дальнейшим развитием теократических идей Григория VII. Он полагал папскую власть высшей властью в мире. Папа, — учил он, — как преемник апостола Петра и наместник Христа, выше всех государей. Император и все короли являются лишь вассалами папы, получая от него власть, подобно тому, как луна получает свой блеск от солнца.

Политическое положение в то время благоприятствовало папе, и искусной дипломатией он сумел добиться всех своих целей и, как никогда раньше, возвысить авторитет пап. При нем Германия потеряла почти все свое влияние в Италии, в то время как Англия, Арагон, Португалия, Болгария, Швеция, Дания, Польша и даже далекая Армения признали себя вассалами папы. С полным основанием Иннокентий писал о себе, как о всеевропейском арбитре, от слова которого зависела участь целых королевств.

Иннокентий ввел строгий порядок в организацию папского суда и папских финансов. Папская курия стала при нем высшей судебной инстанцией всего католического мира, вмешивавшейся не только в крупные дела, но и во всякие мелочи вероучения и обряда, а также крупнейшим финансовым центром, аккумулировавшим колоссальные денежные средства, которые поступали в Рим не только как добротные даяния, но и в порядке обязательной десятины и других сборов. Большие средства Иннокентий получал также от продажи введенных им индульгенций.

Иннокентий организовал также ряд крестовых походов, в том числе и знаменитый четвертый поход, завершившийся завоеванием Византии.

Определенных успехов Иннокентий достиг и в самом Риме. Не посягая на основы автономии города, он подкупами добился отмены свободного избрания сенаторов, которое с тех пор стало папской привилегией. Он также навел порядок и укрепил свою власть в Лациуме.

В дружбе с папой Рим приобрел в это время неслыханный ранее государственный авторитет. Многие итальянские города отправляли к римскому народу торжественные посольства, чтобы выпросить себе в

правители знатного римлянина, который и посылался к ним решением «сената и римского народа». Эти правители во всех актах называют себя римскими консулами.

Последним крупным мероприятием Иннокентия, подчеркнувшим головокружительную высоту, которой достиг папский авторитет, был собор 1215 г. в Латеране, решивший спор об императорской короне. До этого Иннокентий поддерживал Оттона IV Вельфа. Однако последний, получив власть, отошел от абсолютного послушания папе и стал проводить национально-германскую политику. Папа подверг Оттона отлучению и назначил императором молодого Фридриха Гогенштауфена (1212—1250 гг.). Дальнейшие события (уже после смерти Иннокентия) показали, что это была крупная ошибка, поскольку Фридрих оказался ярким врагом папства.

Еретические движения

См. [39], стр. 454—459.

В период Средних веков оппозиционно-революционные движения угнетенных масс принимали религиозную форму ересей. Так было и до церковной революции XI века и после нее. Однако до Морозова никто не задумывался, почему только после XI века еретические движения стали вдохновляться евангельской идеологией (а не, скажем, проблемами единосущности или единоволлия Христа), а их догматическим ядром стало учение о совершенной бедности как истинном последовании Христу. Это обстоятельство является еще одним, пожалуй самым мощным, аргументом в пользу морозовской датировки Евангелий.

Обновленческие папы, пропагандируя для своих собственных целей и в своей собственной интерпретации евангельские идеи, открыли, сами того не желая, дорогу и для еретических, т.е. в первую очередь примитивно-социалистических и уравнилельских, их истолкований.

Однако наиболее распространенной формой ереси в Западной Европе XI—XIII веков было все же не связанное с Евангелиями катарство, восходящее, по-видимому, к старинным восточным ересям павликиан и евтихиан. Во Франции катары (чистые) назывались альбиноцами (от их центра — Альби), в Ломбардии — гумиллиатами (униженными), патаренами (оборванцами) и патарами (возможно, от «платер»), а Германии — кэтцерами (что значит просто «еретик»). Они резко выступали против римской церкви, утверждая, что папа наместник не Христа, а сатаны, и противопоставляя ей свою собственную церковь (в которой были диаконы, епископы и, по-видимому,

даже свой папа). Тем самым катары отрицали и феодальное государство. Это определило их успех среди масс, угнетаемых феодалами и церковью, но вместе с тем вызвало и беспощадные преследования со стороны «сильных мира сего».

Наряду с катарством широкое распространение в XIII веке получила также другая, новая форма ереси, уже непосредственно испирированная Евангелиями. Основателем этой ереси был лионским купец Петр Вальд, который в 1173 г. раздал бедным свое имущество и начал проповедь бедности и покаяния. Его последователи называются вальденцами или лионскими бедняками.

Первоначально община Вальда ни своим учением, ни поведением не казалась враждебной церкви. Ее члены попарно бродили босые и оборванные по селам и городам, провозглашая наивный евангельский призыв «отрекись от всего, что имеешь, и следуй за мной», но никак не ущемляя права и прерогативы церкви. Однако, когда в движение вальденцев вовлеклись широкие бедняцкие массы Лиона и других городов, уже сама его популярность напугала церковь, и папа Люций III отлучил вальденцев от церкви.

Но это оказалось ошибкой и лишь подлило масла в огонь. После отлучения движение приобретает невиданный раньше размах и начинает всерьез угрожать церкви. Это заставило папу Иннокентия III вступить с вальденцами в переговоры. Путем признания некоторых особенностей в обрядах и образе жизни папе удалось отколоть от вальденцев группу так называемых католических бедняков, которые пошли на компромисс с церковью и остались в ее лоне. Непримиримых же вальденцев логика борьбы вынудила сблизиться с катарами и подобно им стать в оппозицию церкви и государству. Поэтому подобно катарам вальденцев беспощадно искореняли огнем и мечом, не щадя ни жен ни детей.

Нищенствующие ордена

См. [39], стр. 459—454 и [5], стр. 725—728.

Опыт с вальденцами научил церковь осторожности по отношению к нарождающимся движениям масс. Отныне церковь стремится в самом начале локализовать и обезвредить любое полуеретическое движение. Ярким примером служит политика церкви по отношению к францисканству.

Франциск из Ассизи (в северной Италии), род. в 1182 г., в молодости вел обычную для богатого горожанина жизнь. Затем, очевидно под влиянием учения вальденцев, он отказывается от имущества и подобно Вальду, начинает проповедь бедности и покаяния.

На первых порах все шло как и у Вальда. Вокруг Франциска собралась община верующих, проповедующих покаяние и спасение души путем отказа от богатства. Хотя в деятельности этой общины не было явно враждебных церкви тенденций, но они могли появиться позже. Более гибкий и умный, чем Люций, папа Иннокентий решает взять эту общину под свое покровительство. Результатом явилась быстрая эволюция общины в сторону превращения ее в монашеский орден. Эта эволюция наглядно прослеживается по трем последовательным уставам общины, последний из которых, утвержденный папой в 1223 г., уже организует ее по иерархическому принципу и объявляет орденом. Хотя это не понравилось ряду францисканцев, в которых старая еретическая закваска была слишком сильна, и которые впоследствии положили начало ереси спиритуалов (руководитель Иоаким де Фиоре), через сто лет взошедших на костер, но основная масса членов общины, так называемые конвентуалы (под руководством фра Элиа), приняла этот устав и начала усердно служить папству. Тем самым францисканство, которое легко могло развиться в оппозиционное, еретическое движение, превратилось в самого опасного врага ересей, больше всех сделавшего для притупления революционных настроений и отвлечения масс от открытой борьбы с официальной церковью.

Учение Франциска, объявленного впоследствии святым, было предметом неисчислимых исследований, но, как говорит Грегоровиус, оно остается «одним из самых необыкновенных явлений конца средних веков», а Морозов добавляет, что «оно останется навсегда загадочным, если мы не допустим, что Евангелия возникли в средние века и были переведены на латинский язык не за тысячу лет до Франциска».

Организация ордена францисканцев резко отличалась от организации прежних монашеских орденов: если те были носителями аристократически-феодалного духа, а их аббаты в качестве имперских и ленных князей управляли вассалами, то Францисканский орден был, по крайней мере, формально «нищенствующим», члены которого не могли владеть никакой собственностью и должны были жить каждодневной милостыней и личным трудом. Все это делает францисканцев «народным» орденом и способствовало успеху их пропаганды в массах. Сближению ордена с народными массами способствовало также создание братства терциариев которому, подчиняясь дисциплине ордена, не носят монашеского одеяния и живут «в миру».

Нищенствующие монахи проникли во все поры общества, неся с собой евангельскую идеологию. Лишь благодаря им евангельское

христианство распространилось в массах и постепенно оттеснило прежнюю веру не только формально, но и по существу.

Успех францисканцев побудил испанского аббата Доминика Гусмана применить их методы к истреблению ересей. В 1216 году он основывает второй «нищенствующий» орден, организованный по образцу Францисканского, непосредственной задачей которого была борьба с ересями. Члены этого ордена назывались доминиканцами что связывалось с латинским «домини канес» — «псы господ». Они боролись с ересями, как в теоретическом плане посредством диспутов и детальной разработки вероучения (именно из доминиканцев и частично францисканцев вышли все виднейшие представители средневековой схоластической науки), так и в плане более «практическом», посредством прямого физического истребления еретиков (именно доминиканцы поставляли кадры инквизиции).

Впервые специальные органы для борьбы с еретиками были созданы папой Люцием III в виде инквизиционных комиссий при епископах еще в конце XII века. Но они оказались малоэффективными и в 30-х годах XIII века инквизиция отбирается у епископов и передается непосредственно под юрисдикцию папы, который поручил вести ее дела доминиканцам.

Аристотелизм и томизм

Философским выражением оппозиционного отношения к феодальной церкви было учение Аристотеля, до тех пор неизвестное в западных странах. Историки науки нам сообщают (см., напр., [87], стр. 13), что как раз в XIII веке люди стали впервые задумываться над проблемами, ответы которых содержались в трудах Стагирита и, именно в это время его труды стали известны в Европе. Материалистически мыслящие историки объясняют интерес к этим проблемам растущими социальными и вызванными ими идеологическими потребностями нарождающейся буржуазии. Но они предпочитают игнорировать тот факт, что в предполагаемое ими время жизни Аристотеля никакой «нарождающейся буржуазии», а тем более никаких «ее потребностей» еще не было и в зародыше. Что же послужило первопричиной создания Аристотелем его философии, столь хорошо отвечающей идеологическим потребностям тринадцатого и только тринадцатого века? Мы либо должны отказаться от основных принципов материалистического понимания истории (и заодно признать за Аристотелем телепатические способности предугадать потребности науки на две тысячи лет вперед), либо признать, что все так называемые «труды Аристотеля» (имя которого, напомним, значит «наилучшее

завершение») созданы именно в XIII веке (скорее всего в Сицилии и Испании, как наиболее передовых районах тогдашней Европы).

«Хотя аристотелизм и не был последовательно материалистическим направлением ... он явно противоречил церковной доктрине ... Поэтому нет ничего удивительного, что церковь очень активно реагировала на распространение аристотелевской доктрины ... Уже в 1209 г. провинциальный синод французских епископов в Париже накладывает запрет на изучение трудов Аристотеля ... в 1215 г. появляется второй запрет аналогичного содержания.

Однако церковь прекрасно понимала, что одни лишь административные методы не принесут желаемых результатов...

С целью ревизии и исправления трудов Стагирита, как главной основы зарождавшихся тогда духовных течений, направленных против христианской ортодоксии, Григорий IX (тот самый папа, который в 1233 г. основал доминиканскую инквизицию. — *Авт.*) создает специальную папскую комиссию...

Комиссия функционировала с апреля 1231 по 1237 гг... она не оправдала возлагавшихся на нее надежд... В этой ситуации задачу приспособления аристотелизма к потребностям церкви было решено доверить ученым из ордена доминиканцев.

...начатая папством идеологическая борьба... принесла определенные плоды в виде ассимиляции аристотелизма и приспособления его к нуждам церковной доктрины. Этого добился орден доминиканцев в целом и Фома Аквинский в особенности.

В томистском (т.е. принадлежащем Фоме — *Авт.*) толковании аристотелизм перестал... угрожать догматам веры... С тех пор Стагирит объявляется уже не еретиком, а мыслителем, учение которого... составляет философскую основу католической теологии» ([87], стр. 14, 17—22).

Мы не будем анализировать труды Фомы, — это не наша задача, — и лишь заметим, что хотя он постоянно ссылается на Аристотеля и пишет на его сочинения комментарии, но абсолютно неясно, имеет ли он в виду именно тот текст, который сейчас считается принадлежащим Стагириту. Вполне возможно, что те сочинения, которые в XIII веке приписывались Аристотелю и от которых отталкивался в своей философии Аквинат, до нас не дошли, а теперешний текст составлен позже уже в порядке противопоставления томизму. Точно так же хотя считается, что та интерпретация аристотелизма, с которой особенно рьяно боролся Фома, идет от Аверроэса (1126—1198), но совершенно неясно тождество тех текстов Аверроэса, которые знал Фома, с теми, которые знаем мы. При исследовании взаимоотношений аристотелизма

с томизмом именно эти вопросы, которые, по-видимому, никем ранее не рассматривались, должны быть, на самом деле, изучены в первую очередь. Пока на них не дано подробного и обоснованного ответа, все исследование оказывается без фундамента.

Рим при Григории IX

См.[5], стр.728—729 и 733—759.

Из преемников Иннокентия III особо выделяется уже упоминавшийся выше папа Григорий IX (1227—1241 гг.), отличавшийся сильным характером и чрезмерным властолюбием. Он не смог поделить власть с сенатом и вынужден был несколько раз удалиться из Рима в изгнание.

«Римский народ, — говорит Грегоровиус, — проникся в это время новым духом. Как в древности, во времена Камилла и Корнолана, он и теперь выступил на завоевание Тусции и Лациума. Снова появились на поле брани римские знамена с древними инициалами S.P.Q.R. (Senatus Populusque Romanus) на красном с золотом поле, и римское национальное войско снова было составлено из римских граждан и союзников от вассальных городов, под начальством сенаторов.»

Мы видим теперь, с чего были списаны «классические» легенды!

Другая информация Грегоровиуса объясняет происхождение некоторых «античных» археологических памятников: «Зажиточные римляне... в это же время припомнили (!? — что за великолепная память! — *Авт.*) свои древние обычаи, поставивши пограничные камни и снабдивши их надписями S.P.Q.R., которые должны были обозначать юрисдикцию города Рима». В это время в Риме получил также распространение псевдоклассический титул проконсул римлян, который получали нобили, занимавшие высокую должность в городе или в провинции, бывшие градоправителями союзных городов или ректорами понтификальных владений. Хотя прежний титул «консул» и оставался в употреблении, но теперь он потерял всякое значение, а присвоенные раньше консулам права и отличия перешли к проконсулам.

Конфликт между папой и Римом достиг своей кульминации в 1235 г., когда Григорий IX объявил своего рода крестовый, всеевропейский поход против строптивого города. Под давлением подавляющей военной силы римляне были вынуждены подчиниться и заключить с папой мир на его условиях, вновь признав верховную власть папы и отказавшись от завоеваний в Лациуме и Тусции. Однако автономию в своих прежних границах Рим сохранил, а папа оставался в изгнании, боясь вернуться в Рим.

Властолюбивый Григорий IX не мог не вступить в конфликт и с императором Фридрихом. В 1240 г. папа предложил решить спор на соборе в Риме, но Фридрих не только отклонил приглашение, но и приказал духовенству империи бойкотировать собор. Интересен текст распространявшихся императором и его подручными писем, агитирующих за бойкот собора:

«Как можете вы быть в безопасности в Риме, где все граждане и духовенство ежедневно сражаются за и против двух противников? Жара там невыносимая, вода гнилая, пища грубая и сырая. Воздух там можно ощупать руками, и он кишит москитами, всюду множество скорпионов, народ грязен и отвратителен, полон злобы и бешенства. Под всем Римом выкопаны пещеры, и из катакомб, наполненных змеями, подымается ядовитый и смертоносный туман.»

Когда же верные папе прелаты все же отправились на генуэзских кораблях в Рим, морские силы Фридриха перехватили их и в происшедшем сражении, по-видимому самым удивительным в истории, утопили и взяли в плен более сотни прелатов, кардиналов, епископов и аббатов.

Неизвестно, как повернулось бы дальше дело, но в это время на востоке Европы появились татаро-монгольские тумыны. Подчинившийся всеобщим призывам об единстве действий против нового страшного врага Фридрих отправил папе послов, но Григорий предпочел скорее умереть, чем уступить. Так и произошло, 21 августа 1241 г. Григорий внезапно умер.

Император Фридрих II

Император Фридрих рос и воспитывался в Сицилии, где сталкивались западные и восточные культурные влияния. Он был образованным человеком, поддерживал науки и искусства и даже сам писал стихи. Вращаясь среди людей разных религий, он сам был совершенно равнодушен к религиозным вопросам и терпеливо относился ко всем вероисповеданиям, кроме еретиков-христиан, которых он беспощадно преследовал. У него были прекрасные отношения с мусульманскими государями, которые считали его почти своим. Во время седьмого крестового похода он даже помог египетскому султану против Людовика IX. В частной жизни Фридрих был настоящим мусульманином и даже имел большой гарем.

Такова информация об этом поистине замечательном человеке, которую мы находим в учебниках истории (см. напр. [39], стр. 278—279). Но можно ли, однако, ей безоговорочно верить? Что в ней

опирается на документы, а что представляет результат их домысливания и интерпретации? Историки рисуют образ вольнодумного государя, «совершенно равнодушного к религиозным вопросам», обычного для рационалистического XVIII века, но по всем другим данным абсолютно невозможного в XIII веке. Не попали ли они в плен собственных представлений и подогнули реалии XIII века к модели XVIII века?

Мы не будем подробно обсуждать этот вопрос, а сформулируем только окончательные выводы.

Как мы уже выяснили (см. гл. 10), библейско-христианский культ зародился у подошвы Везувия на базе обожествления его вулканической деятельности. По всем данным, в то время как в других областях этот культ развивался и эволюционировал, в месте его зарождения (и в близкой Сицилии с ее Этной) он долгое время оставался прежним или, по крайней мере, сохранял исключительно много архаических черт (в частности, многоженство). Своеобразие Фридриха состояло, надо думать, в том, что, воспитываясь в Сицилии и Неаполе, он воспринял этот архаический культ и на всю жизнь остался ему верен.

Это объясняет его близость к «мусульманским государям» и уважение, которым он у них пользовался. Ислам меньше всего отошел в своей практике от старинного культа Громовержца-вулкана и, возможно, что в XIII веке «мусульмане» еще живо ощущали эту связь.

Становится также ясной непрекращающаяся обоюдная ненависть между обновленческими папами и Фридрихом, а также особенная ожесточенность в преследовании им евангелических «еретиков». По политическим соображениям Фридрих уже не мог открыто выступить против Евангелий, но его пренебрежение к ним проявляется в каждом его действии. В ответ папы неоднократно отлучали Фридриха от церкви, но Фридрих имел возможность это игнорировать именно потому, что он имел духовный авторитет как представитель «старой веры».

В последнее десятилетие своего правления Фридрих уже практически совершенно открыто выступил против «евангелической церкви», конфискуя или облагая непосильными налогами церковное имущество и наказывая смертью, заточением или изгнанием евангельские проповеди нищенствующих монахов. Для противодействия этому «церковному разорению» папа (теперь одновременно защитник чужого нищенства и своего богатства) и попытка созвать в 1240 г. вселенский собор.

После смерти Григория IX новый папа, Иннокентий IV, был избран только через два года, но и он немедленно после избрания заявил, что

никогда не заключит мира с Фридрихом и не потерпит, чтобы он или его дети, эти «порождения ехидны», оставались на троне.

Однако умелая и трезвая политика Фридриха внутри империи дала свои плоды; отчаянные призывы папы остались втуне, и Фридрих спокойно правил империей до своей смерти 19 декабря 1250г.

Бранкалеоне

См.[5], стр.740—745.

В это время окончательно сложились формы государственной жизни Римской республики. Во главе ее стоял «верховный сенатор», выбиравшийся на срок от шести месяцев до года. В обшитой мехом ярко-красной одежде этот сенатор, окруженный своим двором, являлся в глазах масс представителем величия римского народа во время игр, при вступлении пап на престол и при всех других общественно-политических актах. Его формально близкая к диктатуре власть контролировалась советом, выборными представителями от народа и правом народного собрания давать согласие на его избрание. Она постоянно находилась в опасности вследствие партийной борьбы и народных восстаний. Каждый шаг верховного сенатора подвергался наблюдению и учитывался. Он не имел права покидать Капитолий (который, следовательно, еще не лежал в развалинах!) и город свыше чем на известное узаконенное время и расстояние.

За два дня до окончания срока полномочий верховного сенатора над ним объявлялся суд. Будучи уличенным в дурном управлении, он штрафовался, а в более серьезных случаях подвергался аресту, пока город не получал от него полного удовлетворения. Если же его управление заслуживало одобрения, он с триумфом отпускался.

Для решения важнейших вопросов верховный сенатор созывал народное собрание, которое собиралось перед зданием сената на Капитолии (т.е. там же, где якобы собирались древние римляне), или собрание народных представителей («консилиум генерале эт специале»), заседавшее в базилике Арачели, будто бы построенной на месте храма Конкордии (т.е. снова там же, где якобы собирались для решения своих вопросов древние римляне). Здесь после бурных обсуждений и выступлений многочисленных ораторов принимались законы, которые окончательно утверждались сенатором.

«Наблюдатель, — говорит Грегориус, — бросивший взгляд на эти шумные парламенты, на трибуналы и суды Капитолия и на разнообразные проявления жизни демократии с ее присяжными товариществами, коллегиями, магистратами и их удивительной изби-

рательной системой, проникся бы к ним удивлением. Но эта средневековая республика каким-то странным образом исчезла из Капитолия. В городском архиве о ней не напоминает ни один пергамент. Исчезли также надписи и гербы всех тех республиканцев, которые в эпоху гвельфов и гибеллинов были правителями Высокого Рима.»

«Но не потому ли это, — спрашивает Морозов, — что все тогдашние дебаты были апокрифированы в дохристианскую эпоху? И не там ли у классиков мы найдем все эти странным образом исчезнувшие документы?»

Эта политическая система к середине XIII века начала, по-видимому, давать сбои, и римляне были вынуждены для поправления своих дел впервые призвать верховного сенатора из чужого города. В 1252 г. они обращаются с просьбой в Болонью дать им в сенаторы Бранкалеоне графа Казалеккио, «человека древнего рода, республиканского образа мыслей и основательного знатока права». Бранкалеоне согласился управлять Римом, если ему дадут срок в три года, и он получил эти три года.

Бранкалеоне, сломив сопротивление баронов, восстановил юрисдикцию Капитолия в окрестной области, перевел многие церковные имущества в подчинение городскому финансовому управлению, обложил сборами духовенство и подчинил его гражданскому суду. Когда истек срок его трехлетнего правления, римский народ хотел избрать его вновь. Но противоборствующая партия, предводительствуемая церковниками, силой свергла его и лишь с большим трудом Бранкалеоне удалось благополучно вернуться в родной город.

Правление его преемника Эммануэля де Маджо было бурно и несчастливо. Во время народного восстания против церкви и аристократов Эммануэль был убит, а папа был вынужден снова покинуть город.

Победивший народ снова призвал Бранкалеоне. Папа Александр IV попытался этому противодействовать и отлучил Бранкалеоне и его советников от церкви. Однако в ответ он получил лишь насмешки, а верховный сенатор заявил, что папа не имеет права отлучать от церкви римских должностных лиц. Гражданская власть папы в Риме совершенно уже не признавалась.

Но все же Бранкалеоне не было суждено долго управлять Римом, внушая друзьям благоговение, а врагам страх. В 1258 г. он умер от лихорадки во время осады Коренто.

Руины Рима

См.[5], стр.744—745.

Борьба партий во время правления Бранкалеоне (а также до и после него) тяжело отразилась на Вечном городе. По приказу Бранкалеоне разрушались дворцы и замки его многочисленных противников, а когда власть менялась, разрушению подвергались дворцы его сторонников. Так происходило не только в Риме: всюду в Италии было принято сносить дома политических противников. В 1248 г. гибеллины свалили в одной Флоренции 56 гвельфских дворцов и башен. Была разработана даже специальная технология: сначала основание башни подкапывалось, причем во избежание преждевременного падения, устраивались специальные деревянные подпорки, а затем подпорки зажигались и башня падала. Вид, который имел город после этого, был ужасен. «Граждане, — говорит Грегоровиус, — ходили среди развалин и почти каждый день видели, что к ним прибавляются новые развалины. Варварское разрушение зданий было тогда таким же обыкновенным делом, как любое полицейское распоряжение в наши дни. Как только народ где-нибудь поднимал восстание, так он разрушал здания врагов. Когда один род воевал с другим, то разрушались дворцы побежденной стороны; когда государственная власть изгоняла виновных, то их жилища подвергались разорению; когда инквизиция находила в каком-нибудь доме неудобного толкователя Евангелий, то этот дом по распоряжению государственной власти сравнивался с землей; если войско овладевало неприятельским городом, то разрушало его стены и часто обращало в развалины и самый город.»

Знаменитые римские руины появились как раз в это время и называть их поэтому надо не «античными», а «гвельфскими».

Флагелланты

В это время в Италии возникло странное общественное явление, так называемые «флагелланты» — бичующиеся. Вот, что пишет Морозов, ссылаясь на Муратора и Грегоровиуса:

«Какой-то электрический удар вдруг прошел по западноевропейскому человечеству и направил его к покаянию. Взамен уже почти выдохнувшихся Евангелий вдруг получил на западе новую силу Апокалипсис. Бесчисленные толпы с жалобными криками появились в городах; сотни, тысячи, даже десятки тысяч шли процессиями, бичуя себя до крови, и следовали дальше, с горестным воплем: «Мир! Мир! Господи, помилуй нас!» Многие историки того времени говорят об этом поразительном явлении. Моральная буря прежде всего

началась в Перуджии и потом перешла в Рим. Она захватывала все возрасты и все общественные классы. Даже пятилетние дети бичевали себя. Монах и священники брали крест и проповедовали покаяние; древние отшельники выходили из своих гробниц в пустыне (? — Авт.) и появлялись на улицах (?? — Авт.) тоже проповедуя покаяние. Люди сбрасывали платье до пояса, покрывали голову монашеским куколем и брались за бичи. Они шли сомкнутыми рядами один за другим или попарно, ночью со свечами, босые в зимний мороз. С наводящими ужас песнями они обходили кругом церковей, с плачем падали ниц перед алтарями и бичевали себя под пение гимнов о страстях господних с неистовством, похожим на безумие. Иногда они бросались на землю, иногда подымали свои голые руки к небу. Тот, кто их видел, должен был быть каменным, чтобы не сделать того же, что и они. Раздоры прекращались, ростовщики и разбойники предавали себя в руки правосудия, грешники признавались в грехах, тюрьмы отворялись, убийцы шли к своим врагам, давая им в руки обнаженный меч и умоляя убить их, а те отбрасывали от себя их оружие и со слезами падали к их ногам.

Когда эти страшные бродячие толпы направлялись в другой город, они обрушивались на него, как грозовая туча, и, таким образом, болезнь бичующихся братьев передавалась, как зараза, все дальше из одного города в другой.» ([5], стр.748).

Причины этой массовой истерии неизвестны. Есть теория, что в основе нее лежит нервный срыв от жестокостей гражданской войны между гвельфами и гибеллинами, жестокостей, по свидетельству летописцев, «превосходивших всякое вероятие». Однако эта теория не объясняет причину неожиданного внимания к Апокалипсису.

Тут невольно вспоминается (Морозов этого не делает), что астрономия кроме 395 года дает для Апокалипсиса также 1249 год (см. гл.9, § 3). В чем тут дело пока неясно. Конечно, случайное совпадение отнюдь не исключено.

Карл Анжуйский и конец Римской республики

См.[5], стр.749—752.

Заявление Иннокентия IV, что он не потерпит на троне даже детей Фридриха, не было забыто его преемниками. Да и наследник Фридриха Манфред ничего не сделал, чтобы помириться с папством. Наоборот, он продолжал политику своего отца, преследовал «евангелистов» и поощрял «староверов».

Последнее и решительное столкновение произошло в 1265 году, когда папа призвал в Италию для борьбы с Манфредом брата

французского короля Карла Анжуйского, пообещав ему за помощь трон Манфреда. В жестоком бою под Беневентом войска Манфреда были разбиты, а сам он был убит. Карл стал королем Обеих Сицилий, а все члены семьи Манфреда попали на всю жизнь в тюрьму (его жена пробыла в крепости, пока не умерла, 5 лет, дочь 18 лет, а сыновья 33 года).

Цель, к которой столько лет стремились папы, была, наконец, достигнута. Старинный культ бога-Громовержца у подошвы южноитальянских вулканов окончил свое существование. Старозаветная библейская идеология окончательно уступила место новозаветной, евангельской, и на трон Сицилии сел обновленческий правитель, папское орудие и вассал.

Правда, Карл Анжуйский сумел усидеть только в Южной Италии. В самой Сицилии его власть была свергнута в 1282 г. народным восстанием, известным как «Сицилийская вечерня». Однако староверие в Сицилии было уже окончательно подорвано, и вскоре она попадает под власть арагонских королей.

Обратим внимание, что согласно развиваемой нами концепции, гибеллины в этот период были не просто сторонниками императора, а гвельфы сторонниками папы. В идеологической области конфликт между ними лежал значительно глубже: гибеллины поддерживали старозаветные догмы и воззрения, а гвельфы новозаветные, обновленческие, хотя на словах они все выступали якобы за одну и ту же церковь. Это, кстати, объясняет редкий накал борьбы между ними и проявлявшуюся обеими сторонами беспощадность, иначе трудно понятную. Исследование с этих позиций истории борьбы гвельфов и гибеллинов было бы очень интересным.

Торжествующая гвельфская аристократия со столь невыносимым высокомерием вела себя в Риме, что уже через два года Рим снова восстал. Но это была уже последняя вспышка гибеллинской оппозиции. Карл в кровопролитной битве разбил римское ополчение и с развевающимися знаменами вошел в Рим. Римляне были вынуждены объявить его пожизненным верховным сенатором города. Так кончилась Римская республика. Спокойно управляя в усмиренном Риме, папы смогли сосредоточить все внимание на церковных делах. При папе Григории X (1271—1276 гг.) впервые была установлена строгая форма конклава при избрании папы. Этому же папе удалось (правда на короткий срок) подчинить себе восточную греко-православную церковь.

Были налажены отношения и с империей. После падения династии Гогенштауфенов в Германии долгое время не могли найти себе императора. Только в 1273 г. папа утвердил императором Священной римской империи Рудольфа Габсбурга, второстепенного князя, на кандидатуре которого выборщики сошлись только потому, что не ожидали от него ограничения своей власти. Одновременно папа признал Габсбурга римским королем.

Бонифаций VIII

См. [5], стр. 758—760 и 767—769.

Папа Бонифаций VIII (1294—1305 гг.) пришел к власти не совсем законным способом в результате интриги. Его противники видели в нем симониста и узурпатора, воплощавшего в себе «мирскую» церковь как антипод «евангельской». Объединившись вокруг кардиналов Колонна и их родственников, они открыто выступили против Бонифация в городе Палестрине (классическом Пренесте). Однако ожидаемой помощи из Сицилии (уже отложившейся к этому времени от Карла) и от гибеллинов Колонна они не получили и были вынуждены сдать войскам папы.

«Сулла, — говорит Грегоровиус, не сознавая истинного значения этих своих сближений, — которому сдался когда-то Пренесте, сравнял город с землей, а через 1400 лет и папа с древне-римской яростью тоже снес его с лица земли... Подобно тому как Сулла поселил на равнине разрушенного им города военную колонию, так и Бонифаций приказал несчастным его жителям, все частное имущество которых он отобрал в казну, строиться рядом с ним.»

Читатель теперь может сам судить откуда взялись «античные» руины Пренесте. Укрепив свою власть, Бонифаций VIII вплотную занялся финансовыми вопросами. Основной доход папы имели от паломников, и вот папа объявляет 1300 год «юбилейным годом» и обещает полное прощение грехов и амнистию всем, кто в течение этого года посетит базилики Петра и Павла.

Успех мероприятия был необычайным. Современники считали, что Рим в этот год посетило более двух миллионов (!) человек. По другим данным в Рим ежедневно входили и выходили тридцать тысяч богомольцев и каждый день прибывало двадцать тысяч иностранцев.

Каждый богомалец клал жертвенный дар на алтарь апостолов и очевидцы утверждают, что у алтаря св. Павла днем и ночью стояли два клирика с граблями в руках, которыми они сгребали несчетное количество монет. Сказочный вид духовных лиц, которые гребли деньги как сено, поддерживал у староверческих противников папы убеждение

(по-видимому вполне отвечающее истине), что папа только для денежной прибыли и учредил юбилейный год.

Несмотря на то, что монета под граблями была в основном медной, доход папы от юбилейного года был колоссален.

Но аппетиты папы были неутолимы, и вскоре после юбилея он вступает в конфликт с французским королем Филиппом IV из-за дележа доходов церкви во Франции. Этот конфликт кончился для папства неудачно. Филипп приобретает в папской курим подавляющее влияние и затем добивается переноса папского двора в Авиньон.

Этим кончается первый этап существования папского Рима.

Колизей

См.[5], стр.761—767.

Самым замечательным архитектурным памятником «античного» Рима по справедливости считается Колизей. Полагают, что его строительство начал Веспасиан и закончил Тит в 80 г. н.э.

Уже невероятно короткие сроки строительства этого колоссального здания вызывают подозрение. При технике, которая апокрифируется времени Веспасиана, работы такого объема на сравнительно маленькой площади, где не могло одновременно разместиться много рабочих, должны были потребовать не годы, а десятки лет.

Кроме того, заставляет задуматься и стоимость этого сооружения. Даже город, аккумулировавший достаточно большие средства (каким нам рисуют апокрифисты древний Рим) не мог позволить себе такие траты без перспективы их быстрого возвращения. Даже современные города приурочивают строительство сравнимых по масштабам спортивных сооружений к событиям типа Олимпиад, собирающих зрителей со всего света и потому обеспечивающих возврат вложенных средств.

Какое же событие «олимпиадного типа» могло способствовать строительству в Риме Колизея? Мы знаем только одно — юбилейный год папы Бонифация! Так неужели же Колизей построен в 1300 году? Морозов это положительно утверждает.

Он указывает, что первые достоверные сведения о Колизее сводятся к тому, что «Общество гонфалоньеров» (т.е. хоругвеносцев) еще в 1443 году давало в нем свои «представления» (являвшиеся, судя по всему, рыцарскими состязаниями и турнирами), а возникло это общество в 1264 году. Он спрашивает, не выходит ли отсюда, что еще за 26 лет (описка, надо 36 лет) до юбилея началась к нему подготовка, и с этой целью было создано общество «хоругвеносцев»? Используя на-

копленные папами богатства, это общество, выступая в роли «генерального заказчика», вполне могло при тогдашней технике более чем за четверть века построить колоссальное здание Колизея, имея полную уверенность во стократ вернуть все затраты в год юбилея.

Почему же папы построили для юбилея ристалище, а не храм? Ответ ясен: по тем же причинам, по каким современные организаторы Олимпиад строят для туристов концертные залы, кинотеатры и прочие развлекательные учреждения. Какой богомолец, поклонившись апостолам, не потратит последние деньги на билет, чтобы полюбоваться на яркое, красочное зрелище рыцарского турнира, поболеть за участников и, быть может, поставить несколько сольдо на фаворита?

Морозов полагает, что гладиаторские бои, происходившие будто бы в Колизее, списаны со средневековых рыцарских турниров. Он замечает, что единственное различие состоит в том, что рыцарями были благородные молодые люди, сражавшиеся друг с другом «за честь и дам», а гладиаторами — подлые, неблагородные люди, сражавшиеся друг с другом за деньги, а то и рабы. Но ведь слово гладиатор означает просто «меченосец» и совершенно не предполагает ничего неблагородного. Вместе с тем, ни один исторический документ не сообщает сколько получали гладиаторы за свои бои.

К этому можно добавить, что сообщения «классиков» о гладиаторах не только скудны, но во многом противоречивы и невероятны. Трудно себе представить, что свободные люди продавали себя на верную смерть, а рабовладельцы вооружали рабов и учили их обращаться с оружием. Мы не будем подробно обсуждать этот вопрос, а только заметим, что пресловутые «школы гладиаторов» как две капли воды похожи на средневековые школы фехтовального искусства и что на арене Колизея в «представлениях» гонфалоньеров вполне могли выступать профессиональные фехтовальщики, демонстрирующие свое искусство.

Нам говорят, что в классические времена были бои гладиаторов и с дикими зверями. Но разве и теперь в Испании публика не сбегается в цирк на бои быков? Чем тореадор со своей шпагой отличается от гладиатора—меченосца? Разъяренный бык опасен так же, как лев или тигр, только стоит дешевле.

Что же касается «христианских мучеников», погибавших на арене Капитолия, то для создания сказок о них вполне достаточно материала можно было найти в инквизиционных процессах против еретиков, идеология которых часто тождественна с идеологией «первых христиан» и которые также подвергались публичной казни.

ИТОГИ ГЛАВ 16 И 17

1. Была прослежена почти тысяча лет существования средневекового Рима и обнаружено, что за этот период в Риме существовали все государственные должности и формы правления, описываемые «классиками». Апокрифисты имели поэтому вполне достаточный материал для создания своих сочинений и им практически ничего не надо было выдумывать.

2. Было объяснено происхождение «античных» руин Рима и основных его архитектурных памятников. Эти руины обязаны своим появлением гвельфско-гибеллинским междоусобицам, а памятники — строительной деятельностью великих понтификсов и пап.

3. Было показано, когда и почему возникла легенда о древнем величии Рима и какими источниками она питалась.

Тем самым, в отношении Рима мы выполнили намеченную в предисловии программу.

4. Кроме того, мы убедились, что принятие точки зрения Морозова объясняет ряд неясных моментов истории Средних веков: неожиданное возрождение евангелических идей в XI—XII веках, враждебное отношение Фридриха II Гогенштауфена к христианству вообще и к еретикам в частности, ожесточенность борьбы гвельфов с гибеллинами и т.д.

Конечно, здесь мы лишь чуть-чуть приоткрыли дверь, ведущую к обширному полю интереснейших исследований.

Глава 18

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРЕЦИЯ

§ 1. Греция под властью Византии

Автохтонное население Греции. — Предыстория Греции. — Греция в период крестовых походов. — Миф об Афинах.

§ 2. Франкская Греция

Возникновение франко-греческой феодальной мозаики. — Афинское герцогство. — Культура франкской Греции. — Классические постройки Греции.

§ 3. Афины после франков

Битва при Кефиссе. — Афины при каталонцах. — Флорентийцы в Афинах. — Кириаки из Анконы. — Афины в апперцепции европейцев.

§ 4. Греция и турки

Необходимые замечания о Риме, греках и Римской империи. — Ход турецкого завоевания. — Эллы в Пелопоннесе. — Империя Палеологов. — Третья Римская империя. — Заключение.

Итоги главы

Эпилог.

Реконструкция истории Средиземноморья.

§ 1. Греция под властью Византии

Здесь и ниже мы под «Грецией» всегда понимаем «континентальную Грецию», расположенную на Балканском полуострове, без греческих островов и малоазийских городов.

Автохтонное население Греции

Обращаясь к исследованию Греции в Средние века, мы, в первую очередь, с удивлением узнаем, что в раннем Средневековье она была заселена преимущественно славянскими племенами и представляла собой ничтожную окраину империи, служившую в основном местом ссылки. Византийский патриарх XI века Николай II утверждал даже, что свыше двухсот лет нога византийца не вступала в дикий (!) Пелопоннес (см. [18], стр. 40—41). Мы уже обсуждали этот вопрос в гл. 2, § 2, но сейчас мы осветим его с несколько иной точки зрения.

Ни в коем случае не могущие признать славян исконным населением Балканского полуострова, историки сочиняют разнообразные схемы проникновения славян в Грецию. Будто бы еще Константин Багрянородный объяснял превращение Пелопоннеса «в славянский и варварский край» повальной чумой, погубившей греческое население (см. [18], стр. 53). Еще проще поступил исследователь XIX века Фальмерайер, выдвинувший предположение, что «аварославяне с 588 г. вырезали всю древнюю Грецию» ([18], стр. 41), не оставив никого из «классических греков». Однако, как замечает Грегоровиус, автор цитируемой нами «Истории города Афин в средние века», ни один из византийских летописцев ни словом не намекает на подобное событие, которое, «конечно, хоть кем—нибудь, да оказалось бы записанным», ([18], стр. 41) и более того, хотя «процесса ославянения значительных пространств в Элладе и Геллеспонте исторически вообще нельзя в точности наметить» ([18], стр. 53), но «документы, однако же, совсем умалчивают о насильственных завоеваниях, об опустошительных войнах, которые бы переселившиеся славяне вели из-за овладения Грецией. Ни о едином городе не повествуется, чтобы он подвергся осаде или уничтожению со стороны толпищ славян... Бедствия и опустошение Греции, борьба ее народа с вторгавшимися варварами, истребление греческого элемента в некоторых округах, отступление и бегство его в укрепленные города и горы или на острова — все это измышлено фантазией современных уже нам историков, тогда как ни единый из греческих или византийских летописцев об этом не свидетельствует и ни о чем подобном не говорит» ([18], стр. 57).

Вместе с тем Грегоровиус не может, конечно, признать славян автохтонным населением Греции. Хорошо, по-видимому, понимая невозможность в тогдашних политических и экономико-социологических условиях массовой мирной иммиграции славян, он пытается поэтому всемерно преуменьшить славянский элемент в Греции. Но, научная добросовестность заставляет его приводить документы вдребезги разбивающие его концепцию. Кроме упомянутого выше свидетельства патриарха Николая, он указывает (см. [18], стр. 54) на описание путешествия по Греции некоей монахини, в котором утверждается, что в 722—725 гг. побережье Арголиды было вполне *tota slavonica*, цитирует византийского схоластика якобы X века, который пишет, что «И теперь также почти весь Эпир и Эллада, Пелопоннес и Македония населены скифо-славянами», сообщает, что нагорная часть Лаконии называлась «землей славян» и т. д. и т. п.

Из всего этого возможен только один вывод: **исконное население Греции было славянским**, или точнее, называлось славянским византийцами. (Какое оно имело отношение, скажем, к славянам, от которых пошел русский народ, остается пока абсолютно неясным.)

Здесь мы вновь наблюдаем зияющий разрыв между древней и новой историями. Этот разрыв апокрифисты эпохи Возрождения просмотрели и потому он выступает перед вами в первоначальной чистоте.

Предыстория Греции

Что же касается греков, то они, по-видимому, искони заселяли Архипелаг. У них рано развился морской флот, торговля и пиратство. Надо думать, что уже с V—VI веков (или даже ранее) они начали основывать колонии в материковой Греции. Первоначально это были незначительные форпосты, постепенно увеличивавшиеся с ростом греческой иммиграции с островов. Византийские летописцы называли греков, переселившихся на материк, «элладиками».

Одно из самых первых, хоть сколько-нибудь содержательных сообщений византийских историков об элладиках относится к 727 г., когда «воспрещение поклонения св. иконам... подвигло греков на мятеж против императора Льва» ([18], стр. 51). Но все же «о событиях возмущения эллинов против Льва III мы осведомлены далеко не в точности. Известно (из сообщений двух очень ненадежных авторов Теофана и Кедреноса. — *Авт.*) нам только то, что элладика соединились с жителями Цикладских островов и с оружием в руках открыто восстали. Они снарядили целую флотилию, поставили во главе ее Стефана и турмарха Агеллиана и пустились в Константинополь, прихватив с собой некоего честолюбца

Косму, несомненно грека по национальности, которого намеревались возвести в правоверные императоры. Но в морской битве под стенами столицы, 18 апреля 727 года, флотилия мятежников была истреблена греческим огнем. Агеллиан бросился в море, а головы Космы и Стефана пали от секиры палача» ([18], стр.52).

Грегоровиус делает из этой истории далеко идущие выводы о существовании в VIII веке на территории Греции сильных и богатых (способных снарядить флот) городов, с преимущественно греческим населением. Однако из его информации совершенно не ясно, кто снарядил флот — элладики или жители Циклад, которым, заметим, сделать это, ввиду их островного положения, было значительно естественнее. Вместе с тем во всей рассказанной им истории элладики выступают в роли явных авантюристов, мало подходящей для граждан солидных и крупных городов, но зато вполне естественной для колонистов-фронтьеров.

Тот факт, что это был не мятеж народа (как это полагают церковные историки и вместе с ними Грегоровиус), а выступление кучки авантюристов доказывает простодушное сообщение Грегоровиуса, не осознавшего какое роковое значение оно имеет для его собственной концепции, о том, что «Византийские историки не заметили (?? — *Авт.*), какие последствия возымело подавление народного мятежа для древней Греции» ([18], стр.52). Потому-то они и не «заметили», что никакого «народного мятежа» не было, а выступлением группы авантюристов они пренебрегли.

Серьезное внимание Византия обратила на Грецию только через полвека, когда греков там скопилось так много, что они начали теснить славян и получать с их стороны отпор. На помощь греческим колонистам были посланы войска под начальством патриция Ставракия. «Этот военачальник разбил славянов сначала в Фессалии и Элладе и обложил их данью, а затем перешел через перешеек в Пелопоннес. С богатой добычей и многочисленными пленными вернулся Ставракий оттуда, словно из завоеванной земли, а в январе 784 г. удостоен был триумфа на константинопольском гипподроме.» ([18], стр.62).

Единственный вывод, который можно сделать отсюда, состоит в том, что славянская Греция в 783 г. была завоевана Византией и, следовательно, до этого года была от нее независимой.

Впрочем, как указывает Грегоровиус (см. [18], стр.63), поход Ставракия далеко не сломил могущества славян в Греции, и они совсем не сразу подчинились византийскому господству. Крупный «мятеж» славян, который был с большим трудом подавлен, византийски источники отмечают в 805—807 годах (см. [18], стр.64). Окончательное

подавление славянского населения Греции Грегоровиус (см. [18], стр.66) приурочивает к 842—867 годам. После этого остались лишь отдельные очаги сопротивления в горах.

Дикая, новозавоеванная страна являлась идеальным местом для ссылки. И, действительно, Ирина отправляет в Грецию всех пятерых братьев свергнутого ею императора Льва IV. Будучи в ссылке, эти братья составили неудачный заговор против Ирины, в котором принимали участие местные славянские князья (см. [18], стр.62—63).

Таким образом, только с IX века можно говорить о греческой, византийской Греции. Она появляется на реальной исторической сцене как страна мятежей, ссылки и смешанного, более чем полуславянского населения.

Со всем этим полностью согласуется информация об Афинах, которую мы обсуждали в § 2, гл. 2. Напомним, что реальная история города Афин начинается приблизительно с X века н.э., а позади него почти ничего не видно. Более того, по мнению Фальмерайера до X века на месте Афин простиралась необитаемая лесная поросль.

К десятому веку Афины предстают пред нами на основании византийских сообщений как незначительный пограничный городок, являющийся местом ссылки и церковно-миссионерской деятельности среди окружающего варварского, в основном славянского, населения.

Греция в период крестовых походов

К XI веку византийское правительство, изнемогая под бременем сухопутных войн с появившимися на Востоке турками-сельджуками, несколько запустило заботы о состоянии флота на Средиземном море. Это дало возможность усилиться развивающимся приморским городам Запада, в особенности Венеции, и даже завести свои колонии на побережье Греции и нынешней Албании.

К концу XI века морская сила Венеции была уже настолько велика, что в 1082 г. император Алексей счел целесообразным обратиться к ней за помощью против наступающих норманнов. В обмен Алексей отдал венецианцам монополию на торговлю в греческих водах Средиземного моря, как комментирует Грегоровиус, «в сущности предоставил им во власть все жизненные соки империи» ([18], стр.92).

В договоре между Византией и Венецией перечисляется уже довольно много греческих городов (Патра, Коринф, Аргос, Фивы, Афины и другие), часть которых впервые появляется на исторической арене.

Венеция выполнила свои обязательства и отбросила норманнов Гюнскара. Взамен же она на столетия приобрела фактическое владычество над всей восточной частью Средиземного моря.

Десять лет спустя начался первый крестовый поход. Его виртуальную опасность для Византии Алексей I сумел успешно преодолеть и даже обратил его себе на пользу. Завоеванная турками Никея была заново присоединена к империи. Рыцарские государства франков в Сирии были объявлены ленами империи и на время составили цепь передовых укреплений, прикрывших Константинополь со стороны Азии. Это позволило его преемнику Мануилу I (1143—1180) успешно отразить жесточайшее нападение короля Сицилии Рожера II, племянника Гюискара. Как мы уже имели случай заметить в § 2, гл. 2, есть основания думать, что именно борьба Мануила с Рожером легла в основу фактической канвы Фукидидовой «Истории».

Сицилийцы в 1146 г., напав сначала на Корфу и обогнув Пелопоннес, ограбили побережье Ахайи и Этолии и, проникнув в Коринфскую бухту, высадились в Салоне. Отсюда они направились в Фивы, которые беспощадно ограбили.

Судя по всему им было уже что грабить. По сообщениям византийских летописцев в Фивах уже около двухсот лет под опекой и охраной константинопольских императоров развивалось шелководство, златоткачество и производство драгоценной пурпурной краски. Богатейшую добычу норманнские воины захватили и в Коринфе.

В этой связи особо знаменательно, что норманны пренебрегли Афинами.

Миф об Афинах

В XII веке Афины по-прежнему находятся в полном забвении. Они появляются на арене истории только в связи с личностью их архиепископа Михаила Акомината, образованнейшего малоазийского грека, философа и писателя, ведшего обширную переписку со всеми учеными того времени. Насколько туманны сведения об Афинах того времени показывает тот факт, что год, когда Акоминат стал афинским архиепископом, в точности неизвестен. Грегоровиус (см. [18], стр. 101), опираясь на указания его сочинений и писем, полагает, что Акоминат занял архипастырскую кафедру в Афинах еще до 1175 года. Однако это противоречит свидетельству одной из надписей, выцарапанных на стенах афинских церквей, которая утверждает, что в 1182 г. афинским архиепископом был Георгий Ксерос. Грегоровиус склонен больше доверять книжным свидетельствам, но мы, памятуя о всегдашней возможности апокрифа, полагаем верным свидетельство надписи, в связи с чем возникает общий вопрос, в какой мере достоверна вся другая информация об Акоминате. Был ли, скажем, вообще такой архиепископ в Афинах?

Во всяком случае, многие приписываемые Акоминату сочинения и письма показывают такую эрудицию автора в «античности» (см., напр., [18], стр. 103—104), что не приходится сомневаться в их апокрифичности и принадлежности существенно более позднему времени.

Вместе с тем отдельные фрагменты сочинений и писем Акомината несут в себе печать безыскусственности и аутентичности. Перенесенный из мировой столицы в провинциальный городок Акоминат «очутился между варварами», не понимающими даже его речи. «Нет здесь вовсе мужей, — пишет Акоминат, — которые бы занимались философией» и сообщает, что все здесь «отзывается деревнейю». Он жалуется, что и в промышленном отношении Афины очень отстали и в них нельзя найти даже хороших сельскохозяйственных орудий (см. [18], стр. 105—106).

Замечательно, что в это же время всюду в культурном мире царят мнение об Афинах как о центре учености и мудрости, и это мнение тем сильнее, чем дальше мы удаляемся от самих Афин.

О грузинском царе Давиде II Возобновителе (1089—1125 гг.) рассказывается, что будто бы он ежегодно посылал в Афины по двадцати молодых грузин, чтобы они в тамошних школах изучали науки. Вот комментарий Грегоровиуса:

«Содержание из года в год на общественный счет стольких стипендиатов, разумеется, послужило бы на славу и ученым нуждам, и правительственным целям маленькой Грузии, и она бы, конечно, и ныне повергала в удивление любого министра народного просвещения, если бы только самый факт этот был достоверен... Летописи... рассказывают, что Давид и в собственном царстве соорудил великолепный монастырь... истое чудо совершенств, средоточие учености, новые Афины, которые значительно превосходили даже древние. Этот-то монастырь скорее и мог быть Афинами для ученых занятий молодых грузин» ([18], стр. 109—110).

Обратим внимание, что даже Грегоровиус не отбрасывает мысли, что в то время имя «Афины» было не названием определенного города, а общим наименованием центров образования и мудрости.

«Такое же рвение к образованию и еще большая заботливость о словесности приписываются прославленной царице Тамаре, которая от 1184 до 1211 гг. правила Грузией в духе второй Семирамиды. При ее дворе жил превосходнейший грузинский поэт Шота Руставели... рассказывается, будто в 1192 г. он (Руставели — *Авт.*), вместе с другими молодыми грузинами, приезжал в Афины и там ознакомился со знаменитыми умами древности, перечел творения аттических

философов и историков и изучил даже музыку... Если бы на самом деле грузинский поэт предавался с блеском многообъемлющим занятиям в Афинах, то совпало бы это как раз по времени с пребыванием Акомината в Афинах, в качестве архиепископа, и с его жалобами на судьбу, которая обрекла его жить в городе среди людей, превратившихся в варваров... *Рассказ об афинских занятиях Руставели. поэтому, должен быть отнесен к области таких же восточных сказок, как и предание о двадцати стипендиях царя Давида ...*

Равным образом и англичане заявляют притязания на то, будто бы около этой эпохи на одной из конечных окраин Афин учредилась школа, в которой и почерпали свои знания несколько британских ученых... английский летописец Матвей Парис... рассказывает, что в 1202 году... несколько греческих философов, по внешности мужи серьезные и почтенные, прибыли из Афин к английскому двору, вступили там в церковные диспуты и делали попытки к обращению, пока король не призвал их к молчанию и не изгнал из страны. Эти греки, конечно, были монахи, либо вообще духовные. Английский летописец придал им традиционный титул философов и по этой же, вероятно, причине (? — *Авт.*) назвал их афинянами...

Его старейший современник лейчестерский архидиакон Иоанн Безингстокс возвестил ученому епископу Линкольнскому, что за время его ученых занятий в Афинах он узнал от сведущих греческих докторов многое такое, что осталось неизвестным для латинян. Между прочим, Безингстокс нашел, будто бы в Афинах духовные завещания 12 патриархов (знакомая нам традиция сенсационных находок! — *Авт.*), которые были сокрыты евреями из зависти...

Еще удивительнее уверение того же архидиакона, что он лучшим своим знаниям обязан девушке, которой на было и 20 лет от роду, Константине, дочери афинского архиепископа; она усвоила себе в полном объеме и «тривиум» и «квадривиум» и, предсказывая слушателям безошибочно чуму, грозы, солнечные затмения и даже землетрясения, через это спасала их от всяких бедствий» ([18], стр.110—112).

Грегоровиус после длительных попыток найти в сообщениях английского архидиакона рациональное зерно (потрясает это доверие книжников к каждому клочку старинных сообщений!), все же вынужден мелахолически признать их «отчасти баснословными».

После сказанного не удивительно, что герои рыцарских романов, складывавшихся как раз в это время, изучают науки не где-либо, а обязательно в Афинах.

Слава Афин, как города всяческой учености, не только удерживалась за ними и в XIII веке, но и расцветивалась дополнительными живописными подробностями. В своей генеалогии всех королей и императоров Готфрид Витербский утверждал, что троянцы происходят от Юпитера, царя афинян (!) и афинского уроженца. От него позаимствовали философы свои учения и от него же ведут начало тривиум с квадривиумом. Он построил Афины и посвятил их богине мудрости Минерве. Все искусства и науки восходят к Юпитеру и Афинам и т.д. и т.п. (см.[18], стр.114).

Мы видим как постепенно кристаллизуется миф о твердыне мудрости — Афинах. Здесь нет еще речи о их государственном устройстве; для этого еще не пришло время.

Существенно, что миф возникает вдали от Греции; на месте печальная действительность вмиг разрушила бы все поэтические воздушные замки.

Мы не исследовали, что послужило первоначальным толчком к созданию «афинского мифа». Ответ на этот вопрос, если только его можно получить, был бы очень интересен.

§2. Франкская Греция

Возникновение франко-греческой феодальной мозаики

См.[4], стр.780—800.

В 1204 г. во время четвертого крестового похода крестоносцы захватывают Константинополь и организуют новое феодальное государство — так называемую Латинскую империю. В непосредственное подчинение новому императору было отдано только около четверти государства (Константинополь, Фракия и несколько островов), а все остальное было поделено между вождями крестоносцев и Венецией (бывшей главной вдохновительницей нападения на Византию). С этого времени только и начинается связанная и правдоподобная история Афин и всей Греции.

На Пелопоннесе было организовано Ахайское княжество, просуществовавшее более двухсот лет — до 1432 г.; в Аттике и Беотии — Афинское герцогство, просуществовавшее еще дольше — до 1460 г.; около Салоник — Неопатрасское герцогство, в 1271 году преобразованное в Салоникское королевство и в 1318 г. присоединенное к Афинскому герцогству; в Эпире — Эпирский деспотат, просуществовавший до 1408 года; на острове Кефалония — Кефалонское

Палатинское графство, продержавшееся до 1797 г. (правда с 1485 г. под управлением Венеции) и т.д. и т.п.

В Венеции не хватило сил непосредственно вступить в обладание всеми греческими областями, которые ей были предоставлены по разделу. Она предложила своей знати, чтобы та на свой счет заняла эти области и по праву завоевания владела ими как наследственными венецианскими левами. Так возникли многочисленные островные государства под протекторатом Венеции (герцогство Наксос, маркизат Чериго, эригерцогство Лемнос и т.д.), но остров Крит после продолжительной борьбы был аннексирован самой республикой святого Марка, которая удерживала его вплоть до 1668 г.

Влияние Венеции со временем распространилось и на другие, ранее независимые государства. Если **Эвбейский триархат** почти сразу попал под протекторат Венеции, то Палатинское графство, как мы уже видели, держалось более двухсот пятидесяти лет. Остров **Корфу** был под непосредственным управлением Венеции только до 1214 г., затем в нем правили эпирские деспоты. В 1259 году на Корфу был организован самостоятельный деспотат, но фактическая власть вернулась к Венеции. В 1586 г. на Корфу была объявлена республика под венецианским протекторатом, просуществовавшая до 1797 г.

Афинское герцогство (См. [5], стр. 188—198)

Мы рассмотрим более подробно Афинское герцогство как типичного представителя государственных образований франкской Греции.

Первым правителем Афин «по праву завоевания» стал бургундец Оттон де-ла-Рош. Первоначально он носил скромный титул «сир», который в греческом языке превратился сначала в «кира», а потом и в «мегаскира». Не получили ли, кстати сказать, легендарные персидские Киры свои имена от французского «сира»?

Сменивший его в 1225 г. мегаскир Гвидо (Ги) I принял в 1260 г. из рук французского короля Людовика IX титул «герцога афинского». Впрочем, известна (см. [18], стр. 145) летописная запись от 1205 г., называющая еще ла-Роша «герцогом афинским и фиванским». Причину этого анахронизма мы не исследовали.

Любопытно, что европейские писатели и поэты придавали титул афинского герцога Тезею, мифическому основателю Афин. Еще Гиббон заметил, что Боккаччо, Чосер и Шекспир титулуют так древнего Тезея. Да и Данте, живший менее чем через сто лет после ла-Роша в XII песне Ада заставляет Вергилия спросить Минотавра, не считает ли он себя «герцогом афинским»?

Современник Данте, историк каталонцев Рамон Мунтанер, считал афинским герцогом даже Менелая (!). Он рассказывает, что когда Елена, супруга герцога афинского, отправилась на богомолье в сопровождении 100 рыцарей, на нее напал Парис, сын троянского короля, умертвил свиту и похитил красавицу-герцогиню.

Таким образом, мы видим, что в XIII веке поэма Гомера еще только складывалась, а осада Трои воспринималась как эпопея о феодальных междоусобицах эпохи крестовых походов!

После установления власти франков в Афинах и Фивах их православные архиепископы удалились в ссылку, а все главные храмы были переданы латинскому клиру. Греческая церковь была поставлена в зависимость от латинской и, например, никто не мог быть рукоположен в православные священники без соизволения католического архиепископа и разрешения владельца земли, на которой расположен храм.

До нас дошла булла папы Иннокентия III афинскому архиепископу Берарду (см. ее текст в [5], стр. 192 и в [18], стр. 161). Эта булла, если только она не является апокрифом, показывает дальнейший этап развития мифа о дохристианских Афинах, вокруг которого уже начинает кристаллизоваться особая теология из обрывков средневековых вольнодумств и филологических недоразумений. Так, например, Иннокентий пишет, что «Афины поклонялись сначала тронце ложных божеств, в трех личностях составлявших единство». Здесь, по-видимому, Иннокентий имеет в виду Зевса, Аполлона и Афину, уже не понимая, что еще сравнительно недавно они были лишь иными воплощениями христианской троицы. Любопытно, однако, их объединение Иннокентием в единую троицу, что явно является остатком от тех времен, когда «язычество» еще не отделилось от христианства.

Новые правители Греции не изменили системы землепользования и налогообложения. Население выплачивало им те же подати и несло те же повинности, какие прежде полагались от него в пользу императорского правительства и архонтов. При франках оно, пожалуй, оказалось даже в выигрыше, так как подати с него не уходили в казну отдаленной Византии, а расходовались в самой стране. Все прежние законы, вольности городов и туземные обычаи были сохранены в целостности, и крестоносные правители специальными соглашениями обязались их уважать.

Наступившее в Греции относительное спокойствие способствовало также расцвету торговли и промышленности. Сопrotивляясь экспансии

Венеции, Гвидо покровительствовал генуэзцам. В 1240 г. он, например, освободил их от податей и подчинил своей личной юрисдикции.

Так как Аттика была скудной страной, а ее столица лежала несколько в стороне, Гвидо и преемники имели резиденцию преимущественно в Фивах, расположенных в плодородной Беотии; свою столицу они соединили прекрасными дорогами с франкскими государствами в Эвбее, с лежащей на севере Элладой и с Ахайским княжеством.

О железной энергии, богатстве и блеске тогдашнего латинского рыцарства свидетельствуют многочисленные развалины феодальных замков, которых особенно много сохранилось в Пелопоннесе. Пэрсские фамилии Алеманов в Петрэ, Розьеров в Акове, Брюнеров в Каритене, Турнэ в Аркадском Каловрите, Шарпиньи в Востице; Валенкуров в Велигости и Нельи в Пассаве наполняли свои замки шумной жизнью. Ахейский княжеский двор, при котором служило до тысячи (!) рыцарей, даже на Западе слыл за школу самых утонченных нравов. Афинско-фиванский двор Гвидо был менее пышен, но все же современники и о нем отзывались с большим уважением.

Дополнительный блеск франкским дворам придавали женщины. Во франкской Греции не действовал салический закон и потому очень часто трон оказывался в женских руках (скажем, в Ахайте женщины правили шесть раз, в общей сложности почти полвека), да и в другое время влияние женщин было очень велико. Как нам повествуют историки, «никогда, ни раньше ни потом (речь идет о первом столетии истории Афинского герцогства, когда в нем правили потомки ла-Роша. — *Авт.*) старинный семивратный город (Фивы. — *Авт.*) не видел такой блестящей толпы, которая заставляла звучать песнями и пиршествами покрытые фресками стены замка Сент Омера (соратника ла-Роша, получившего в лен половину Фив. — *Авт.*); никогда, ни раньше ни потом, фиолетовая корона Афин не увенчала такой романтической сцены, как в то время, когда кавалькады увешанных оружием рыцарей и прекрасных бургундских дам отправлялись слушать мессу в монастырь святой Девы» (см. [4], стр. 788).

Культура Франкской Греции

Когда крестоносцы отправлялись в путь, они оставили на родине свои лены. По специальному указу папы эти лены сохранялись за ними и их наследниками на все время их отсутствия. Обосновавшись в Греции, крестоносцы не потеряли связи с родными местами и продолжали получать все прежние доходы, которые управители посылали из Франции в Грецию. Даже после 20 лет своего правления

в Афинах Оттон де-ля-Рош сохранил за собой свой бургундский лен и смог к старости вернуться к себе на родину. Конечно, постепенно связи между Францией и Грецией ослабевали, и со временем доходы из Франции перестали приходить. Но это произошло уже при внуках и правнуках первоначальных завоевателей. Первые же лет сто доходы с прежней родины поступали достаточно регулярно.

Складываясь с поборами с местного населения и прочими доходами, эти поступления делали франкских властителей Греции одними из богатейших государей того времени. Именно это богатство позволяло им всячески состязаться друг с другом в пышности дворов, блеске рыцарских турниров и в поощрении наук и искусств.

Сохранилось немало сведений о трубадурах и менестрелях в Греции этого периода. «Литература трубадуров, рыцарские поэмы Роберта Баса, Кретьена де Труа, троянская эпопея Бенуа де С.Мора, сказочные сюжеты Александриды, Тезейды и Фибаиды были и в Греции развлечением французских рыцарей. Нет, однако, никаких указаний на то, чтобы эта французская поэзия нашла в земле эллинов новое поприще развития» ([18], стр. 203). Последний факт очень страшен, поскольку что-то, а поэзия при богатых, пышных и кургузых дворах должна была развиваться обязательно.

Еще более удивительно, что «нам ничего неизвестно ни о греческих, ни о латинских школах ученых в Фивах и Афинах» ([18], стр. 202), хотя, например, «Капитул доминиканцев часто посылал воспитанников в Грецию учиться языку эллинов» ([18], стр. 202), да и тщеславию дворов должно было льстить наличие «собственных ученых».

Чтобы объяснить это, Грегоровиус вынужден оценивать франкские дворы как «ничтожные», изолированные в чужом народе и оторванные от живых сношений с другими странами (см. [18], стр. 205). Поскольку это полностью противоречит всей предыдущей информации и здесь у Грегоровиуса явно не сходятся концы с концами.

Грегоровиус опровергает свой собственный тезис об «изолированности в чужом народе» франкских дворов, сообщая через несколько строк, что франкская поэзия оказала глубокое влияние на греческую литературу того периода, в которой главную роль стали играть переработки французских тем. В созданном в это время «Романе об Ахилле» герой сражается с французскими рыцарями, а троянская война оказывается происшедшей во времена короля Артура!

Феодальные правители с достаточными доходами тратили их обычно на войны или на престижное строительство. Афинские герцоги, отличаясь исключительным миролюбием и отвращением к авантюрам

(см.[18], стр.200), должны были тратить свои немалые средства на строительство. Однако оказывается (см.[18], стр.206—209), что до нас дошло исключительно мало зданий той поры. Считается, что единственным роскошным замком был кадмейский в Фивах, но он ныне полностью разрушен. Из церквей самой замечательной является Католикон в Афинах, небольшой храм из белого мрамора с куполом. Историки искусства спорят является ли он самостоятельным творением франков или их реставрацией старовизантийской базилики. Даже храм Дафне недалеко от Афин, служивший фамильной усыпальницей ла-Рошей по уверению Грегоровиуса построен не ими, а восходит чуть ли не к античным временам.

Классические постройки Греции

Таким образом, у нас налицо очень тяжелое противоречие. После более чем двухсотлетнего управления Грецией, имея в своем распоряжении огромные собственные и еще большие церковные средства, католический привилегированный слой и его духовенство не могли не оставить множества прочных общественных зданий, храмов, цирков, театров. Но ничего этого нет.

Объяснение, которое предлагает Морозов, состоит в том, что все их гражданское и церковное строительство апокрифировано в древность, а на самом деле все т.н. «античные здания» построены в эпоху франкского владычества на доходы, полученные грабежом местного населения и присланные со старых ленов. В античность же апокрифированы тогдашние ученые и писатели.

Это объяснение, снимая все противоречия, подкрепляется и документами. Рассмотрим, например, реальную историю Акрополя и, в частности, Парфенона (см.[4], стр.805—808).

Считается, что этот языческий храм был очень рано перестроен в христианскую церковь Богородицы, хотя, как отмечает Грегоровиус (см.[18], стр.45), о времени переделки Парфенона в церковь не существует достоверных документов, а принимаемая некоторыми учеными дата — 630 г., основана на очевидной эпиграфической подделке. Поэтому все упоминания в немногочисленных афинских документах дофранкской эпохи о церкви Богородицы расцениваются как информация о Парфеноне, что, конечно, никакой критики не выдерживает, поскольку церковь Богородицы могла существовать не одна.

Более того, обращает на себя внимание, что само имя богини, в честь которой в незапамятные времена будто бы был сооружен Парфенон, точно транскрибируется как «Атенайя Партенос» и означает буквально

— «Афинская дева» совершенно в том же смысле, как на Руси говорили: Казанская богородица, Иверская дева Мария и т.п. Поэтому «Парфенон» означает, собственно, «храм Девы» и ничего больше.

Первые подробные описания «Афинского храма Девы» принадлежат якобы перу Акомината. Он описывает христианские фрески на его стенах, драгоценные украшения, висящего над алтарем «вечно махающего своими крыльями золотого голубя», изображающего святого духа, а перед алтарем лампаду, в которой «никогда не истощается масло к великому удивлению пилигримов». Вся эта информация принадлежит биографу Акомината, Лампросу, который писал уже во франкское время, и выглядит в высокой степени апокрифичной, особенно, если учесть, что Лампрос описывает Парфенон, как «словно только что построенный». Судя по всему, Лампрос свои личные впечатления приписал своему герою. Иначе нельзя объяснить, почему по его же сообщениям при Оттоне де-ла-Роше город был для завершения (!) Парфенона обложен такими большими налогами, что не только все листы на деревьях, но и каждый волосок на головах жителей были сосчитаны.

Интересно, что сообщение о «неугасимой лампаде» в Парфеноне мы находим также — у кого бы Вы думали? — у Павзания!

При Оттоне де-ла-Роше Парфенон оказывается уже «латинским храмом Девы Марии» и как двойник статуи языческой «Афинской девы» работы Фидия мы обнаруживаем в нем католическую статую «Пресвятой Девы», быть может, совсем не худшей работы.

Следующее существенное сообщение о Парфеноне относится к 1393 году, когда герцог Нерио повелел отодрать с его врат серебряные листы обкладки, чтобы выкупиться из плена.

Парфенон продолжал функционировать как христианский храм вплоть до захвата Афин турками в 1460 г., когда он был разграблен, а католические статуи «Афины Партенос» уничтожены.

В руины Парфенон был обращен 26 сентября 1687 г. при бомбардировке Акрополя венецианским флотом. Уходя через полгода из Акрополя, венецианцы попытались увезти кариатиды западного фронтона Парфенона, но при отделении уронили их и вдребезги разбили. (см.[18], стр.367—368).

Один тот факт, что еще пятьсот лет назад Парфенон был вполне сохранившейся, функционирующей церковью, полностью уничтожает легенду о его якобы полуторатысячелетнем возрасте. Под каким колпаком он без ухода сохранился, не обратившись в руины, в продолжение целой тысячи лет?

Аналогично, в том же XIII веке мы обнаруживаем в афинском Акрополе другой, сравнительно небольшой, храм той же Афинской

богородице—деве, находящийся в полной исправности и употребляемый для богослужений. Потом, быть может только при турках, его развалины стали называться Эрехтейоном, а классические первоисточники (напомним, имеющиеся в рукописях не позже XV века) нам теперь говорят, что этот храм был якобы построен древним афинским царем Эрехтеем, который был наполовину человек, а наполовину змей. Современные ученые не верят в этом сообщении почему-то только второй его части.

В Афинах в том же XIII веке мы обнаруживаем и храм Георгию Победоносцу, на стенах которого впервые были обнаружены описанные в гл.2 «афинские граффити». Из них мы, в частности, узнаем о целом ряде его настоятелей, начиная с первого — монаха Луки.

К этой информации классики добавляют, что этот храм был построен вовсе не Георгию Победоносцу, а другому победоносному герою, Тезею, еще в незапамятные времена. Как он мог сохраниться без всякого ухода, но в полной исправности до XIII века?

Сам Акрополь в XIII веке и позже является активной крепостью, защищающей столицу феодального герцогства, а на ведущих в него Пропилеях красуется фреска, изображающая архангелов Гавриила и Михаила. Интересно, кто-нибудь из верящих в древность Пропилеев историков, пробовал писать фрески (которые, напомним, рисуются водяными красками) на стенах, более тысячелетия подвергавшихся разрушительному действию времени?

До эпохи Возрождения имя «Акрополь» не употреблялось. Афинский кремль назывался всегда «крепостью Сетин». Впервые имя «Акрополь» (означающее «Верхгород») употребил в 1447 г. в одном из своих писем гуманист Кириак из Анконы.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что (см.[4], стр.804) в XV—XVII веках атрибуция «памятников древности» была совсем другой, чем ныне. Монумент Лисистрата назывался фонарем Демосфена, дворец Ирода Аттика — дворцом Клеонида и Мильтиада. Ворота Афины назывались дворцом Фемистокла, Одеон Перикла (реставрированный, а на самом деле, построенный рыцарями) — Школой Аристотеля и т.д. и т.п.

В сочетании со сказанным выше, все это не оставляет сомнения в правильности объяснения Морозова.

Напомним еще раз, что нам нет нужды давать независимые и полные доказательства справедливости этого объяснения. Достаточно показать, что оно не противоречит реальным фактам и потому может быть правильным. То, что оно на самом деле правильно, устанавливается сопоставлением с содержанием всех предыдущих глав.

§ 3. Афины после франков

Битва при Кефиссе

См.[18], стр.195—199.

В начале XIV века в Греции появилось одно из удивительнейших явлений Средних веков. Все началось в 1302 г., когда после мира с Неаполем в Сицилии не у дел осталась большая группа (около восьми тысяч) наемников, состоящая из каталонцев, арагонцев, сицилианов и представителей многих других национальностей. Руководящую роль в ней играли каталонцы, почему эта группа известна в истории как «каталонская компания».

В это время Византия была в трудном военном положении и когда руководство каталонской компании предложило ей свои услуги, они были приняты. Три года каталонцы воевали в Византии, пока, наконец, не поссорились с императором и стали к нему в оппозицию. После этого каталонцы как огненный смерч двинулись по империи, уничтожая все на своем пути. Своей выучкой, дисциплиной и военным искусством они далеко превосходили императорские войска, которые могли оказывать им только символическое сопротивление. Они называли себя «счастливое войско франков в Романии» и по своей организационной структуре являлись своеобразной подвижной военной республикой, живущей грабежом и военной добычей.

К 1311 году каталонская компания волею судеб оказалась в Греции, в очень критическом положении обложенная, как волчья стая, со всех сторон врагами. Решающая битва произошла 15 марта 1311 года на берегу реки Кефисс. Каталонцам противостояло рыцарское войско под предводительством афинского герцога Вальтера де Бриеннь, состоящее из 700 рыцарей, представляющих весь цвет рыцарского сословия Греции, 6400 всадников и более 8000 пехотинцев (по другим данным пехотинцев было до 24 тысяч). Каталонцев же было только 8 тысяч, из которых часть фессалийцев и турок. Но это были ветераны, закаленные в сотнях сражений, хорошо понимавшие тактическую роль пехоты. С большим искусством они заняли такую позицию, что река Кефисс и озеро Копанда защищали их от нападения с тыла. Спереди они были прикрыты болотистой поймой, образовавшейся от разлива Кефисса. Каталонцы усилили естественные препятствия, взрыхлив на пойме почву и приведя из Кефисса по канавам воду. Естественные и искусственные предательские трясины были с виду совершенно незаметны, скрытые весенней зеленью.

Бой начался с того, что, горя нетерпением, и слишком высокомерный, чтобы произвести разведку, герцог во главе двухсот избранных рыцарей с золотыми шпорами бросился на испанскую фалангу. Каталонцы в твердом порядке ожидали приближения неприятеля, в то время как их турецкие союзники разбили свой стан в некотором отдалении, подозревая всех и вся в измене. Когда же закованные в броню всадники стали вязнуть в болоте и полностью имобилизованные оказались беспомощной добычей каталонских дротиков, а поспешившие им на помощь войска завязли в той же трясине, турки ятаганами прикончили кровавое дело каталонцев. Из 700 рыцарей остались в живых только двое, а остальное войско, спасаясь от резни, в панике бежало по дороге в Фивы.

Так игра счастья одним сражением бросила к ногам уже отчаявшейся банды наемников целое государство.

Открыв же Плутарха, мы в его биографии Суллы найдем описание сражения между Суллой и Митридатом, происшедшее на тех же берегах Кефисса и при вполне аналогичных обстоятельствах.

Здесь апокрифист, можно сказать, пойман за руку.

Афины при каталонцах

См. [18], стр. 210—280.

После битвы при Кефиссе афинское герцогство не смогло оказать организованного сопротивления каталонцам, и вскоре все оно очутилось в их руках. После многолетних скитаний, сопровождаемых беспримерной борьбой и страшными лишениями, наемники получили в свое полное распоряжение богатейшую страну. Они выкинули французов из их должностей, поместий и ленов, вынудив оставшихся в живых покинуть страну, и сами заняли их места. Но грубые и невежественные солдаты, сумев завоевать страну, не знали как ею управлять. К тому же все окружающие страны видели в завоевателях Фив и Афин лишь шайку разбойников, стоящую вне международного права.

В этих условиях для каталонцев оставалось лишь искать помощи и покровительства какого-нибудь могущественного государя. Они выбрали своего бывшего патрона, короля Сицилии. Был заключен договор, восстанавливающий афинское герцогство под сюзеренитетом Сицилийского королевства. Каталонцы, в основном, сохранили захваченные ими лены и образовали внутри герцогства автономную военную республику. Получился довольно странный герцогско-республиканский государственный гибрид. Например, все назначения на государственные должности производились королем или

герцогом, но кандидатов предлагало «счастливое войско», и ни король, ни герцог не имели права вето.

Правление каталонцев в Афинах продолжалось около 70 лет. За это время сменилось почти два поколения людей и никто уже не вспоминал блестящих рыцарей некогда тщеславившихся на улицах и площадях Афин и Фив. Их постройки или разрушились, или перешли к другим владельцам, которым не было нужды помнить, кто и когда их первый построил. Сами каталонцы строили мало и в основном лишь военные объекты, поскольку «счастливому войску франков» было не до гражданского строительства. Оно вело почти непрерывные войны то с целью захвата соседних земель, то обороняясь от наследников де Бриенны, стремившихся восстановить старый порядок.

В это время иностранцы властвовали не только в Афинах. Ахейское княжество в Морее также находилось в глубоком упадке. После длительной борьбы различных династических интересов ахейский князь Иоанн в 1335 году меняет (!) его с приплатой на владения в Албании, и властительницей Морен становится знаменитая Екатерина Валуа. Эту комбинацию провела ее фаворит, молодой, ловкий и обаятельный флорентиец Никколо, представитель флорентийского банковского дома Аччяйюли. С этих пор Никколо связывает всю свою судьбу с Ахайей. Как байльи княжества ему удалось остановить его анархическое разложение, обуздать непокорных баронов и отразить нападения пиратов и каталонцев. В награду он получил в Каламате большой лен.

В дальнейшем Никколо за крупные услуги неаполитанскому королевскому дому был сделан великим сенешалом и получил одно за другим несколько графств. Однако вершины своих политических успехов Никколо достиг в 1358 г., когда ему было пожаловано в наследственное баронство коринфское кастелланство.

После смерти Никколо правителем Коринфа становится его племянник Нерио. В это время афинское герцогство, раздираемое династической борьбой и обескровленное военными авантюрами, стремительно идет к упадку. Сюзеренитет над ним переходит к арагонским королям, но у тех не доходят руки заняться делами своего отдаленного владения. Этим решает воспользоваться Нерио, унаследовавший не только богатство, но и удачу Никколо. С абсурдно малым войском он в 1385 г. захватывает всю Аттику за исключением афинского Акрополя, войти в который он смог только после двухлетней осады. Так флорентийский купец стал владельцем Афин.

Нерио с изумительной быстротой совершил преобразование правительственного механизма. Покинутые арагонским королем

каталонские бароны не имели силы к сопротивлению и вынуждены были покинуть страну и все свои лены и владения. По словам Грегоровиуса они «до такой степени исчезли из Аттики, что теперь самое тщательное исследование не может открыть здесь ни следа их бывшего существования. Ни в Афинах, ни вообще в Греции каталонцы не оставили никаких памятников своего владычества, — или же таковые исчезли бесследно. Даже в Акрополе, где они, несомненно, произвели некоторые изменения, особенно устройством укреплений, не открыто никаких остатков последних» ([18], стр.280).

В связи с последним утверждением Грегоровиуса обращают на себя внимание так называемые «франкские башни», одна из которых до самого последнего времени обезображивала Акрополь (см.[18], стр.319). Грегоровиус сообщает, что об их происхождении фактически ничего неизвестно; лишь судя по архитектуре, можно думать, что они построены до появления пороховой артиллерии. Обычно их постройка приписывается де-ла-Рошам (по-видимому, так думает и Грегоровиус), но против этого говорит то, что бургундцы, как мы уже отмечали выше, были мягкими и миролюбивыми правителями. Зачем им нужно было строить военные оборонительные башни?

Напротив, вечно воюющим каталонцам эти башни были необходимы и поэтому они и должны были быть их естественными строителями.

Флорентийцы в Афинах

Столь легко доставшееся Нерио герцогство Афинское потеряло при нем свой феодальный характер; оно превратилось просто в частное владение богатого купца. Он мог раздавать земли своим друзьям и сотрудникам, но баронами он их не делал. Ибо Нерио не привел с собой толпы жаждущего ленов дворянства или грабителей-конкистадоров. Он завоевал Афины при помощи отряда наемников, которым он заплатил из своей кассы и с которыми мог по желанию расстаться, когда угодно (см.[18], стр.283).

Хотя Нерио не имел и тени прав на завоеванную страну, искусная дипломатия и удача позволили ему справиться со всеми трудностями и к 1394 г. он становится общепризнанным герцогом Афин под сюзеренитетом неаполитанского короля (см.[18], стр. 291).

Перед смертью Нерио завещал город Афины в собственность храму Санта-Мария, как тогда назывался Парфенон. Не подозревая всей силы своих сопоставлений, Грегоровиус по этому случаю пишет: «Делая Деву Марию собственницей славнейшего города исторического мира,

умирающий герцог едва ли помнил, что Дева (Parthenos) того же храма на Акрополе была уже некогда госпожой Афин» ([18], стр.294). Мы видим теперь откуда взят классиками этот штрих.

Однако завещание Нерио не было выполнено. Его наследники передрались между собой, чем и воспользовалась Венецианская республика. Введя свои войска в герцогство, она удерживала его за собой до 1402 года, когда была изгнана Антонио, побочным сыном Нерио, и власть дома Аччьяйоли была вновь восстановлена в Афинах. По договору 1405 г. синьория признала Антонио полноправным герцогом Афин, обязанным Венеции лишь дружбой и символической данью (см.[18], стр. 304—505).

К этому времени почти вся северная Греция уже попала под власть турок, держалась одна лишь Аттика. Но и она была в 1416 г. опустошена султаном, а Антонио был вынужден признать себя его вассалом и данником. К 1430 г. один Антонио Аччьяйоли оставался в Греции франкским государем, который (хотя и являясь вассалом султана) правил в собственном государстве, основанном еще латинскими завоевателями. На мрачном фоне всеобщего разорения Афины вполне могли представляться оазисом в пустыне, хотя фактически и их положение было отнюдь не сладко.

Умелое и долгое (тридцатидвухлетнее) правление Антонио, принесшее Афинам временное спокойствие, позволило ему заняться строительством. До 1835 г. в Акрополе существовали руины дворца Аччьяйоли, построенного (или законченного) Антонио. Обращает на себя внимание тот факт, что этот дворец составлял одно неразрывное целое с Пропилеями, которые в то время были еще совершенно целы. Грегоровиус специально подчеркивает, что Аччьяйоли «обошлись с этим чудным памятником так же бережно (?! — Авт.), как и афиняне при обращении Парфенона в церковь» ([18], стр.320). Снова мы встречаемся с одним из любимых сближений Грегоровиуса, об истинном значении которых он и не подозревал!

Антонио наследовал его племянник Нерио II. Современники описывают Нерио как бессильного, слабовольного человека, неспособного управлять государством в наступившие тяжелые времена. По-видимому, он действительно не отличался силой характера, поскольку на несколько лет был изгнан из города собственным братом и смог вернуться только после смерти последнего. Тем не менее, ему удалось без катастрофы закончить свое правление и не отдать окончательно Аттику туркам (см.[18], стр. 328—331).

После смерти Нерио II афинское герцогство просуществовало еще лет десять в обстановке, как оценивает Грегоровиус, «преступных воцелений и борьбы ничтожных людишек из-за мимолетного пребывания на троне» ([18], стр.348). В это время афинские герцоги получали свою эфемерную власть по ярлыку турецкого султана. К 1456 году султану, по-видимому, вконец опротивели интриги этих авантюристов, завершившиеся убийством последним герцогом Афин своей собственной матери, и он приказал обратить герцогство афинское в турецкую провинцию. Турецкая армия оккупировала Аттику, но кучка оставшихся верными герцогу афинян заперлась в Акрополе и еще в течение двух лет отражала штурмы турок. Лишь в 1458 году султан смог торжественно въехать в побежденный город (см.[18], стр.353).

Ничтожество Афин, которое этот город имел в течение всей его реальной истории, хорошо подчеркивается тем фактом, что захват Афин турками прошел всюду совершенно незамеченным.

Кириак из Анконы

Мы уже видели (см. § 1), какие фантастические представления об Афинах были распространены в средневековой Европе. Дальнейшее развитие эти представления получили, как и следовало ожидать, у гуманистов. Любопытно, однако, что о современных им Афинах гуманисты практически ничего не знали и даже не подозревали о якобы имеющихся там античных древностях. Вот что пишет Грегоровиус: «Как мало занимал классический мир афинских развалин мысль наиболее выдающихся умов Италии, показывает тот же Боккаччо... Афины два раза являются местом действия в его произведениях: в седьмой новелле второго дня Декамерона и в Тезеиде. Но ни здесь, ни там восхитительнейший для всякого поэта город древности не был для него ничем, кроме пустого имени и места... нет ни одного места, где бы воодушевленное воспоминание об идеальном прошлом Афин довело поэта до увлечения... Одним словом, для Боккаччо и всех его современников в Италии Афины оставались местом, о котором они не имели никакого наглядного представления» ([18], стр.250).

Это тем более странно, что в то время Флоренция, как мы знаем, имела тесные сношения с Афинами, а сам Боккаччо был даже близким другом Никколо Аччяйоли.

В своем отношении к Афинам и, вообще к Греции, Боккаччо был не одинок. То же равнодушие проявили (см.[18], стр.250), например,

составители греческой и французской хроник Морей, бывшие современниками Боккаччо.

Совершенно ясно, что ни Боккаччо, ни его коллеги не ассоциировали в своем уме «классическую» Грецию, бывшую предметом их восторгов, с Грецией им современной.

Только через сто лет появился первый гуманист, который счел нужным посетить Грецию и на месте ознакомиться с классической древностью. Этим смельчаком был уже упоминавшийся выше Кириак из Анконы.

Информация (см.[18], стр.352—544) о двукратном посещении Кириаком Афин несколько сбивчива и вызывает ряд недоуменных вопросов.

Например, Кириак с прохладцей отзывается о тогдашнем афинском герцоге Нерио II, что Грегоровиус объясняет тем, что либо Нерио не был к Кириаку достаточно внимателен, либо не произвел на него впечатления образованного человека. Оба объяснения не выдерживают критики, поскольку Нерио был образованным человеком очень близким к гуманистам, с которыми он поддерживал постоянные контакты, будучи в изгнании во Флоренции.

По мнению Грегоровиуса, во дворце Нерио должно обязательно было быть собрание классических произведений искусства, ибо немисливо чтобы столь образованный и культурный человек полностью игнорировал древности, которые валялись у него буквально под ногами. Но Кириак об этом собрании ничего не пишет, что могло быть только, если Нерио ему его не показал. Почему?

Можно думать, что при встрече в Акрополе Нерио попытался объяснить Кириаку ложность многих его представлений об Афинах, почерпнутых из литературы. Это было ушатом холодной воды для разгоряченного энтузиаста и, по-видимому, Кириак просто не поверил Нерио. Это объяснение холодности к Нерио, проявленной в письмах Кириаком (если только эти письма не являются фальшивкой), представляется нам наиболее правдоподобным.

Целью Кириака при посещении Афин было рассмотреть памятники и главное списать надписи. Однако почему-то в самых богатых (теперь) «античными» надписями местах (например, в Акрополе) Кириак ограничился одной-двумя надписями, а все внимание уделил другим местам, где надписей к настоящему времени почти не осталось.

Несоразмерно большое число найденных Кириаком надписей относится к императору Адриану. Впрочем, из самих надписей часто трудно понять, о каком из ряда известных истории Адрианов идет речь. Быть может, не об императоре, а, скажем, о пале.

Удивляет также, почему Кириак полностью проигнорировал многие замечательные памятники «древности» (например, гробницы перед Дипилоном и по улице Академии). Грегоровиус пытается объяснить это тем, что если не считать немногочисленных громадных развалин, весь старый город со всеми его художественными сокровищами оказался покрытым «кучами земли и садами». Но, спрашивается, кто и когда убрал эти кучи земли и выкорчевал эти сады, поскольку к XIX веку их уже не было. Неужели, турки?

Впрочем, Грегоровиус противоречит сам себе. Он пишет: «Подобно Риму и почти каждому другому городу античного происхождения Афины были усеяны бесчисленным множеством остатков древних сооружений, которые или валялись в пыли, или употреблялись самым неподходящим образом (и тем не менее сохранились! — *Авт.*). Великолепные вазы и саркофаги служили корытами для водопоя (и остались целы! — *Авт.*), мраморные плиты из театров и портиков лежали у порогов (и тем не менее за две тысячи лет не истерлись! — *Авт.*) или служили столами в мастерских» ([18], стр.335). Так все-таки были или не были покрыты землей «художественные сокровища древнего города»?

Если они были покрыты землей, то как справедливо замечает Грегоровиус, случайный удар лопаты должен был открывать классические скульптуры и другие бесценные создания искусства. Почему же, — с недоумением спрашивает Грегоровиус, — это не побудило никого из афинских герцогов, среди которых было немало образованных и любящих искусство людей, начать хоть какие-нибудь раскопки?

Если же земли не было, то почему же Кириак просмотрел почти все наиболее замечательные архитектурные сооружения и надписи на них?

Тут явно у Грегоровиуса (и иже с ним) снова не сходятся концы с концами.

Дальше — больше. Чтобы объяснить молчание источников до Кириака об архитектурных памятниках Афин и безразличие к ним гуманистов, Грегоровиус постулирует полное равнодушие к ним самих афинян. Однако, когда ему нужно объяснить, как смог Кириак ориентироваться в развалинах древнего города, он немедленно постулирует (посредством уже известных нам слов «несомненно», «конечно», «безусловно» и т.п.) (см.[18], стр.340) существование в Афинах института чичероне в формах, описанных еще Павзанием! Удивительно, как Грегоровиус сам не видит зияющих противоречий в своих построениях.

Наконец, обращает на себя внимание, что основной труд Кириака — трехтомное собрание заметок, рисунков и надписей дошел до нас только частично. Копии будто бы его рисунков, сохранившиеся в одном альбоме 1466 года, имеют весьма мало общего с действительностью. Опубликованы труды Кириака были только в XVIII веке.

Все это заставляет с достаточной остротой поставить вопрос об аутентичности информации Кириака. По-видимому, такое лицо действительно существовало и действительно путешествовало по Греции, собирая надписи и срисовывая архитектурные памятники. Но, что в приписываемых ему материалах аутентично, а что добавлено позже, без специального исследования пока определить нельзя.

Следует при этом иметь в виду, что Кириаку можно было приписывать все, что угодно, без малейшей опасности разоблачения, поскольку уже через двадцать лет после его последнего путешествия турецкая оккупация надолго отрезала Афины от европейских ученых.

Грегоровиус неоднократно сравнивает Кириака с Павзанием. Было бы очень интересно сравнить тексты этих двух авторов и выяснить не списан ли «Павзаний» у Кириака.

Афины в апперцепции европейцев

См.[18], стр.343 и 364—369.

Апперцепционные фантастические представления об Афинах продолжали господствовать в Европе и после Кириака. В относящихся к XV веку рукописях «Космографии» Птолемея и «Изолариума» Бондельмонте Афины изображены в виде замка с зубчатыми стенами и башнями (и с надписью «Афины — ныне Сетин»), в хронике Жана де Курой — в виде фландрского, а в Нюрнбергской хронике Шеделя — в виде немецкого города (и это несмотря на то, что Шедель, по некоторым данным, имел в своем распоряжении копии рисунков Кириака). Впрочем можно думать, что Шедель, давал чисто условное изображение, поскольку он сам же писал, что от Афин «остались лишь немногие следы».

В XVI веке сведения об Афинах в Европе были исключительно скудные. Дело дошло до того, что в 1573 году Мартин Краус (Крузиус), профессор классической литературы в Тюбингене, поставил вопрос: существуют ли еще Афины? Этот вопрос он задал в письме канцлеру константинопольского патриарха и полученный ответ дал, как говорит Грегоровиус, первые точные сведения об Афинах и впервые пролили слабый свет на состояние его памятников.

До XVIII века афинской (и вообще греческой) археологией никто не занимался. «Греки на Крите и Корфу, другие ученые эллинисты,

собранные Альдом Мануцием в Венеции и преподававшие в греческих гимназиях в Манте, Падуе, Риме, Париже, Женеве, Гейдельберге, посвящали все свои силы филологической критике» ([18], стр.365).

Не удивительно поэтому, что даже в 1677 году в книге «Точное и подробное описание древней и новой Греции» ее автор Лауремберг утверждает, что от древней столицы муз осталась лишь кучка жалких кижин, называемая Сетин, хотя ему и были известны письма, полученные Крузиусом. На карте, приложенной к его книге, Лауремберг изобразил Афины в виде круглого города, посередине которого возвышается высокая конусообразная гора, увенчанная двумя готическими башнями.

Однако в отношении Афин в Европе уже подудли новые ветры. В 1645 г. в Афинах появляются французские иезуиты, а в 1658 г. — капуцины. Их монастырь и сделался исходным пунктом изучения афинских древностей, которое с тех пор производилось все с большей интенсивностью.

Таким образом, литературно-теоретические представления о Древней Греции, выработанные филологами-гуманистами, лишь через двести-триста лет подверглись сравнению с археологическим материалом. Естественно, что все исследователи занимались только одним: осмыслением и интерпретацией афинских руин в рамках уже твердо устоявшихся «классических» представлений на основе стихийно сложившихся атрибуций. Никакой речи о независимом изучении «афинских древностей» вообще не было.

Результаты этой односторонней работы нам и преподносятся теперь как «научно установленные» факты о классической Греции.

§ 4. Греция и турки

Необходимые замечания о Риме, греках и Ромейской империи

Очень много недоразумений в историографии происходит из-за терминологии, поскольку сбивчивая терминология вызывает сбивчивые представления. Возьмем, например, термин «Византия». Оказывается (см., напр., [7], стр.14—15), что первоначально это было средневековое название Константинополя, перенесенное впоследствии на всю страну. Сами же византийцы называли свое государство Римской (или в их произношении Ромейской) империей, а себя римлянами (ромеями).

Сейчас считается, что это название возникло потому, что византийцы рассматривали свою страну как наследницу классической Римской империи, но мы уже знаем, что представление о классическом Риме возникло очень поздно, уже в Средние века, когда византийская империя давно существовала.

Надо думать, что термин «Римская (Ромейская) империя» был первоначальным и искони применялся к империи Диоклетиана-Константина, имевшей столицу в Константинополе-Царьграде. Как первое крупное государство, она оставила в памяти людей неизгладимый отпечаток и все последующие амбициозные правители, первым из которых был Карл Великий, пытались себя с ней как-нибудь связать.

Государственная церковь римской империи, естественно, называлась «римской церковью». Когда незначительное ранее население на берегу Тибра стало претендовать на центральную роль в этой церкви, оно, чтобы подчеркнуть свои претензии, приняло имя «Рим». Впоследствии заронившиеся вокруг этого имени легенды и мифы постепенно выкристаллизовались в известные нам «классические» представления.

Эти представления оказались удобными и византийцам, создавая псевдоисторический фундамент их государственности. Но византийцы всегда подчеркивали, что только их страна является истинной «Римской империей» и только они истинными «римлянами».

И теперешние греки называют свой язык «ромейским», а себя «ромейцами». Правда, эти названия ныне считаются просторечными; в литературном языке их заменили классические термины «эллинский» и «эллины», производные от «Эллады». (Кстати сказать, «Эллада» явно происходит от библейского ЭЛ и означает, таким образом, просто «Божья страна», т.е. то же, что и «Иудея»!). Этноним же «греки» имеет иностранное (по-видимому, славянское) происхождение и самими

греками не употребляется. Как замечает Морозов, в греческом языке имеется единственное созвучное слово «грайкос», означающее «старушечий», и если знаменитый Плутарх в своих «Биографиях» называет жителей Мореи «грайкои», то «из этого можно вывести только то, что он не греческий Плутарх, а европейский плут» ([7], стр.14).

Не нужно, впрочем, думать, что древние ромей-византийцы были греками. Об их этнической принадлежности судить трудно, но примечательно, что их императоры греками не были. Источники сообщают, например (см.[7], стр.55), что Константин I принадлежал по своему отцу к знатному дарданскому роду, указывая одновременно, что Дарданием называлась область современной Сербии по реке Мораве. Получается, что Константин (и его преемники, в частности, Юлиан) были сербы—славяне!

Линия Константина пресеклась на Грациане, которому наследовал Феодосий I родом из Испании-Иверии. Его «иверийская» династия закончилась через сто лет Феодосием II, которого сменил албанец Лев I. Сменивший «албанскую» династию Льва Юстин I долгое время считался славянином (было «известно» даже славянское имя Юстиниана — Управда), но в 1883 г. англичанин Брайс показал, что соответствующий «источник» является апокрифом XVII века и Юстин вместе с Юстинианом был переведен из славян в иллирийцы из деревень верхней Македонии (см.[7], стр.244—247).

За «славяно-иллирийской» династией Юстиниана последовала династия Гераклия, бывшего по одним сведениям армянином, а по другим — славянином (см.[7], стр.275). Следующую династию начал Лев III, которого долгое время безоговорочно считали исаврийцем, пока в конце XIX века не было высказано и обосновано предположение о его происхождении из Сирии (см.[7], стр.389). Арабо-сирийское происхождение Льва III становится, отметим, особенно правдоподобным, если вспомнить, что именно он начал преследовать почитание икон, стремясь приблизить византийскую церковь к агарянству.

Историки только в это время впервые отмечают появление в Византии «эллинского» элемента. Однако в империи по-прежнему подавляющую роль играют славяне, германцы-готы, малоазийцы и арабы сирийцы. Что же касается собственно греков, то судя по всему они появились в Византии с юга с островов Архипелага.

Династия Льва окончилась в пламени гражданской войны 802—813 годов, когда на константинопольском престоле сменились два семита, армянин и, впервые! — грек (эллин). Дело кончилось установлением власти полугрека-фригийца Михаила II. «Фригийская» династия

Михаила была сменена в 867 г. «македонской» династией Василия I. Лишь представители следующей династии Дуков, пришедшей к власти в 1059 году, были эллинами.

Таким образом, греческим (эллинистическим) государством (или, точнее, государством с греческими правителями) Византия стала только в XI веке!

Обращает на себя внимание совпадение этого события с церковной революцией в Риме. По-видимому, появившиеся незадолго до этого «эллинцы» — «божьи люди» были ничем иным, как представителями только что зародившегося евангелического христианства, и этот термин имел в то время часто вероисповедное значение. Поэтому Дуков лучше всего называть не «греками», а «эллинами», и мы снова ничего не можем сказать о их национальной принадлежности.

Впрочем, надо думать, что к этому времени из сплава разнородных этнических элементов уже сложилась новая этническая, а не только государственно-политическая, общность ромеев и, скажем, Дуки полагали себя по крови ромеями, а по вере эллинами.

«Македонская» династия Василия в религиозном плане имела, по-видимому, переходный характер от практически агарянской и, надо полагать, резко антиевангельской, «сирийско-исаврийской» династии Льва Кумироборца до «евангельско-эллинистической» династии Константина Дуки.

Очень может быть, что эта смена религии сопровождалась и сменой официального государственного богослужебного языка. Судя по всему до VIII—IX веков официальным языком в Византии был семитический язык, близкий к языку библейских книг и называемый в теперешних источниках «сирийским», а греческий язык играл вспомогательную роль. Победа Евангелий повлекла за собой и победу греческого языка, на котором они были написаны.

Таким образом, история Ромейской империи резко делится на два этапа, различие между которыми затушевывается историками, идущими в этом вопросе на поводу церковников.

Первый этап характеризуется господством агарянско-арианской, иначе библейской, идеологии. Он сменился в огне иконоборства вторым, «евангелически-эллинистическим», который продолжался до взятия в 1204 году крестоносцами Константинополя.

На руинах Византии крестоносцы основали свою Латинскую империю, а бежавшие православные императоры — так называемые Никейскую и Трапезундскую империи. Все три эти «империи» претендовали на роль наследницы Ромей. Однако кроме них свои права заявлял эпирский деспот, не признававший никейцев, а с 1223 года и правитель Фессалоник, подписывавшийся титулом императоров: «во

Христе Боге базилевс и автократор ромеев» (см.[7], стр.579). Таким образом, к концу первой четверти XIII века объявилось целых пять «Ромейских империй»: четыре греческих и одна латинская.

К 1261 году Никейская империя отвоевала назад Константинополь и по этому формальному признаку она с этого года считается восстановленной Ромейской империей. Конечно, это был, как и отмечается всеми историками, лишь жалкий остаток прежней могучей империи, почти все время находившийся в фактической зависимости от турок и, наконец, срезанный ими в 1453 году. Правила в нем династия Палеологов.

Истинной наследницей Ромейской империи является, конечно, империя Турецкая. Это, по существу, признается всеми историками. Однако, как мы покажем ниже, есть все основания считать Турецкую империю не наследницей, а всего лишь следующим, третьим, этапом все той же Ромейской империи.

Ход турецкого завоевания

Считается, что турки (точнее турки-сельджуки) появились в Малой Азии в середине XI века. Они достигли наибольшего могущества при султанах Ала-ад-дине (1219—1236), образовав на северо-западе Малой Азии так называемый Румский султанат.

Нашествие монголов в 1243 г. уничтожило этот султанат, который превратился в конгломерат мелких княжеств (бейликов). Историческая традиция, которой ученые не доверяют, утверждает, что владетель одного из этих бейликов Осман в 1299 г. объявил себя независимым государем и законным правопреемником Румского султаната. На самом же деле первые признаки османской государственности появились, по видимому, только в 20-х годах XIV века при сыне Османа Орхане.

Первоначально бейлик Османа занимал небольшой кусок территории невдалеке от берега Мраморного моря, но уже к середине XIV века он поглотил все византийские владения в Анатолии и занял всю северо-западную часть Малой Азии. Через Босфор турки уже могли наблюдать жизнь в Константинополе. Дальнейшее его расширение шло как на запад, так и на восток, но мы будем следить только за его движением в Европу.

Первый турецкий плацдарм в Европе появился в 1352 году. Предание (см.[5], стр.223) гласит, что сын Орхана Сулейман паша в сопровождении всего семидесяти смелых воинов переправился темной ночью через Дарданеллы и взял штурмом крепость Цимпе у Галлиполи. Захватив через два года и сам Галлиполи, турки твердой ногой стали в Европе и начали быстро расширять свою территорию.

Преемник Орхана Мурад I, первый из османских правителей принявший титул султана, в 1361 г. захватил Адрианополь и соседние

районы Восточной Фракии, а затем Филиппополь, Софию и, наконец, подчинил себе всю Сербию (победа при Коссовом поле в 1389 г.). В 1366 г. Мурад перевел столицу своего султаната из малоазийской Бурсы в европейский Адрианополь (Эдирне).

В результате завоеваний Мурада и его преемника Баязида I от «империи» Палеологов остался лишь небольшой огрызок вокруг Константинополя, отрезанный от внешнего мира.

До поры до времени турки не обращали особого внимания на Грецию и Эпир, занятые более важными делами на севере, хотя отдельные турецкие отряды и проникали через Фермопилы в Аттику и Бестию, сея панику. Только к концу XIV века Баязид решил покорить, наконец, эллинские провинции. Его войска, отправленные через Отрис, взяли Лариссу, Фарсал и Цейтун, спустились в долину Сперхия, заняли Неопатрию и через Фермопилы вторглись в Фокиду и Локриду. Ворота Салоны были открыты ее правительницей Еленой; город и вся Фокида стали турецкими (см.[18], стр.298).

Неизвестно, как далеко проникли турки в это их первое вторжение в Грецию. Под угрозой нападения со стороны Дуная Баязид был вынужден прервать поход и обратиться к северу. Разбив в 1396 г. под Никоподем соединенные силы европейских рыцарей, он вместо того, чтобы оккупировать оставшуюся беззащитной Венгрию, решает предварительно обеспечить свой тыл, окончательно уничтожив Византию. Лично возглавив осаду Константинополя, Баязид отправляет в Грецию своих полководцев с пятидесятитысячной армией. В этот второй поход в Грецию турки проникают в Пелопоннес и штурмом берут Аргос. Ахейский князь, спасся от приступа, объявив себя данником султана. Однако турки были еще недостаточно сильны, чтобы удержаться в Морее. Нагруженные добычей, они вернулись через Истм домой (см.[18], стр.299).

Было ясно, что окончательное завоевание Греции и падение Константинополя являются лишь вопросом времени. Но тут неожиданно судьба подарила Греции и Палеологам отсрочку — на полвека. Появившийся с Востока Тимур (Тамерлан) в кровавой битве при Ангоре сломил в 1402 г. державу османов; сам гордый султан был пленником приведен в палатку Тимура. Во всей Малой Азии власть перешла к Тимуру. Османы сохранили власть только в европейской части своей империи, куда Тимур не проник, остановленный водной преградой проливов.

Преемник Баязида Сулейман был вынужден искать мира. Он не только снял осаду с Константинополя, но и вернул греческому императору Фессалоники с македонскими провинциями, все зах-

важные острова и всю Фессалию. Родосцам он отдал Салону и сделал значительные территориальные уступки Венецианской республике.

Эллины в Пелопоннесе

В создавшейся сумятице государственных и династических интересов и претензий не только Антонио удалось оттянуть у Венеции Афины (см. § 3), но и константинопольскому императору удалось впервые установить свою верховную власть в Пелопоннесе. Чтобы защитить его от турок, император с помощью венецианцев строит в 1415 году знаменитый «Гексамиллион» — стену через Истрм со рвами, двумя крепостями и 153 башнями. Современники были поражены этим сооружением, но вскоре им пришлось убедиться, что подобно линии Мамаино оно оказалось не в состоянии остановить врага.

Но пока в обстановке относительного мира греки впервые смогли оглядеться в Пелопоннесе. «В то самое время, как... облако гибели носилось над всей Византией, последние (а на самом деле, первые — *Авт.*) проблески национального сознания греков собрались... в Пелопоннесе... центр тяжести греческой монархии, потерявшей почти все свои составные части, был перенесен... в землю Пелопса, пока еще сравнительно безопасную от натиска турок. Мизитра или Спарта является в эту эпоху (впервые в ее истории! — *Авт.*) политическим и духовным средоточием эллинизма...

Город Мизитра, резиденция деспота в трех милях от Лакедемона, затмила в эту эпоху как Фессалоники, так и Афины... Новая Спарта Палеологов была маленьким местечком, отрезанным от всего мира... Византийцам население Лаконии казалось, конечно, грубым и варварским» ([18], стр.307), но тем не менее именно здесь «пробуждался давно уснувший дух греческой науки.

...Мизитрский двор можно смело сравнить со многими дворами итальянского Возрождения...

При дворе Феодора II (деспота Мистры. — *Авт.*) жил знаменитый византиец Георгий Гемист (Плетон), воскресший античный эллин, поздний неоплатоник из школы Прокла и фанатический почитатель древних богов; такими же до некоторой степени были вскоре вслед за ним и итальянские гуманисты, ставшие такими под руководством Помпония Лета. Вполне понятно, что грек, одушевленный горячей любовью к отечеству, даровитый последователь (а не создатель ли? — *Авт.*) классической философии, мог отнестись отрицательно к тогдашней христианской церкви, как римской, так и православной, и смотреть с отчаянием на политическое и национальное разложение

родной страны. Но мысль Гемиста через тысячу лет после Юлиана Отступника отодвинуть назад стрелку часов всемирной истории, воскресить религию богов и полубогов в виде выдуманного (вот правильные слова! — *Авт.*) мистико-аллегорического культа и заменить христианскую религию фантастической смесью учений Зороастра, индийских брахманов, Платона, Порфирия и Прокла — эта мысль граничила с безумием. Кажется, Гемист основал какую-то академию или секту в этом роде. К ученикам его, если не к адептам его мистической религиозной философии, принадлежали и такие выдающиеся платоники, как Мануил Хризолор и Виссарийон.

Позже, во времена флорентийской унии, он перенес священный огонь язычества (только что им созданного! — *Авт.*) в этот город; он, по крайней мере, был здесь первым провозвестником славы и величия Платона, и, как утверждает Фицинус, повлиял на Козимо деи Медичи настолько, что сама идея основания во Флоренции платоновской академии обязана по преимуществу ему своим происхождением» ([18], стр.508—309).

Тут четко описано, как впервые создавалось представление о «классической Элладе». Угроза со стороны турок заставила жителей Византии осознать себя как этническую общность и превратила вероисповедный термин «эллин» в самоназвание народа. Собравшиеся в Пелопоннесе греки, воодушевленные идеей организации отпора османским успехам, внезапно открыли, что именно Пелопоннес был истоком греческой национальности, а их новоявленный патриотизм немедленно нашел себе опору в рассказах о бывшем ранее военном (именно военном!) величии Спарты. Определенную роль в сложении этой легенды сыграло, по-видимому, и то обстоятельство, что в Ахайском княжестве милитаристский дух был всегда сильнее, чем в Афинах миролюбивых де-ла-Рошей, и от его баронов в Пелопоннесе осталось куда больше руин замков, башен и других военных сооружений.

Патриотические надежды пелопоннесских греков нашли своего ярчайшего выразителя в личности Гемиста Плетона. Вся его почти столетняя жизнь была посвящена идеологическому обоснованию борьбы с османами на базе легенд о великом прошлом «Эллады».

Особо обращает на себя внимание деятельность Плетона как первого пропагандиста идей Платона. Не означает ли это, что он и был автором хотя бы некоторых «сочинений Платона», к которым позже Фичино и К^о добавили остальные? Что означает сходство имен: Платон — Плетон? Не прикрылся ли истинный автор прозрачной метаграммой?

Интересно (см. §4, гл. 1), что в истории платонизма фигурирует еще один почти полный тезка Платона — Плотин, живший якобы в III в. н.э.

и приспособивавший учение Платона к нуждам христианства (хотя и не являвшийся сам христианином). Возможно ли случайное совпадение, что три наиболее выдающихся представителя одной и той же философской школы, отделенные якобы друг от друга тысячелетиями, носили практически идентичные имена?

Империя Палеологов

Возрождение (а точнее, первое появление) национального чувства греков в рассматриваемое время единодушно отмечают все историки. Оно не ограничивалось Пелопоннесом, а распространялось на всю страну. «После реставрации Палеологов, — писал Б.А.Панченко, — империя получила почти исключительно местное значение национального греческого средневекового царства, которое в сущности является продолжением Никейского, хотя вновь основалось во влахерном дворце Византийской державы» (см.[7], стр.596). Ту же мысль, но более определенно, выражает А.А.Васильев: «В очищенном судьбою от примеси азиатских национальностей населении развивается греческий патриотизм. Императоры продолжают еще носить обычный титул «василевса и автократора ромеев», но некоторые выдающиеся люди убеждают их принять новый титул — государя эллинов... Чувствуется, что прежняя обширная разноплеменная держава превратилась хотя и в скромное по территориальным размерам, но уже в греческое по составу населения государство» (см.[7], стр.597).

Вспыхнувшее чувство эллинского патриотизма стимулировало также единодушно отмечаемый историками резкий подъем в эпоху Палеологов умственной и художественной культуры и само им стимулировалось. Это время известно философами, многочисленными историками (интересно, что у одного из них, Пахимера, впервые обнаруживаются, по свидетельству А.А.Васильева, аттические названия месяцев вместо обычных христианских; см.[7], стр. 654), филологами и риториками («стремившимися по языку приблизиться к классическим писателям», т.е. на деле создававшими их язык), поэтами, богословами и юристами. Их кипучая деятельность не раз давала случай провести параллель с современными им деятелями итальянского Возрождения. Сила, напряженность и разнообразие культурно-просветительного движения при Палеологах ставит его в разряд уникальнейших явлений в долгой византийской истории.

Создание «классических» произведений было не только по плечу этим людям, но оно отвечало и запросам текущего политического момента, вдохновляя борцов-патриотов картинами прежнего величия.

Однако во всей этой картине есть одна трудность. С тем же единодушием, как и в описании культурного подъема, все историки отмечают не только политический, но вызванный им глубокий экономический кризис, охвативший при Палеологах страну. Они цитируют многочисленные свидетельства писателей того времени, описывающих как цветущие области обращались в прах турецкими варварами, сжигавшими поля, уничтожавшими города и утонявшими поголовно все население в рабство. От турецких набегов хирело сельское хозяйство, останавливалась торговля, прекращалось мореплавание.

— Но как же, — спрашивает Морозов, — мог возникнуть культурный подъем в период экономического упадка и гибели? Ведь только в беллетристике бывает «пир во время чумы». Науки и искусства первые гибнут во время экономической разрухи.

Историки не прошли мимо этого вопроса, но их ответы, по справедливому замечанию Морозова, напоминают звучание пустого бочонка. Скажем, тот же А.А.Васильев писал следующее:

«В минуты политической и экономической гибели эллинизм собирал все свои силы, чтобы показать всю живучесть вечной культурной классической идеи и этим самым создать надежду на будущее эллинское возрождение XIX века. Накануне всеобщего падения вся Эллада собирала свою умственную энергию, чтобы засветиться последним блеском» (см.[7], стр.651).

Другие византийцы, например, известный Диль, писали более сдержанно без столь громких и пустых фраз. Но на самом деле никакой иной концепции ими предложено не было.

Исключением, пожалуй, является только искусствовед Ф.Шмидт, который в 1912 г. четко сформулировал общее положение, что при экономическом и гражданском упадке государства Палеологов возрождение в нем искусства было невозможно (см.[7], стр.597).

Но ведь это же возрождение на самом деле было! Считать его мифом последующих поколений невозможно — слишком близко время Палеологов от нас и слишком много разнообразных документальных свидетельств от них осталось, чтобы можно было заподозрить здесь апокриф. (Хотя, конечно, не исключено, что некоторые литературные и иные сочинения, относимые к этому времени, окажутся при более внимательном исследовании апокрифами более позднего времени).

Именно «обилием и разнообразием источников» объясняет Васильев тот факт, что «время Палеологов принадлежит к наименее ясным временам византийской истории» (см.[7], стр.597). Его логика очень проста. Всякий самостоятельный рассказ односторонен и потому

в истории хорошо иметь только один рассказ, за которым можно следовать не натываясь на противоречия, как всегда и поступают в изложении ранней истории всех государств. При встрече же двух самостоятельных и потому не сходных и часто противоречащих друг другу изложений, они в древней истории, как мы выше видели на примерах, обычно относились к разным векам или народам.

Но время Палеологов настолько близко к нам, что расчленив их династию на ряд разноместных и разновременных династий было уже невозможно, и потому с противоречиями первоисточников приходится справляться иным способом.

Как на образец, имеющих в первоисточниках противоречий, можно, например, указать, с одной стороны, на сообщение арабского географа абуль-Феда, который в начале XIV века писал, имея в виду Константинополь, что «внутри города находятся засеянные поля, сады на месте многих разрушенных домов», а также на записки испанского путешественника начала XV века Клавихо, в которых сказано, что «в городе Константинополе есть много больших зданий, домов, церквей, монастырей, из которых большая часть в развалинах». С другой стороны, известен трактат о придворных должностях, приписываемый автору XIV века Кодикю, где подробно описываются пышные одеяния придворных сановников, их разнообразные головные уборы, обувь и чиновные отличия; даются подробные описания придворного церемониала, коронаций, инаугураций и т.д. и т.п., поражающие пресловутой «византийской роскошью» (см. [7], стр. 625). Как это согласуется с общим экономическим упадком и разрушенными зданиями?

«Ответ дает, может быть, — говорит Крумбахер, — средневековая греческая пословица: мир погибал, а жена моя все наряжалась».

Но шутка — все же не ответ.» ([7], стр. 626).

Вместе с тем «обилие источников» маскирует крупные провалы в наших знаниях об эпохе Палеологов, вызванные часто злой волей заинтересованных лиц. Например, известно, что в тщетной надежде заручиться помощью Запада Палеологи дважды заключали церковную унию с папами: в Лионе (1274 г.) и во Флоренции (1439 г.), но неудачно. Рассказывают, что после заключения Флорентийской унии в храме Софии был созван представительный собор православного духовенства, на котором присутствовали антиохийский, александрийский и иерусалимский патриархи, и что этот собор, осудив унию, восстановил православие. Деяния этого собора были изданы в XVII веке итальянским ученым Алляцием, который признал их подложными. С тех пор имеются два мнения: сторонники Алляция считают все деяния собора

подложными и сам собор никогда не существовавшим, а его противники, в основном, православно-греческие богословы и ученые, для которых подобный собор имеет громадное значение, — продолжают считать созыв Софийского собора историческим фактом (см. [7], стр. 624).

К слову сказать, если оспариваются соборы даже XV века, то как можно серьезно относиться, скажем, к Никейскому собору 325 года? Не переходит ли подобная доверчивость в нечто большее?

Третья Ромейская империя

Преодолев междоусобицу наследников Баязида и пользуясь уходом Тимура из Малой Азии, османы быстро восстановили свою империю. Уже в 1422 г. султан Мурад II снова предпринимает осаду Константинополя, но неудачно. Взять Константинополь удалось лишь его преемнику, Мухаммеду II, в 1453 г. Через пять лет турки оккупировали Аттику и Пелопоннес, что и ознаменовало окончательное крушение империи Палеологов.

Ученые и писатели, ревнители «классической старины» и патриоты «эллинской государственности» эмигрировали в Италию, перенесли на итальянскую почву «классическую» культуру. От них и дошла до нас информация о турецких зверствах и об уничтожении турками «греческой культуры». Однако эта информация вызывает серьезные сомнения в отношении ее объективности, которую невозможно ожидать от эмигрантов, выгнанных силой из родной страны. Посмотрим поэтому, что же говорят факты.

В первую очередь обращает на себя внимание, что с присущей всем мусульманским завоевателям терпимостью турки совершенно не тронули религиозных учреждений византийцев. Более того, личности патриархов, епископов и священников были объявлены неприкосновенными и были освобождены от подати-хараджа. Тем самым, следовательно, осталась неприкосновенной и культура, носителями которой в то время были, в основном, лица духовного звания и которая выступала в религиозном облике. Урон потерпела только светская, патриотическая, антитурецкая, «эллинская» культура, да и то, по-видимому, не из-за турецких преследований, а из-за бегства ее представителей за границу.

Мы уже отмечали, что османы исключительно быстро осуществляли свои завоевания. Не успели они высадиться в Галлиполи, как через пятнадцать лет в их руках была вся северо-балканская часть Византии. Более того, в стране (за исключением Константинополя) они не встречали, по существу, никакого сопротивления. Отпор (хотя и неудачный) османы стали получать только тогда, когда вышли за

пределы ромейского государства и начали угрожать Сербии, Венгрии и другим странам Юго-Восточной Европы.

Даже после тимуровской катастрофы население завоеванных областей не восстало против османов, а, напротив, явно поддерживало их против бывших своих властителей. Иначе невозможно объяснить, почему османы смогли удержаться в этих районах, отделавшись лишь незначительными территориальными уступками, а после устранения угрозы со стороны Тимура быстро восстановить (и даже расширить) прежнюю империю. Отсюда, в частности, следует, что экономика этих областей вовсе не была разрушена, а, наоборот, находилась в состоянии вполне удовлетворяющем местное население.

По совокупности всех обстоятельств мы должны признать рассказы о жестоком, сопровождавшемся кровью и зверствами турецком завоевании Византии вполне обоснованными. На самом деле это «завоевание» было, судя по всему, довольно спокойным «верхушечным» переворотом, мало затронувшим массы. Пришедшие османы просто сбросили правящую верхушку и сами заняла ее место. Все происходило почти так же, как двести лет назад при завоевании франками Греции.

За шестьсот лет до этого Ромейская империя перешла от библейско-агарянского вероисповедания к его евангельско-христианской форме. Теперь же произошло обратное движение: империя возвратилась к мусульманству, в котором в наиболее чистом виде сохранилось бывшее агарянство. Турецкое завоевание вполне равнозначно победе иконодулов, но традиция первую старается как можно сильнее преувеличить, а вторую, — в основном под влиянием церковников, — по возможности преуменьшить.

Основное отличие этих двух религиозных революций состояло в том, что вторая сопровождалась сменой греческого языка турецким. (Впрочем, можно думать, что и во время иконоборства произошло нечто подобное: прежде официальным языком церкви был библейский язык, а после победы иконодулов им стал греческий).

На этом основании считается, что имела место массовая иммиграция турок в Малую Азию, повлекшая полное изменение этнического состава этой страны. Однако не имеется никаких сведений о массовом бегстве ромеев или об их уничтожении турками. Напротив, многие мусульманские источники сообщают о почти поголовном переходе ромеев в мусульманство. Надо полагать, что **современные турки — это потомки средневековых ромеев, перешедших в мусульманство и воспринявших вместе с религией язык своих господ, подобно тому, как современные греки — это потомки тех же ромеев, но оставшихся**

верными христианству и родному языку. Этнические же тюрки, составлявшие первоначально тонкий правящий слой Османской империи, постепенно растворились во всем населении.

Мы видим, что, по справедливости, мы не должны столь резко, как это принято, отделять христианскую Ромейскую империю от сменившей ее мусульманской Османской империи. Последняя была во всех отношениях продолжательницей первой, на чем, кстати сказать, всегда настаивали турецкие султаны, квалифицировавшие себя как единственных истинных продолжателей «римских» императоров.

Заключение

В этом параграфе мы выяснили, как и почему возникло представление о «классической Элладе». В подкрепление к сказанному можно добавить, что многие реалии этого времени обнаруживаются в «классике». Мы не будем сейчас этим заниматься, — для этого требуется специальное исследование, и лишь укажем на Истмийскую стену, которую, как оказывается, «классические греки» тоже строили, но для защиты от персов.

Здесь обращает на себя внимание, что в средневековье турок постоянно называли «персами». Это слово не было точным этнонимом, а всего лишь неопределенным термином, означающим «людей с востока». Нет сомнения, что классическая эпопея «греко-персидских войн» списана с войн греков с турками. Она, по-видимому, была сочинена до окончательной оккупации Греции и имела своей целью счастливым концом внести оптимистическую ноту в сопротивление туркам.

Во избежание недоразумений укажем, что не везде в «древней» литературе под персами понимаются турки. Например, «персы», с которыми воевал Юлиан Отступник, почти наверняка были галлы-паризии (от имени которых и происходит современный «Париж»).

ИТОГИ ГЛАВЫ

1. Главнейшим итогом этой главы является установление происхождения «античных» руин (и прочих архитектурных памятников) на территории Греции, а также истории возникновения мифа о «классической Элладе».
2. Была также предложена новая периодизация истории Византийской империи вместе с империей Османов.
3. В своем исследовании мы подошли «снизу» к эпохе Возрождения, т.е. к тому пункту, с которого мы начали том I. Круг замкнулся и все детали головоломки сошлись.

ЭПИЛОГ

Реконструкция истории Средиземноморья

В этом эпилоге мы вкратце наметим ход основных исторических событий в Средиземноморье в первое тысячелетие нашей эры, как он вырисовывается в результате всего морозовского исследования. Факты, обсужденные в основном тексте, мы сообщаем без каких-либо комментариев, только кое-где дополняя их соображениями, не нашедшими там места.

Чтобы не связывать себя какими-либо априорными периодизациями, мы будем вести изложение просто по векам.

Первый век

Надо думать, что в I веке письменность уже была известна, но документы этого (или более раннего) времени либо до нас не дошли, либо безнадежно затеряны в массе абсолютно не датируемых текстов. Единственным исключением, быть может, является библейская запись о потопе от 35 г. Поэтому здесь остается руководствоваться общими соображениями и аналогиями.

В эстуариях больших рек, в первую очередь, Нила, в проливах и на островах Архипелага к этому времени образовались достаточно большие поселения, в которых разложение родового строя зашло довольно далеко, выделился слой профессиональных военных, велась обменная торговля с «глубинкой» Африки (по Нилу) и Европы (по Дунаю), началось торговое мореплавание, а с ним и пиратство.

Неясно, было ли уже известно производство железа и стали и были ли жители Средиземноморья знакомы с коннозаводством. Виноградарства они почти наверняка не знали.

Религия существует в формах первобытной магии, анимизма и шаманства. В Египте царит культ мумий, а на юге Италии обожествляются вулканы.

Второй век

По-прежнему никаких письменных памятников нет. Продолжает развиваться судоходство. Более крупные и богатые приморские города перестают ограничиваться кратковременными набегами на своих соседей и пытаются установить систему постоянной дани. Это приводит к зачаткам военно-феодальных объединений городов, которые постоянно создаются и разрушаются. Наиболее интенсивно этот процесс идет на перекрестках морских и сухопутных торговых путей: в дельте Нила, в Архипелаге, на Босфоре.

Организируются военно-грабительские экспедиции вглубь Азии и Африки. Отдаленные отголоски их дошли до нас в виде походов

Александра. Возможно, что успех этих экспедиций определяется новым стальным вооружением или тем, что они были уже конными.

Быть может, к этому времени относятся отрывочные «додинастические» надписи в Египте и некоторые клинописные тексты Месопотамии.

О религии, как и раньше, ничего определенного сказать нельзя. По-видимому, в связи с развитием средств сообщения отдельные локальные культы вступают в контакт и взаимно обогащают друг друга. Возможно, что египетский и итальянский культы получают приоритет и особое значение, как наиболее впечатляющие.

Третий век

Ряд текстов Библии можно интерпретировать как трактующие о событиях конца этого века. Их сбивчивость и невнятность позволяют наметить лишь самые общие контуры событий. По-видимому, в этом веке были предприняты неоднократные попытки создать единую «империю» приморских городов, признающих сюзереном некий единый центр и платящих ему дань. Расположен этот центр был где-то около Босфора (Гиссарлык?).

В середине века катастрофическое извержение Везувия кладет начало монотеизму в форме богоборчества-израэлитства. У подножия Везувия создается религиозный центр, привлекающий богомольцев со всего Средиземноморья. Смесь местного языка с языком богомольцев и священнослужителей с островов Архипелага дает начало богослужебному латинскому языку.

В 270 году впервые удается создать более или менее устойчивую империю. Ее правители, истинные имена которых нам не известны, либо заключают союз со жрецами южноитальянского монотеизма, либо сами являются первосвященниками этого культа. Составляются первые писанные законы. В 284 г. вводится первый обязательный календарь (скорее всего 365-ти дневный).

Официальным языком этой империи был какой-то семитический язык, близкий к языку Библии. Условно его можно назвать сирийско-египетским. Языками же живого общения были разнообразные местные языки романского, германского, славянского, семитического происхождения.

Четвертый век

Это был, по-видимому, самый важный век в истории человечества, наложивший свой отпечаток на все ее дальнейшее течение. Его начало знаменуется окончательной консолидацией «Ромейской империи», которая, пережив ряд видоизменений, смогла просуществовать почти

до наших дней. Столицей этой империи почти сразу же стал Константинополь, исключительно удачно расположенный на перекрестке морских путей. В какой мере и как далеко она распространяла свою власть на Запад неясно. Возможно, что на Западе довольно рано оформилась своя государственность, то подчинявшаяся (быть может, в порядке личной унии), то отделявшаяся от Рима.

Первые императоры Ромейской империи нам известны по их греческим или латинским прозвищам-именам, которые им были даны историками лишь несколько веков спустя: Диоклетиан — Богопризванный, Константин — Стойкий. В то время были невозможны иностранные, не имеющие смысла имена и потому уже сам факт, что эти имена заимствованы из двух разных языков доказывает их выдуманность. Очень возможно, что имя Константина было произведено от названия его столицы, Константинополя, означающего «Крепкий город».

Те же императоры (под другими, естественно, именами) известны нам из Библии и иероглифических текстов. К сожалению, уверенного сопоставления различных имен не получается. Хуже всего дело обстоит с тройкой: Саул, Соломон, Давид, поскольку соответствующие главы Библии являются одними из самых поздних, изобличая уже поднагоревшую в изысканной словесности руку автора, который написал не хронику, а нечто вроде фантастико-приключенческого романа, весьма произвольно варьируя имевшийся в его распоряжении фактический материал.

Искусственнейшая форма правления — тетрархия с ее системой Священных Особ — Августов и подчиненных им Цезарей (возможно от еврейского КОШАР — Крепкий), быть может, действительно была введена в то время, по-видимому, в порядке некоего политического компромисса. Несмотря на это, теоретически (и практически) основной формой правления было самодержавие на религиозной основе; укрепление государства требовало поэтому укрепления и кодификации государственной религии. По сумме всех указаний эта кодификация была впервые осуществлена Арием-Ароном, но сам кодекс был приписан Диоклетиану-Моисею, который, как император и первосвященник, обеспечил его проведение в жизнь.

Впоследствии, когда в ходе своего развития арианство превратилось в христианство, это новое учение для придания себе большего авторитета сдвинуло свое начало на 300 лет вспять и объявило арианство одним из своих собственных вольнодумств. Когда же в ответ одно из течений арианства отнесло свое начало еще дальше — за 1800 лет вспять, их противники, воспользовавшись иным произношением имени Законодателя, объявили, что их Арий — это не Арий, а совсем другой — Арон, закон которого был отменен самим Христом. В

дальнейшем это течение арианства, обросшее дополнительными фантастическими прибавками, дало начало исламу и иудаизму.

Достоверных сведений об Арии практически нет. Нет их и о его современнике Константине-Стойком. Два основных первоисточника о нем, Евсевий и Зосим расходятся практически во всем. По-видимому, Константин был сторонником культа Солнца (см. [7], стр. 57—58), а точнее, одной из сект арианства, отличающейся элементами обожествления Солнца.

Вообще, надо думать, что кодификационная деятельность Ария увенчалась лишь частичным успехом и не прекратила существования необозримого конгломерата разнообразных сект и их отдельных ответвлений, боровшихся друг с другом за власть над душами верующих (в первую очередь императора и его семьи). Возможно, что в 325 году одной из этих сект удалось достичь временной победы над Арием, что дало начало мифу о Никейском соборе.

О фантастичности информации, касающейся Никейского собора, говорит, в частности, сообщаемое Афанасием (труды которого, напомним, были опубликованы только в 1690 г. в Париже) число членов этого собора — 318. Он явно заимствовал его из Книги Бытия, в которой сказано: «Авраам вооружил рабов своих... триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана» (Бытие, XIV, 14).

Почти сразу же после смерти Ария (в 336 году) главенство начинает оспаривать секта, возглавляемая «Великим Царем» (императором Юлианом?). Междоусобная борьба достигает своей кульминации на Пасху 368 года, когда «Великий Царь» подвергается столбованию.

Личность «Великого Царя» произвела глубочайшее впечатление на окружающих и отразилась в бесчисленных легендарных и легендаризованных персонажах. В евангельском Иисусе от него остался, по-видимому, лишь наиболее драматический эпизод «вознесения на древо».

«Великий Царь» ввел в церковный ритуал причащение вином, которое немедленно превратилось в вакханалии — агапы. Ввел ли он храмовую проституцию неясно; возможно, что она существовала и до него. Хотя вскоре эксцессы «вакхического» христианства и были осуждены Иоанном, установленный «Великим Царем» ритуал с его «вечеринками любви» просуществовал более пятисот лет (до X—XI веков).

Во времена «Великого Царя» закладывается город Рим как пограничное сторожевое укрепление, входящее в систему крепостей, защищающих юг Италии от нападений с севера.

Окончательную победу, выразившуюся в признании ее государственной, церковь «Великого Царя» одержала с воцарением императора Феодосия, которому за заслуги в ее укреплении было дано

звание «Великого». Это был последний император, объединявший в своих руках власть над Западом и Востоком; после него варварский Запад отъединяется от Ромейской империи.

Однако наряду с монотеистической религией, обязанной своим происхождением Везувию, основатели Ромейской империи и их преемники поддерживали также египетские культы мертвых. По-видимому, южноитальянский и египетский культы, формально объединенные в одну религию, враждовать никогда не переставали. Во всяком случае, библейские книги «Царей» постоянно с негодованием обличают богословских и богоборческих царей в приверженности культу «высот».

Как бы то ни было, но ромейские императоры хоронятся в это время в Египте, а над мумиями трех самых знаменитых из них начинается строительство Великих пирамид, как заупокойных храмов, так и как лестниц на небо.

Благодаря бесконечным подлогам клерикальных и антиклерикальных апокрифистов Средних веков и Возрождения, вступавших с собой в споры под именами будто бы древних христианских учителей, очень трудно составить себе четкое представление о ромейской теологии IV века. Во всяком случае она имела весьма мало общих точек с современной христианской теологией и первым приближением к ней (очень искаженным в цепочке последовательных передач) являются, по-видимому, так называемые «восточные культы» (в частности, культ Митры), «классический» Пантеон, а также верования, известные из неоглифических и клинописных текстов.

Единственным религиозным произведением того времени, дошедшим до нас, можно надеяться без существенных искажений, является Апокалипсис, написанный в 395 году. Он возник среди оппозиционных сект и его идеология еще очень долгое время не признавалась правящей церковью. Греческий язык, на котором он написан, также должен был долгое время уступать первое место официальному сирийско-египетскому языку.

Пятый век

Об идеологической обстановке этого века мы можем составить себе довольно определенное, но, почти наверняка, очень одностороннее впечатление, поскольку сочинения, идущие вразрез с победившей в конце концов фракцией, в канон не вошли и оказались для нас утраченными. Впрочем, более основательное изучение обширного церковного материала, возможно, позволит эту односторонность преодолеть. Но это трудно, поскольку практически все идущие от церкви сведения об этом веке представляют собой апокрифы.

Пока мы вынуждены характеризовать V век, как век напряженного ожидания второго пришествия Христа, отраженного в интенсивной пророческой активности с сильным астрологическим уклоном.

Все «большие» пророчества (в своей астрономически датированной части) пишутся в период 442—466 годов под влиянием комет и схождения больших планет в Скорпионе. Оба вселенских собора этого века (Эфесский и Халкедонский) также явно были созваны в ожидании второго пришествия Мессии по астрологическим показаниям, хотя официальная церковная версия объясняет их созыв спорами по сухой и надуманной «христологической проблеме».

Ожидание второго пришествия и неяска Христа должны были породить большое число разнообразных схизматических сект, преследуемых официальной церковью и государством. Можно думать, что эти преследования и явились первоисточником легенд о «гонениях христиан», поскольку из одной из этих сект и развилось победившее впоследствии «евангелическое» христианство.

Попытка императора Зенона своим Актом Единения (Энотиконом) примирить враждующие стороны лишь подлила масла в огонь и увеличила число борющихся сторон. Текст этого Акта почти наверняка апокрифичен.

Историки сообщают, что в рассматриваемое время политику в Константинополе делали две «цирковые» партии, прасины и венеты, соперничество между которыми, привело в 445 г. даже к кровавым столкновениям. Это абсолютно уникально, поскольку в Средние века всегда и везде политические разногласия приобретали не цирковое, а религиозное обличье. Все встанет на свои места, если мы вспомним, что даже в эпоху раннего Возрождения театр еще не был отделен от церкви и театральные мистерии, по существу мало, отличались от богослужений. За тысячу же лет до этого церковь, театр и цирк были еще едины. Поэтому «партии цирка» были на самом деле «партиями церкви» и никакой уникальностью не обладали. Мы видим, как под апокрифическим пером церковников единая по своей сути борьба внутри церкви распалась на светскую борьбу в цирке и богословскую христологию.

По-видимому, в V веке окончательно гибнет Помпея и роль итальянского центра христианско-неговистского культа переходит к Риму, где этот культ объединяется с почитанием Петра-апостола, вызванным падением метеорита. (Определить, хотя бы гадательно, время падения этого метеорита не представляется возможным).

Среди политических событий этого века самыми важными являются нашествие гуннов и завоевание Италии готами.

Вопрос: является ли случайностью, что так называемое «падение Римской империи» произошло практически одновременно с гибелью Помпеи?

Шестой век

В рамках послеапосталистического христианства продолжается интенсивная мифотворческая деятельность. Возникает обширная религиозная литература, часть которой в следующих веках составит в переработанном виде библейский канон. Появляется (или, по крайней мере, широко распространяется) обрезание.

Тем не менее веселые и пьяные христианско-дионисийские ритуалы по-прежнему остаются основой государственной церкви. До нас дошли сочинения лишь апокалиптических противников этих ритуалов (по-видимому, все еще преследуемых церковью и государством), и потому истинный вид государственной церкви этого времени приходится мучительно реконструировать по незначительным обрывкам информации.

В VI веке действует Яков Барадей, основатель (541 г.) монофизитской секты яковитов, из которой вырос ряд современных автокефальных церквей. В Библию он попал в виде «праотца Иакова».

В конце VI века в Риме оформляется понтификат, организуются первые монастыри и возникает культ Девы Марии, якобы спасшей город от ужасов чумы. Во всей Италии, вне Римской области, продолжает царить арианство.

В политическом отношении VI век является «веком Юстиниана». Информация, что при Юстиниане был впервые составлен гражданский (т.е. светский) кодекс законов, по-видимому, соответствует действительности, но известный нам «кодекс Юстиниана» бесспорно апокрифичен. Истинный его кодекс был, надо думать, очень близок к «кодексу Хаммурапи», если только в точности не совпадал с ним.

Хотя основной первоисточник этого времени, Прокопий, явно апокрифичен, в сообщаемой им информации имеются, по-видимому, зерна истины. Так, например, Прокопий сообщает, что жена Юстиниана императрица Феодора была в молодости циркачкой и знаменитой проституткой, впоследствии «обратившейся к церкви». Это явно следует понимать так, что Феодора занимала в тогдашней церкви ничуть не унизительный и не позорный пост храмовой диакониссы, одаривавшей «во имя господя» богомольцев своей любовью. Только тогда становится понятным как проститутка стала императрицей.

Строительной деятельности Юстиниана приписываются несколько храмов, в том числе величественная Айя-София. Неясно, верна ли эта информация. Однако об архитектуре времен Юстиниана (или, по крайней мере, об одном ее направлении) мы можем судить с полной достоверностью по Дендерскому храму.

Седьмой век

В этом веке в религиозной сфере происходят три важнейших события.

В Риме, где все чаще появляются паломники из северных «языческих» стран, на повестку дня впервые ставится вопрос о миссии, т.е. о распространении «света веры» среди язычников. Прежде принадлежность к церкви предусматривала принадлежность к империи, и считалось, что представителям чужих народов делать в церкви нечего. Впоследствии сторонники этой точки зрения дали начало иудаизму.

Поскольку экономика и статус Рима зависели почти исключительно от числа посещающих город паломников, его руководители не могли согласиться с этой точкой зрения и выдвинули противоположную идею «всемирной церкви». К апостолу Петру был добавлен апостол Павел как выразитель этой новой идеи и распространение христианства по миру началось.

Вторым важным событием был первый выход на широкую государственную арену евангельской идеологии, являвшейся ранее верой греко-язычных низов и оппозиционных проповедников. Надо думать, что в это время уже существовали ранние, до нас не дошедшие, Евангелия («книги завета» Иосии-Гераклия), а известное нам Евангелие Марка было написано только в конце VII века.

Третьим важнейшим событием (по-видимому, тесно связанным со вторым) явилось отпадение к агарянству юга Ромейской империи. В результате прежде единая империя распалась идеологически, а значит и политически, на два государства: империю и халифат.

В соответствии со «староверческим» характером агарянства в халифате в качестве официального языка сохранился прежний сирийско-египетский диалект, превратившийся позже в «классический» арабский язык. В империи же пальма первенства стала постепенно переходить к греческому языку, на котором были написаны священные книги новой веры. Первой ласточкой в этом направлении было принятие Гераклием греческого титула базилиуса.

В этом же веке, по-видимому, завершается предварительное составление ветхозаветного канона (подвергавшегося тем или иным исправлениям вплоть до XIV—XV веков).

Мы видим, что значение седьмого века вполне сравнимо со значением века четвертого.

Восьмой век

Осуществленная Гераклием церковная реформа не могла пройти безболезненно и в самом Константинополе. Весь восьмой век и первая половина девятого века заняты религиозно-политической борьбой,

потрясшей самые основы государства. Следуя своей практике умалять значение и смысл религиозных реформ того времени, церковники, а вслед за ними и светские ученые, квалифицируют этот период как период борьбы за и против почитания икон. На самом же деле, это был период становления евангелического христианства в противовес прежнему «вакхическому» вероучению.

Междоусобица в империи вызвала массовую (исчисляемую десятками тысяч) эмиграцию духовенства в Индию, куда еще ранее были заброшены зерна христианского монотеизма. Это дало толчок развитию там индуизма и буддизма.

В это время в Византийской империи получает идеологическое обоснование моногамная семья, а полигамия начинает преследоваться. Запрещаются смешанные (мужские и женские) монастыри. (Постановление седьмого вселенского собора 787 года в Никее).

Римская церковь отделяется от византийской, и Рим впервые получает политическую свободу, которую, впрочем, он сразу же оказывается вынужденным отдать франкским королям.

В конце VIII века власть в Византии переходит в руки императрицы Ирины. Появление на троне женщины явилось тогда поразительным новшеством, нарушающим все каноны. Надо думать, что в идеологическом отношении это сыграло большую роль. Через пятьдесят лет (уже в следующем веке) женщина попадает на трон и в Риме.

Пребывание Ирины на престоле (и значит, отсутствие императора мужчины) дало Карлу Великому юридическую зацепку для объявления себя императором, поскольку по тогдашним представлениям на земле мог существовать только один император (как на небе один бог).

Девятый век

Фактическую же возможность стать в первый год IX века императором «римлян» дало Карлу церковное отделение Рима от Византии. Тем самым на Западе возникает (по-видимому, впервые) своя собственная «Римская империя». В целях создания идеологической основы новой империи резко усиливается и, по мере сил, унифицируется зародившийся еще ранее поток легенд о бывшем в прошлом «императорском величии» Рима с подчеркиванием якобы ведущей первоначально роли Запада. Легенд об его «республиканском» прошлом еще нет; они не требуются.

К середине IX века наступает определенное религиозное равновесие. В Ромейской империи побеждает евангелическое, моногамное христианство, что обеспечивает ей «период несравненного величия» ([54], стр.71). Рим пока остается верен прежней, полигамной вере, лишь несколько подправленной

паулизмом. Староверие в форме агарянства сохраняется и в халифате. По-видимому, к этому времени агарянство также принимает «принцип всемирности». Его отличие от римской веры лежит, главным образом, в политической плоскости. Следующее крупное разветвление христианства составляют староверы, не принявшие принципа всемирности. Они сосредоточены, в основном, в Италии (северной и, возможно, южной) и в Испании, не образуя отдельной государственности.

Представители всех этих течений, хотя и ощущая свою обособленность, все же полагают себя единоверцами, почитающими одного и того же Бога. Их окончательное обособление в четыре отдельные церкви (две из которых даже потеряли звание «христианских») является делом будущего.

Десятый век

По оценке Дилиа это был период, когда Византия приобрела «ни с чем не сравнимый блеск» ([30], стр.74). На юге ее граница была отодвинута до Евфрата и Тигра, а на востоке она включала в себя Армению и Иверию. Большую роль в империи стали играть армяне; они давали ей солдат, полководцев, администраторов и даже императоров. Наряду со славянским армянский компонент стал одним из важнейших в становлении этнической общности ромеев. В это время впервые для обозначения подданного империи появляется термин «эллин» — «божий человек». Официальным языком империи окончательно делается греческий язык. Зарождается (в школе Константина Порфирородного) светская греческая литература.

Сложившееся в Ромейской империи евангелическое христианство распространяется в этом веке на Русь. Оно постепенно проникает и в остающийся пока староверческим Рим.

Оттон I основывает «Священную Римскую империю германской нации», а Оттон II неудачно пытается сделать ее столицей Рим. Несмотря на неудачу это дает новый мощный толчок легендам о «классическом Риме».

Одиннадцатый век

Этот век по своему значению вполне сравним с седьмым и четвертым веками. В Риме происходит «клонийская реформа», то есть, на самом деле, революционное внедрение евангельского вероучения, сопровождаемое такими решительными новшествами как моногамия мирян и celibат священнослужителей.

Ромейская империя терпит в 1071 г. сокрушительное военное поражение от турок-сельджуков, которые организуют на территории Малой Азии «Румский султанат», т.е., по их представлениям,

очищенную от «евангельской скверны» прежнюю, кумироборческую «Римскую империю». Возвращение к староверию сопровождалось, естественно, и возвращением к прежнему церковному языку, но уже в его «арабском» варианте.

В этом веке происходит окончательное обособление церквей; из прежде единого протохристианского вероучения возникают четыре враждебные друг другу религии. Наиболее «староверческие» учения, не воспринявшие принципов паулинизма, дают начало иудаизму, а бывшие агарянские секты, воспринявшие почитание Магомета, исламу. Почитатели же Христа разбиваются на римско-католическую и греко-православную церкви (и ряд более мелких автокефальных церквей).

Можно думать, что первоначальными географическими центрами кристаллизации иудаизма, как вероучения противопоставленного евангелическому христианству, была Ломбардия и Южная Испания.

Этноним «еврей» — ЭБРИ означает «переселенец» (см. [1], стр.367). Быть может это восходит к переселению богоборцев из окрестностей Везувия в Ломбардию, а быть может относится к появлению евреев в Нидерландах и в Восточной Европе (Польше и Литве). Во всяком случае, он явно имеет очень позднее происхождение, поскольку в Библии практически не употребляется (см. [1], стр.364—368)

Случилось так, что приверженцы иудаизма в сложившейся в Средние века жесткой цеховой системе занялись обменно-торговой и кредитно-финансовой деятельностью (ростовщичество, меняльное дело, трансфертные операции). Это и были пресловутые «ломбардские банкиры». Такого рода специализация евреев способствовала их отчуждению от остальной массы населения и привела к возникновению антисемитизма. (По этому вопросу см., напр., [151]).

Так же как и в случае с магометанством, инициатором религиозно-идеологического обособления и отчуждения иудаизма были, по-видимому, христианские церковные круги, но идеологи иудаизма не только не стали с этим бороться, но, напротив, реагировали на растущее враждебное отношение самоизоляции доктриной «богоизбранности» еврейства. Результатом было создание гетто.

Что касается Палестины, то до самого последнего времени евреев там не было. Стандартное объяснение, что они там жили, но были поголовно изгнаны римлянами, не только противоречит всему, что выше было нами установлено, но легко опровергается и само по себе. Действительно, любовь человека к своей родине такова, что будучи изгнанным, он всю жизнь стремится вернуться и завещает это своим детям. Как показывают многочисленные примеры нового и более старого (но достоверного) времени, какие бы препятствия и рога

на пути возвращений не ставились, определенная (пусть малая) часть изгнанного населения рано или поздно всегда возвращается. Поэтому, если бы евреи на самом деле жили когда-то в Палестине, то хотя бы некоторая их часть должна была там остаться. Тем не менее, даже по данным Еврейской энциклопедии на земле Палестины евреев не было около тысячи лет и впервые они появились там только в XII веке и то лишь как отдельные торговцы в городах.

Это обстоятельство давно обращало на себя внимание историков, но замороженные мифом о многотысячелетней истории еврейского народа, они могли лишь недоуменно разводиться руками или ссылаться на процессы ассимиляции, которые почему-то повлекли к исчезновению евреев только в Палестине.

Заключение

В этом кратком обзоре мы особое внимание уделили эволюции религиозных представлений потому, что, во-первых, в те времена история религии самым непосредственным образом переплеталась с историей общества и государства, и, во-вторых, нигде не было приложено столько фальсифицирующих усилий как в этом вопросе. Идея об эволюционном, постепенном складывании христианской религии, продолжавшемся более 600 лет, была абсолютно неприемлема для клерикалов, и они сделали все, что могли, для ее сокрытия. Им пришлось заполнить тысячелетний разрыв псевдоисторическими, оторванными от жизни спорами «о природе Христа». Удивительно, однако, что и многочисленные светские, антиклерикальные исследователи не обратили внимания на то, что с общих позиций эволюционной теории абсолютно невозможно традиционное представление о практически мгновенном появлении христианства в первом веке н.э. с практически полностью разработанными догматической и идеологической системами.

Мы, конечно, лишь наметили, следуя Морозову, основные этапы развития христианской идеологии. Более углубленное исследование, требующее критического переосмысливания всей груды церковно-апологетической литературы выходит за рамки этой книги.

Мы также оставили почти полностью в стороне соображения Морозова, касающиеся развития культуры, вообще, и театрального искусства, в частности. Читатель, интересующийся этими вопросами, должен обратиться к самому Морозову.

ЛИТЕРАТУРА

цитируемая в третьем томе

(Номера относятся к общему списку для всех томов)

1. Морозов Н.А. Христос. Т.1. — М.— Л.:ГИЗ, 1924.
2. Морозов Н.А. Христос. Т. 2. — М.— Л.:ГИЗ, 1926.
3. Морозов Н.А. Христос. Т.3. — М.— Л.:ГИЗ, 1927.
4. Морозов Н.А. Христос. Т.4. — М.— Л.:ГИЗ, 1928.
5. Морозов Н.А. Христос. Т.5. — М.— Л.:ГИЗ, 1929.
6. Морозов Н.А. Христос. Т.6. — М.— Л.:ГИЗ, 1930.
7. Морозов Н.А. Христос. Т.7. — М.— Л.:ГИЗ, 1932.
11. Тайны древних письмен.— М.: Прогресс, 1976.
12. Бикерман Э. Хронология древнего мира.— М.:Наука, 1975.
18. Григоровиус Ф. История города Афин в Средние века.— Спб.: 1990.
23. Нейгебауер О. Точные науки в древности.— М.: Наука, 1968.
30. Диль III. История Византийской империи.— М.: ИЛ, 1948.
32. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т.1-2.— М.: ОГИЗ, 1936.
39. Удальцов А.Д. и др. (ред) История средних веков.— М.: ОГИЗ, 1941.
44. Геродот. История.— М.: Наука, 1975.
51. Сердерленд И.Т. Священные книги в свете науки.— Гомель., 1925.
58. Морозов Н.А. Пророки.— М.: 1914.
65. Сулейменов О. Аз и Я.— Алма-Ата: Жазуши, 1975.
85. Шантени де ля Соссей Д. Иллюстрированная история религии, Т.1-2.— М.: 1899.
87. Боркош Ю. Фома Аквинский.— М.:Мысль, 1975.
92. Дирингер Д. Алфавит.— М.: ИЛ, 1963.
102. Перельман Я.И. Занимательная арифметика, изд.9-ое.— М.: Физматгиз, 1959.
107. Мец А. Мусульманский Ренессанс.— М.:Наука, 1966.
114. Немоевский А. Бог Иисус.— Петербург: Госиздат, 1920.
115. Лауэр Х.Ф. Загадки египетских пирамид.— М.:Наука, 1966.
118. Кацнельсон И.С. Тутанхамон и сокровища его гробницы.— М.: Наука, 1976.
119. Перепелкин Ю.Я. Тайна золотого гроба.— М.: Наука, 1968.
123. Лоукотка Ч. Развитие письма.— М.: ИЛ, 1950.
124. Селешников С.Т.И. История календаря и хронология.— М.: Наука, 1970.
125. Старцев П.А. Очерки истории астрономии в Китае.— М.:Физматгиз, 1961.
126. Боги, брахманы, люди.— М.: Наука, 1969.
127. Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос.— М.:Наука, 1974.
128. История Древнего мира.Т.1. Древний Восток.— М.: Соцэкгиз, 1937.
129. Токарев С.Т.А. Религия в истории народов мира.— М.:Политиздат, 1965.
130. Кочетов А.Н. Ламаизм.— М.:Наука, 1973.
131. Неру Д. Открытие Индии.— М.: ИЛ, 1955.
132. Зеймаль Е.В. Кушанская хронология.— М.: Наука, 1968.
133. Замаровский В. Тайны хеттов.— М.: Наука, 1968.
134. Чикобава А.С. Введение в языкознание. Ч.1.— М.:Учпедгиз, 1952.
135. Ярхо В.Н. и Лобода В.И. (ред.) Учебник латинского языка.— М.: Просвещение, 1969.
136. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание.— М.:Ин.яз., 1952.
137. Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии.— М.: Наука, 1976.
138. Мавлотов Р.Р. Ислам.— М.: Политиздат, М, 1969.
139. Уотт М. Влияние ислама на средневековую Европу.— М.: Наука, 1976.
140. Розенфельд Б.А. и др. Абу-Райхман ал-Бируни.— М.: Наука, 1973.
141. Розенфельд Б.А. Юшкевич А.П. Омар Хайям.— М.: Наука, 1965.
142. Коран.— М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963.
144. Омар Хайям. Руб-ай-ат.— М.: Наука, 1972.
145. Снегирев И.Л. Древний Восток.— Л.: Атлас по древней истории. Соцэкгиз, 1937.
146. Омар Хайям. Трактаты.— М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961.
147. Нарайан Р.К. Боги, демоны и другие.— М.: Наука, 1975.
148. Шейнман М.М. Давство.— М.: изд-во АН СССР, 1959.
149. Вагнер Р. Вибелунги.— М.: 1913.
150. Никольский Н.М. История русской церкви.— М.—Л.: 1931.
151. Кон И. Психология предрассудка // Новый Мир, 1966, №9, стр.187—205.
153. Бончковский И. Царство от мира сего.— М.: Молодая Гвардия, 1976.
161. Гуминский В. (сост.). Взгляд сквозь столетия.— М.: Молодая Гвардия, 1977.
163. Иванов В.В. Топоров В.Н. Санскрит.— М.: Изд-во восточной л-ры, 1960.

Восток и средневековье

Предисловие	5
Глава 13. ЕГИПЕТ	6
§ 1. Египетская хронология	7
Длительность истории Египта. — Невероятность длительности истории Египта. — Источники египетской хронологии. — Абидосская таблица. — Обсуждение.	
§ 2. Великие пирамиды Египта	22
Общая характеристика пирамид. — Происхождение пирамид. — Назначение пирамид. — Мнение Морозова. — Предшественники колоколен. — Библейские высоты. — Вавилонская башня. — Некрополи Египтом — Город Возлюбленного. — Заключение.	
§ 3. Династическая история Древнего Египта	39
Первая династия. — Вторая династия. — Третья и четвертая династии. — Псевдопервая (пятая) династия. — Псевдovторая династия. — Псевдотретья династия. — Псевдочетвертая династия. — Псевдопятая династия. — Псевдошестая династия. — От псевдоседьмой до псевдоодиннадцатой династии. — Псевдодевятнадцатая династия. — Псевдотринадцатая династия. — От псевдочетырнадцатой до псевдосемнадцатой династии. — Псевдовосемнадцатая династия. — Обсуждение. — Псевдодевятнадцатая династия. — Псевдодвадцатая династия. — От псевдодвадцать первой до псевдодвадцать пятой династии. — Псевдодвадцать шестая династия. — От псевдодвадцать седьмой до псевдотридцать первой династии. — Династия Птолемеев. — Заключение.	
§ 4. Механизм создания мифа	78
Египет и империя. — «Столицы» династий. — Фабрикация династий. — Подчистка имен. — Изобразительное искусство. — Заключение.	
§ 5. Астрономические даты	91
Введение. — Атрибские гороскопы. — Гороскоп Бругша. — Заключение.	
§ 6. Религия Египта	98
Общая характеристика древнеегипетской религии. — Христианство и египетская религия. — Греческие источники.	
§ 7. Египетская система письменности	105
Иероглифическое монументальное письмо — Иератическое и демотическое письмо.	
Итоги главы	111

Глава 14. СТРАНЫ ВОСТОКА	112
§ 1. Китай	113
Длительность истории Китая. — Китайские летописи. — Циклический счет лет. — Соединение пяти планет. — Астрономия в древнем Китае. — «Установления императора Яо». — Списки комет. — Апокрифичность древней истории Китая. — Заключение.	
§ 2. Индия	136
Апокрифичность древней истории Индии. — Индуизм. — Древнеиндийский эпос. — Буддизм. — Христианство в Индии. — Заключение.	
§ 3. Ближний Восток	151
Клинописные источники. — Обсуждение. — Хетты. — Обсуждение. — Другие «клинописные» государства.	
§ 4. Богослужбные языки Древнего мира	165
Сравнительное языковедение. — Санскрит. — Латынь. — Иврит. — Заключение.	
Итоги главы	179
Глава 15. ИСЛАМ И АРАБЫ	180
§ 1. Мусульманский ренессанс	181
Вводные замечания. — Абу-л-Вафа и вариация движения Луны. — Абу-л-Хуссейн ал-Суфи и его звездный каталог. — Абу-р-Райхан ал Бируни. — Омар Хайям. — Заключение.	
§ 2. Коран и его автор	192
Общая характеристика Корана. — Происхождение Корана. — Пророк Магомет. — Агаряне. — Анафема Магомету. — Реальный прообраз Магомета.	
§ 3. Арабы	209
Географические особенности Аравийского полуострова. — Исключительность арабской культуры. — Арабские язык. — Арабские завоевания. — Заключение. — Арабская культура позднего Средневековья.	
§ 4. Происхождение агарянства	216
Мекка и Медина. — Культ Каабы. — Альтернативная теория происхождения агарянства. — Кааба и Скиния завета. — Современный ислам.	
Итоги главы	227
Глава 16. ПОНТИФИКАЛЬНЫЙ РИМ	229
§ 1. Светские Великие понтифексы	230
Папы и понтифексы. — Гражданский статус понтифексов. — Допонтификальный период римского епископата. — Бенедикт I и устроение монастырей. — Григорий Великий и культ Мадонны. — Пантеон. — Зависимость Рима от Византии. — Визит Константина. —	

Постепенное усиление Рима. — Григорий II и установление независимости Рима. — Римская республика. — Сближение с франками. — Конец эпохи светских понтификсов.	
§ 2. Клерикальные Великие понтификсы	248
Строительство в Риме. — Коронация Карла Великого. — Образ Карла в легендах. — Продолжение строительства Рима. — Трупопоклонство и паломничество. — Понтифицина Джованна.	
§ 3. Коронованные Великие понтификсы	259
Николай I и «исидоровы декреталии». — Спор о «филиокве». — Дальнейшее ослабление императорской власти. — Анархия в Риме. — Принципат Альберика. — Основание Священной римской империи германской нации. — Рим — столица империи. — Восстановление независимости Рима. — Понтификс—многоженец.	
Глава 17 ПАПСКИЙ РИМ	277
§ 1. Церковная революция в Риме	278
Начало реформ. — Упорядочение избрания понтификсов. — Борьба вокруг реформы. — Григорий VII. — Борьба с императором. — Разрушение Рима.	
§ 2. Предпосылки установления celibата	290
Постановка вопроса. — Теория Морозова. — Документальные свидетельства.	
§ 3. Рим после Гильдебранда	301
Призыв к крестовому походу. — Культура Рима. — Империя и Рим. — Антипапа Анаклет II. — Евреи в Риме. — Римское право.	
§ 4. Римская республика	312
Установление республики. — Различные республики Рима. — Капитолий. — Республика и папы. — Начало римской археологии. — Средневековый Рим в сообщениях современников.	
§ 5. Рим и папство в канун Возрождения	325
Папа Иннокентий III. — Еретические движения. — Нищенствующие ордена. — Аристотелизм и томизм. — Рим при Григории IX. — Император Фридрих II. — Бранкалеоне. — Руины Рима. — Флагелланты. — Карл Анжуйский и конец Римской республики. — Бонифаций VIII. — Коллизей.	
Итоги глав 16 и 17	342
Глава 18 СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРЕЦИЯ	343
§ 1. Греция под властью Византии	344
Авхтонное население Греции. — Предыстория Греции. — Греция в период крестовых походов. — Миф об Афинах.	
§ 2. Франкская Греция	351
Возникновение франко-греческой феодальной мозаики. — Афинское герцогство. — Культура франкской Греции. — Классические постройки Греции.	

§ 3. Афины после франков	359
Битва при Кефиссе. — Афины при каталонцах. — Флорентинцы в Афинах. — Кириак из Анконы. — Афины в апперцепции европейцев.	
§ 4. Греция и турки	369
Необходимые замечания о Риме, греках и Ромейской империи. — Ход турецкого завоевания. — Эллины в Пелопоннесе. — Империя Палеологов. — Третья Ромейская империя. — Заключение.	
Итоги главы	381
Эпилог	382
Реконструкция истории Средиземноморья	
Первый век. — Второй век. — Третий век. — Четвертый век. — Пятый век. — Шестой век. — Седьмой век. — Восьмой век. — Девятый век. — Десятый век. — Одиннадцатый век. — Заключение.	
Литература	391

ВНИМАНИЮ ОПТОВИКОВ!

**По вопросам приобретения книг
Н.А.Морозова обращаться в фирму**

В Москве: ул.Новорогожская, д.10а

(метро "Пл.Ильича", "Римская")

Для писем: 109544, Москва, а/я 16

тел./факс : (095) 278-73-80

e-mail: kraft@podlipki.ru

www.podlipki.ru/~kraft/

В Санкт-Петербурге: тел./факс: (812) 141-23-37

В ассортименте издательства и книготорговой
фирмы Крафт+ книги по:

**истории
психологии
философии
педагогике**

а также:

*альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебная, детская, познавательная литература,
современная и классическая проза и поэзия.*

www.natahaus.ru

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.natahaus.ru

Михаил Михайлович Постников (родился 27 октября 1927 г.)

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854—1946) опубликовал в 1924—1932 гг. многотомное исследование «Христос», в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по существу, без всякого анализа, и понятно почему.

Автор познакомился с трудом Морозова году в 1965-м, но его попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончалось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал А. Н. Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав — науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого автор не мог добиться от специалистов-историков.

Пришлось М. М. Постникову самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно он пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

По результатам этого исследования выдающийся математик лауреат Ленинской премии профессор Михаил Михайлович Постников прочитал (группе математиков, включающей А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и др.) цикл лекций по древней истории, на основании которых в 1977 г. появилась рукопись данной книги.